

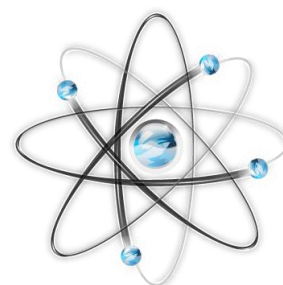
**Meždunarodnyj
naučno-issledovatel'skij
žurnal**

ISSN 2303-9868

www.research-journal.org

(с) Оформление типография «Литера»

(с) Авторы статей

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

№5 (5) 2012

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Полное или частичное воспроизведение или размножение, каким бы то ни было способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения авторов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – XIX ВЕКА В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX ВЕКА	5
ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА	6
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ В РОССИИ	7
ACTIVITY OF FOREIGN CHARITY FOUNDATIONS IN RUSSIA.....	8
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ В ОБРЯДАХ КОРОНАЦИИ МОНАРХА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX ВЕКОВ....	9
INSTITUTIONS OF RUSSIAN HISTORIANS IN EXILE IN PRAGUE IN 1920s	10
ТИПЫ И ВИДЫ САЛОНОВ В РОССИИ XVIII-XIX ВВ	11
РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОФЕССИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ.....	15
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ БОНДЮЖСКОГО ХИМИЧЕСКОГО ЗАВОДА ЕЛАБУЖСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	16
ЭПОХА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ	16
ПУТИ ЭВОЛЮЦИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX В.....	17
ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ М.М. СПЕРАНСКОГО: РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В 19 ВЕКЕ	19
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	20
ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	20
АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МАШИНОСТРОЕНИЮ.....	21
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ	22
АНАЛИЗ КООПЕРАЦИИ ФИРМ В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОДУКТОВ.....	24
ОБЗОР КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ СЕГМЕНТАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА.....	26
СЕГМЕНТАЦИЯ ТОВАРНЫХ РЫНКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	27
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ БАНКОВСКИХ ИННОВАЦИЙ	27
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИЛОВОГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВА.....	28
ПОСЛЕДНЯЯ ШЕСТЕРЕНКА В МЕХАНИЗМЕ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ	30
НДФЛ – ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С РАССЛОЕНИЕМ ОБЩЕСТВА	31
БРЕНД - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССИВНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	33
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ	37
МОДЕЛИРОВАНИЕ СТАГНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.....	38
САНАЦИЯ КАК РИСКОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОГО «ОЗДОРОВЛЕНИЯ» ПРЕДПРИЯТИЯ	42

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ОЦЕНКЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ И КОММУНАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА.....	43
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙСОВОГО МЕТОДА В УЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	46
РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	47
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.	48
РАЗВИТИЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В РОССИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ САМОДОСТАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	50
ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ ЗА РУБЕЖОМ.....	53
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ.....	54
ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА.....	55
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ	58
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	59
ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	59
Часть I. Формационная определенность России в XX-XXI вв.....	59
Часть II. Цивилизационная определенность России в XX-XXI вв.....	62
ОТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕАЛА.....	65
ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ: КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	66
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА	68
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	69
АНТИЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАСТА МИКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	69
ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ЧАСТИЦЫ И ИХ ДВОЙНИКИ.....	70
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ У.Д.УИТНИ.....	71
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ПЕРИОД СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА.....	72
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ	73
КОНЦЕПТ «ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	74
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ НАРРАТИВНОГО ТЕКСТА.....	76
СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ (СФЕ) АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА.....	83
ПОНЯТИЕ ГРЕХА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА «ПОВОРОТ ВИНТА»	86

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КОНЦЕПТА SHAME.....	89
ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.....	90
МЕХАНИЗМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	91
ЛИМЕРИК КАК ОСОБЫЙ ЖАНР СТИХОТВОРНОГО АБСУРДА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Э. ЛИРА)	93
THE PATTERNS OF INTERTEXTUALITY	95
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СТАРИЦЫ ВИРИНЕИ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ».....	96
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) В СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ...	98
RESEARCH METHODS OF LOCATIVE ELEMENT	99
О ВНУТРИСИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (МЕТОДИКА АНАЛИЗА).....	100
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	103
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ	105
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДЕТЕКТИВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-21 ВВ.....	105
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РОЛЬ В СТРУКТУРЕ КЛАССНОГО КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ	107
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА	108
ОРЕОЛ, НИМБ ИЛИ ХАРИЗМА?	110
ШИРОКИЕ ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ МРТ	114
ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КОБЫЛКА»).....	116
СХОДСТВО АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦ.	117
МНОГОЗНАЧНОСТЬ ОБРАЗА МЫШИ В ПОВЕСТИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ПОДПОЛЬЯ».....	118
МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАТО В РУССКО -, ФРАНКО - И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОН-ЛАЙН ПУБЛИЦИСТИКЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	121
СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА ПЕЧАЛЬ В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРОВ).....	123
МЕДИАМЕТАФОРА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА “S.N.U.F.F.”	125
К ВОПРОСУ О ТЕОЛИНГВИСТИКЕ: ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТ, МЕТОДЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ	127
REGARDING CONCEPTUAL DUALITY AND EVERYSEMY INHERENT IN THE Old ENGLISH WORD WULF.....	129
КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОНИ».....	131
ТЕМА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОВЕСТИ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.С. ШМЕЛЕВА.....	133
TO THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF NOTIONS IN MODERN COGNITIVE LINGUISTICS	134

к.и.н. Абдилдабекова А.М.

Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, Казахстан

ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – XIX ВЕКА В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX ВЕКА

Может ли историк быть беспристрастен в своих исследованиях? Этот вопрос был всегда актуальным как для современных историков, так и для предшествующих исследователей. Многие проблемы интересны для ученых с точки зрения сопоставления с его современным периодом. Проводя, какие либо параллели, нельзя прямо сравнивать прошлое и настоящее, необходимо учитывать историческую геополитическую ситуацию, как в регионе, так и в мировом контексте. Сегодня историография выдвигает на первый план многие проблемы, достаточно изученные, но в параметрах определенных заданных концепций. Одной из таких из них является проблема казахско-русских отношений, которая, в своем развитии прошла долгий и достаточно сложный путь. В статье мы хотим рассмотреть российскую историографию конца XX века, предметом изучения которой были вопросы взаимоотношений Казахстана и России в имперский период. В данный историографический период, в постсоветском пространстве нарастает интерес к объективной истории народов, ранее входивших в состав империи, нам необходимо определить - изменились ли концептуальные подходы.

Надо отметить, что современная проблематика исторической науки России, по нашему мнению, направлена в основном на изучение неактуальных в советское время вопросов российской истории. Проблемы взаимоотношения с казахским народом, рассматриваются под углом зрения, современных межнациональных отношений, или, в контексте проблемы “Россия и Восток”. Вхождение Казахстана в состав Российской империи в учебниках для вузов, трактуется по-прежнему концептуальному подходу добровольности, при этом не заостряется внимание на последствиях колониальной политики царизма. Так, в учебном пособии “Отечественная история” под редакцией Ш.М.Мунчаева, отмечается, что со второй четверти XVIII века усиливается влияние России на Казахстан, “до этого времени казахские земли являлись ареной междоусобных войн, они подвергались набегам со стороны более сильных соседей”/1/. В “Истории России” под редакцией М.Н.Зуева, активизацию военных действий царизма в Казахстане, связывают с соперничеством России и Англии за влияние в Средней Азии. Колониальная политика оценивается, “сглажено”: “В присоединенных среднеазиатских государствах русская администрация проводила политику с учетом местных традиций, не отнимая власть у местных владык и духовенства и в то же время, улучшая положение крестьянства”/2/. Вместе с этим наблюдается тенденция преподнести колониальные стремления России, как вынужденные шаги. Например, в одном из учебников проводится мысль, что “суть русского империализма, отличавшая его от империализма римского, британского, немецкого и т.п., заключалась в том, что Российская империя была великой жертвой и великим бременем народа, не приносивших ему никаких выгод, не дававших “коренной” нации никаких преимуществ перед завоеванными нациями” /3/.

Вызывает интерес коллективная монография “Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху”, где есть глава “Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI – начало XX века)”, которую подготовил известный ученый Т.И.Султанов. Мы считаем, в работе справедливо отмечается, что предложение Абулхайр-хана о принятии его в добровольное подданство не просто соответствовало политическим интересам России на Востоке, но “оно льстило славе Российской государства, ибо представляло, как казалось уникальную возможность присоединить к нему одним росчерком пера, без единого выстрела и кровопролития многочисленный народ и огромные степные просторы на юго-востоке страны” /4/. Автор, на наш взгляд, абсолютно правильно подчеркивает, что понятие добровольное “подданство” по разному понималось двумя сторонами, например, для казахов, это был военный и политический союз с Россией. Россия же вначале, использовала институт протектората, с элементами вассалитета, а затем в 1830 –1860 годы приступила к фактическому присоединению и колониальному подчинению: “С уничтожением в степи таких традиционных органов управления, как ханская власть, народное собрание (курултай), суд биев и т.п., и введением там колониальных органов управления была окончательно ликвидирована собственно казахская государственность: Казахские степи превратились в обычную окраинную провинцию Российской империи” /5/. Т.И.Султанов считает, что период российского подданства казахских жузов четко разделяется на два основных этапа: первый – период номинального подданства (1731 г.– 20-е гг.19 в.); второй – период фактического присоединения и колониального подчинения (30-60-гг. 19 в.). Как известно проблема номинальности, поднималась и в русской дореволюционной историографии, где исследователи ставили перед собой задачу реализовать номинальное в фактическое подданство, - иначе говоря, полностью подчинить казахов своей воле.

Мы считаем, что в монографии правильно отмечаются неизбежные последствия насильственного и неумелого вмешательства русского правительства в жизнь кочевников:

- трагическое разрушение устоявшегося общественного строя и порядка – в результате проведения жесткой колониальной политики;
- резкое ухудшение благосостояния казахского народа – в результате сокращения пастбищ и количества скота;
- заметное уменьшение численности коренного населения – в результате массового голода и тягот переходного периода.

С этими фактами нельзя не согласиться, но вместе с отрицательными последствиями присоединения Казахстана к Российской империи авторы выделяют и положительные стороны: вступление казахов в русский протекторат спасло их от массового порабощения отсталой Джунгарией и полного физического истребления; положило начало разложению в казахских степях родового быта и переходу от кочевой жизни к оседлости; приобщило их к передовой европейской культуре и науке. “Слияние интересов России и Казахстана отражает исторически позитивную, а экономически неизбежную геополитическую направленность” /6/, по мнению авторов российско-казахстанское объединение не историческая случайность, а историческая переориентация внешних связей. В исследовании совершенно верно подчеркивается, что в течение трех столетий (XVII-XIX вв.) взаимоотношения России и Казахстана претерпели серьезную эволюцию – от обычных соседских отношений и поисков военно-политических союзов до присоединения казахских земель к Российской империи, но казахи сохранили себя как нация. Авторы считают, что “есть все основания надеяться на то, что взаимоотношения обновленного Казахстана и обновленной России, двух ближайших соседних стран, будут основаны впредь только на принципах взаимного уважения государственного суверенитета и соблюдения прав свобод каждого отдельного человека” /7/.

В другой коллективной монографии “Национальная политика России: история и современность” также затрагивается проблема присоединения Казахстана к России. Авторы отмечают, что народы и государства не существуют вне исторического времени и географического пространства: “История народов и государств протекает не только под воздействием географической среды, она связана с их геополитическим положением, взаимоотношениями с соседствующими этносами и государствами...” /8/. Исследователи выделяют геополитический фактор – как фактор исторического процесса. Хотелось бы отметить, что данное направление, мы встречали и в дореволюционной историографии. В монографии отмечается, что расовые и этнические особенности народов не помешали вовлечению их разноукладных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. Заслуживает внимания тот факт, что показывается различный характер присоединения. Авторы подчеркивают благоприятную в то время для расширения русского влияния обстановку на Кавказе и Средней Азии, эти территории представляли собой феодальные владения с наличием в них кровавых междоусобиц. “В ряде случаев вопрос стоял о выживании целых народов из-за угрозы нападения более сильных соседей. В этих условиях многие правители и население не только не оказывали сопротивления русскому проникновению, но и сами стремились перейти в русское подданство” /9/. Далее исследователи заостряют

внимание на том, что сущность “имперства” России не похожа на колониальные империи Запада, среди доводов приводятся следующие аргументы: “Ни один народ российских окраин не исчез с лица земли под русским владычеством...В России же практически стирались различия между завоевателями и завоеванными” /10/, чего не наблюдалось ни в одной колониальной державе. С этим доводом мы абсолютно не согласны, потому что, во-первых, народы вошли в состав Российской империи разными путями. Во-вторых, физическое истребление целых народов не наблюдалось, но мы видим, как сейчас на современном этапе почти исчезла культура и язык северных малых народов России, исчезает и их традиционное хозяйство. Политика русификации в отношении казахского народа, начатая царской администрацией и продолженная после Октября 1917 года, едва не привела к потере родного языка, с последствиями которой мы сталкиваемся сегодня. В третьих, территория самого Российского государства была большая, а плотность населения низкая, поэтому, когда остро стал вопрос нехватки плодородной земли, российское правительство обратило внимание на свои колонии. Как известно, российская администрация, проводя переселенческую политику, изымала у казахов наиболее плодородные земли, вынуждая коренное население мигрировать и ломать традиционную структуру хозяйства. В данной монографии встречается еще одна тенденция, имевшая место в дореволюционных работах, что Россия, присоединив преимущественно экономически слабо развитые районы, не могла извлечь существенных хозяйственных выгод /11/. Обоснование этого дается на примере Средней Азии:

- регион не служил для России сырьевой базой, в том числе хлопковой, так как в метрополию в основном везли ткани, фрукты и предметы роскоши;
- регион не сразу стал рынком сбыта российских товаров из-за отсутствия удобных путей сообщения;
- первоначально царизм вынуждено сдерживал колонизацию из-за отсутствия достаточного количества орошаемых земель;
- финансовые и материальные затраты по освоению региона, легли тяжким бременем на экономику России.

Авторы ставят вопрос: “Что же толкало Россию в эти отдаленные районы? Мы уже видели, что отчасти это был стихийный процесс...Вместе с тем Россия получала некоторые выгоды геополитического, военно-стратегического характера” /12/, но доминирующими считаются политические причины.

Значимость геополитического фактора в истории Российской империи отмечается и в монографии И.Б.Орловой “Евразийская цивилизация”, где автором подчеркивается, что бескрайняя равнина принуждала русский народ к созданию огромного государства, охватывавшего целый мир. Придерживаясь идеи евразийства, И.Б.Орлова показывает, что “география Евразии, отсутствие природных границ на ее территории объективно предопределили единение двух различных культурных миров: оседлого и кочевого – часто конфликтующих, но вынужденных взаимодействовать, защищая регион от внешних врагов” /13/.

Среди современных российских исследователей следует выделить В.А.Моисеева, который изучает проблему взаимоотношений России и Джунгарского ханства в XVIII веке и естественно затрагивает блок вопросов по русско-казахским отношениям. Российский исследователь полагает, что “в трудах Н.Г.Аполловой, В.Я.Басина, Т.Ж.Шоинбаева, А.О.Сабырханова, И.В.Ерофеевой и др., ... высоко оценивалась роль России в защите казахского народа от ойратских вторжений. После распада СССР и провозглашения Казахстана независимым государством оценки политики России центральной Азии изменились на прямо противоположные” /14/.

Таким образом, в современной российской исторической науке, сосуществуют положения как дореволюционной, так и советских концепций проблемы вхождения Казахстана в состав Российской империи. Данный вопрос рассматривается учеными не как самостоятельная проблема, а в контексте исторического экскурса в прошлое для понимания настоящего (распад СССР, национальный конфликт, межнациональные отношения и т.д.).

Литература

1. Отечественная история: Учебник для вузов под. ред. проф. Ш.М.Мунчаева.- Москва,1999. -С.137.
2. История России: Учебник для Вузов.- Москва, 2000.- С.447.
- 3.Черкасов П.П. Чернышевский Д.В. История имперской России от Петра Великого до Николая II: Москва, 1994. -С.445
- 4.Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. - СПб., 1996. -С.17.
- 5.Россия, Запад и мусульманский Восток... -С.24.
- 6.Россия, Запад и мусульманский Восток... -С.25.
- 7.Россия, Запад и мусульманский Восток ...-С.26.
- 8.Национальная политика России: История и современность. – Москва, 1997. –С.10.
- 9.Национальная политика России ... -С.47.
- 10.Национальная политика России ... –С.176.
- 11.Национальная политика России ... –С.179.
- 12.Национальная политика России ... –С.179.
- 13.Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М., 1998.- С.280.
- 14.Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в 18 веке. - Барнаул, 1998.-С.6.

БАРИЕВА Х.Р.

Студентка VI курса, факультета истории и юриспруденции,

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет.

Филиал в г. Елабуга.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА

Аннотация

В статье рассмотрено - устройство Вятского Епархиального училища, задачи которые ставило перед собой учебное заведение.

Ключевые слова: духовное образование, епархиальное училище, Вятская губерния.

Keywords: religious education, diocesan school, Vyatka Province.

Во второй половине XIX века епархиальные училища стали неотъемлемой частью культурного ландшафта русской провинции. Эти учебные заведения воспитательного характера создавались для образования детей православного духовенства.

Вятское епархиальное женское училище было создано в 1863 года. Задачи, поставленные вновь учрежденным учебным заведением, сформулировал в своей статье, член Котельнического училищного совета, председатель земской управы Иван Кошуриков: « будущая роль учениц заключается в том, что бы быть женами и матерями в семействах православного духовенства, быть помощницами своих мужей в их трудном деле руководителей нравственной жизни русского народа, его религиозно – нравственного воспитания и просвещения, а также и на практическую подготовку к делу учительства и воспитания» [1,с.3].

В епархиальные училища, кроме дочерей духовенства могли приниматься для обучения девушки и из других сословий, однако при условии взноса определенной оплаты, сумма которой определялась местным духовенством[2].

Епархиальные женские училища могли открываться с разрешения Святейшего Синода, по ходатайству епархиального Архиепископа, везде, где пожелает и изыщет к содержанию их средства духовенство епархии. Здание Вятское Епархиальное училища было построено в 1860 году на углу Николаевской (Ленина) и Кукарской (Красноармейской). Учебное здание было хорошо спланировано и приспособлено для обучения девочек. На первом этаже располагались жилые комнаты и хозяйственные службы, а на 2 этаже классные комнаты. Это было самое большое учебное заведение в городе. При училище была возведена домовая Алексеева – Введенская церковь с куполом[3].

Епархиальные женские училища состояли в ведении Святейшего Синода под управлением епархиальных архиереев и вверялись ближайшему попечению местного духовенства. При епархиальном женском училище функционировал Совет для дел по учебной, нравственной и хозяйственной части. В состав педагогического коллектива училища входили: начальница, воспитательницы, инспектор классов, преподаватели, почетный блюститель по хозяйственной части, эконом и врач. Система епархиального женского училища включала в себя шесть классов с годичным курсом в каждом. Но, в случае недостатка средств, к содержанию шести классов, допускалось создание в училище трех классов с двухгодичным курсом в каждом[4].

Главным начальником Епархиального женского училища являлся Епархиальный Преосвященный, им утверждались в должности все служащие при училище лица, а именно воспитательницы, инспектор классов, преподаватели, почетный блюститель по хозяйственной части, эконом и врач. Он окончательно рассматривал и утверждал дела по училищному управлению. Также в его обязанности входила забота о состоянии училища, как лично, так и через училищное начальство и давать совету училища предписания[5]. Епархиальный архиерей по окончании учебного года представлял Святейшему Синоду отчет о состоянии училища в учебно – воспитательном отношении[6].

Епархиальный Архиерей увольнял в отпуск начальствующих лиц и членов совета училища. Им же разрешается отпуск учителей, по представлению совета, воспитательниц, по представлению начальницы училища, на срок не более 14 дней. Епархиальный Архиерей в пределах собственной власти ходатайствует о награждении должностных лиц училища.

Важную роль в организации деятельности училища играл Совет епархиального женского училища. В него входили приглашенные в заседание училищного совета с правом голоса преподаватели, за исключением учителей чистописания и пения. Делопроизводством в совете заведовал один из наставников училища или кто – либо из лиц духовного или светского звания, по избранию совета, утвержденному епархиальным Архиереем. Также в обязанности Совета входило предоставление годовых отчетов по учебно – нравственной и экономической частям, эти отчеты публиковались в Вятских Епархиальных ведомостях и в Вятских Губернских ведомостях.[7]

Устав училища закреплял обязательное соблюдение христианских добродетелей. Воспитанницы были обязаны слушать молитвы утром и вечером, посещать церковь, петь в церковном хоре. Обязательным учебным предметом был Закон Божий (история Ветхого и Нового Завета, Пространный Катехизис, объяснение Богослужения, церковная история: всеобщая и русская). Кроме этого воспитанницы изучали: русский язык и русская словесность и практическое ознакомление с основами славянского языка, арифметика и общие основания геометрии, география всеобщая и русская, гражданская история всеобщая и русская, общие необходимые сведения из физики, педагогика, чистописание, церковное пение и необязательные, такие как новейшие языки, музыка, рисование[8]. Преподавание всех предметов учебной программы училища совершалось по новым, улучшенным педагогическим приемам[9]. А также ученицы обучали в неклассное время кройке, шитью, вязанью и домашнему рукоделию, проводили экскурсии.

В каждом классе училища должны быть не более 45 учениц. При большем числе должно было открываться параллельное отделение класса. Обучение продолжалось в течении целого года, кроме воскресных праздничных и табельных дней, а также местных праздников, каникул – зимних, с 23 декабря по 7 января, и летних, продолжающихся полтора месяца. Также ученицы проходили педагогическую практику в стенах Училища, - в образцовой школе, духовные девушки служат от 3 – 5 лет помощницами под руководством опытных учительниц[1,с.4] По окончании учебного года перед летними каникулами училищный совет проводил экзамены. Время, порядок и способ проведения экзаменов определялся училищным советом и утверждался архиереем. Для обозначения успехов и поведения воспитанниц употребляются следующие баллы: 5 – отлично, 4 – очень хорошо, 3 – хорошо, 2 – посредственно, 1 – слабо. Оказавшие достаточные успехи ученицы переводились в следующие классы, неуспевающие оставались в том же классе, а непослушные и нерадивые ученицы по усмотрению совета отчислялись из училища. Окончившие полный курс обучения воспитанницы получают аттестаты, а отчисленные из училища до окончания курса получали свидетельство с подписью членов совета и печатью училища. Окончивших курс приглашали к должностям учительниц в земских школах Вятской губернии, а также должности в начальных народных училищах[10], также ученицы становятся наставницами в разных местностях епархии, в школах женских и смешанных.

Таким образом, задачи, которые ставило перед собой учебное заведение, были выполнены в полной мере, так как воспитанницы Вятского Епархиального училища, получали не только основы религиозного образования, но и приобретали знания, умения и навыки, позволяющие им заниматься преподавательской деятельностью.

Литература

1. Кошурников И./ Заметка на отзывы печати о воспитанницах Вятского Епархиального Женского училища на поприще учительства их в земских школах//Вятские Губернские Ведомости. 1894.- № 48.- С. 3- 4.
2. Отчет о состоянии вятского епархиального училища девиц духовного звания за 1865/66 и 1866/1867 учебные годы // Вятские Губернские Ведомости. 1867.- № 46- С.3 – 7.
3. Виноградов О. /Вятское Епархиальное училище.// Вятский край - 1991 № 128 (3 июня) - с.5
4. Устав Епархиальных женских училищ (Высочайше утвержденный 20 сентября 1868 года и дополненный Высочайшими повелениями и постановлениями Святейшего Синода)//Вятка, 1899. – 50с.
5. Пожертвование Преосвященного Макария Епископа Вятского и Слободского // Вятские Губернские Ведомости. - 1886.- № 54.- С.4
6. Состоялся годичный акт//Вятские Губернские Ведомости. – 1892.-№ 47.-С.3
7. Записка о выпуске воспитанниц и общем состоянии учебно - воспитательной части Вятского Епархиального женского училища за 18 77/78 учебный год//Вятские Губернские Ведомости.-1878.- №56- С.3
8. Беглые заметки // Вятские губернские ведомости.- 1865.- №17- С.9
9. Дополнительные сведения о Вятском Епархиальном женском училище («по Вятским Епархиальным Ведомостям»)// Журнал министерства народного просвещения. - 1870. - с.165
10. Вятское епархиальное женское училище (по Вятским Епархиальным Ведомостям) – Журнал Министерства народного просвещения - часть 150. – С. 184 – 185.

А.Б.Гуренко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ В РОССИИ

Статья подготовлена в рамках исследования проблемы деятельности иностранных благотворительных фондов в России и представляет значительный теоретический и практический интерес.

Рассматриваются основные направления благотворительности иностранных фондов как посредников при оказании помощи нуждающимся группам населения. В заключении делается вывод о необходимости государственной поддержки осуществления благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность; принципы работы; фонды; Россия.

Исследование проблемы деятельности иностранных благотворительных фондов России представляет значительный теоретический и практический интерес. Этот интерес связан с тем, что за много лет работы в России этими фондами сделано было очень много.

Актуальность темы исследования, проблема формирования и функционирования структур гражданского общества в последние годы все больше привлекает внимание отечественных исследователей. Эта многогранная проблема может быть исследована сквозь призму

конкретных институциональных форм. Такой подход является первым этапом в познании нового общественного явления в России, которое возникло в конце XX в.

Фонд Макаруров был основан в 1978 году. Международные представительства в Индии, Мексике, Нигерии, России. Фонд Макаруров — частная независимая благотворительная организация со штаб-квартирой в Чикаго (США) и филиалами в четырех странах мира. В России Фонд поддерживает развитие эффективных механизмов защиты прав человека и участие России в многосторонних усилиях по решению глобальных проблем. Своей целью Фонд видит поддержку творческих личностей и эффективных коллективов людей, содействующих построению более справедливого, экологически чистого и безопасного мира. Помимо программы почетных стипендиатов Фонда, реализуемой в США, Фонд поддерживает проекты в сфере защиты прав человека, глобальной безопасности и охране окружающей среды. Фонд также помогает улучшать жизненную среду людей в условиях крупных городов и содействует изучению социальных последствий технологических инноваций.

Фонд Макаруров является одним из крупнейших независимых благотворительных учреждений США. Фонд стремится помогать углублению научного знания и развитию творческого потенциала человека, укреплять социальные институты и содействовать просветительской деятельности.

Фонд впервые начал проведение специальной грантовой программы для России в 1991 г., а в 1992 г. открыл в Москве постоянное представительство (с 2008 г. — Филиал корпорации «Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макаруров (США)» в Российской Федерации). Грантовая деятельность Фонда в России до последнего времени была направлена на поддержку университетов и других учреждений, занимающихся научно-исследовательской и учебной работой, на повышение квалификации и возможностей ученых-практиков, развитие их связей с российскими и зарубежными коллегами, а также на поддержку эффективных механизмов защиты прав человека. В настоящее время Фонд предоставляет в Российской Федерации гранты двух видов: для поддержки университетов и научной инфраструктуры и гранты в области прав человека.

В 2011 году Фонд Макаруров проводит комплексный анализ результатов своей деятельности в России по всем направлениям за почти два десятилетия своей работы в РФ. По результатам этого исследования Советом директоров, президентом и другими должностными лицами Фонда будут сформулированы приоритеты дальнейшей деятельности Фонда Макаруров в России. Эти приоритеты будут соответствовать изменившимся потребностям потенциальных грантополучателей Фонда в России и могут отличаться от прежних направлений работы Фонда. Вместе с тем, Фонд Макаруров остается привержен поддержке творческих личностей и коллективов, а также содействию в решении важных социальных и экономических проблем государств, в которых Фонд осуществляет благотворительную деятельность.

Совет директоров принял решение о продолжении работы Фонда в России. 13-14 сентября 2011 года в Чикаго состоялось заседание Совета директоров Фонда Макаруров. Совет директоров принял решение продолжить работу Фонда в России, руководствуясь глобальными приоритетами его Международной программы.

В итоге проделанной работы можно сказать, что цель узнать о деятельности иностранных благотворительных фондов России была достигнута. Можно сказать, что все они имели и имеют плюсы и минусы.

Но самое главное то, что и на сегодняшний день благотворительность этих фондов приносит свои плоды. Многие фонды помогли бедным и нуждающимся, университеты выпустили не одно поколение высококлассных специалистов, а библиотеки содействовали самообразованию и просвещению.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. - М.: Тандем 2003.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. - М.: Норма 2006.
3. Закон РФ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях №135-ФЗ от 11.08.1995 // Российская газета.1995.
4. Комментарий к ФЗ Об общественных объединениях. - М.: 2002.
5. Благотворительность в России. - СПб.: 2003.
6. Георгий Ильичев Что мешает благотворительности в России 2004.
7. История Российского меценатства. Под Ред. Памбухчинца О. В. М.: 2000.
8. История социальной работы. Под ред. Артемьева О. П. М.: 2002.
9. Официальный сайт: <http://www.macfound.org/russkij/>
10. Официальный сайт: www.hro.org/ngo/research/.
11. Официальный сайт: <http://www.macfound.org/about/>
12. Источник: ПОЛИТ.РУ, <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>

A.B.Gurenko

ACTIVITY OF FOREIGN CHARITY FOUNDATIONS IN RUSSIA

Article is prepared within research of a problem of activity of foreign charity foundations in Russia and represents considerable theoretical and practical interest.

The main directions of charity of foreign funds as intermediaries are considered at assistance to needing groups of the population. In the conclusion the conclusion about need of the state support of implementation of charity is drawn.

Keywords: charity; work principles; funds; Russia.

Research of a problem of activity of foreign charity foundations of Russia represents considerable theoretical and practical interest. This interest is connected with that for many years of work in Russia was made by these funds much.

The urgency of a subject of research, problem of formation and functioning of structures of civil society draws in recent years attention of domestic researchers more and more. This many-sided problem can be investigated through a prism of concrete institutional forms. Such approach is the first stage in knowledge of the new public phenomenon of Russia which arose at the end of the XX century.

The fund Makarturov was based in 1978. The international representations in India, Mexico, Nigeria, Russia. Fund Makarturov — the private independent charitable organization with headquarters in Chicago (USA) and branches in four countries of the world. In Russia the Fund keeps development of effective mechanisms of protection of human rights and participation of Russia in multilateral efforts on the solution of global problems. The purpose Fund sees support of creative persons and effective groups of the people promoting creation of more fair, non-polluting and safe world. Besides the program of honourable scholars of the Fund, realized to the USA, Fund supports projects in the sphere of protection of human rights, global safety and environmental protection. The fund also helps to improve the vital circle of people in the conditions of the large cities and promotes studying of social consequences of technological innovations.

The fund Makarturov is one of the largest independent charitable establishments of the USA. The fund aspires to help deepening of scientific knowledge and development of creative potential of the person, to strengthen social institutes and to promote educational activity.

The fund began for the first time carrying out the special grantovy program for Russia in 1991, and in 1992 opened in Moscow permanent mission (since 2008 — corporation Branch «John D. and Catharine T. Makarturov's (USA) Fund» in the Russian Federation). Grantovy activity of Fund in Russia till the last time was directed on support of universities and other establishments which are engaged in research and study, on professional development and possibilities of experts scientists, development of their communications with the Russian and foreign colleagues, and

also on support of effective mechanisms of protection of human rights. Now the Fund provides grants of two types in the Russian Federation: for support of universities and scientific infrastructure and grants in the field of human rights.

In 2011 Fund Makarturov carries out the complex analysis of results of the activity in Russia in all directions in nearly two decades of the work to the Russian Federation. By results of this research by Board of directors, the president and other officials of Fund priorities of further activity Fonda Makarturov in Russia will be formulated. These priorities will correspond to changed needs of potential grantees of Fund for Russia and can differ from the former directions of work of Fund. At the same time, the Fund Makarturov remains is attached to support of creative persons and collectives, and also assistance in the solution of important social and economic problems of the states in which the Fund carries out charity.

The board of directors made the decision on Fund further work in Russia. On September 13-14, 2011 in Chicago meeting of Board of directors Fonda Makarturov took place. The board of directors made the decision to continue Fund work in Russia, being guided by global priorities of its International program.

As a result of the done work it is possible to tell that the purpose to learn about activity of foreign charity foundations of Russia was reached. It is possible to tell that all of them had and have pluses and minuses.

But the most important that, as today charity of these funds bears fruit. Many funds helped poor and needing, universities let out not one generation of high quality experts, and libraries promoted self-education and education.

References

1. Constitution of the Russian Federation. - M: Tandem 2003.
2. Civil code of the Russian Federation. - M: Norm 2006.
3. Law Russian Federation On charity and charitable organizations No. 135-FZ from 11.08.1995//Russian газета.1995.
4. The comment to Federal Law About public associations. - M: 2002.
5. Charity in Russia. - SPb.: 2003.
6. George Ilyichev Chto stirs charities in Russia 2004.
7. History of the Russian patronage. Under the editorship of Pambukhchiyants O. V. M.: 2000.
8. History of social work. Under the editorship of Artemyev O. P. M.: 2002.
9. Official site: <http://www.macfound.org/russkij/>
10. Official site: www.hro.org/ngo/research/.
11. Official site: <http://www.macfound.org/about/>
12. Source: ПОЛИТ.ПУ, <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>

Зарипова А.И.

Студентка IV курса, факультета история и юриспруденция, Казанский федеральный университет. Филиал в г. Елабуга.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ В ОБРЯДАХ КОРОНАЦИИ МОНАРХА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX ВЕКОВ

Проведено исследование политического символизма в коронациях и торжествах в Российской империи XVIII-XIX веках, прослеживающий развитие государственных регалий и укрепление патриотизма среди населения.

Ключевые слова: Российская империя, обряд коронации, политический символизм, государственные регалии.

Key words: Russian Empire, coronation rite, political symbolism, state regalia.

Коронация или коронование — торжественное, соединенное с церковными обрядами принятие монархом символов принадлежащей ему власти; в древней Руси носило название венчания на царство, в своей вполне законченной форме появилось в России со времени принятия государями императорского титула.

Коронация носит название священного, так как соединяется с святым миропомазанием, обрядом, ведущим свое происхождение от древнееврейского помазания царей на царство. Согласно учению православных богословов, миропомазание, соединяемое с коронация, являет из себя особое таинство: царь не посвящается в духовную иерархию, как это бывало с императорами византийскими, и не принимает на себя власти священнодействия и учительства, но получает силу и премудрость для осуществления высшей правительственной власти как в государстве, так и в церкви. Петр Великий указом 16 мая 1721 г. приказал считать день коронации праздничным, наравне с царскими днями рождения и тезоименитства[1]. 7 мая 1724 г. он же показал первый пример императорской коронации, возложив корону на императрицу Екатерину Алексеевну. За два дня о коронации объявляли особые герольды; по поводу торжества учреждена была рота кавалергардов. В Успенском соборе воздвигнут был трон; на особом столе находились императорские регалии. Помосты с перилами, покрытые красным сукном, вели от Успенского собора к Красному крыльцу и к Архангельскому собору. Церемонии при этой коронации, с тех пор в общем удержавшиеся, были следующие: в 8 часов утра торжественный благовест в Успенском соборе, молебен и часы; по пушечному сигналу приход приглашенных в Кремлевский дворец; в начале 10 часа выход государя и его супруги в Успенский собор, где они заняли кресла на троне. Император, держа в руке скипетр, возложил на императрицу сначала мантию, потом корону, при лении многолетия, залпах и колокольном звоне. По выслушивании литургии, императрица у царских врат опустила на колени и архиепископ Феодосий помазал ее на челе, на персях и на обеих руках св. миром, а архиепископ Феодан помазанные места отирал хлопчатой бумагой; за помазанием немедленно следовало причащение. По выходе из Успенского собора императрица поклонилась святым мощам и могилам государей, почивающих в Архангельском соборе, и государынь, почивающих в Вознесенском женском монастыре [2]. В память коронации впервые выбита была медаль с портретами Петра и Екатерины и изображением: монарх возлагает корону на голову своей супруги. Особых милостей народу не было; лишь раньше, 28 апреля 1724 г., дан был именной указ об отсрочке на 3 года взъясания недоимок "для будущей коронации ведущей государственной императрицы Екатерины Алексеевны". После Екатерины коронован был, по желанию верховного тайного совета, Петр II (хотя и не совершеннолетний), о чем извещено было манифестом от его имени 10 октября 1727 г. Коронация состоялась 25 февраля 1728 г. по тому же, с незначительными изменениями, церемониалу, по которому короновалась Екатерина I.

Со временем, коронация начали проходить совместно императора и императрицы, первым это совершил император Павел I. Он же первый из государей до торжественного въезда в Москву остановился в Петровском дворце, построенном Екатериной II. При коронации, император Павел возложил на себя далматик, а потом уже порфиру. По совершении коронации император сел на престоле и, положив регалии на подушки, позвал к себе императрицу, которая стала перед ним на колени; сняв с себя корону, он прикоснулся ею к голове императрицы и корону опять возложил на себя; потом подана была меньшая корона, которую император и возложил на голову императрицы [3]. По совершении коронации император прочел во всеулышание формальный акт о престолонаследии.

Коронация Александра I произошла 15 сентября 1801 г.; к ней были вызваны депутаты от дворянства и купечества от всех губерний, кроме сибирских. 19 сентября, на Сокольниковом поле, был устроен народный праздник. В манифесте, извещавшем о короновании, давались милости народу: освобождение от рекрутского набора на год, скидка 25 копеек с души в подушной подати за 1802 г., невзыскание штрафов, прощение беглых, прибавка военным до полковника 1/4 к жалованью. В тот же день издан был указ об учреждении комиссии для пересмотра прежних уголовных дел, подтверждены были жалованная грамота Сарептского братства и такая же грамота города Риги. Император Николай I короновался 22 августа 1826 г. Молитву при коронации император читал не по книге, где напечатан весь чин коронации; для него она была перепечатана крупнейшим шрифтом на толстом листе бумаги, который потом переплетен был в вид книжки, и ныне хранится в Санкт-Петербурге, в императорской библиотеке. После коронации император, под балдахин и облеченный в регалии, проследовал из Успенского собора в Благовещенский, а отсюда к Красному крыльцу; на верхней ступени крыльцо государь приветствовал народ троекратным наклоном головы [4]. Угощение народа (16 сентября) происходило на Девичьем поле. Манифест 22 августа даровал

различные облегчения или полную отмену наказания некоторым преступникам ("где нет смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства"), прощал беглых, снимал казенные начеты ниже 2000 руб.

Таким образом, коронации с Российской империи являлись важным мероприятием, как для чиновников, так и для простого народа. Дни коронации являлись праздничными днями, отменялись повинности, объявлялись амнистии. Такие торжества соединяли народ всей страны и государство во едино. Это подкрепляло дух единства и развивало чувство патриотизма.

Следует отметить, что не только коронации вызывали такой ажиотаж. В императорской семье были различные праздники и торжества, одним из таких торжеств является крещение. Саму процедуру старались зафиксировать. Причем не только в камер-фурьерских журналах, но и изобразительными средствами. До нас дошли акварели придворного художника Михая Зичи, на которых он запечатлел процедуру крещения будущего Николая II в мае 1868 года. В архив хранится официальный фотоальбом, посвященный крещению дочери Николая II Ольги в 1895 году.

Но рано или поздно дети становились взрослыми, таким рубежным моментом является женитьба или замужество, очень важное событие в жизни не только императорской семьи, но и всего «большого света». В этом событии переплеталось множество факторов: личные симпатии молодых, надежды планы родителей, политические расчеты, организационная подготовка свадьбы, подбор и ремонт «квартиры» для молодых, комплектация приданного для невест и женихов и множество других забот. Конечно, при этом для императорской семьи «снялся» ряд обычных забот от материальных до организационных, поскольку «на вадьбу» работало множество специалистов из гофмаршальской части [5]. Однако надо учитывать, что за нюансами свадебного торжества следил буквально весь свет, не только российский, но и многочисленная европейская родня.

Таким образом, формирование патриотизма и идеи незыблемости самодержавной власти в Российской империи проводилась путем строго соблюдения церемониала, в котором реализовались основные политические символы государства.

Литература

1. Полное собрание законов (далее: ПСЗ). 1-е собр. СПб., 1830. Т. 24. № 17530.
2. Воздвиженский В. Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. СПб.; М., 1896. С. 51.
3. Сайгина Л. Москва в дни коронаций // Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 47.
4. Воздвиженский В. Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. СПб. - М., 1896. С. 51.
5. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц / Сост. И. Токмаков. М., 1896. С. 100; Нольде Б. Законы основные в русском праве // Право. 1913. № 9. С. 524-526.

Ianina Kruglikova

PhD student. University of Turku, Finland

INSTITUTIONS OF RUSSIAN HISTORIANS IN EXILE IN PRAGUE IN 1920s

The article makes a contribution to the discussion about scholars in exile, particularly in Prague in 1920s. After the Russian Revolution in 1917 a large number of Russian historians became emigrants. However, in Prague they united in order to continue their research activities and succeeded in organizing a number of Russian educational and scholar organisations working at a high standart.

Key words: Russian emigrants in Prague, scholars abroad, Russian historians in exile.

Not only has Russian emigration had a very significant ideological and cultural influence on the European world, but it also has produced an invaluable historical heritage for Russia. Hundreds of thousands of Russians appeared to be in Diaspora after the Revolution in 1917 [1]. Furthermore, there were a great number of scholars, professors and academicians among them. [2, 13] Soon after the escaping from the fatherland, Russian historians started organizing academic groups and research institutions in Europe. Firstly, the purpose was to impart knowledge of Russian culture and history on Europe and to encourage Russian scholars to conduct their research activities. Secondly, and perhaps, primarily there was a purpose to provide financial assistance to Russian scholars in exile, most of whom were rather in a poor financial situation. Thirdly, a collaboration with organizations that educated young Russian émigré should be mentioned as an additional task of the Russian scholar institutions. As a matter of fact the «first wave» Russian émigré deeply believed that the Bolshevik's regime would had been broken down soon, which is why it was especially important to educate a young generation in order to become useful specialists and professionals to the moment of their returning back to Russia... They undoubtedly considered themselves as a part of Russian cultural and spiritual life. P. N. Savitsky, one of the representatives of Russian Diaspora in Republic of Czechoslovakia and the founder of the theory of Eurasianism, wrote in 1923 in his book named «The productive forces of Russia»: «Our main concept - wherever emigrants are, they are part of the spiritual world which is called Russia. The ground under our feet is not everything at all, sometimes it means very little. The most important is spiritual soil that nourishes every emigrant - saturated soil of Russian culture...»[3,11]. Being «spiritual soil» of Russian culture, Russian refugees were scattered all over the world. Rather many of them managed to settle in Czech Republic, where the government and its president Yan Masarik provided a tremendous support to Russian Diaspora.

Prague is considered to be a leader among centres of Russian scholar institutes, because the biggest number of Russian academic institutes was organized exactly there. The causes of the establishment of the Russian academic-educational and research-publisher organizations in Prague might be explained by a fact that in the Czech capital at that time there lived a big amount of Russian historians with a strong desire of their research activities to be expanded further. Thereby during the period 1920-1930 the Seminarium Kondakovianum was organized in Prague, the same as Russian Historical Society and Russian Public (Free) University, Russian Law Faculty and Russian Historical Archive.

Russian Public University, which was officially opened November 8, 1925, was a scholar and an educational institution. The aim of it was to implement the rapprochement between Russia and the Czech Republic. At different times such eminent professors as historians P.I. Novgorodtsev (a former professor of Moscow State University) and V.A. Frantsev (a specialist in slavic studies) appeared to be the heads of it. The University had five departments and there were 33 professors among 64 lecturers such as N. Lossky, A. Florovsky and others [3. 45]. Rather soon the University faced financial difficulties and it gradually came to the end in 1949. During its existence the Russian Public University published The Notes of the research association at the Russian Free University [2, 61-63].

Seminarium Kondakovianum was founded in April 22, 1925 in Prague. According to the reports of the Seminarium, it was obvious that the primary objective of the Seminarium was the maintenance the best traditions of the emigration of Russian historical research, and if possible their multiplication. [4] Despite the dedication, Seminarium was established after the death of the archaeologist and art historian Nikodim Pavlovich Kondakov (1844-1925) by his scholars and colleagues. Over the years 11 volumes of a unique collection of works on the history of Russian and Byzantine art, archeology and history were published. Moreover, many acknowledged scholars published their works in the collection (for example M. Rostovtsev, Niederle, Vaytimer etc.), the same as Soviet historians did. Though it happened solely in the first volume, as since 1928 the cooperation with the USSR historians was ceased due to political reasons. [2, 42] Also the collection's circulation was impressively small – just 450 copies (plus the annexes – 300 copies). The last major publication was “Seminarium Kondakovianum” in 1933, which contained the last volume of Kondakov's works. Kondakovianum Seminaries continued to exist formally until 1953, it had a rich library and a good collection of Russian icons, the same as a big collection of Coptic textiles and other resources. Later on the Seminarium was transferred to the Institute of Art History of the Czechoslovak Academy of Sciences of the Czechoslovak Republic. The impact of the Kondakov's Seminarium is to be considered exceptionally important: highly professional articles of Russian historians in exile were published there [4].

In the same period of time works of Russian historians were published on a regular basis at the Russian Historical Society. The first meeting of the Society was hold April 7, 1925 and its Charter was signed by 22 Russian scholars, including G.N. Vernadsky, A.A. Kizzeveter, P.N.

Savitsky. The first head of the Historical Society, which was under the rule of the Union of Russian academic institutions abroad, was a historian and academician E.F. Shmurlo. After him the Russian Historical Society was headed by a historian A. Kizzevetter, a Professor of Russian History in the University of Prague and a member of the Union of Russian academic institutions abroad. The third head of the Society was V.A. Francev, a specialist in Slavic studies, who also made a great contribution to the publication of the Russian Institute in Prague. Not only did the Russian Historical Society organized conferences and assisted financially to scholar and research discussions but also it carried out a publishing activity. Since 1927 till 1930 a periodical publication entitled «Notes of the Russian Historical Society» («Notes of RIO») successfully came out on a regular basis. The Russian Historical Society ended its existence simultaneously with the closing of the Russian Free University [6].

Russian Law Faculty was established in 1922 with assistance of P. Novgoodtsev and N. Alexseev (former professors of Moscow University) as a department of Charles University in Prague. The idea was to educate professional lawyers for Russia and to provide a working positions to a big amount of Russian professors settled in Prague. Beside specialist in law there were many historians - specialists in Roman Law (for example, A. Kizzevetter, G. Gurvich, K. Zaytseff, etc). Unfortunately, since 1925 the activity of the Faculty slowly began to decline.[5]

Russian Historical Archive (RZIA) was founded in 1924 and the major purpose of it was to preserve the language, the history and the literature of Russian emigrants. The Archive organized collecting and storage printed and manuscript material about Russian History, especially closely related to the period of the Revolution 1917 and Russian emigration. [5]

Russian historians - emigre in Prague in 1920s were able to exercise their self-realization in research, teaching, publication and journalistic activities, despite the obvious difficulties of being a refugee (forced separation from their roots and enforced staying in a foreign land). Nevertheless they stood at the cradle of Russian research journals, historical societies, scholar associations and research institutions, which appeared to be a significant cultural contribution to European culture and an attempt to preserve and elaborate the Russian historical approach without a mixture of Soviet ideology.

References

1. Raeff M. A cultural history of the Russian Emigration 1919-1939. – New-York Oxford University Press, 1990.
2. Pashuto V. Russkie istoriki emigranti v Evrope. – Moscow, 1991. – P. 32- 64.
3. Savitsky P. N. Proizvoditelnie sili Rossii// Yevraziysky vremennik. Berlin. 1923. Book 3.
4. Sbornik statey, poschiaschennih pamiaty N.B. Kondakova: Arheologiya. Istorya Iskustv. Vizantievdenie. Praga, 1926. (A collection of articles in memorandum of N.B. Kondakov: Archeology, Art History, Byzantium studies. Prague. 1926).
5. Russkie v Prage. 1818 – 1928/ Ed. S.P. Postnikov. – Prague, 1928.
6. Tsepilova V.I. Istoricheskaya nauka Russkogo zarubezhya 1920-1930 v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriographiy. Phd Thesis. – Ekaterinburg, 2010.

Палий Е.Н.

Доктор культурологии, профессор кафедры истории мировой культуры РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина

ТИПЫ И ВИДЫ САЛОНОВ В РОССИИ XVIII-XIX ВВ

Салоны конца XVIII – начала XIX веков разделялись на аристократические (салоны И.И. Шувалова, Е.М. Хитрово и пр.) и «демократические», где в состав участников салона входили представители разночинной интеллигенции.

В своей направленности можно выделить следующие виды салонов: литературные, музыкальные, философские и пр. Однако большинство из них носили смешанный характер: философско-литературный, литературно-музыкальный и др. В салонной культуре огромная роль отводилась хозяину или хозяйке.

Примером таких салонов: салон графа И.И. Шувалова, Е.М. Хитрово и М. Ю. Виельгорского.

Ключевые слова: салон, типы и виды салонов, аристократические и демократические салоны, разночинная интеллигенция графа И.И. Шувалова, Е.М. Хитрово и М. Ю. Виельгорского.

TYPES AND FORMS OF SALONS OF THE XVIIIth AND XIXth CENTURIES

The salons of the XVIIIth and the first half of the XIXth centuries fell into aristocratic (I.I.Shuvalov's, E.M.Khitrovo and other salons) and "democratic" ones which comprised intellectuals not of noble birth.

As to their orientation, the salons can be divided into literary, musical, philosophical and other ones. However, many of them were of mixed character: philosophic-literary, literary-musical and other. In the salon culture, the leading role was played by the host or the hostess of the salon.

Examples of such salons: Count I.I. Shuvalov's and Count E.M. Khitrovo Salon.

Key words: salon, types and forms of salons, aristocratic and democratic salons, Count, E.M. Khitrovo.

Салонная культура не изучалась как целостный культурный феномен. Те или иные авторы, как правило, уделяли внимание исследованию конкретных салонов, но мало кто говорил о типах и видах таких салонов.

Для начала важно определить основания для проведения такой типологизации. На наш взгляд, за основу типологизации следует взять социальный состав участников салона. С этих позиций можно говорить об аристократических и демократических салонах.

1. Аристократический. В рассматриваемый нами период истории, это преобладающий тип (салоны И.И. Шувалова, Е.М. Хитрово и пр.).

2. Демократический. Следует подчеркнуть, что и этот тип салона отражал культуру дворянского слоя, поэтому название «демократический» лишь подчеркивает, что в состав участников салона входили и представители разночинной интеллигенции, что стало характерно в первой половине XIX века (точнее было бы назвать этот тип салона смешанным типом аристократического салона с участием разночинной интеллигенции).

По своей направленности можно выделять различные виды салонов: литературные, музыкальные, философские и пр. Однако многие из них носили смешанный характер: философско-литературный, литературно-музыкальный и др.

Кроме того, местоположение салона также играло существенную роль. В связи с этим выделяются следующие виды салонов: столичные, прочие городские и усадьбные.

И, наконец, как уже отмечалось, в салонной культуре огромная роль отводилась хозяину (хозяйке), поэтому конкретный салон всегда носил имя его владельца или владелицы, иногда семьи.

Остановимся на исследовании салонов XVIII века, одним из которых был салон графа Шувалова.

Салон графа Ивана Ивановича Шувалова

Первым в истории России литературным салоном, возникшим в Петербурге 50-х годов XVIII в., считают салон графа, генерал-адъютанта и известного политического деятеля своего времени Ивана Ивановича Шувалова (1727-1797). Зарождение салона Шувалова тесно связана с французской традицией салонной культуры[1]. Образование высших сословий приобретает более светскую, салонно-аристократическую направленность, придворные развлечения все больше ориентируются на Версаль. В кругах высшего общества начинают распространяться французский язык и французская мода.

И.И. Шувалов стал одним из наиболее ревностных сторонников этих перемен, являя собой образец вельможи нового времени. Он выписывал из Парижа мебель, одежду, лакеев, литературные и журнальные новинки, жадно ловил новости французской жизни[2]. Неудивительно, что именно у него со временем и возник салон, во многом повторявший формы культурного быта светских кругов

французского общества.

Частым гостем гостиной И.И. Шувалова был М.В. Ломоносов. Было заведено, что последний посылал все свои сочинения на суд И.И. Шувалову, а затем приезжал выслушать его мнение о собственных стихах и заодно наставить юного вельможу в его любительском сочинительстве. Известно, что в конце 1752 г. Ломоносов учил Шувалова стихосложению. Это обстоятельство не сделало юношу первоклассным поэтом, но все же позволило ему безошибочно разбираться в достоинствах и недостатках сочинений современных авторов. К его суждениям прислушивались придворные кавалеры, также увлекавшиеся российской словесностью и даже писавшие стихи[3]. Уже тогда в оценках Шувалова проявлялось умение уважать чужое мнение - черта очень важная в характере будущего хозяина салона, которая позволила самым разным по воззрениям, воспитанию и нраву людям уютно чувствовать себя в его гостиной.

Литературная полемика, которая была в те годы важным явлением общественной жизни, занимала заметное место в этом салоне. Нужно отметить, что и М.В. Ломоносов и русский поэт А.П. Сумароков отличались резкой запальчивостью в области литературы, а Шувалов, обладая мягким, доброжелательным нравом, стремился примирить спорщиков. В сфере внимания вельмож находились различные области культурной и просветительской жизни России того времени, в том числе и театр, официально учрежденный в 1756 г. с А.П. Сумароковым во главе[4].

И.И. Шувалов покровительствовал не только литераторам, но и художникам. Его стараниями в 1757 г. в Петербурге была создана Академия художеств, которую он возглавлял до 1763 г. На первых порах в его особняке была размещена Академия художеств. Его дом послужил временным приютом для прибывших в 1758 г. из Москвы в Петербург первых 16 пансионеров, отобранных из воспитанников Московского университета. Среди них - известный в будущем архитектор Иван Старов, а также знаменитый Василий Баженов.

Дворец Шувалова был известен современникам как богатейшее книжное хранилище. Во многом именно через его хозяина русское общество елизаветинской эпохи знакомилось с новейшими произведениями зарубежных, главным образом, конечно, французских авторов. Сам Иван Иванович всячески поощрял литературно-философские интересы русских вельмож.

Шуваловский салон не оставляли своим вниманием и царствующие особы. Его неоднократно посещала императрица Елизавета Петровна, часто обедавшая у своего любимца. Екатерина II также удостаивала его своим вниманием.

В марте 1763 г. Шувалов покидает Россию на долгих четырнадцать лет[5]. Во время отсутствия И.И. Шувалова его особняк все же хранил артистически-художественные традиции жизни своего хозяина. Весной 1769 г. здесь проходили открытые камерные концерты для любителей музыки, организованные знаменитым премьером итальянской оперы певцом Манфредини. В этих концертах участвовали лучшие певцы и музыканты северной столицы.

Возвращение И.И. Шувалова из-за границы стало довольно заметным событием в жизни Петербурга[6].

С 1787 г. И.И. Шувалов окончательно поселился в Петербурге, в своем особняке на Невском проспекте. Именно к 80-90-м годам XVIII в. относится период расцвета шуваловского салона. В эти годы его хозяин отошел от государственных дел, имел больше свободного времени, кроме того, он уже приобрел опыт общения в блестящих парижских салонах. Присутствие в салоне большого числа французских эмигрантов (бежавших в Россию после Великой французской революции) также вносило элемент обычных для Парижа форм общения. Немало изменилось и российское высшее общество, которое в гораздо большей степени было уже приобщено к идеям Просвещения и французскому политесу.

Дом И.И. Шувалова на Невском проспекте стал настоящим образцом вкуса и разумного устройства. В нем размещалась библиотека, доступная для всех, кто желал ею воспользоваться. «Двери там всегда были открыты, и те, кто имели нужду в этом, всегда принимались наилучшим образом», - писал биограф Ивана Ивановича в начале XIX века[7].

Хозяин салона и в старости был светски безупречен, поддерживал разговор, заинтересованно вникал в подробности событий.

В салоне Шувалова можно было встретить крупных российских государственных сановников того времени (например, одним из посетителей салона был Ф.И. Янкович, занимавший в 80-90-е годы крупный пост в комиссии о народных училищах[8]).

Главным интересом посетителей особняка на Невском проспекте оставалась литература. У Шувалова бывали очень многие писатели и поэты того времени. К нему заходил и известный ревнитель чистоты русского языка адмирал А.С. Шишков, обладавший незаурядным даром рассказчика.

Таким образом, можно сделать вывод, что шуваловские вечера отражали многие наиболее значительные явления общественно-культурной жизни России того времени, кроме, пожалуй, увлечения русского общества масонскими движениями. Во многом это объясняется тем, что сам Шувалов не имел склонностей к мистицизму, считал его «суетным и ненужным». Шувалов соединял в себе характерные для эпохи вольтерьянство, некоторое вольнодумство и набожность, особенно проявившуюся в последние годы жизни.

Еще одним из аристократических салонов, но уже более позднего периода - первой половины XIX века - был салон Е.М. Хитрово.

Салон Елизаветы Михайловны Хитрово

В петербургском обществе в подражание обществу парижскому появились дамы высшего круга, которые отличались в свете своей роскошью, красотой, положением и умом. Примером типичного великосветского салона может служить салон Елизаветы Михайловны Хитрово, урожденной Кутузовой¹.

По отзывам современника В.А. Соллогуба, салон Елизаветы Михайловны был самой оживленной, эклектичной петербургской гостиной. Сама Елизавета Михайловна обладала в высшей степени светскостью, приветливостью, изысканной и той всепрощающей добротой, которая только встречается в настоящих больших барынях[9]. Словом «эклектизм» Соллогуб выражает то же, что, гораздо точнее, в другом месте говорит П.А. Вяземский о салоне графини Фикельмон (не отличавшемся от салона Е.М. Хитрово), называя его «европейско-русским» и отмечая, что «в нем и дипломаты, и Пушкин были дома» [10].

¹ Елизавета Михайловна родилась в 1783 г. в семье будущего фельдмаршала и светлейшего князя Смоленского, а в то время - армейского бригадира Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова и его жены, Екатерины Ильиничны, рожд. Бибиковой, и была третьей из пяти дочерей. Возвышение Кутузова, его боевая, административная и придворная карьера начались уже позднее, а национальные слава и почести пришли, когда Елизавета Михайловна была давно уже замужем, однако заслуги фельдмаршала чрезвычайно возвысили её положение в свете. Она получила хорошее образование, кроме обязательного французского языка владела немецким, английским, итальянским. В 1802 г. она вышла замуж за флигель-адъютанта, штабс-капитана инженерных войск, графа Фердинанда Тизенгаузена. Брак был заключен по любви, - но был непродолжителен. Осенью 1805 года Тизенгаузен принял участие в первой войне Александра с Наполеоном. «Любимый зять Кутузова - флигель-адъютант граф Тизенгаузен со знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон - и пал, пронзенный наскоком пулей» (Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном, в 1805 г. - СПб., 1844. - С.184).

Летом 1811 года Елизавета Михайловна вышла вторично замуж за генерал-майора Николая Федоровича Хитрово. В 1815 г. он был назначен русским поверенным в делах во Флоренции и скоро там же умер. Его дипломатическая служба в Италии имела для Елизаветы Михайловны важные последствия: она определила ее дальнейшую жизнь на много лет, создала ей связи и круг знакомств, способствовала усвоению того европейского духа, который отличал позднее и ее салон в Петербурге.

Современники отмечали сердечные качества Елизаветы Михайловны, замечая, что она была друг друзей своих. И не только за своих друзей хлопотала она: к ней обращались и тогда, когда надо было помочь людям, ей незнакомым.

Живая душа Е.М. Хитрово влеклась ко многим и разнообразным предметам: искусство, политика, философия - всё её занимало. К интересам политико-общественным побуждали ее, прежде всего, «семейные традиции» - воспоминание об отце и осознание личной причастности через него к великим национальным событиям начала века. Эту черту в ней признавали и ценили ее современники. Любимая из пяти дочерей фельдмаршала, похожая на него наружностью, она считала себя по преимуществу его наследницей.

Патриотическим направлением и преданностью «русской славе», в каких бы формах она ни проявлялась, объясняется отчасти и любовь ее к русской литературе. Известно о ее дружбе и личном знакомстве с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, Козловым, Тургеневым, Сомовым, Соллогубом, Ростопчиной, Лермонтовым, вероятно, Дельвигом, Баратынским. Это, конечно, далеко не все имена - лишь те, которые сохранились в документах.

Но не только присутствием в гостининой модных литераторов определялся ее интерес к литературе. Она сама занималась переводом на русский язык малоизвестного английского романа Caroline Lucy Scott «Marriage in High life» [11] и собиралась продавать его «в пользу бедных».

Нельзя не отметить и то значительное место, которое в ее жизни занимали, по-видимому, церковно-религиозные интересы. Она была женщиной верующей, без оттенка мистического ханжества, распространенного в высшем обществе того периода как в России, так и на Западе.

Большая начитанность, воспринятая на западе европейская манера общения - качества, присущие хозяйке салона, Е.М. Хитрово. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела отголоски в салоне Е.М. Хитрово. Как вспоминал П.А. Вяземский, «Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в этих двух салонах (речь идет о салонах Е.М. Хитрово и о салоне графини Фикельмон - прим. автора) можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского и английского оратора, и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая, и себя и других уважающих свобода в этих разнообразных разноречивых разговорах. Это был мирный обмен мнений, воззрений, оценок, система free trade, приложенная к разговору. Не то, что в других обществах, в которых задирчиво и стеснительно господствует запретительная система» [12].

Можно сделать вывод, что разделение на аристократический и демократический салоны отнюдь не всегда находилось в зависимости от происхождения и социального статуса хозяина. Так, в доме князя В.Ф. Одоевского было два салона - демократический и аристократический. Первый держал князь, второй - его супруга, крайне недовольная тем, что в доме бывают разночинные художники и музыканты, чиновники, ученые и литераторы.

По своей направленности выделяются отдельные виды салонов, например, литературные, музыкальные, философские. Однако опять же, в деятельности многих салонов трудно было выделить одну какую-либо направленность. Большая их часть носила смешанный характер: литературно-музыкальный, художественно-философский и пр. Вместе с тем анализ наиболее известных салонов показал, что, к примеру, салон Шувалова имел в общем литературную направленность, а салон Михаила Юрьевича Виельгорского - музыкальный.

Любой салон выделялся своим хозяином (хозяйкой) и именно от его (ее) интересов зависела направленность салона. Анализировать салон вообще, безотносительно к личности его основателя, нельзя. Вот почему в исследовании салонов такое значение придается личностным характеристикам его создателя.

В салоне Шувалова встречались выдающиеся государственные сановники того времени. Он был известен как покровитель писателей и поэтов, владелец богатейших коллекций картин и художественных изделий.

Музыкальный салон графа М.Ю. Виельгорского, который сам был выдающимся композитором и музыкантом, славился своими концертами, где выступали известные певцы, композиторы, музыканты.

Е.М. Хитрово имела типичный великосветский салон в Петербурге в начале XIX в. Огромная эрудиция, образованность, воспринятая на Западе европейская манера общения - качества, присущие хозяйке салона Е.М. Хитровой. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная имела отголоски в салоне Елизаветы Михайловны.

Анализ деятельности салонов первой половины XIX века показал, что возрастание именно общественной роли литературных салонов как неофициальной незарегламентированной формы человеческого общения в этот период обусловлено наступлением реакции во внутренней политике Николая I.

Литературные салоны Москвы, где сосредоточивались в 1830-40-е годы основные силы двух главных прогрессивных направлений общественной мысли того времени - западничества и славянофильства, «служили выражением господствующих в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов».

Московские литературные салоны Елагиной, Свербеевых, Павловых сыграли немалую роль в идейном развитии русского общества, а так же они способствовали в известном смысле взаимообогащению и взаимовлиянию идей западничества и славянофильства. Обращение московских западников через славянофилов к проблематике основ народного быта (общины, артели и т. п.) привело к большей умеренности воззрений Герцена, Грановского и других крупных представителей западничества в Москве; с другой стороны, в салонной полемике с западниками выкристаллизовывались взгляды славянофилов.

Салон графа Михаила Юрьевича Виельгорского

Одним из самых приятных домов Петербурга первой половины XIX века был дом графа Михаила Юрьевича Виельгорского (1788-1856), у которого по вечерам были прекрасные квартеты. Граф, сам был большой музыкант и композитор. Он страстно любил музыку и собирал у себя лучшие музыкальные силы столицы как из числа дилетантов, так и из профессиональных артистов и певцов. Все заграничные музыкальные знаменитости, приезжавшие в Петербург, в первую очередь являлись к графу, все считали за особую честь для себя не только быть принятым на его музыкальных вечерах, но и принимать в них участие.

Михаил Юрьевич находился в дружеских отношениях с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, М.И. Глинкой, В.Ф. Одоевским и А.А. Алябьевым. Он оказывал поддержку многим отечественным музыкантам. Достаточно вспомнить его существенную помощь братьям Рубинштейнам, содействие выкупу из крепостной зависимости талантливого скрипача И.И. Семенова (граф также способствовал освобождению от крепостной зависимости Т.Г. Шевченко). В доме у М.Ю. Виельгорского состоялась первая репетиция оперы Глинки «Жизнь за царя».

В истории русской музыкальной жизни памяти его салоны-концерты, проходившие с декабря 1822 года по апрель 1823 года в курском имении М.Ю. Виельгорского Луизино, где он жил с 1816 по 1823 год. Программы 33 лузинских концертов в основном были посвящены классической музыке и содержали симфонические произведения И. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена и других.

Еще большего внимания заслуживают салоны-концерты, организованные братьями Виельгорскими в Москве с 1823 года и в Петербурге с 1826 года. На протяжении нескольких десятилетий петербургские концерты Виельгорских, имевшие просветительское значение, славились высоким художественным уровнем программ и исполнителей. Как пишет граф В.А. Соллогуб в своих воспоминаниях: «Приёмы Виельгорских имели совершенно другой отпечаток; у них редко танцевали, но почти каждую неделю на половине самого графа, то есть в его отдельном помещении, устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости. Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был один из первых и самых любимых русских меценатов;

все этому в нем способствовало: большое состояние, огромные связи, высокое, так сказать, совершенно выходящее из ряда общего положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец его блестящее и вместе с тем очень серьезное образование и самый добрый и простой нрав» [13].

Здесь выступали Ф. Лист, Роберт и Клара Шуман, Г. Берлиоз, Г. Венявский, Б. Ромберг и другие знаменитые артисты. «Эти Виельгорские - великолепные люди для художников; они живут только для искусства...», оба они – «два превосходнейших художника, особенно Михаил, - это настоящая, художественная натура, гениальнейший дилетант...», - писал Р. Шуман [14].

Известно письмо графа М.Ю. Виельгорского к его детям в Петербург из Рима в 1839 г.: «Здесь теперь Лист, с которым я очень музыкально познакомился. Это - царь пианистов и доселе никто на этом инструменте не произвел на меня подобного действия. Я никогда не думал, что можно так играть музыку Бетховена, например старые его сонаты» [15].

Однако М.Ю. Виельгорский заслуживает внимания не только как крупный музыкальный деятель своей эпохи, но и как одаренный композитор. Он получил музыкальное образование под руководством отличных музыкантов того времени, в частности Мартини-и-Солеро в Петербурге и Керубини в Париже. Нельзя не отметить личного общения Виельгорского с Бетховеном (в Вене), чью музыку (включая Девятую симфонию) он горячо пропагандировал в России.

Перу М.Ю. Виельгорского принадлежат две симфонии, увертюры, квартет, опера «Цыгане», хоровые произведения, романсы на слова Пушкина и других поэтов (особенной популярностью пользовались «Черная шаль», «Бывало», «Любила я»), фортепьянные пьесы, тема с вариациями для виолончели с оркестром.

М.Ю. Виельгорского как композитора высоко ценили многие его современники. Известный русский критик В.Ф. Одоевский, имевший собственный салон и известный своей любовью к музыке И.-С. Баха (исполнял его клавирную и органную музыку), считал, что М.Ю. Виельгорский отличный композитор и самых глубоких музыкантов в Европе.

В творчестве М.Ю. Виельгорского отражается незаурядный талант, хороший вкус и профессионализм. Воспитанный на классических образцах, он следует им в своих сочинениях, обнаруживая при этом индивидуальные особенности своего дарования. В некоторых произведениях М.Ю. Виельгорского, как, например, в «Теме с вариациями» для виолончели с оркестром, заметно ощущается интонационная связь с русской народно-бытовой музыкой. В этом произведении, носящем концертный характер, ярко проявляется мелодический дар композитора и умелое использование вариационной формы.

Истоки салона графа М.Ю. Виельгорского восходят к традициям конца XVIII века, существовавшим в доме отца графа, сенатора Ю.М. Виельгорского. Михаил Юрьевич вместе со своим братом Матвеем Юрьевичем, превосходным виолончелистом, были деятельными участниками салона княгини З.А. Волконской.

Живя в деревне Фатеевке с 1816 года по 1823 г., Виельгорский устроил в одном из флигелей усадьбы «бионов салон», которому суждено было остаться в истории музыки России. Салон, как правило, бывал довольно продолжительным, и кроме бесед о музыке включал в себя концерт в двух отделениях с симфонией, увертюрой, инструментальным концертом, отрывками из опер и ораторий. Солистами, ансамблистами, хористами выступали братья Матвей и Михаил Виельгорские, Г. Теплов, капельмейстер-скрипач В. Островский, крепостной скрипач Антон.

В салоне прозвучали симфонии Моцарта, Гайдна, Бетховена, увертюры М. Линдпайтнера, фрагменты опер Керубини, множество сочинений современных немецких и французских композиторов, скрипичные концерты П. Лафона, Л. Шпора, Л. Маурера, Ф. Крейсера в исполнении Г. Теплова, В. Островского, Рудендорфа. Сочинения для виолончели играл Матвей Виельгорский, чей обширный репертуар давно известен исследователям музыки. Выбор пьес свидетельствует о великолепном художественном чутье и изысканном вкусе графа Мих. Ю. Виельгорского.

Как только было получено разрешение поселиться в Москве в 1823 году, граф отстроил свой дом и собрал у себя в салоне лучшие музыкальные силы Москвы того времени. Вот свидетельство князя Одоевского, относящегося к 1824 году: «Признаемся, едва ли можно встретить в России что-нибудь подобное сим концертам, где бы соединились выбор сочинений, и достоинство музыкантов и точность исполнения, - три условия, без которых музыка теряет цену» [16].

Именно в эти годы получить успех в салоне графа Мих.Ю. Виельгорского для многих русских и европейских артистов означало одно - открытый путь к широкой концертной деятельности в России. В салонах З.А. Волконской и Мих. Ю. Виельгорского, которые, кстати, бывали и в виде «утренников», слушали и виолончелиста Фенци в присутствии выдающегося виолончелиста, друга Бетховена Ромберга, и Липинского. Слушали, например, по отзывам кн. Одоевского, в один день и симфонию Ромберга, и хор Мегюля, концерт Л. Фильда для фортепиано с оркестром, фугу Моцарта, концерт Шпора, увертюры из опер Вебера «Эврианта» и «Вольный стрелок», симфонию Михаила Виельгорского. «Прибавьте к сему исполнение со всей музыкальной роскошью, определенное, соразмерное число инструментов, оркестр, расположенный уступами в удобнейшем порядке, собрание людей с истинно страстною к искусствам - и Вы получите весьма слабое понятие о сем концерте» [17].

Граф Матвей Юрьевич Виельгорский был одним из основателей Русского музыкального общества, свою богатую библиотеку и инструменты завещал Консерватории, а свою знаменитую виолончель Страдивариуса подарил К.Ю. Давыдову.

Музыкальный салон графа Михаила Юрьевича Виельгорского и выдающегося виолончелиста Матвея Юрьевича Виельгорского получил широкую известность в истории русской музыкальной культуры первой половины XIX столетия. Главным образом, это были видные музыкальные деятели и просвещенные меценаты, которые способствовали развитию концертной жизни в России.

Литература

1. Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750-1765. - М.-Л., 1936. - С.118.
2. Там же. - С.118.
3. Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова // Москвитянин. - 1853. - №6, отд. IV. - С.92.
4. Бартенев П.И. Биография И.И. Шувалова. - СПб., 1857. - С.29.
5. Шувалов И.И. Письма И.И. Шувалова к сестре, Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // Москвитянин. - 1845. - № 10. Ч. V. - С.131-153.
6. Головина В.Н. Записки // Исторический вестник. - 1899. - №1. - С.58.
7. Биография И.И. Шувалова. - 125 об. - 126.
8. Янкович Ф.И. // Русский биографический словарь. - СПб., 1913. - Т. 25. - С.127.
9. Соллогуб В.А. Воспоминания. - СПб., 1887. - С.132.
10. Вяземский П.А. Сочинения. Т.8. - М., 1886. - С.493
11. Издан анонимно в 2-х томах в Лондоне в 1828 г.
12. Вяземский П.А. Сочинения. Т.8. - М., 1886. - С.493.
13. Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. - СПб., 1887. - С.128.
14. Житомирский Д. Роберт Шуман. - М., 1964. - С.493.
15. Веневитинов М.А. Франц Лист и граф Мих. Юрьевич Виельгорский в 1839 году. - С.489.
16. Одоевский В.Ф. Взгляд на Москву в 1824 // Прибавление к «Московскому телеграфу». - 1825. - №.1. - С.87-88.
17. Одоевский В.Ф. О музыке в Москве и московских концертах в 1825 г. // Прибавление к «Московскому телеграфу». - 1826. - № 8. - С.100.

В статье рассматривается развитие новой отрасли исторических исследований – исторического профессиоведения, внимание уделено внедрению западных профессиональных классификаций в России, особенности разработки отечественной версии HISCO, проблеме создания общероссийской базы данных профессиональной занятости населения.

Ключевые слова: историческое профессиоведение, занятость населения, HISCO.

Занятость населения и его профессионализация имеют особое значение в истории – они оказывают влияние на развитие общества и государства. Профессиональная деятельность закрепляет за лицами определенные статусы в обществе, смена которых позволяла и до сих пор позволяет повысить или понизить социальный статус. Степень занятости населения позволяет проследить изменения в профессиональной структуре, темпы развития общества, урбанизацию населения, отражает экономические особенности общества в тот или иной период времени.

В связи с этим получила развитие новая отрасль исторической науки. Она затронула вопросы профессиональной структуры, размещения населения, социальной мобильности, моделирования, создания баз данных, сведения о которых находятся в пределах ведения разных научных дисциплин: истории, психологии, социологии, экономики, математики, информатики и пр. Однако при рассмотрении перечисленных аспектов необходимо учитывать исторические особенности их развития. Таким образом, в результате междисциплинарного обогащения исторической науки сложилось историческое профессиоведение – исследование профессиональной структуры населения, ее изменения и зарождения новых видов занятости.

Данная отрасль исследований приобрела популярность в ряде западных стран с середины XX в., Россия заинтересовалась ею лишь в конце XX – начале XXI в. Основой историко-профессиоведческих работ стала систематизация обработанных источников, классификация занятости населения и создание электронных баз данных для оперативного использования. Наибольшую популярность приобрел Международный исторический стандарт классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation), разработанный западноевропейскими исследователями Международного института социальной истории в Амстердаме и профессором Утрехтского университета М. ван Лувеном (<http://historyofwork.iisg.nl/index.php>) [4]. Базовый вариант проекта на английском языке, остальные страны адаптируют HISCO под особенности своего государства, Россия не стала исключением.

Становление российского исторического профессиоведения было положено в 1998 г., когда возникла проблема применения HISCO в нашей стране. Очевидно, что западная классификация не соответствует местным особенностям занятости в России. Предмет исследования определил профессор Алтайского Государственного университета Владимир В.Н., как выяснение причин профессиональной мобильности российского населения в прошлом, а также определение условий мобильности. Под его руководством в 2002-2004 гг. был выполнен грант Российского гуманитарного научного фонда № 02-01-00266а «Создание исторической классификации занятий населения России конца XIX – первой половины XX в» [1]. Результатом стала разработка русскоязычной версии HISCO, содержащей 11768 записей о занятиях населения. Во время исследования стало ясно, что не только нельзя с легкостью включить российские данные в общую базу международного стандарта, сложно создать общероссийскую систему классификации профессий, в связи с тем, что в России в каждом регионе существовала и существует своя специфика профессий, в зависимости от хронологического периода, географического положения, экономической направленности, местного населения и пр. факторов. Поэтому в основу этой версии HISCO положены лишь данные Первой всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Тобольску.

В основе HISCO лежит кодирование профессий. Код состоит из 3 групп цифр. Первая цифра означает большие группы, обозначающие отрасль занятий (например, 2 б/гр. Административные и управленческие работники); две первые цифры, разделенные дефисом – малые группы (например, 2-0 Официальные государственные административные служащие); три первые цифры – частная группа, где результатом является конкретная профессия (2-02.10 Горный начальник, Окружной исправник, Начальник округа) [3]. Русская версия HISCO представлена на сайте <http://occupations.asu.ru>.

В 2006 г. в Москве прошел Международный симпозиум «Историческое профессиоведение: профессии и труд в российской истории», положивший начало ширококомасштабной работе по изучению занятости, формированию профессий, мобильности населения. Особый интерес к проблеме проявляют исследователи Барнаула, Москвы, Петрозаводска, Тамбова, Тулы, Ярославля.

Расширение исследований привлекли множество новых источников в изучение профессий. Помимо данных о переписи населения начали использовать сведения метрических книг, статистических отчетов, периодических изданий и даже художественную литературу [2].

Мы в свою очередь исследуем профессиональную структуру населения Вятской губернии XIX в. Используемые источники, а именно: статьи периодического издания «Вятские губернские ведомости», данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи, Календаря Вятской губернии и Записок императорского Русского Географического общества, позволили собрать статистические сведения о занятости населения городов и уездов Вятской губернии XIX века [5]. Однако оказалось что, даже в отечественной версии HISCO нет данных об основных занятиях населения. Поэтому необходимо обновлять электронную базу новыми сведениями, а так же разрабатывать более совершенную классификацию профессий.

Таким образом, развитие исторического профессиоведения в России позволяет глубже изучить вопросы развития производства и условий труда, рассмотрев при этом взаимодействие различных сословий, определяя их роль с учетом региональных особенностей.

Литература

1. Владимир В.Н. Историческое профессиоведение – на пути к изучению истории профессий и профессиональной мобильности // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 7-8.
2. Владимир В.Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. – 2009. - № 3 / Режим доступа: <http://www.psu.ru>
3. Владимир В.Н., Киселева Е.А. Кодирование исторических профессий / Режим доступа: <http://aik-sng.ru/text/bullet/35/7.pdf>.
4. Владимир В.Н. О пригодности западноевропейских классификационных схем для характеристики профессиональной структуры населения России // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина: сб. мат. научной конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С.52-54 / Режим доступа: <http://occupations.asu.ru>
5. Михеичева В.Л. Профессии горожан Вятской губернии XIX века // VII Всероссийская конференция «Ушковские чтения»: материалы научной конференции. – Казань: ООО «Омега», 2012. – С. 147-150.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ БОНДЮЖСКОГО ХИМИЧЕСКОГО ЗАВОДА ЕЛАБУЖСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация

В статье раскрывается положение рабочих Бондюжского химического завода. Целью исследования является изучение рабочего вопроса с использованием периодических источников. Задачи обусловлены поставленной целью: раскрыть содержание рабочего вопроса в Бондюжском заводе; рассмотреть положение рабочих. Данное исследование можно применить в дальнейшем на занятиях по истории, а также продолжить изучение этой темы при использовании иных источников.

Ключевые слова: провинциальный город, рабочий, управляющий, Бондюжский химический завод.

В современной исторической науке большое внимание уделяется изучению истории малых провинциальных городов, в числе которых можно назвать г. Менделеевск. Первоначально в его состав входили село Тихие Горы, поселок Камашево, деревня Бондюга. Основу градостроительства в этом регионе заложил Бондюжский химический завод (современный Химзавод им. Л.Я. Карпова), часто негативно упоминающийся в периодических изданиях начала XX в.

В данной статье были использованы материалы губернской газеты «Вятская речь», в которой особое внимание уделяется условиям труда рабочих Бондюжского химического завода. По словам корреспондента, люди работали в невыносимых условиях антисанитарии, вдыхая смертоносные яды, вырабатывающиеся на заводе – «хлорная известь, сода каустическая» [1;4]. Ядовитые вещества, выбрасывающиеся в окружающую среду, «ничем не прикрытые распространяют по окрестностям тяжелые смрадные зловония» [1;4] и стекают в речку Тойму, воду из которой местное население использует в хозяйственных целях. Также корреспондент сообщает о несчастных случаях на заводе. «В то время, когда хлорная известь была готова, камеры, в которых она готовится, отворялись и рабочие как угорелые бросались в самую гущу зеленого газа, на работу и верное отравление» [2;4]. Задыхалось от этих газов и местное население. Женщина, проходившая мимо завода, задохнулась до смерти, оставив мужа с тремя детьми, однако никакой материальной и духовной поддержки вдовец не получил от администрации завода.

В серной камере сгнила площадка, находящаяся высоко от пола. Рабочий, не зная об этом, поднялся выполнять привычную работу, а площадка под ним провалилась, после чего он остался калекой, а администрация не выплатила «ни гроша» за нанесенное увечье. Другой рабочий, также упав, разбился насмерть. «Там, где должен был находиться прочный потолок – были кое-как накинаны доски и эта-то халатность повлекла за собой преждевременную смерть» [2;4].

Газета «Вятская речь» за 18 сентября 1908 г. сообщает, что в «слесарной, кузнечной, кровельной и литейной мастерских, стали вводиться нововведения, которые сводятся к следующему: 1) для многих рабочих механических цехов отменена выдача хозяйских рукавиц и фартуков; 2) рабочих заставили носить на своих горбах 5-ти пудовые пачки железа. Эта мера, ставя рабочих на место выючного животного, вместе с тем отнимает у них добрую часть их скудного заработка, т.к. работают сдельно; 3) обращение с рабочими со стороны механика стало прямо невыносимым: площадная матерная брань ни за что ни про что, попреки в дармоедстве, в лодырничании, угрозы расчетом без всяких причин; 4) понижена заработная плата за сверхурочные и ночные работы почти вдвое» [3;4]. Данное сообщение наглядно демонстрирует произвол по отношению к рабочим со стороны механиков и администрации завода, представленной управляющим. Как правило, автор газетных статей не указывает на виновность в произволе хозяев завода, как и рабочие. Вся вина падает именно на управляющих.

Кроме того, что рабочим приходится работать в невыносимых условиях, их еще и «порют» за пьянство. «И не только порют, но бьют чем попало, уносят половину жизни, делают калеками» [4;4]. Одного такого изувеченного «рассчитали (уволнили) – куда, дескать, годем он хворый-то!» [4;4].

Для лечения недугов, заработанных на химическом производстве, рабочих отправляли в заводскую больницу, «больничные порядки которой оставляют желать лучшего» [5;3]. Больные были вынуждены лечиться в антисанитарных условиях больницы, лежать на рваных сыпавшихся соломой матрацах, уживаться с больничными клопами. От всех недугов врач прописывал «неизменные лихорадочные порошки» [5;3].

Делая вывод по работе, важно отметить, что рабочие осуществляли свою деятельность, находясь в тяжелейших заводских условиях, зачастую связанных с неоправданным риском для жизни и здоровья, за низкую заработную плату и, вследствие чего, владели голодным существованием. Исходя из данных газетных статей, мы можем говорить об отсутствии на заводе страхового и медицинского обеспечения, что является неизменным пережитком прошлого. И только по прошествии долгого времени правовое и социальное положение рабочих станет достойным.

Использование газетных статей при изучении социально-экономической жизни малых провинциальных городов позволяет отойти от применения только лишь сухого фактического материала в виде статистики и дат, а также взглянуть на события с точки зрения их очевидцев.

Литература

1. Бондюжский химический завод Елабужского уезда//Вятская речь.-1908.-20 мая.-С.4.
2. Бондюжский завод Елабужского уезда//Вятская речь.-1908.-2 июля.-С.4.
3. Бондюжский химический завод Елабужского уезда//Вятская речь.-1908.-18 сентября.-С.4.
4. Бондюжский завод Елабужского уезда//Вятская речь.-1908.-19 сентября.-С. 4.
5. Бондюжский завод Елабужского уезда//Вятская речь.-1913.-29 мая.-С.3.

Студентка IV курса факультета истории и юриспруденции филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» в г. Елабуга

ЭПОХА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация

В работе раскрывается взгляд простого человека на исторические события и личности. Целью данной работы является углубленное рассмотрение исторических событий с позиций их очевидцев. Задачи обусловлены поставленной целью: разъяснить смысл изучения истории глазами очевидцев событий; раскрыть необходимость данного подхода при изучении всеобщей и отечественной истории. Данное исследование можно использовать в последующем на занятиях по всемирной и отечественной истории, а также продолжить данное исследование, дополняя его новыми источниками.

Ключевые слова: менталитет, автор, эпоха.

В современной исторической науке большое внимание уделяется изучению менталитета населения, то есть чувств человека, его мироощущения. Если раньше история изучалась и рассматривалась «сверху», то есть с правителей, дат, основных событий, то в последнее время идет «углубление» в историю, рассмотрение исторических событий с позиций простого человека, его понимания мира. К сожалению, с каждым годом остается все меньше очевидцев событий первой половины XX в. – гражданской войны (единицы, редкие долгожители), Великой Отечественной войны (ветераны, число которых резко сокращается ежегодно, но которых мы еще можем рассказать о тех давних событиях).

В последнее время, при изучении политических режимов, предводителей, вождей, их биографий, личностных становлений, в среде историков наблюдается огромный интерес к тому, как к этим вождям относился простой человек, рабочий, семьянин или сельский учитель. Но, к величайшему сожалению, таких материалов в распоряжении нет. Однако, к большому счастью и везению то, что сохранились работы поэтов, прозаиков, драматургов, художников и других творческих деятелей, которым суждено было стать бессмертными творениями литературы и искусства. Наследие этих людей призвано заполнять белые пятна в истории не столько фактическим материалом, сколько их эмоциональным содержанием.

Произведения русской литературы богаты по своему духовному и смысловому содержанию. Мы можем не зная истории, но читая произведения отечественной литературы, формировать определенные нравственные, ценностные представления об эпохе XX в.: произведения времен Гражданской войны, сочинения русской эмиграции, стихотворения и проза, посвященные Великой Отечественной войне, деревенская проза и т. д.

Таким же образом, путем чтения литературы, хотелось бы познакомиться с эпохой 30-х гг. XX в. в других странах, в частности, в Германии.

Рассматривая немецкие фотографии и видеоматериалы тех времен, видя восторженные лица людей, окружающих фюрера, невольно задаешься определенными вопросами. Неужели люди, достаточно зрелые и адекватно мыслящие, среди которых мы видим рабочих, интеллигентов, офицеров действительно чувствовали восторг и радость при виде своего фюрера; неужели у них никогда не возникало мысли, что мероприятия, проводимые Гитлером, обрекают Германию на крах; неужели они думали, что силой оружия и порабощения других народов, завоюют величие своей нации?

«Реальная власть Гитлера как фюрера превышала масштабы власти любого монарха. Понятие «помазанника божьего» уступало место тезису о том, что Фюрер – это спаситель, избранный Провидением, и в то же время олицетворение неосознанной воли народа и посредник, ее воплощающий»².

Гитлер – личность достаточно незаурядная, и сила массового гипноза сделали свое дело. Однако, как эти люди могли поверить в исключительность своей нации, когда с ними бок о бок живет союзница по Первой Мировой войне Австрия, недавняя крупнейшая многонациональная империя, включавшая также и славянские народы? Здесь, вероятнее всего, особую роль сыграло то, что такие темпераментные лидеры, как Гитлер, акцентировали внимание на том, что особенно волновало население. Это, в первую очередь, обида германского народа за крах в Первой Мировой войне, угнетающие последствия в виде репараций и унижительной демилитаризации, возвращение территорий и т.д. Также кризис 1929-1933 гг. особо тяжким бременем лег на германский народ. А речи Гитлера только подогревали у населения злобу и необходимость реваншизма. Возможно, это стало причиной трагедии, обрушившейся на человечество в 1939-1945 гг. и унесшей жизни десятков миллионов людей.

Так или иначе, среди простого населения тогдашней Германии, были и те люди, которые понимали губительность для страны и для мира такого строя и такого вождя. Это понимали, прежде всего, военные и офицеры, которые у всех на виду приветствовали и восхваляли фюрера, а действуя подпольно организовывали заговорщические кружки против Гитлера и его окружения и, в результате, пытались осуществить государственный переворот. Среди них можно назвать: полковник фон Штауффенберг, фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Бек и Ольбрихт. Однако больший интерес для нас представляют работы деятелей литературы, тонко чувствующих разрушительные последствия такого режима для своей страны, в частности, творчество Иоганнеса Роберта Бехера (1891-1958) – немецкого поэта и прозаика. Он родился в Мюнхене в семье чиновника, с детства увлекался стихосложением. В 1917 г. вступил в независимую социалистическую партию, а затем примкнул к союзу «Спартак», созданного в ноябре 1918 г. После прихода нацистов к власти был вынужден эмигрировать. В 1935-1945 гг. проживал в СССР. Стихотворения, относящиеся к данному творческому периоду, имеют ярко выраженный патриотический характер, где Бехер призывал немецкий народ восстать против засилья нацистов у власти. «Но злобно бушевали вокруг меня/Захватчики, дельцы и шарлатаны./Они кричали: «Силою огня/мы, немцы, покорить должны все страны!»/Нет, их за немцев я признать не мог!/И я расстался с их гнездом осиным./Тому, кто грабит вдоль чужих дорог/Не буду я вовек согражданином!/Я – немец. Но я знаю: немцем быть –/Не значит в муки повергать полсвета./От этих немцев мир освободить – /Вот в чем я вижу высший долг поэта»³. Данное стихотворение пронизано болью за немецкий народ, за то, что он идет по разрушительному пути и обуреваем злостными страстями.

Небольшая, но очень содержательная «Баллада о троих» раскрывает в полной мере фашистскую эпоху в Германии, когда у эсесовца необходимость убить другого человека превращается в страсть убивать: «Эсесовец взревел: «Зарыть жид!»/Ему ответил русский: «Никогда!»/В могилу он поставлен был тогда./Еврей сказал упрямо: «Никогда!»/Палач воскликнул: «Вместе их туда!»/Из строя немец крикнул: «Никогда!»/»Ты к тем двоим заторопился, да? Всех трех зарыть, чтоб не было следа!»/И немец немцем был зарыт тогда...»⁴

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что среди жителей Германии были люди, которые адекватно и здраво оценивали ситуацию, понимая неправильность такого пути для строительства светлого будущего. Особую ценность для историка представляют и литературные произведения, которые выступают выразителями эпохи. И в этом заключается большая заслуга авторов XX в.

Литература

1. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть.-Смоленск.:Русич, 1994.-528 с.
2. Я – немец//Бехер И.Р. Избранное. - М.: Художественная литература, 1974.-560 с.
3. Баллада о троих//Бехер И.Р. Избранное. – М.: Художественная литература, 1974.-560 с.

Сергеева М.С.

к.и.н., старший преподаватель кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии
ГБОУ ВПО Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова Минздравсоцразвития РФ.

ПУТИ ЭВОЛЮЦИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX В.

Аннотация

В статье рассматривается изменение структуры фармацевтического образования в России на протяжении XIX в., когда происходило формирование его основных составляющих. Отмечена сложная причинно-следственная взаимосвязь между отдельными компонентами фармацевтического образования и их взаимное влияние на зарождение и развитие отечественной системы фармацевтического образования в XIX в.

Abstract

In article change of structure of pharmaceutical education in Russia throughout XIX century when there was a formation of its basic components is considered. The difficult cause and effect interrelation between separate components of pharmaceutical education and their mutual influence on origin and development of domestic system of pharmaceutical education in XIX century is noted.

Ключевые слова: фармация, фармацевтическое образование, фармацевтические испытания, фармацевтические курсы, магистр фармации.

² Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть.-Смоленск.:Русич, 1994.-С.424.

³ Я – немец//Бехер И.Р. Избранное. - М.: Художественная литература, 1974.-С.101.

⁴ Баллада о троих//Бехер И.Р. Избранное. – М.: Художественная литература, 1974.-С.106.

Keywords: pharmacy, pharmaceutical education, pharmaceutical tests, pharmaceutical courses, the master of pharmacy.

Проводимая в нашей стране реформа образования в рамках национального проекта направлена на удовлетворение потребностей современного общества, экономики и государства. Вопрос подготовки фармацевтических работников высокой квалификации стоит особенно остро. Компетенция фармацевтов основана на достижениях научно-технического прогресса, знаний теоретических основ медицины, успехов фармацевтических наук, последней научной литературе. Необходимость реформирования обусловлена также изменениями структуры деятельности в области лекарственного дела. Изменение фармацевтического образования должно основываться на отечественном опыте образования, педагогической традиции, выросшей на национальной культуре. Для определения путей развития системы высшего фармацевтического образования, актуальным является изучение процесса его становления.

Наши исследования показывают, что критерии, положенные в основу разработки стандартов современного высшего фармацевтического образования неизменно учитывают процесс эволюции фармацевтического образования, протекавший в XIX в., когда формировались его основные составляющие.

Одними из первых начались процессы формирования научной составляющей фармации и специализации фармацевтических дисциплин в высшей школе, находящиеся тесной взаимосвязи. Представление о фармации эволюционно изменялось на протяжении первой половины XIX в. от практического искусства к пониманию, что другой важнейшей составляющей является разработка теоретических основ фармацевтической науки, изучающей законы и особенности функционирования фармацевтической деятельности. Ведущую роль в формировании научного представления о фармации сыграли профессора российских университетов, трудам которых знания, входящие ранее в единое понятие фармация, были подразделены на «предуготовительные» и «вспомогательные» части науки фармации, разработана классификация входящих в нее научных дисциплин [1], а также сформулирована основная задача фармации - подбор наиболее удобной формы применения уже известного вещества с определенным действием на организм, в которой данное действие будет безопасным и полезным для здоровья [2]. Таким образом, к середине XIX в. фармация признавалась как «наука и искусство готовить, сохранять и распределять лекарственные вещества в требуемом количестве и согласно с врачебным назначением» [3, 19-20]. В рамках которой сформировались отдельные фармацевтические специальности: фармацевтическая естественная история, фармацевтическая химия, фармацевтическая механика, фармацевтическая наука о врачебных средствах или фармакология [3,20-21].

Во второй половине XIX в. фармация представляла собой сложную науку, объединявшую совокупность практических навыков и теоретических знаний по различным фармацевтическим научно-практическим дисциплинам: фармакогнозии, фармакологии, фармацевтической химии, технической фармации и др. Фармацевтическая химия рассматривала те же тела, что и химия, уделяя при этом огромное значение «на доброту, крепость, чистоту и вообще достоинство предмета» [4]. В задачи фармакогнозии входило изучение «простых врачебных материалов» [5] - лекарственных растений «не только в физическом и химическом, но и в торговом отношении» [5]. Приготовление из них лекарств являлось областью «практической фармации», а «происхождение лекарств, ... их физические и химические качества» - областью применения «химической фармации» [6]. Фармакология изучала влияние дозы и способа приема лекарств на лечение болезни. «Явления токсические и их объяснения, как принадлежащих области другой науки, имеющей в настоящее время полную самостоятельность» рассматривала токсикология [7].

Ведущую роль в совершенствовании научной составляющей фармации и развитии фармацевтического образования сыграло введение фармацевтических знаний в число предметов медицинского факультета, сопровождавшееся формированием практики аттестации фармацевтов в высших школах. Вслед за университетскими уставами 1802-1804 гг., допустившими аптекарей к испытаниям в стенах университетов, высочайшим указом 1809 г. право принимать экзамены на все фармацевтические звания были переданы высшим школам (университетам и академиям). Организационные изменения, происходившие в процессе аттестации фармацевтов в первой половине XIX в., были направлены на увеличение роли высших врачебно-учебных заведений в этих процессах. По правилам 1838 г. была отменена возможность получения фармацевтических званий экстерном или путем заочных испытаний в местных органах управления. Оценка знаний и присуждение всех фармацевтических званий должны были осуществляться исключительно высшими школами, что давало возможность оценить уровень подготовки фармацевтов и сформулировать критерии оценки знаний фармацевтов различных званий. Повышение квалификационных требований, предъявляемых в процессе аттестации фармацевтов на протяжении XIX в. происходило в следующих направлениях: в структуре экзамена изменялось соотношение практических навыков и теоретических знаний в сторону последних; включались оригинальные фармацевтические дисциплины (под влиянием дифференциации знаний в рамках единого понятия фармация); совершенствовалась когнитивная составляющая фармацевтических дисциплин, требовавшихся при аттестации в рамках одного звания на протяжении XIX в.; происходила систематизация требований, предъявляемых в процессе аттестации на различные фармацевтические звания.

Повышение удельного веса фармацевтических дисциплин в общей университетской программе способствовало специализации фармацевтических дисциплин в высшей школе, отразившейся в появлении самостоятельных фармацевтических кафедр, фармацевтических лекций, фармацевтических отделений и институтов в рамках медицинских факультетов. Введенный правилами 1838 г. обязательный курс университетских лекций по фармацевтическим наукам, закрепил процесс формирования практики обучения фармацевтов в высшей школе. Ремесленное обучение в аптеке профессиональным знаниям и практическим навыкам давало право на низшие фармацевтические звания, провизорские курсы в высшей школе, давали право на высшие фармацевтические звания. Формирование двухступенчатой системы обучения фармацевтов, когда практическое обучение в аптеке профессиональным навыкам закреплялось изучением теоретических основ фармацевтической профессии, сопровождалось повышением уровня общеобразовательной подготовки фармацевтов; закреплением обязательного срока практической работы фармацевтов различных званий в аптеке; увеличением срока обучения фармацевтов в университете, необходимого для закрепления теоретических знаний.

Совершенствование практики обучения фармацевтов в университетах отразилось в изменении учебных программ, направленном на обеспечение достаточной широты общеобразовательной (гуманитарной) и необходимой глубины специальной фармацевтической подготовки, отражающей научные достижения того времени. В рамках этих процессов можно выделить: дифференциацию лекций по фармации на отдельные курсы по самостоятельным фармацевтическим дисциплинам (фармакология, фармакогнозия, рецептура, фармацевтическая химия, технология лекарств и т.д.); закрепление в структуре фармацевтического образования обязательного систематического курса практических занятий по различным дисциплинам (все виды химии, фармация, фармакогнозия, токсикология и т.д.); разделение преподавания фармацевтических наук для медиков и фармацевтов, активное включение в учебный процесс отечественных и зарубежных научных достижений, отраженных в научной и учебной литературе того времени.

Включение в учебную программу высшей школы специализированного фармацевтического курса предполагало в дальнейшем стимулирование научно-исследовательской работы в данном направлении. Правила 1838 г. поощряли научную работу фармацевтов, разрешая провизорам, издавшим «уважаемые в ученом свете, сочинения по части фармации, химии или естественных наук» получить звание аптекаря без экзаменов. Введение правилами 1845 г. ученой степени магистра фармации зафиксировало в профессии научно-исследовательскую составляющую. Присуждаемая после написания и защиты диссертации, ученая степень свидетельствовала о наличии научного мышления у ее обладателя и ориентировала фармацевтов на интеллектуальную деятельность (магистр фармации, имел право осуществлять научную и педагогическую работу в университетах и академиях).

Формирование специализированных фармацевтических научно-исследовательских и учебных заведений стало предметом общественных дискуссий в научных кругах во второй половине XIX в. Вопросы организации системы фармацевтического образования в 1875 г. изучала специальная Медицинская комиссия. Разработанный ей проект реформ предлагал отказаться от ремесленного обучения и

унифицировать образование за счет создания системы низших и высших фармацевтических школ с полноценным сроком обучения. В ходе реформ фармацевтического образования в конце XIX в. система аптекарского ученичества была сохранена в качестве основы обучения. Процедура обучения в высшей школе также осталась неизменной, построенной на курсе провизорских лекций.

Появление новых составляющих фармацевтического образования и совершенствование составляющих сложившихся в XIX в. стремилось соответствовать эволюционно изменяющемуся представлению о высшем образовании.

Литература

1. Нелюбин А.П. Фармацевтические записки. Часть первая, содержащая Фармацию практическую (Pharmaceutisch Receptirkunst) или пространное изложение фармацевтических операций, поясненных демонстрациями из кодекса Европейских диспенсаторий. С.Пб., 1843. С. 2 - 3.
2. Иовский А. Начертание фармации. М.: Тип. Лазаревых Института Восточных языков, 1838. С. 5 - 6.
3. Трапп Ю.К. Фармакогнозия. Лекции. С.-Пб.: Изд. студ. К.Олехновича, 1876. С. 1.
4. Трапп Ю.К. Фармацевтическая химия. СПб., 1876. С. 1.
5. Справочный энциклопедический словарь. С.Пб.: Тип. К. Крайя, 1848. Т. 11. С. 19.
6. Трапп Ю.К. Записки химической и практической фармации. Лекции. СПб.: Изд. Лекарь И.Малюшницкий, 1861. С. 1.
7. Соколовский А.А. Руководство частной фармакологии. М.: Тип. Ф.Иогансон, 1875. с. V.

Сизикова И.В.

Аспирант, преподаватель ТюмГАСУ

Научный руководитель проф.Софронов Вячеслав Юрьевич

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ М.М. СПЕРАНСКОГО: РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В 19 ВЕКЕ

Попытка провести исторический анализ реформирования системы общего гражданского управления в Тобольской губернии и всей Сибири при участии М.М.Сперанского. Возможно использование статьи в качестве дополнительного источника при обучении студентов ВУЗов, а также при проведении исследований.

Ключевые слова: Образование, ценности, мировоззрение, культура

Key words: Education, values, outlook, culture

В 1819 году в Сибирь новым генерал-губернатором был назначен М.М.Сперанский. Александр I назначил Сперанского на эту должность в первую очередь как ревизора и представителя центральной власти, который должен был провести реорганизацию устройства сибирского края.

В первую очередь М.М.Сперанский постановил разделить Сибирь на два генерал-губернаторства: на Западную с центром в Тобольске и Восточную Сибирь с центром в Иркутске. Губернии делились на округа, а последние — на волости и инородческие управы. Далее, коллегиальные советы должны были, по замыслу Сперанского, стать гарантами законности принимаемых решений. В состав Главных управлений под председательством генерал-губернатора входило по шесть чиновников: трое по назначению самого главного начальника края, а трое представляли интересы министерства внутренних дел, финансов и юстиции. В таком механизме формирования советов нашли сочетание принципы отраслевого, территориального и общегосударственного уровней реформирования, в т.ч. централизаторские и децентрализаторские тенденции. Эти и другие положения 22 июля 1822 года были закреплены Александром I в своде из 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение»: «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами».

Согласно Сибирскому Учреждению были созданы четыре уровня управления: Управление волостное, Управление окружное, Управление губернское, Управление главное.

Рассмотрим подробнее особенности каждого уровня управления.

- Управление волостное: Волость являлась низшей административной единицей народного самоуправления, образуемой из смежных сельских обществ. Не смотря на то, что образование такого управления не требовало особых перемен, новым Уставом было предусмотрено внесение некоторых дополнений и нововведений. К данной степени управления причисляются и родовые Управы инородцев, характеризующие правила поведения и проживания иностранцев, то есть правила, по которым они должны действовать - также составили предмет особого положения.

- Управление окружное: из волостей составляются округа, после чего волостные управленческие дела в сфере ревизии, надзора и жалоб восходя выше, объединяются в окружном управлении. Что составило в Сибирском Учреждении вторую степень управления. Дела на данной ступени управления стекаются из разных мест и с различными обстоятельствами, становясь сложными, что не позволяет объединить их в одно рассмотрение. Потому степень их разделения установлена в три уровня: *Уездный Суд, Земский Суд и Казначейство*. Помимо дел, присвоенных каждому из уровней, существовали дела, которые нет возможности отнести к какому-либо из уровней. Поэтому их относят к Делах надзора. Из-за того что никакое селение не должно было само выполнять надзорные функций, стало необходимым создание надзорного органа, так как все надзорные функции не могли быть вверены только одному Стряпчему.

Следующие меры управления должны были быть вверены надзорному органу: свидетельство и проверка всех сумм казенного имущества, ревизия недоимки, ревизия и составление справочных цен, на которых основаны обширные казенные (государственные) заготовки и миллионные учеты, что определяло первоначальный распорядок волостных земских повинностей. При этом, все перечисленные и иные обязанности не могли быть вверены в действие только одного Земского Суда, чтобы исключить самоуправство одного исправника. Следовательно, в Окружном Управлении, помимо Уездного Суда, Земского Суда и Казначейства, необходимо было создать орган, а не назначить одно должностное лицо, который бы исполнял функции надзора. Состав такого органа был определен как объединенное присутствие начальников каждой части уездов и Стряпчего под председательством одного окружного начальника.

Таким образом, окружное управление в раздельном составе представляло собой три части: Уездный Суд, Земский Суд и Казначейство. В объединённом же присутствии и действуя по другим правилам, оно составляло сосредоточие и объединение их, то есть Общее Окружное Управление. Но так как округа в Сибири весьма разнообразны, выделяют следующие: густонаселенные, малонаселённые, средние, но по пространству весьма обширные. В связи с чем, невозможно для всех разных округов прилагать один устав управления. *Общее Окружное Управление и особенный Окружной Начальник* были необходимы в *обширных* округах, довольно населенных, но отдаленных от губернского управления. И напротив, они не были столько необходимы в округах *средних* и совсем были не нужны в округах *малонаселенных*.

- Управление губернское: Управление губернское, как и управление окружное, также было разделено на три части: полицию, суд, хозяйство, то есть Губернское Правление, Губернский Суд и Казенную Палату.

Нужно отметить, что как и на окружном уровне, так и на губернском уровне была необходимость сосредоточения власти между всеми её ответвлениями и направлениями. Губернское управление состояло из двух установлений.

Первое установление - это Губернский Совет, который заведовал следующими делами: все дела по надзору и ревизия мест губернских, окружных и волостных (областных); все дела по жалобам и протестам о нарушении судебных процессов на уровне окружных судов; все предметы управления, которые требовали общего ведения хозяйственной и исполнительной частей.

Второе установление составляли отдельные места управления полицейского, судебного и хозяйственного, то есть Губернское правление, Губернский суд и Казённая палата. В таком виде были составлены правила, по которым было основано и осуществлялось управление всей Сибири как третьей степени управления государства Российского.

- Главное Управление: было бы излишне доказывать необходимость и пользу данной степени управления, поскольку все продовольственные связи, взаимоотношения между населением, дела горные, военные и пограничные между губерниями и областями в каждой главной части Сибири: Западной и Восточной, делают данную степень крайне необходимой. Вопрос заключается только в форме его составления.

Учитывая предыдущие ошибки, связанные с тем, что концентрация власти приписывалась не закону, а конкретному лицу, вследствие чего население привыкло надеяться либо страшиться личных качеств определенного начальника (ассоциация «лицо = должность»), а не от законных последствий самих дел, было решено установить главное управление в Сибири в виде Совета, под председательством Генерал-губернатора.

Положения и постановления Совета не имеют силы без утверждения Генерал-губернатором. Ряд полномочий Совета и Генерал-губернатора были разделены, что не требовало вмешательства в работу друг друга. Также были установлены краткие формы производства, при которых движение документов по инстанциям не встречает никаких затруднений.

В заключение обозрения исторического реформирования Сибирского управления необходимо подчеркнуть те положения, которые были заложены в качестве основания системы власти и управления Тобольской губернии и всей Сибири.

Итак, целью являлось преобразовать личную власть губернатора «согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающих; учредить действие ее так, чтобы оно было не личным и домашним, но публичным и служебным»; создание грамотного механизма власти, имея при этом простоту и удобство законов и правил, которые бы доставляли каждому уровню власти успешное развитие, движение и качественное взаимодействие; приспособление властного управления к особенному положению тех сибирских областей, которые обладают географически обширным пространством, но мало заселены.

Таким образом, во многом принципы реформирования гражданского управления Сибири, предложенная М.М.Сперанским, опережала свое время. В дальнейшем его идеи, предложенные и примененные в 1822 году, были использованы для разработки реформы 1861 года, что оказало немаловажное историческое значение и влияние на развитие правовой системы и нормотворческой деятельности российской государственности 19 века.

Литература

1. Дамешек Л. М., Личность в истории Сибири XVIII-XX веков. Сборник биографических очерков. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 34-40.
2. Замалеев А.Ф. «Восточнославянские мыслители. Эпоха средневековья». Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998.
3. Перевезенцев С. Тайны земли русской. Смысл русской истории». Москва. Вече, 2004, С.35.
4. Титов А. «Сибирь в 18 веке». Сборник старинных ручных статей. Москва, 1890. С.7-9.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андропова Н.Э.,

кандидат экономических наук, сотрудник Посольства Российской Федерации в Португальской Республике, г. Лиссабон

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются процессы трансформации мировой финансовой архитектуры (МФА) в условиях финансовой глобализации. Теоретико-методологической основой послужили фундаментальные положения классической политической экономии, а также концептуальные исследования современных российских и западных экономистов. Автор приходит к выводу, что современный глобальный кризис выявил острую необходимость реформирования МФА и создание принципиально новой теоретической парадигмы экономической науки XXI века в целом.

Ключевые слова: мировая финансовая архитектура, глобализация, институты и инструменты рынка, финансово-экономическая парадигма.

Key words: the global financial architecture, globalization, the institutions and the market instruments, the financial – economic paradigm.

Дискуссии о необходимости глобального регулирования и реформирования МФА как реакции на сильнейшие кризисы, потрясшие мировые финансовые рынки, заставляют пересмотреть теоретическое наследие, оставленное учеными - экономистами, которые стояли у истоков формирования финансовой архитектуры мирового масштаба. В настоящее время к выработке данного предмета изучения, как известно, отсутствует единый научно-исследовательский подход. Это связано, в первую очередь, со сложностью происходящих глобализационных процессов, затрагивающих не только валютно-кредитные и финансово-экономические, но и (превалирующие ныне) политико-правовые аспекты. Вопросы анализа и системного концептуального осмысления новой структуры МФА остаются разнородными по своей теоретико-методологической и практической основе. Большое количество публикаций, связанных с трансформацией и укреплением существующей финансовой архитектуры, носит бессистемный, сиюминутный характер, зачастую, с политизированным оттенком. В результате, острые дискуссии о реформировании валютно-финансового мироустройства выходят за рамки научных кругов и оказываются в центре внимания лидеров развитых и развивающихся стран, а само понятие «мировая финансовая архитектура» на сегодняшний день является одним из самых распространенных и часто используемых в мировом сообществе. В связи с этим, в научном мире возникает острая необходимость в систематизации, теоретико-методологическом осмыслении, обобщении и анализе природы, эволюции и принципов развития МФА в условиях финансовой глобализации. Так, эксперты Международного валютного фонда определяют МФА как « институты, рынки, правила игры и практика, которые правительство, бизнес и индивидуальные участники осуществляют обычно в своей экономической и финансовой деятельности» [5]. Исследователь В. Шмелев также трактует МФА через составляющие её блоки: «Мировая финансовая архитектура включает в себя в качестве основных элементов мировые деньги и институты, а также правила, обеспечивающие их эмиссию и нормальное функционирование» [6, с.67]. Российский учёный А. Моисеев, в свою очередь, полагает, что главенствующая роль в решении глобальных проблем отводится таким международным организациям универсального характера, как МВФ и Всемирный Банк [3], представители которого считают комплекс инициатив, направленных «на предотвращение и управление кризисами», мировой финансовой архитектурой [3]. Отечественный исследователь Н. Вовченко оценивает МФА в более общем плане - в качестве «институциональной структуры мировой финансовой системы, рассматриваемой в динамическом процессе» [1, с. 96]. Расширяя данную трактовку, представляется, что мировую финансовую архитектуру следует воспринимать как постоянно обновляемый облик институциональной структуры мировой финансовой системы, формирующийся на её национальном, региональном, глобальном уровнях и включающий институты, различные инструменты рынка, а также обязательства и правила, направленные, в первую очередь, на внутреннюю и внешнюю сбалансированность финансово-экономического развития в условиях глобализации. Современный этап МФА характеризуется существенными фундаментальными изменениями в её структуре, появлением в ней новых тенденций, инструментов, регуляторов и институтов. После рыночных шоков

осени 2008 года началось быстрое восстановление модели МФА, которая существовала ещё до кризиса (соответственно, при худшем состоянии государственных финансов ведущих стран). Тем не менее, очевидно, что в настоящее время возникает острая необходимость в структурных преобразованиях, как в мировой финансовой архитектуре, так и в глобальной экономике в целом. При этом особое место в данном процессе принадлежит реформированию институциональной составляющей МФА. В частности, наиболее результативными при решении проблем, связанных с преодолением кризиса и созданием новой мировой финансовой архитектуры оказались те органы, которые профессионально занимаются конкретными проблемами регулирования финансовых рынков. Что касается известных всемирных институтов, то их деятельность рассматривается экспертами как не эффективная, носящая фрагментарный характер, не позволяющий предотвратить и действенно противодействовать кризисам. В их прерогативу явно не входит непосредственная разработка и создание новой инфраструктуры финансовой архитектуры. Отсюда вся инициатива выработке предложений по данному вопросу перешла к неформальным площадкам, главной из которых в данный момент стала «Группа 20» (G 20), являющаяся совещательным органом глав государств и правительств. На «двадцатку» возложена координация на основе консенсуса деятельности международных организаций и форумов, рассматривающих наиболее сложные вопросы формирования новой мировой финансовой архитектуры. Что касается направлений такого реформирования, то на первом заседании Группы (декабрь 1999 года) были согласованы следующие: совершенствование регулирования и надзора за финансовым сектором; управление внешним долгом; роль международных стандартов и правил раскрытия информации; выбор адекватного режима валютных курсов [4, с.132-135]. Судя по определенным направлениям работы, в ней должны принимать участие различные институты и структуры международного, регионального и национального уровней при ведущей роли МВФ и МБРР, а также Базельского комитета по банковскому надзору и международной организации органов надзора за финансовыми рынками (IOSCO). Все они в различной степени участвуют в формировании стандартов и правил, кодексов и деклараций в области предоставления финансовых услуг и накопили в этом определенный опыт.

Таким образом, фактически реформа мировой финансовой архитектуры должна означать необходимость дальнейшего развития мировой финансовой архитектуры по сценарию, предусматривающему введение новых институтов, использующих многосторонние формы взаимодействия наиболее значимых участников мировой финансовой системы, а также модернизацию направлений координации деятельности этих международных экономических организаций. Кроме того, в современных условиях глобализации нарастает необходимость в новой теоретической парадигме экономической науки в целом и создании принципиально иной теоретической основы для дальнейшего развития глобальной экономики и финансов. Очевидно, что мировая финансово-экономическая парадигма, основанная на нелиберальной концепции и продолжающая сегодня действовать, находится, по сути, на грани краха, а возникший глобальный кризис, служит явным катализатором её смены. Предполагается, что для создания новой парадигмы, должны быть отброшены, прежде всего, все готовые модели, теории и концепции, а из арсенала современной экономической науки следует использовать только самые общие положения и принципы.

Литература

1. Вовченко, Н. Институциональные преобразования финансовой системы России в условиях глобализации /Н.Г. Вовченко. — Ростов-на-Дону: РГЭУ РИНХ, 2006. — С. 96.
2. Миркин Я. Аналитический доклад. Среднесрочный прогноз развития финансовой системы России - 2010-2015 годы. М., 2010.
3. Моисеев А. Международные финансовые организации. Правовые аспекты деятельности. – М: Омега, 2006.
4. Реформа международной финансовой системы. М., Бюро экономического анализа, 2001. С. 132-135.
5. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений. 2011. Институт посткризисного мира. www.postcrisisworld.org/research/podrobnее.
6. Хмыз О. Место институциональных инвесторов в меняющейся мировой финансовой архитектуре //Финансы. — 2010. —№ 6. — С. 67.
7. Шмелев В. О реформе мировой финансовой архитектуры //Финансы. — 2010. —№ 8. — С. 11.
8. Bernay A. La vente de George Soros sur la crise financier. // <http://eco.rue89.com>, 12.12.2008.
9. Focus. World Federation of Exchanges. 2004. No. 1, P. 29.
10. Paris Match, 1998, September 10, October 15.

Баяскаланов А.Б.,

магистрант, Иркутский государственный технический университет,

Баяскаланова Т.А.

к.э.н., доцент, Иркутский государственный технический университет

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МАШИНОСТРОЕНИЮ

Аннотация

Проведено исследование и систематизированы методы оценки конкурентоспособности предприятия, предложенные отечественными и зарубежными учеными.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, машиностроительный комплекс, метод, модель.

В современных условиях развития рыночных отношений формирования конкурентной среды, решение проблем конкурентоспособности хозяйствующих субъектов становится стратегическим ресурсом экономики России. Особенно актуальна эта проблема для машиностроительной отрасли. Проблема повышения конкурентоспособности продукции машиностроения и в целом эффективного управления конкурентоспособностью стоят сегодня очень остро.

Проблемы анализа и оценки конкурентоспособности сложны и многогранны. Свой вклад в решение этих проблем внесли такие зарубежные и отечественные ученые, как М.В. Ахматова, Г.Л. Багиев, А.В. Глухов, Е.П. Голубков, П.С. Завьялов, А.Н. Захаров, Ф. Котлер, В.В. Кулибанов, В.А. Федорович, В.З. Черняк, А.Н. Чубинский, В. Г. Шеметов и др., которые разрабатывали теоретические и методические аспекты оценки конкурентоспособности предприятия. Нами систематизированы и классифицированы методы оценки конкурентоспособности предприятия.

Наиболее известные на сегодняшний день модели и методы оценки конкурентоспособности предприятия можно разделить на 2 группы: расчетные (метод рейтинговой оценки, оценка на основе расчета доли рынка, метод оценки на основе теории эффективной конкуренции, метод оценки на основе потребительской стоимости) и теоретические (матрица БКГ, модель «Привлекательность – преимущества в конкуренции», матрица конкуренции по М. Портеру, метод «многоугольник конкурентоспособности предприятия»).

Что касается оценки конкурентоспособности машиностроительного предприятия, то используемые в настоящее время методики, несомненно, основываются на перечисленных выше классических моделях. Приведем некоторые из них: метод регрессионных моделей, метод на основе экспертных оценок, метод на основе преимущества рынков, метод на основе финансовых показателей.

Результаты исследования методов оценки конкурентоспособности предприятий представим в сводной таблице. Приведенная авторами данной статьи классификация (таблица 1) делает наглядной систему оценок конкурентоспособности предприятия.

Классификация методов оценки конкурентоспособности предприятия

Название метода	Достоинства метода	Недостатки метода
<i>Расчетные методы оценки конкурентоспособности предприятия</i>		
Метод рейтинговой оценки	Метод достаточно точно определяет место данного предприятия относительно его конкурентов	Сложность при расчете показателя и получении исходных данных
Оценка на основе расчета доли рынка	Метод позволяет определить тип фирмы на рынке, определить его место	Нельзя определить причины выявленного положения фирмы, разработать необходимую стратегию
Метод оценки на основе теории эффективной конкуренции	Метод охватывает все наиболее важные оценки хозяйственной деятельности предприятия; возможность применения метода как оперативного контроля деятельности отдельных служб	Сложность расчетов и сбора необходимой исходной информации
Метод оценки на основе потребительной стоимости	Оценка конкурентоспособности с учетом факторов внутренней среды фирмы	Используются только экспертные методы, сложность сбора необходимой информации
<i>Теоретические методы оценки конкурентоспособности предприятия</i>		
Матрица БКГ	При наличии достаточно достоверной информации точно показывает положение предприятия	Не показывает причин данного положения фирмы, что осложняет выработку управленческого решения
Модель «Привлекательность – преимущества в конкуренции»	Позволяет определить положение фирмы относительно конкурентов; разработать дальнейшие стратегии	Модель статична, трудно оценить качественные характеристики
Матрица конкуренции по М. Портеру	Наглядное структурирование конкурирующих сил на рынке для достижения конкурентоспособности	Не дает конкретных рекомендаций по достижению конкурентных преимуществ
Метод «многоугольник конкурентоспособности предприятия»	Достаточная легкость использования для оперативного анализа ситуации, конкурентоспособности	Сложность при расчете показателей и получении исходных данных, используется экспертный метод
<i>Методы оценки конкурентоспособности машиностроительного предприятия</i>		
Метод регрессионных моделей	Позволяет объективно оценить конкурентные возможности машиностроительного предприятия	Использовать только в рамках конкретного предприятия, для другого предприятия необходима корректировка коэффициентов регрессии
Метод на основе экспертных оценок	Проводится исследование большого количества предприятий на рынке машиностроения	Предприятие оценивается группой экспертов, а так же не учитываются производственные и финансовые показатели
Метод на основе преимущества рынков	Учитываются особенности рынка, на котором представлена машиностроительная продукция	Конкурентоспособность предприятия оценивается преимущественно по конкурентоспособности товара, что не всегда корректно
Метод на основе финансовых показателей	Большое количество показателей, что позволяет объективно оценить финансовую сторону деятельности фирмы	Не отражаются показатели, учитывающие эффективность использования трудовых, производственных, материальных, интеллектуальных, информационных ресурсов

Данная классификация далеко не полная и в дальнейшем будет пополняться новыми моделями и методами оценки конкурентоспособности.

Представленные выше методики оценки конкурентоспособности предприятия говорят о наличии огромного количества методов управления конкурентоспособностью. Однако эти методы не дают полного представления об уровне конкурентоспособности предприятия, так как при их использовании учитываются не все аспекты деятельности машиностроительного предприятия.

Н.А.Бондаренко

Аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье рассматриваются особенности формирования организационной культуры в современных бизнес-организациях в оценках как отечественных, так и зарубежных исследователей в области социологии управления, теории организации и управления персоналом.

Ключевые слова: организационная культура, жизненный цикл организации, руководство бизнес-организацией, управленческий стиль.

The article comprises the views of both Russian and foreign researchers about the peculiarities in creation of organizational culture in contemporary companies.

Key words: organizational culture, company lifecycle, business leadership, management style.

Организационная культура не формируется в одночасье, процесс ее становления достаточно длителен, так как содержание организационной культуры определяется совместно выработанным членами бизнес-организации алгоритмом решения проблем внешней адаптации и внутренней интеграции. Одним из необходимых условий формирования стабильной, сильной, жизнеспособной организационной культуры является длительная, общая для большинства членов история организационного развития. Совместный опыт членов бизнес-

организации в разрешении проблемных ситуаций, выработке приоритетов развития чрезвычайно важен, так как на его основе в одной и той же социально-экономической среде формируются различные организационные культуры.

В связи с тем, что организационная культура развивается и изменяется в течение жизни организации, можно утверждать о довольно высокой степени соотнесения ее развития с жизненными циклами организации, рассчитанными на долгосрочную перспективу представленными в «Теории жизненных циклов организации» И. Адизеса, работах Т.Ю.Базарова, Р.Х.Федяевой, В.И.Герчикова

Для объяснения особенностей развития современных бизнес-организаций во взаимосвязи с формированием организационной культуры необходимо рассмотреть последовательность этапов жизненного цикла организации и соответствующие механизмы изменения в культуре [1]:

1) «*Выживание*» - этап создания организации, когда у основателя сформировалась бизнес-идея, которую он стремится реализовать на практике. На этом этапе организационной культуре свойственны черты юношеского максимализма, убежденность в том, что все вокруг должны всячески содействовать реализации новой идеи. Опасность, которая может испортить дело в самом начале, состоит в том, что, желая реализовать свою идею, основатель организации необъективно оценивает реальное положение дел на рынке, т.к. поглощен заманчивостью самой инновации.

На этом этапе большое значение имеют ценности и внутренние обязательства руководителей организации - готовность взять на себя риск, чем выше уровень обязательств, возложенных организацией на себя при создании, тем вероятнее дальнейшее успешное развитие.

2) «*Младенчество*». Этот этап жизненного цикла бизнес-организации характеризуется неформальностью служебных отношений, отсутствием четкой иерархии между сотрудниками. Отсутствует система оценок выполненной работы, так как решение, что нужно делать, принимается стремительно, организация идет от кризиса к кризису, борется за выживание. Каждый преодоленный кризис - результат совместных усилий, каждая ошибка - стимул к преодолению кризиса.

И. Адизес подчеркивает необходимость притока денежных средств в организацию на этом этапе, то о чем руководитель не должен забывать. Залогом успешного выживания является и такой немаловажный фактор, как верность руководства идее создания устойчивой организации, то есть ответственность не только перед воплощением в жизнь своей идеи в принципе, а перед реализацией ее «здесь», «сейчас», с этими людьми и партнерами [2, с. 49].

3) «*Этап быстрого роста*» характеризуется относительной финансовой стабильностью, ростом деловых контактов. Это новый этап формирования внутренней ответственности бизнес-организации, он опасен тем, что выживание часто выглядит как процветание, хотя до этого этапа еще далеко. Организация на этом этапе внутренне еще не структурирована: решают люди, а не должности. Довольно противоречиво выглядит роль руководителя – с одной стороны, он пытается делегировать властные полномочия и ответственность сотрудникам организации, т.к. чувствует невозможность и нецелесообразность сосредотачивать все решения в своих руках, но на самом деле без руководителя не принимается ни одно значимое решение, что обусловлено боязнью, потерять контроль над ситуацией.

Р.Х. Федяева отмечает, что делегирование полномочий руководителя сверху вниз является одной из важнейших черт, присущих организационной культуре современных бизнес-организаций. У сотрудников компании должно появляться свое «информационное поле» и возможность самим принимать решения без вертикального посредничества администрации. На этапе быстрого роста, отношения между организацией и внешней средой, как правило, ущербны. Организация реагирует на предлагаемые рынком возможности, а не предвидит и не планирует их. В результате организация все больше действует методом проб и ошибок [9, с. 23].

4) «*Этап Юности*» можно назвать вторым рождением организации, являющимся процессом длительным и болезненным. Децентрализация, делегирование полномочий становятся главными задачами. Принципиально важно для развития организации появление фигуры профессионального руководителя (исполнительного директора, вице-президента), который должен выполнять функции, прежде отсутствующие или расплывчатые, то есть уметь делать то, что не умеют, к чему не готовы, те, кто работает в организации, и в то же время и основатель, и сотрудники невольно ищут «своего», «похожего на нас».

Согласно позиции Т.Ю. Базарова, на данном этапе формируется то, что исследователи организационной культуры определяют как «второе лицо» организации - система межличностных отношений, союз индивидуальностей, ядром которой являются «герои» - творцы организации, образцы для подражания (причем «герои» как врожденные, без которых и не было бы никакой организации, так и «сделанные», воспитанные в условиях становления фирмы) [3, с. 86].

При этом организационная культура бизнес-организации понимается как целостная система, но в которой возможно наличие «частных культур», которые объективно возникают в связи с различием в решаемых задачах, особенностями организационной подсистемы (отдела, группы и т.п.), территориальными особенностями. Уровень субкультур и возможность их согласования в единую организационную культуру зависит от культуры внутренних коммуникации на уровне индивидуумов и групп. Оптимизация всей этой системы - обязанность руководства фирмы - и «основателя» и «управленца» [4, с. 95].

Таким образом, объединив первые четыре этапа в развитии бизнес-организации, можно обозначить это время периодом становления, когда основной толчок к формированию организационной культуры исходит от руководства, а его культурная парадигма укореняется в организации, если ей удастся выполнить первичную задачу адаптации и выживания, вследствие чего данная парадигма может рассматриваться в дальнейшем как проявление отличительных особенностей компетенции данной организации, основа единства ее членов.

Основное внимание в этом периоде сконцентрировано на вычленинии организации из среды и отделении от конкурентов. Организация делает свою культуру ясной, определенной, как можно более интегративной и знакомит с ней новых сотрудников, либо подбирает их по принципу совместимости с культурой (см. работу [8]).

Защитные элементы культуры в период становления сохраняются и усиливаются, интегрируются и приобретают более сложную структуру. Базовые представления могут сохраняться, при этом их форма может измениться, что приводит к изменениям в поведении членов организации [5, с. 105].

Если организация успешно прошла период становления и привела к общему знаменателю свои внешние устремления, внутриорганизационные коммуникации, то наступает этап «расцвета».

5) «*Расцвет*» - это этап баланса между самоконтролем и гибкостью организации, когда формируется знание и соотнесение целей, возможностей и средств их достижения. Теоретически «расцвет» может длиться бесконечно при условии количественного и качественного роста организации - за счет притока новых сил, создания дочерних организаций и, главное, сохранения духа предприимчивости.

Ответственность руководителей выражается на данном этапе именно в этом, трудно формализуемое качество самостимуляции, понимании предпринимательской природы любого общественно-полезного и востребованного дела. В противном случае плавно наступает опасный и противоречивый этап «стабилизации».

6) «*Этап стабилизации*» характеризуется повышенным чувством безопасности у руководства организации. Очевидная стабильность положения организации на рынке приводит к тому, что ресурсы на исследовательскую деятельность урезаются в пользу расходов на экстраполятивное развитие. Это начало старения - организация начинает в большей степени ориентироваться на свое прошлое.

Этапы «расцвета» и «стабильности» представляется вполне возможным, объединить в период среднего возраста организации, когда организация сформировалась и должна поддерживать свое существование при помощи непрерывного роста и обновления. Все то,

что организация приобрела в первый период своего существования, теперь воспринимается как само собой разумеющееся, элементы организационной культуры вошли в структуру организации и в ее основные процессы.

На данном этапе возможно формирование признаков диффузии организационной культуры и потери интеграции, что обусловлено развитием влиятельных субкультур организации. Разнообразие субкультур является основой силы, конкурентоспособности организации на данном этапе жизненного цикла, тщательно продуманное использование этого разнообразия, подпитка из субкультур должны стать фундаментом построения руководством культурных изменений в организации.

По мнению В.И. Герчикова, в период среднего возраста бизнес-организации поддерживаются доминирующие культурные ценности, создаются слоганы организации, официальные, закрепляющие культуру документы и другие общественно видимые заявления о том, чем организация стремится быть и что она поддерживает, т.е. провозглашается ее философия и идеология [6, с. 13].

7) «Аристократизм» является следующим этапом в жизненном цикле бизнес-организации, переход к которому почти незаметен, а это верный признак не роста, а старения. Все больше средств идет не на инновации и развитие, а на контроль, страхование и обустройство. Имидж организации отличается следующими ключевыми моментами - конформизм в обращении, поведении, одежде. Эмоциональные всплески сотрудников воспринимаются как нарушение приличий. Если кто-либо пытается поддержать жизнеспособность организации через внедрение инноваций, то его не поддерживают, обвиняют в паникерстве и нервозности, неадекватности и неуместном самовыражении.

Внутренняя ответственность организации на данном этапе формализована, внешняя - весьма слаба, как слаба она была на первых этапах жизненного цикла. Истинное положение организации - на грани катастрофы - выявляется внезапно. Начинается работа за выживание каждого сотрудника в отдельности, но не организации в целом. Такая ситуация уже практически неизбежно ведет к следующему этапу жизненного цикла бизнес-организации - «ранней бюрократизации».

8) Этап «ранней бюрократизации» характеризуется, в формулировке И. Адизеса, «управленческой паранойей» [1, с. 108], когда руководители ищут виновных в неудачах организации, тех, кто вызывает проблемы. Происходит частая смена кадрового состава организации, в результате чего представители среднего и низшего управленческого звена, рядовые сотрудники приходят и уходят, а высшее руководство остается. Возрастает количество внутриорганизационных латеральных конфликтов, в которых сотрудники пытаются выяснить отношение и меру неправоты друг друга.

Организационная ответственность делегирована тем, кто на ранних этапах пытался спасти бизнес-организацию, но был обвинен в деструктивных покушениях на нее.

9) «Бюрократизация и смерть» как этап в жизненном цикле бизнес-организации формирует внутри нее множество систем со слабой функциональной ориентацией, когда организация обращена на себя, замкнута. Для организационной культуры характерна разорванность «информационного поля», когда каждый сотрудник владеет лишь частью информации. Замкнутая на себе, «закрытая» организация, пребывающая в стадии «развитой бюрократизации» внешне выглядит внушительно, даже угрожающе, но достаточных небольших изменений во внешней среде бизнеса, и она может исчезнуть.

Заметим, что теоретики организационной культуры обращают внимание на структурирующую роль распределения информационного потока внутри организации (см работу [7]). Делиться информацией значит отдавать часть своей власти, свободный доступ к информации способствует установлению отношений доверия между руководящим составом и рядовыми сотрудниками, а в результате - при сопричастном управлении кардинально меняется и роль руководителя - он становится не командиром, а воодушевителем, способствует самоутверждению сотрудников как личностей [9, с. 91].

Таким образом, последние этапы жизненного цикла бизнес-организации можно объединить в период зрелости и возможного упадка. Длительная совместная история приводит к формированию прочно укоренившихся в сознании сотрудников коллективных представлений о нормах, этике и, как следствие, мощной организационной культуре, что является преимуществом лишь в условиях стабильности внутренней и внешней сред.

Подведем итоги. Эффективное преодоление «болевых порогов» в развитии организации, накопление коллективного опыта в решении проблем, формирование организационной культуры возможно только при грамотном руководстве. Руководитель с позиций современной организационной культуры должен быть исследователем, который изучает свою собственную организацию, проектировщиком, формирующим познавательные процессы, делающие возможным самоорганизацию.

В случае каких-либо изменений руководитель должен оперативно принимать решение о трансформации отдельных частей культуры, для того, чтобы сделать организацию адаптивной, поменяв состав доминирующих в организации групп, тем самым, разрушив групповую или иерархическую субкультуру и начать процесс формирования новой организационной культуры.

В современный период изменения в организационной культуре могут быть связаны также и с приходом новых руководителей среднего звена, которые постепенно могут реформировать мышление высшего руководства бизнес-организации. Чаще всего это происходит, когда новый руководитель становится во главе определенной подгруппы в организации, изменяет ее культуру, добивается большого успеха, тем самым, формируя образец для подражания.

Литература:

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. – СПб., 2008.
2. Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих проблем. – СПб., 2007.
3. Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации. – М., 1996.
4. Базаров Т.Ю., Беков Х.А., Аксенова Е.А. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур. – М., 1995.
5. Герчиков В.И., Викиерстаф С. Управление персоналом. – Новосибирск, 1999.
6. Герчиков В.И. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консалтинг / Под ред. В. В. Щербины. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2004.
7. Ильиных С.А. Теория и практика организационной культуры // Проблемы современной экономики. – 2007. - №2. – С.174-176.
8. Ильиных С.А. Новые аспекты в понимании феномена организационной культуры: авторский социолого-управленческий подход // Сборник научных трудов Sworld по материалам междунаро. науч.-практич. конф-и «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2010». – Т.23.– Одесса: Черноморье, 2010.
9. Федяева Р.Х. Организационная культура и ответственность современных предпринимательских структур. – М., 1997.

Брыкалова А.А.

Россия, Ставрополь, кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Прикладная информатика» Северо-Кавказского Федерального Университета

АНАЛИЗ КООПЕРАЦИИ ФИРМ В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОДУКТОВ

В статье анализируется экономико-математическая модель дуополии, в которой фирмы осуществляют разработку инновационных продуктов. Исследуется взаимодействие между разработкой инновационных продуктов и разработкой инновационных технологий.

Ключевые слова: Экономико-математическая модель, инновация, кооперация, технология, дуополия, компания, фирма.

Key words: economic and mathematical model, innovation, collaboration, technology, duopoly, company, firm.

Инновации в значительной степени определяют экономический рост субъектов рыночной экономики и страны в целом, занятость населения и рост производительности труда, являются существенным фактором экономического развития. Сформировалось устойчивое

представление о связности экономического развития на микро- и макро-уровнях с созданием новых потенциально-полезных идей и их последующим применением в реальном секторе экономики. Поэтому решение вопросов, связанных с созданием эффективных механизмов реализации продуктовых, технологических и организационных инноваций, координация и сосредоточение их на формировании долгосрочных предпосылок устойчивого развития требуют серьезного внимания и важны в перспективе деятельности [1,2].

Многие виды продукции производятся с использованием отдельных компонентов, которые сами по себе не представляют ценности для конечных потребителей. Как правило, отдельные компоненты конечного продукта могут быть использованы при производстве различных разновидностей продукции, при условии, что соответствующие интерфейсы в различных видах продукции стандартизованы. По этой причине многие компании (являющиеся и не являющиеся конкурентами) договариваются о совместной разработке некоторых компонентов конечного продукта. Одной из причин того, что фирмы часто сотрудничают только частично, наряду с высокими транзакционными издержками, является воздействие кооперации фирм на конкуренцию на товарном рынке [1]. Решения фирм, сотрудничающих в научно-исследовательских разработках, но конкурирующих на товарных рынках, о степени кооперации, включают неявное решение о степени конкуренции. Это объясняется тем, что даже если сначала фирмы могут предпочитать более высокую степень дифференциации (более слабую конкуренцию на товарном рынке), они будут обладать ограниченной возможностью дифференцировать их продукцию, если оказываются вовлеченными в совместную разработку инновационного продукта для слишком большого числа компонентов конечного продукта. Это, в свою очередь, может означать, что совместная разработка инновационного продукта, наряду с выгодами, может включать и издержки в виде интенсификации конкуренции на товарном рынке, которая может быть существенной, особенно на рынках, на которых дифференциация продукции имеет значение для потребителей [2,3]. При моделировании кооперации фирм следует также учитывать, что во многих отраслях потенциальные конкуренты сотрудничают как в разработке инновационных продуктов, так и в разработке инновационных технологий. Большинство научно-исследовательских совместных предприятий, созданных, например, в автомобилестроении, сотрудничают не только в разработке определенных компонентов инновационного продукта, то также в разработке наиболее эффективных (снижающих производственные затраты) технологий производства этих компонентов. Однако, маловероятно, что фирмы будут сотрудничать в разработке инновационных технологий по тем компонентам конечного продукта, которые разработаны ими независимо друг от друга. Вместо этого каждая фирма проводит собственные разработки инновационных технологий по тем компонентам конечного продукта, которые разработаны самостоятельно. Тем самым имеет место прямая связь между решениями фирм относительно разработки инновационных продуктов и разработки инновационных технологий; эта связь не рассматривалась ранее в литературе.

Построена экономико-математическая модель дуополии, в которой фирмы осуществляют только разработку инновационных продуктов. Фирмы сотрудничают в производстве отдельных компонентов конечного продукта. Степень кооперации фирм определяет степень общности (и, следовательно, степень дифференциации) двух конечных продуктов. Наряду с тем, что фирмы разделяют затраты разработки общих компонентов продукта, они осуществляют независимые разработки остальных компонентов конечного продукта. Поэтому более высокая степень кооперации (т.е. более высокая степень общности продуктов) приводит к экономии затрат на разработку, однако интенсифицирует пост-инновационную конкуренцию, снижая степень дифференциации между конкурирующими конечными продуктами.

Далее в модель вводится процесс разработки инновационных технологий и исследуется взаимодействие между разработкой инновационных продуктов и разработкой инновационных технологий. По окончании разработки инновационных продуктов фирмы инвестируют в разработку инновационных технологий, которые сокращают затраты производства компонентов продукта. Рассматриваются три сценария кооперации фирм в разработке инновационных технологий: (1) отсутствие кооперации, (2) полная кооперация, (3) частичная кооперация. При всех трех сценариях предполагается, что фирмы принимают решение относительно степени кооперации в разработке инновационных продуктов. Сценарии различаются относительно процесса разработки инновационных технологий. При отсутствии кооперации компании принимают решения относительно своих инвестиций в разработку инновационных технологий независимо. При полной кооперации фирмы сотрудничают в разработке инновационных технологий для всех разрабатываемых компонентов конечного продукта, и разделяют между собой затраты на разработку инновационных технологий. В обоих сценариях нет непосредственной связи между решениями относительно разработки инновационных продуктов и разработки инновационных технологий, и они взаимодействуют только на стадии конкуренции. Наконец, при частичной кооперации фирмы сотрудничают в разработке инновационных технологий только частично: фирмы вовлекаются в совместный процесс разработки инновационных технологий только по тем компонентам конечного продукта, которые разработаны компаниями совместно [4].

Установлено, что в сценариях отсутствия кооперации и полной кооперации равновесные уровни инвестиций в разработку инновационных технологий снижаются с ростом степени кооперации в разработке инновационных продуктов. Кроме того, равновесная степень кооперации фирм в разработке инновационных продуктов выше, если предельные затраты на разработку компонентов конечного продукта и предельные затраты на осуществление разработки инновационных технологий выше. Напротив, при сценарии частичной кооперации равновесная степень кооперации фирм в разработке инновационных продуктов могут и повышаться, и понижаться с ростом предельных затрат на осуществление разработки инновационных технологий. Основной результат анализа этого сценария состоит в том, что интенсивность кооперации в разработке инновационных продуктов, определяемая как отношение объемов инвестиций в разработку инновационных технологий для общих и самостоятельно разрабатываемых компонентов конечного продукта, снижается с ростом степени кооперации фирм в разработке инновационных продуктов.

Показано, что для данной степени в разработке инновационных продуктов ранжирование равновесных объемов инвестиций в разработку инновационных технологий при различных сценариях кооперации зависит от степени дифференциации продукции. Для высоких степеней дифференциации продукции (низкой конкуренции на товарном рынке) инвестиции в разработку инновационных технологий наиболее высоки при сценарии полной кооперации, и минимальны при сценарии отсутствия кооперации. Объемы инвестиций в разработку инновационных технологий при сценарии частичной кооперации фирм находятся между соответствующими объемами при сценариях полной кооперации и отсутствия кооперации, причем объемы инвестиций в разработку инновационных технологий для общих компонентов выше объемов инвестиций в разработку инновационных технологий для самостоятельно разрабатываемых фирмами компонентов. Причина состоит в том, что когда интенсивность конкуренции невелика, предельная доходность инвестиций в разработку инновационных технологий высока, и разделение фирмами затрат при кооперации приводит к более высоким инвестициям в разработку компонентов конечного продукта, по которым фирмы сотрудничают. При низких степенях дифференциации продукции ранжирование равновесных объемов инвестиций в разработку инновационных технологий меняется на противоположное. Причина состоит в том, что когда интенсивность конкуренции высока, фирмы стремятся инвестировать агрессивно в разработку инновационных технологий для тех компонентов конечного продукта, которые разрабатываются фирмами самостоятельно, и фирмы интернализируют этот эффект конкуренции для совместно разрабатываемых компонентов конечного продукта.

Литература

1. Иванова Н. Инновационная сфера: итоги столетия // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2001. - N 8. – С. 22-34.
2. *Инновационная и конкурентная стратегия корпораций*. Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН, 1994.
3. Брыкалова А.А. Моделирование сотрудничества фирм в разработке инноваций в условиях дуополистической конкуренции // *Пространство экономики*. – 2009. – Т. 7, № 4. Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ.

Романюк Е. В.

Россия, Ставрополь, магистр Северо-Кавказского Федерального Университета

ОБЗОР КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ СЕГМЕНТАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

В данной работе рассмотрена статья о процессе сегментации потребительского рынка, определение системы поддержки решений, а также применение кластерного анализа в различных областях деятельности, распространенный набор методов кластерного анализа для решения задач маркетинга.

Ключевые слова: Сегментация, кластерный анализ, Data Mining, поддержка принятия решений. Segmentation, cluster analysis, Data Mining, decision support.

Современное содержание процесса сегментации рынка является результатом эволюции концепции маркетинга. Прежде чем производитель стал рассматривать рынок как дифференцированную структуру в зависимости от групп потребителей и потребительских свойств товара его взгляды, и сознание прошли через различные методы маркетинга: массовый, товарно-дифференцированный, целевой.

Рыночная сегментация представляет собой, с одной стороны, метод для нахождения частей рынка и определения объектов, на которые направлена маркетинговая деятельность предприятий. С другой стороны, – это управленческий подход к процессу принятия предприятием решений на рынке, основа для выбора правильного сочетания элементов маркетинга.

Объектами сегментации являются, прежде всего, потребители. Выделенные особым образом, обладающие определёнными общими признаками они составляют сегмент рынка. Основное внимание в маркетинге уделяется поиску однородных групп потребителей, имеющих сходные предпочтения и одинаково реагирующих на маркетинговые предложения.

Для успешной реализации принципов сегментации являются следующие условия:

- способность предприятия (организации) осуществлять дифференциацию структуры маркетинга (цен, способов стимулирования сбыта, места продажи, продукции);
- избранный сегмент должен быть достаточно устойчивым, ёмким и иметь перспективы роста;
- предприятие должно располагать данными о выбранном сегменте, измерить его характеристики и требования;
- избранный сегмент должен быть доступным для предприятия, т. е. иметь соответствующие каналы сбыта и распределения продукции, систему доставки изделий;
- предприятие должно иметь контакт с сегментом (например, через каналы личной и массовой коммуникации);
- оценить защищенность избранного сегмента от конкуренции, определить сильные и слабые стороны конкурентов и собственные преимущества в конкурентной борьбе.

Таким образом - только при достаточном изучении избранного сегмента и оценив собственный потенциал, производитель может принять решение о выборе сегмента.

Data Mining – мультидисциплинарная область, возникшая и развивающаяся на базе таких наук как прикладная статистика, распознавание образов, искусственный интеллект, теория баз данных и др.

Data Mining – это процесс поддержки принятия решений, основанный на поиске в данных скрытых закономерностей.

Data Mining – это процесс обнаружения в сырых данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности.

Кластерный анализ применяется в различных областях. Он полезен, когда нужно классифицировать большое количество информации.

В маркетинге это может быть задача сегментации конкурентов и потребителей. В маркетинговых исследованиях кластерный анализ применяется достаточно широко - как в теоретических исследованиях, так и практикующими маркетологами, решающими проблемы группировки различных объектов. При этом решаются вопросы о группах клиентов, продуктов и т. д. Так, одной из наиболее важных задач при применении кластерного анализа в маркетинговых исследованиях является анализ поведения потребителя, а именно: группировка потребителей в однородные классы для получения максимально полного представления о поведении клиента из каждой группы и о факторах, влияющих на его поведение.

Важной задачей, которую может решить кластерный анализ, является позиционирование, т. е. определение ниши, в которой следует позиционировать новый продукт, предлагаемый на рынке. В результате применения кластерного анализа строится карта, по которой можно определить уровень конкуренции в различных сегментах рынка и соответствующие характеристики товара для возможности попадания в этот сегмент. С помощью анализа такой карты возможно определение новых, незанятых ниш на рынке, в которых можно предлагать существующие товары или разрабатывать новые.

В сфере маркетинга Data Mining находит очень широкое применение.

Основные вопросы маркетинга "Что продается?", "Как продается?", "Кто является потребителем?" В лекции, посвященной задачам классификации и кластеризации, подробно описано использование кластерного анализа для решения задач маркетинга, как, например, сегментация потребителей.

Другой распространенный набор методов для решения задач маркетинга - методы и алгоритмы поиска ассоциативных правил. Также успешно здесь используется поиск временных закономерностей.

В сфере розничной торговли, как и в маркетинге, применяются:

- алгоритмы поиска ассоциативных правил (для определения часто встречающихся наборов товаров, которые покупатели покупают одновременно). Выявление таких правил помогает размещать товары на прилавках торговых залов, вырабатывать стратегии закупки товаров и их размещения на складах и т.д.
- использование временных последовательностей, например, для определения необходимых объемов запасов товаров на складе.
- методы классификации и кластеризации для определения групп или категорий клиентов, знание которых способствует успешному продвижению товаров.

Литература

1. Алексеев А. А. «Методика сегментирования потребителей»//«Маркетинг и маркетинговые исследования в России», №1, 2009 г.
2. Басовский Л. Е. «Маркетинг», Москва, ИНФРА М, 2009 г., - 426 с.
3. Гольцов А. В. «Перспективы использования стратегического маркетинга на предприятии». // «Маркетинг», 2008 г., №2., с.72-89.
4. Крофт М. Д. «Сегментирование рынка». Санкт-Петербург, «Питер», 2008 г. – 128 с.
5. Резниченко Б. А. «Критический анализ критериев сегментирования», «Маркетинг в России и за рубежом», №3, 2009 г.

СЕГМЕНТАЦИЯ ТОВАРНЫХ РЫНКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В данной работе рассмотрены вопросы сегментации товарных рынков с точки зрения использования в качестве инструмента стратегического планирования, рассмотрены примеры использования сегментации потребительского рынка с целью проведения внутренней и внешней реорганизации предприятий клиентского обслуживания.

Ключевые слова: Сегментация, товарные рынки, стратегическое планирование. Segmentation, product markets, strategic planning.

Сегодня сегментация потребительского рынка уже не является рядовым инструментом маркетинга; она приобретает ключевое значение для достижения успеха компании. Чтобы сегментация применялась эффективно, используемый подход должен быть интегрирован во всю маркетинговую деятельность. Нельзя ограничиваться только маркетинговыми коммуникациями. Если сегментировать своих клиентов и взаимодействовать с каждым сегментом различным образом, то об этом должна знать вся компания, и, соответственно, изменять стиль своей работы в таких сферах, как клиентское обслуживание, закупки и разработка новой продукции. Другими словами, сегментация непосредственно затрагивает структуру компании. По сути, сегментация определяет, каким бизнесом вы занимаетесь, какую выгоду вы собираетесь извлечь, а затем точно устанавливает, как эта выгода для клиентов может меняться в различных группах.

Технологический прогресс в области работы с базами данных предоставляет компаниям лучшие возможности по привязке инсайтов, полученных на основе баз данных клиентов, к эффективно сегментированным маркетинговым кампаниям.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, относится к совместимости сегментов и организационных структур. Результаты, полученные путем сегментирования, идут вразрез с интересами каналов распределения, предприятий клиентского обслуживания, торговой сети на местах, возникает упорное сопротивление. Конкретный пример: корпорация Sony. В начале 2002 года, с целью улучшения понимания запросов клиентов и уровня обслуживания, в корпорации Sony была проведена реорганизация, как внутренняя, так и внешняя, ориентированная на потребительские сегменты. Эти изменения включали в себя три основные задачи:

1. Организовать и структурировать компанию по принципу выделения потребительских сегментов с целью вдохнуть новую жизнь в отношения с клиентами.

2. Создать подразделение, специализирующееся на маркетинге потребительских сегментов.

3. Создать новое поколение товаров на основе запросов и потребностей клиентов, относящихся к «Поколению Икс и Игрек».

Еще одной сферой, где инновационные компании совершенствуют методы сегментации, является сегментация посредством таргетирования по критерию времени. Сегодня редко применяются методики с временными критериями, но они становятся все более и более актуальными. Это ясно и совершенно очевидно на таких рынках, как страхование автомобильного транспорта, где клиенты следуют модели ежегодного возобновления полисов. Однако для многих других компаний переменные, связанные с фактором времени, являются критическими, так как они позволяют увидеть, как могут меняться клиенты, а также этапы совершения ими покупок. Они позволяют компании решить вопрос о том, когда следует сосредоточить внимание на клиенте и усовершенствовать сегментацию с учетом дополнительных показателей

Конкретный пример: корпорация Lumina. Одной из компаний, которой удалось успешно внедрить стратегическую и функциональную сегментацию, является быстроразвивающаяся корпорация Lumina, занятая в индустрии досуга, чья штаб-квартира находится в Великобритании. Она применила две основные методики для приведения в действие своей стратегии в области сегментации, используя карточки постоянных покупателей для усовершенствования политики продвижения своей торговой марки.

2. Возрастание доходов за счет отслеживания покупательских моделей:

- Корпорация собирает данные о клиентах, используя карточки постоянных покупателей.

- Затем корпорация Lumina использует оперативные данные о сделках в реальном масштабе времени вместе с первоначальными данными, содержащимися в карточках постоянного покупателя, и текстовыми сообщениями для того, чтобы извлечь выгоду из существующих и меняющихся тенденций

Анализ сегментации может также использоваться для определения потенциальных брешей на существующих рынках в качестве основы для разработки новых товаров и услуг.

Трудности традиционного сегментирования с использованием маркетинговых исследований побуждают компании революционизировать сегментацию рынка, используя данные о сделках клиентуры. Эти два метода не обязательно исключают друг друга. Вполне возможно, что будущее за слиянием старого и нового. Этот принцип известен как слияние данных.

Как и любая реальная сегментация, которая изменяет подход компании к ведению своих дел, признание этого нового метода требует тщательного учета всех факторов, как внутри компании, так и за ее пределами, которые могут каким-либо образом воздействовать на нее

Литература

1. <http://b2blogger.com/articles/b2b/36.html>
2. <http://www.marketing.spb.ru>
3. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования.- СПб: 2007
4. Kotler, Philip. Principles of marketing.-5th ed.
5. <http://www.ref.by/refs/1/36108/1.html>

Дьячков М.Н.

Аспирант, Ни ИрГТУ

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ БАНКОВСКИХ ИННОВАЦИЙ

В современном мире экономики очень важную роль в жизни банков играют инновации. Какой шаг в развитии банка можно считать инновацией, а какой лишь подражание другим? В статье рассмотрено само понятие «банковских инноваций» и его смысла.

Ключевые слова: Банк, Инновации, Экономика. Banking, Innovations, Economics

Современный этап развития банковской системы России характеризуется высоким уровнем насыщенности рынка финансовыми продуктами и услугами и, как следствие, интенсивной конкуренцией между кредитными организациями. В таких условиях существенное конкурентное преимущество получают те кредитные организации, которые способны разрабатывать и внедрять новые технологии, модернизировать продуктовый ряд, разрабатывать альтернативные каналы обслуживания клиентов, то есть осуществлять инновационный процесс. В контексте этой ситуации важным представляется определить причины, по которым внедрение инноваций кредитными организациями может не принести желаемого результата, то есть обозначить ключевые для российского рынка факторы риска банковских инноваций.

В настоящее время не существует единого общепринятого определения понятия «банковская инновация». В научной литературе считается, что банковскую (либо финансовую) инновацию можно рассматривать как в узком, так и широком смысле. В первом случае инновация отождествляется с созданием ранее не существовавших (улучшенных) услуг либо продуктов. В широком смысле инновацию можно определить как «систему разноаспектных нововведений в любой сфере функционирования банка, обладающих определенным положительным экономико-стратегическим эффектом». Учитывая разброс мнений экономистов, а также реалии банковского бизнеса, сделаем заключение, что банковская инновация представляет собой новую услугу или банковский продукт, технологию их предоставления либо новый или усовершенствованный процесс, в той или иной форме повышающий эффективность деятельности банка.

Изучив сущность термина «инновация» для экономических систем и проанализировав имеющиеся различные точки зрения, было сформулировано авторское понимание банковской инновации с учётом тех изменений, которые произошли в банковском бизнесе. Банковские инновации - это доведённые до клиентов и принятые ими новые или кардинально изменённые банковские продукты, новые банковские услуги и услуги более качественного уровня, предоставленные на основе использования современных инфокоммуникационных технологий, внедрённые в банковский процесс организационные и информационные технологии, позволяющие банку напрямую или опосредованно получать экономический или социальный эффект.

В отличие от ранее предложенных пониманий сущности банковских инноваций из определения исключены термины «операции» и «сделки», использование которых, с одной стороны, не оправдано для исследования инновационных процессов в банке согласно клиентоориентированной концепции его деятельности, с другой стороны, в банковской технологии как составной элемент используется операция. К банковским инновациям, безусловно, следует относить банковские услуги, причём не только новые, но и ранее предлагаемые, в том случае, если способы их получения клиентами изменились, что привело к улучшению качества их предоставления (Интернет-банкинг). Прибыль, о которой идёт речь в определении, получает банк как вознаграждение за риск ведения инновационной деятельности, инновационная деятельность банка не может быть нацелена на «содействие в получении прибыли клиентами банка», как это утверждают некоторые авторы ранее сформулированных определений исследуемой дефиниции.

Развитие экономики всегда строилось на основе внедрения новых технологий, но в течение длительного периода этот процесс проходил крайне медленно. В условиях современной технологической революции и, особенно, в самое последнее время, когда развитые страны переходят к постиндустриальному обществу, экономическое развитие приобрело качественно новый характер.

Определяющие его черты представляются следующими:

во-первых, постановка инновационного процесса как процесса создания, распространения и использования инноваций в центр качественных, количественных и структурных изменений;

во-вторых, превращение инновационного процесса в постоянно действующий фактор;

в-третьих, скорость изменений беспрецедентно высокая.

Программа Ассоциации российских банков "Национальная банковская система России 2010-2020", утвержденная XVII съездом АРБ 5 апреля 2006 года, наметила сценарий ускоренного развития Национальной банковской системы и программу мер, способствующую:

- количественному и качественному росту основных показателей развития российских банков;

- повышению эффективности управления;

- реализации национальных проектов в сфере кредитования и др.

Поддерживая тезис о том, что "национальная банковская система – это атрибут государственности, необходимый элемент экономической независимости, политического суверенитета", – можно выделить основные положения ускоренного развития национальной банковской системы России, которые, по нашему мнению, заключаются в следующем:

1) Национальная банковская система должна быть адекватной не только социально-экономической политике государства, но и масштабам страны, потребностям регионов в обеспечении каждого человека и каждого хозяйствующего субъекта финансовыми средствами, заемными ресурсами для развития и перспективного роста. Это соотносится с важнейшими задачами, поставленными программой перед национальной банковской системой в области повышения эффективности финансового посредничества в российской экономике, обеспечении доступности банковских услуг на всей территории России;

2) Очевидна необходимость качественных изменений в развитии банковской системы, заключающихся в большей прозрачности, открытости перед клиентами и инвесторами, внедрении передовых бизнесмоделей, новых банковских технологий и банковских продуктов. Это позволит вывести банковскую систему России из отстающих от развитых стран на более высокий уровень развития по таким индикаторам, как: капитал банка по отношению к ВВП, активы банков по отношению к ВВП и кредиты банков по отношению к ВВП. Эти индикаторы в настоящее время ниже, чем аналогичные индикаторы в странах ЕС, Англии, США и Японии;

3) Для реализации любого принятого активного сценария развития банковской системы во взаимосвязи с развитием экономики страны необходим методический инструментарий и механизм инновационной деятельности каждого субъекта банковской системы.

Разработка и внедрение банковских инноваций для коммерческих банков стали уже привычной деятельностью коммерческих банков, в которой можно выделить четыре основных этапа:

1 этап Сбор и обработка информации о состоянии рынка, анализ данных о потенциальных потребностях в новых банковских продуктах и услугах.

2 этап Разработка инновационной стратегии кредитной организации, концепции нового продукта и технологии его внедрения на рынок банковских услуг (подготовка документов, разработка технологии банковских операций, обучение сотрудников, определение способов внедрения продукта (услуг) в рыночную среду, испытание качества продукта среди клиентов).

3 этап Организация по продвижению инновационного продукта (услуги), его продажа клиентам. Ключевыми факторами успеха на данном этапе являются: правильный выбор политики ценообразования, определение каналов товародвижения, учет жизненного цикла банковского продукта (стадия внедрения, стадия зрелости, стадия спада).

4 этап Оценка результатов реализации инновационных продуктов (услуг) и анализ выбранной инновационной стратегии.

Банковские инновации в зависимости от их целевого использования приобретают новые характеристики. Это позволяет систематизировать классификационные виды банковских инноваций, выделив среди них: технологические, научные, организационные, информационные, коммуникационные, маркетинговые, социальные, психологические, сервисные и другие. Вся совокупность банковских продуктов и услуг, характеризующих инновации, обусловлена взаимодействием субъектов рынка, продвигающих, реализующих и потребляющих инновации, что еще раз подчеркивает их институциональную основу.

Литература

1) Программа "Национальная банковская система России 2010-2020". – М.: Ассоциация российских банков, 2006. – URL: www.arb.ru/site/docs/NBS_10-20_050506.doc, свободный

2) Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2009 году. Издание Центрального банка Российской Федерации, 2010. – 119 с.

3) Управление инновациями в банковской сфере. Инновации и управление организациями 2011 №1. Стр. 4-8

4) Принципы и механизмы повышения эффективности банковской деятельности. Кох Лариса Вячеславовна, Автореферат. <http://www.isuct.ru>

Журило П.П.

к.э.н. Заместитель начальника 3 научно-технического отдела Центра оперативно-тактических исследований внутренних войск МВД России, соискатель кафедры экономического анализа финансов и статистики Московского университета МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИЛОВОГО КОМПОНЕНТА ГОСУДАРСТВА

Аннотация

Обеспечение экономической безопасности и противодействие угрозам экономической безопасности выступает одной из основополагающих задач государства на современном этапе. Экономическая безопасность как отдельная категория распространяется не только на человека, общество и государство, но и на хозяйствующие субъекты всей экономической системы.

В статье рассматриваются внешние и внутренние военные угрозы Российской Федерации, а также структура экономической безопасности силового компонента государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, силовые структуры государства, военные угрозы, экономическая безопасность.

Key words: materiel and technical support, economical security, program-purpose approach, methods.

Экономика, как известно, является материальной основой военной мощи, ее важнейшим компонентом, военный же сектор хозяйства играет роль связующего звена между экономикой и экономическими потребностями силового компонента государства.

Под силовым компонентом государства понимается многоуровневая, многопрофильная система, включающая три структурных компонента:

- военная сила (Вооруженные силы РФ и другие войска, воинские формирования и органы, привлекаемые к решению задач обороны и безопасности страны: ФСБ, МВД, ПС ФСБ, МЧС, ФАПСИ);

- материально-техническая база строительства, подготовки и применения военной силы (совокупность материально-технических элементов государства и общества, способных обеспечить устойчивое функционирование и развитие военной силы);

- духовный потенциал (комплекс социальных, нравственно-этических и психических явлений, которые проявляются в условиях жизни, национальном характере, традициях и исторической памяти народа).

Теория и практика всестороннего обеспечения войск имеет диалектически устойчивое развитие, основанное на объективных законах и закономерностях, базирующихся на появлении более совершенных (принципиально новых) систем вооружения и военной техники, совершенствовании способов, форм боевых действий и военно-экономических процессов.

Состав конкретных мероприятий по обеспечению военной безопасности определяется структурой внутренних и внешних угроз национальной безопасности России, основными источниками которых, в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации, являются состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение межнациональных и осложнение международных отношений [1].

В целях большей конкретизации различных видов опасностей их подразделяют на внутренние и внешние [2, с. 77].

Что касается угроз экономической безопасности, то они проявляются в таких формах, как:

- разрыв связей кооперации в производстве военной техники;
- неконтролируемое проникновение иностранного капитала в военное производство;
- целенаправленное и упорное стремление иностранных государств к завладению объектами отечественной интеллектуальной собственности, в первую очередь, в сфере производства вооружения, военной и специальной техники;
- увеличение военно-технологического отрыва ведущих государств и наращивание их возможностей по созданию образцов вооружения и военной техники (ВВТ) новых поколений;
- производство и продажа новых отечественных образцов ВВТ в другие страны до поступления их в Вооруженные силы РФ и другие силовые структуры государства;
- деформированность структуры военного бюджета, которая выражается в недопустимо низкой доле инвестиционной составляющей, что может привести в последующем к необратимым процессам в снижении научно-технического уровня военных разработок и боевого потенциала войск;
- отсутствие отработанного инструментария и механизма формализации процедур обоснования оборонных потребностей, распределения и контроля за использованием выделенных на эти цели ресурсов;
- несовершенство механизма финансирования и материально-технического обеспечения войск, приводящее к нерациональному использованию ресурсов, хищениям и, как результат, задержкам финансирования, ухудшению материального обеспечения военнослужащих;
- ошибки и пороки экономической и оборонной политики и т.д.

Объективной основой для выделения экономической безопасности силового компонента государства в качестве элемента национальной безопасности служит важная роль экономической деятельности государства в обеспечении его военной безопасности, существование военного сектора хозяйства со всей его спецификой и закономерностями развития, особым функциональным назначением [3, с. 17].

В качестве основных проблем обеспечения экономической безопасности военной организации государства выделяются:

- необходимость разработки методологической базы формирования рационального уровня расходов на военное строительство;
- создание условий для решения оборонно-промышленным комплексом возложенных на него задач по обеспечению реализации программ и планов военного строительства;
- разработка методов оптимального управления системой обеспечения экономической безопасности;
- проблемы информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений в области обеспечения экономической безопасности;
- совершенствование всей системы технического обеспечения военной организации Российской Федерации;
- развитие научно-технического задела по перспективным вооружениям.

Важнейшим условием, практически основой экономической безопасности государства выступают ее устойчивое материально-техническое обеспечение, которое, обобщая сложившиеся в литературе позиции, можно определить как всестороннее, бесперебойное и достаточное удовлетворение экономических потребностей военной организации государства, ОПК, мобилизационных мощностей экономики и др. всеми видами ресурсов, выраженных в стоимостной форме.

В рамках реализации мероприятий по материально-техническому обеспечению военной безопасности важнейшее значение имеет финансово-экономическое обеспечение войск, под которым понимается система мероприятий, организуемых и проводимых с целью своевременного и полного удовлетворения войск (сил) денежными средствами и оптимизации их использования для достижения высокой боеспособности и боеготовности. Процесс управления материально-техническим обеспечением войск осуществляется в интересах того, чтобы, мобилизуя дополнительные источники финансирования, своевременно и полностью, в пределах установленных норм обеспечить денежными средствами все потребности военной организации России, законное, оптимальное целесообразное их распределение и использование в целях обеспечения высокой боевой и мобилизационной готовности войск, решения социальных и других проблем.

Таким образом, под **управлением материально-техническим обеспечением экономической безопасности** мы понимаем научное обоснование оборонных потребностей государства, оптимальное распределение и планирование соответствующих

ресурсов, организацию их рационального, наиболее эффективного использования, в первую очередь, в военной организации государства и оборонно-промышленном комплексе.

Это возможно лишь на основе возрождения экономической мощи и минимизации затрат на экономическое обеспечение обороны путем кардинального повышения эффективности военной экономики.

Известно, что реализация планов строительства и развития военной организации государства представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных экономических, социально-политических, идеологических, военно-технических и других мероприятий, осуществляемых государством по совершенствованию облика, подготовке и развитию силовых структур в целях обеспечения военной безопасности государства.

Необходимым условием решения этой задачи является достаточное финансирование военной организации, т.к. их численность, организационно-штатная структура, техническая вооруженность, принципы комплектования, обученность личного состава и его морально-психологическое состояние, иными словами - их боеготовность и боеспособность, во многом зависят от величины и структуры оборонного бюджета, распределения ассигнований по направлениям деятельности и конкретным программам.

Именно через оборонный бюджет осуществляется непосредственная увязка реализуемости планов обеспечения национальной безопасности государства с располагаемыми ресурсами. Резкое снижение, в условиях экономического кризиса, возможностей России по финансовому обеспечению привело к существующему повышению роли оборонного бюджета в обеспечении национальной безопасности, радикальному изменению внимания к нему как со стороны государственных структур, так и общества в целом. Проблема бюджетного финансирования военной сферы широко обсуждается в средствах массовой информации, является предметом дискуссий и споров в парламенте страны, различных политических и общественных организациях.

При значительном несоответствии выделяемых и требуемых объемов финансовых средств, военное строительство превращается в процесс разрушения военной структуры государства. Существует некоторый минимально допустимый уровень военных расходов, ниже которого затраты на оборону в принципе теряют свой смысл, так как не обеспечивают достижения тех целей, ради которых они осуществляются.

Хорошо известно, что экономические возможности страны являются основой её военной мощи. Экономическое состояние страны в общем случае характеризует множество факторов, сводящихся в конечном итоге к уровню развития производительных сил и производственных отношений. Экономисты всех стран всегда стремились найти некоторые конкретные интегральные показатели, характеризующие эти две сферы экономики в целом. Очевидно, что и для анализа связей между экономикой и объемами финансирования обороны было бы наилучшим вариантом, если бы множество экономических факторов выражающих в конечном итоге уровень развития экономики и условия экономического развития страны можно было бы представить одним показателем. Такой показатель был найден и им могут быть, по мнению большинства видных экономистов, либо валовой внутренний, либо валовой национальный продукт, представляющий собой результат экономической деятельности страны за год (или какой либо другой период). Именно он отражает (при правильном расчете) уровень развития производительных сил и производственных отношений на данный момент времени, его величина аккумулирует в себе действие всех общеэкономических условий на результат общественного производства.

Таким образом, простейшим способом оценки влияния общеэкономических условий на уровень финансирования военных потребностей следует считать установление связи между ВВП и уровнем расходов на национальную оборону.

Чтобы переломить сложившуюся ситуацию с финансированием военной организации государства необходимо принять политическое решение о сбалансированности задач, стоящих перед военной организацией, с возможностями государства по их материально-техническому обеспечению. Таким образом, вне зависимости от уровня расходов на оборону, если только он не будет ниже критического, актуальной остается проблема оптимизации распределения выделенных ассигнований.

Литература

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 539 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
2. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 77 с.
3. Фарамазян Р.А. Военно-экономическое обеспечение национальной безопасности России в многополярном мире. – М.: ИМЕМО РАН, 2009. – 17 с.

Игнатушин В.К.

Старший преподаватель кафедры «Организация перевозок и безопасность дорожного движения» Автотранспортного факультета
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

ПОСЛЕДНЯЯ ШЕСТЕРЕНКА В МЕХАНИЗМЕ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация

Рассмотрена сложившаяся ситуация на рынке автотранспортных услуг РФ, проблемы безопасности при осуществлении пассажирских перевозок, необходимость принятия закона в сфере автотранспортной деятельности.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, безопасность перевозок, правовое регулирование в транспортной сфере, саморегулируемая организация.

Annotation

In article current situation on the market of motor transport services of the RF, problems of safety in the exercise passenger conveyances, need of enactment of a bill in the scope of motor transport are considered.

Key words: motor traffic, traffic safety, legal regulation of the traffic sector, self-regulating organization.

На долю автотранспорта приходится около 60 % пассажирских перевозок и 48 % от общего объема перевозок грузов. На пассажирский автотранспорт ложится 35 % всего пассажирооборота и 56 % пассажирооборота городского общественного транспорта. На протяжении 20 лет российские автотранспортники работают в условиях рыночной экономики. Изменились принципы хозяйственной и государственной деятельности, автомобильный транспорт работает и выполняет возложенные на него экономические и социальные задачи, не допуская срывов перевозок [1].

Отмена лицензирования автотранспортной деятельности привела к тому, что рынок накрыла волна неподготовленных и зачастую недобросовестных игроков. Эксперты бьют тревогу - необычайная легкость, с которой теперь может выйти на рынок автотранспортных услуг любой непрофессионал, затягивает все ту же целый узел проблем. В первую очередь обостряется проблема обеспечения безопасности дорожного движения. Кроме того, по оценкам экспертов, более 80% оборота рынка автотранспортных услуг находится в «тени». В настоящее время порядка 70% парка подвижного состава в сфере автоперевозок физически и морально устарело и не отвечает современным техническим и экологическим требованиям. Практически отсутствует страхование ответственности автоперевозчика. Катастрофически упал уровень профессиональной подготовки водителей [2].

Наглядно эта проблема отражена в ситуации с маршрутными такси. Безопасность маршрутных такси стала проблемой для миллионов россиян. Маршрутные такси все чаще становятся участниками серьезных ДТП. Происходит это как по вине водителей, так и по причине плохого технического состояния.

Во многих городах России местные власти запретили использовать в качестве маршрутных такси «Газели» и перешли на более безопасные иномарки. А некоторые города (скажем, Казань) вообще решили отказаться от маршруток и вернули автобусы.

Одной из главных проблем самого популярного вида общественного транспорта является то, что многие владельцы автотранспортных предприятий работают без необходимых лицензий на пассажирские перевозки. Еще одна проблема - кадровый состав водителей и техников.

Раньше водитель не мог выйти на работу без медицинского осмотра, машина тоже не могла выйти на линию без прохождения техосмотра.

Владельцы автотранспортных предприятий экономят на всем: покупают дешевые автомобили, стараются устроить как можно больше посадочных мест, а водителей нанимают таких, которым можно платить копейки. А ведь прибыль от извоза исчисляется миллионами рублей. Дневная выручка по Москве может достигать 300 млн рублей [3].

Нормализовать ситуацию и вывести, наконец, из «тени» автотранспортные перевозки может создание и развитие саморегулируемых организаций. Заслуживает внимания, в частности, модель саморегулирования автотранспортной деятельности, разработанная Саморегулируемой ассоциацией автомобильных перевозчиков (СААП), в течение трех лет отработавшей на практике в режиме пилотных проектов модель региональной саморегулируемой организации автотранспортников московского региона.

Суть ее в том, что саморегулируемые организации (СРО) вырабатывают и внедряют отраслевые стандарты взаимодействия, в конечном итоге ведущие к уменьшению транспортных издержек. Саморегулирование заставляет автомобильный транспорт подстраиваться под условия нормального бизнеса в других отраслях [2].

Но для развития СРО в нашей стране существует ряд ограничений правового характера. К примеру, в сферу действия «автомобильного» законодательства не входят вопросы создания системы государственного регулирования автотранспортной деятельностью.

Таким образом, современное состояние правового регулирования характеризуется отсутствием современной законодательно закрепленной системы требований к осуществлению автотранспортной деятельности и их обеспечению [4].

В этой связи целесообразно скорейшее принятие закона «Об автотранспортной деятельности», целью которого является создание правовых, экономических и организационных условий для безопасного и устойчивого функционирования автомобильного транспорта на основе формирования и предъявления обязательных требований к осуществлению автотранспортной деятельности. Законопроект закладывает основы для создания новой системы формирования требований к осуществлению различных видов автотранспортной деятельности и их обеспечению, ключевым элементом которой являются федеральные правила автотранспортной деятельности, принимаемые в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации и устанавливающие обязательные для применения и исполнения требования к процессам осуществления, характеристикам и результатам автотранспортной деятельности, к персоналу субъектов автотранспортной деятельности, к составу, содержанию, разработке и установлению стандартов и правил саморегулируемых организаций.

Помимо федеральных правил автотранспортной деятельности, система формирования требований и их обеспечения предусматривает разработку стандартов и правил саморегулируемых организаций. Указанные стандарты разрабатываются саморегулируемыми организациями, создаваемыми в соответствии с требованиями законопроекта и Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».

Очевидно, что принятие «окончательного» законопроекта снимет ограничения на развитие саморегулирования в автотранспортной сфере, что благоприятным образом скажется на качестве предоставляемых услуг в данной сфере.

Литература

1. Новичкова, А. МАФ - Конференция «Семь кругов ада пассажирского перевозчика» // А. Новичкова. – Автоперевозчик, №1, 2011.
2. Лобов, В. Очищение саморегулированием // В. Лобов. – Автомобильный транспорт, № 37 (353) 11 Сентября, 2008 г.
3. Савиных, А. Наказание маршруткой // А. Савиных. - Известия, № 33, 25 февраля 2011, с. 1
4. Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об автотранспортной деятельности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный документ] / Режим доступа: <http://www.tassrb.ru/post/49/>.

Колесникова Е.В., Злыгостева В.С.

Профессор, кафедра бухгалтерского учета, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса; студент 4 курса, специальности бухгалтерский учет анализ и аудит ЮРГУЭС

НДФЛ – ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С РАССЛОЕНИЕМ ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассмотрено - отечественный и зарубежный опыт исчисления налога на доходы физических лиц, представлена динамика изменения поступлений от НДФЛ в консолидированный бюджет РФ в связи с отменой прогрессивной шкалы налогообложения. Изучены и обобщены мнения ряда российских экономистов на данный вопрос.

Ключевые слова: подоходный налог, доходы, бюджет, налогообложение.

Keywords: income tax, income, budget, taxation.

Во все времена вопрос равномерного распределения материальных благ остро стоял перед человечеством. Современное общество выделило большое количество инструментов, позволяющих как можно лучше сгладить стратификационные контрасты. Речь идет прежде всего о налоговой системе, основным элементом которой является налогообложение граждан. Оно в большей мере влияет на экономику в целом, так как определяет объем свободных денежных средств, изменяющий платежеспособный спрос населения.

Вместе с тем в нынешних российских условиях НДФЛ не стал доминирующим в налоговой системе страны, несмотря на то, что его отчисления увеличились в общей сумме всех доходов бюджета по сравнению с предыдущими годами, а по объему поступлений в бюджет он занимает теперь 2-е место, уступая лишь налогу на прибыль. Его доля в доходах консолидированного бюджета составляет менее 15%. [1]

Таблица 1.1

Динамика изменения поступлений от НДФЛ в консолидированный бюджет РФ за последние 5 лет в номинальном выражении, млрд руб.

Налог	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
НДС	1 472,4	953,6	1 273,5	1 093,1	1 328,8	1 421,5	1 844,9
Налог на прибыль	1 332,9	1 711,3	1 875,6	2 412,4	1 353,9	1 878,5	2 270,3
НДФЛ	707,5	929,9	1 266,1	1 665,7	1 665,1	1 789,6	2 194,2

Рост поступлений от НДФЛ, еще раз подчеркивает важность данного налога. Однако, сейчас, нельзя сказать, что он соответствует реалиям современности и выполняет свою функцию.

В мировой практике налог считается справедливым, если степень неравенства в распределении доходов после вычета налога меньше, чем до налога. Для этого необходимо обратить внимание на отношение уровня личных доходов наиболее бедной части населения к уровню наиболее богатых, т.е. определить коэффициент фондов.

По данным Росстата за 4 квартал 2012 года, доходы 10% самых богатых людей страны превысили доходы 10% наименее обеспеченного населения в 14,5 раз! (десятипроцентная прослойка наиболее обеспеченного населения получает 46,3% объема денежных доходов населения) [5] В то время как, приемлемым показателем неравенства личных доходов после их перераспределения является уровень коэффициента фондов в диапазоне от 3 до 8%. [2]

Наша страна имеет наибольший, после ЮАР, уровень неравенства как среди стран «большой двадцатки», так и в группе БРИКС. Самыми бедными в нашей стране являются люди, работающие по найму, их доля среди бедняков составляет 38 процентов.[3]

Мы становимся очевидцами и участниками ничего иного, как роста экономической бедности – когда работоспособные граждане не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния, т. е. наличие работы не является гарантией безбедной жизни.

За все время существования налога законодательство менялось ни один раз: до принятия НК РФ в части налога на доходы физических лиц ставки были прогрессивными, но начиная с 2001 г. – действует единая для определенного вида доходов ставка налога - 13%

Введение единой ставки налога на доходы физических лиц было призвано вывести доходы населения «из тени». По данным статистики поступления НДС в консолидированный бюджет в 2001 - 2010 гг. имели положительную динамику. Действительно, доля НДС в налоговых доходах консолидированного бюджета увеличилась с 10,9% в 2001 г. до 23,3% в 2010 г. Однако международные эксперты не связывают данный факт с введением пропорциональной шкалы подоходного налога. По мнению Международного валютного фонда (МВФ), преимущества от введения единой ставки подоходного налога в России преувеличены. Рост собираемости НДС МВФ склонен связывать с ростом цен на энергоносители, а отнюдь не с результатом реформы 2001 г. [4]

Не смотря на то, что НДС является федеральным платежом, он наиболее важен для региональных и местных бюджетов. Централизованное распределение денежных средств оказывает пагубное влияние на социальные аспекты развития страны: оно не позволяет полностью решить проблемы «на местах». Из 83 федеральных субъектов России 70 являются дотационными, целесообразным, могло бы стать их укрупнение, о чем неоднократно говорилось в СМИ. Данная мера позволит сократить звенность цепи государственного финансирования, достигнуть сбалансированности доходов и расходов в рамках укрупнения субъектов Российской Федерации с целью повышения уровня жизни населения регионов и укрепления их экономической базы.

Сложившаяся ситуация резкой поляризации доходов населения требует введения мощных социальных гарантий, одной из которых может стать достойный необлагаемый налогом минимум равный прожиточному.

В России существуют налоговые преференции, и в 2012 году их размер был увеличен, в частности, размер налогового вычета на каждого первого и второго ребенка изменился в большую сторону и достиг 1400 руб., а на каждого ребенка, начиная с третьего – до 3 тыс. руб. в месяц. [6] Но дело в том, что данные налоговые льготы далеки от минимального уровня доходов – во II квартале 2012 года его размер составил 6,385 тыс. руб.

Также нужно отметить, что российское законодательство до 2012 года предоставляло гражданам, стандартный налоговый вычет в размере 400 руб, по отношению к прожиточному минимуму эта сумма была настолько мала, что на момент отмены разница между ними составила почти 16 раз!

Напрашивается вопрос: «Почему растут коммунальные платежи, цены подвергаются инфляционным процессам, в то время как льготы остаются незыблемыми?» Вместо индексации, общество получило отмену стандартного вычета.

Много спорных и двояких ситуаций складывается в применении законодательства.

Как уже отмечалось, в 2011 г. изменился порядок предоставления стандартного вычета на ребенка (подп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ). Теперь вычет, в частности, на каждого ребенка-инвалида до 18 лет или учащегося очной формы обучения, аспиранта, ординатора, интерна, студента, в возрасте до 24 лет, если он является инвалидом I или II группы, равен 3000 руб.

Как разъяснил Минфин России (Письмо от 19.01.2012 N 03-04-06/8-10, от 03.04.2012 N 03-04-06/5-94, от 11.07.2012 N 03-04-05/8-860) родителю ребенка-инвалида предоставляется вычет в размере 3000 руб. (абз. 6, 11 подп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ). При этом вычет на него как на первого, второго, третьего или последующего по счету ребенка не предоставляется. Обоснован данный вывод тем, что вычет на ребенка-инвалида предусмотрен специальной нормой.

Однако с данной точкой зрения можно не согласиться.

В подп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ установлены следующие размеры вычетов:

- 1) на первого и второго ребенка - 1400 руб.;
- 2) на третьего и каждого последующего - 3000 руб.;
- 3) на каждого ребенка-инвалида - 3000 руб.

Другими словами, размер стандартного вычета на ребенка зависит от двух обстоятельств: каким по счету для родителя стал ребенок и является ли он инвалидом. Исходя из буквального толкования подп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ, размер вычета необходимо определять путем сложения указанных в абз. 8, 9, 10, 11 сумм, если ребенок подпадает под соответствующий критерий. Так, вычет на единственного ребенка-инвалида в 2012 г. составит 4400 (1400 + 3000) руб. В ст. 218 НК РФ нет запрета на подобный расчет, а все неустраиваемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (п. 7 ст. 3 НК РФ).

Кроме того, предложенный финансовым ведомством подход нарушает принцип равенства налогообложения (п. 1 ст. 3 НК РФ). Продемонстрировать это можно на примере. Родитель, на обеспечении которого находятся три ребенка, первый из которых - инвалид, вправе получить вычет в размере 7400 (3000 + 1400 + 3000) руб. в месяц. Если же ребенок-инвалид - третий из трех детей, то его родитель может заявить вычет в размере лишь 5800 (1400 + 1400 + 3000) руб. Очевидно, что в указанных случаях между родителями нет существенных различий, оправдывающих неравную налоговую нагрузку. Согласно позиции Конституционного Суда РФ в таких случаях нарушается принцип равенства налогового бремени (Постановление КС РФ от 13.03.2008 N 5-П). Однако, по мнению Минфина России, это утверждение в данной ситуации не обосновано (Письмо от 02.04.2012 N 03-04-05/8-400).

Следует отметить, что работодателям во избежание споров с налоговыми органами целесообразнее рассчитывать вычет на ребенка так, как рекомендует делать Минфин России (Письмо от 19.01.2012 N 03-04-06/8-10, от 02.04.2012 N 03-04-05/8-400, от 03.04.2012 N 03-04-06/5-94, от 11.07.2012 N 03-04-05/8-860). А вот работники могут воспользоваться альтернативным вариантом расчета и заявить недостающую часть вычета в налоговой декларации (п. 4 ст. 218 НК РФ). Вернуть переплату получится, вероятно, только в судебном порядке. [7]

Российское законодательство сейчас находится на стадии поэтапного усовершенствования, постоянные изменения говорят о развивающейся сущности НДС.

Введение существенной необлагаемой базы откроет несомненные перспективы, в частности, это позволит отменить часть льгот, поскольку граждане с низким уровнем доходов являются их основными получателями. В этом случае компенсировать объем средств, недополученных бюджетом, позволит прогрессивная шкала налогообложения. Необходимость её введения совершенно очевидна, сторонники прогрессивной шкалы НДС совершенно обоснованно обращаются к изначальным принципам налогообложения, один из которых, сформулированный еще А. Смитом, гласит, что налогоплательщик, получающий большие доходы, должен нести большее налоговое бремя в сравнении с малоимущими налогоплательщиками.

Прогрессивная ставка подоходного налога имеет большое значение для экономики в соответствии с кейнсианским подходом, когда в качестве важнейшего стимула экономической деятельности рассматривается расширение платежеспособного спроса. Исходя из данного подхода, от налога освобождаются низкие доходы, а к средним и особенно высоким доходам применяется прогрессивная шкала

налогообложения. Поскольку низкие и отчасти средние доходы быстро расходуются на потребление, освобождение от подоходного налога и использование низких ставок способствуют расширению платежеспособного спроса и, соответственно, стимулируют производство. Более высокие доходы, значительная часть которых сберегается, тем самым оказывают ограничивающее влияние на расширение платежеспособного спроса и стимулирование производства. Следовательно, по мнению кейнсианцев, прогрессивное налогообложение доходов населения социально справедливо, так как способствует перераспределению доходов в пользу малоимущих слоев населения и финансированию государственных расходов, что в целом расширяет платежеспособный спрос и благоприятно влияет на развитие экономики.

Профессор В.Г. Пансков отмечает, что целесообразно было бы установить пониженную ставку НДФЛ в размере 13% по тем видам деятельности, где существуют реальные сложности налогового контроля за доходами, а именно для доходов от сдачи гражданами внаем жилых и нежилых помещений, для автоперевозчиков, для частнопрактикующих преподавателей и для другой индивидуальной трудовой деятельности. Для всех других видов доходов, т.е. для основных групп населения, получающих заработную плату в пределах средней заработной платы по стране, следовало бы ввести нижнюю ставку налога до 7 - 8%, но оставить ставку в размере 30% для тех категорий, которые получают действительно значительные доходы, сопоставимые с доходами, облагаемыми в других странах по максимальной ставке. [8]

Как один из вариантов реформирования, можно рассматривать необходимость четкой формулировки понятие «доход» в целях исчисления НДФЛ. По мнению Н.В. Пономаревой и В.А. Кашина, не может считаться доходом "компенсация затрат работника на восстановление его способности к труду". [9] Этого же мнения придерживаются И.А. Майбуров и А.М. Соколовская: "Доходом может быть только свободный до уплаты налога доход, т.е. доход, очищенный от неизбежных частных расходов, необходимых для удовлетворения самых насущных потребностей индивида и зависимых от него членов семьи" [10]. Очевидно, что возмещение необходимых затрат не может считаться таковым. В гл. 23 НК РФ действительно не используется понятие расходов, таких как питание, содержание жилища, воспитание детей и пр., тогда как в налоге на прибыль организаций приводится перечень расходов, на сумму которых предприятие может уменьшить свою налогооблагаемую базу. Вследствие этого вся полученная работником зарплата считается его доходом.

Ставка должна определяться прежде всего, исходя из размера дохода, уменьшенного на величину необходимых затрат. Дифференциация доходов по их видам не приемлема, поскольку это послужит большему развитию схем оптимизации налога. Так, пониженная ставка НДФЛ по доходам, выплачиваемым в виде дивидендов привела к выплате большого количества доходов не через заработную плату, а через выше упомянутые.

Очевидно, что на сегодняшний день, НДФЛ в большей степени выполняет фискальную функцию. В Госдуме уже несколько лет поступают законопроекты, последним из которых был проект «О внесении изменений в главу 23 Налогового кодекса РФ» в части введения прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц и увеличения стандартных, социальных и имущественных вычетов. Нужно ли говорить о том, что он не прошел стадию рассмотрения в первом чтении.

Тем не менее, на наш взгляд, очевидно, что через определенное время прогрессивное налогообложение все-таки будет введено. Во-первых, об этом свидетельствует общая политическая направленность социально-экономической политики России. Во-вторых, прогрессивное обложение НДФЛ признано эффективным в большинстве экономически развитых стран. В-третьих, Правительство будет вынуждено ввести прогрессивную ставку подоходного налога физических лиц в связи со стремительным увеличением разницы между доходами бедных и богатых слоев населения. И если не предпринимать действенных мер, то через некоторое время это приведет к дестабилизации общественно-политической ситуации в стране.

Литература

1. Финансы и кредит// Минимизация налога на доходы физических лиц с использованием вспомогательного способа/ М.В. Пыльцына, А. Г. Казьмин, И.В. Оробинская
2. "Международный бухгалтерский учет", 2012, N 18 // ОСОБЕННОСТИ НАЛОГА НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ/ К.В.Моченева
3. Грицюк М. Порок бедности //Российская газета. - 2012.- № 70 (5743)
4. <http://www.bankir.ru>.
5. www.gks.ru федеральная служба государственной статистики.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)/ 23гл.//
7. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации: Учеб. для вузов. 7-е изд., доп. и перераб. М.: МЦФЭР, 2006.
8. Пономарева Н.В., Кашин В.А. Компенсация необходимых трудовых затрат работников при подоходном налогообложении // Налоговая политика и практика. 2011. N 1 (97).
9. Майбуров И.А., Соколовская А.М. Теория налогообложения. Продвинутый курс: учебник для магистрантов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 591 с.

Колесникова Е.В., Розина Е. А.

Профессор, кафедра бухгалтерского учета, Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса;
студент 4 курса специальности бухгалтерский учет анализ и аудит ЮРГУЭС

БРЕНД - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССИВНОЙ ЭКОНОМИКИ.

Аннотация

В статье рассмотрены роль и эффективность использования брендов, торговых марок. Проведено сравнение авторских взглядов на эти понятия, анализируется рейтинг основных отечественных и зарубежных брендов. Бренд как объект бухгалтерского учета описывается с позиции национальных и международных стандартов бухгалтерского учета.

Ключевые слова: бренд, торговая марка, рейтинг, нематериальный актив.

Keywords: brand, trademark, rating, non-material asset.

Успешно развивающийся бренд, как известно из мирового экономического опыта, является двигателем, основой процветания и существования многих фирм.

Для зарубежных компаний продвижение собственных брендов – дело привычное и четко отлаженное, чего нельзя сказать о российском опыте. С 1998 года российский производитель стал активно разрабатывать брендинговую политику. Это произошло вследствие следующих факторов: во-первых, российские потребители перенасытившись зарубежными товарами, стали отдавать предпочтение отечественной продукции; во-вторых, российские товары стали намного качественнее, разнообразнее и при всем при этом еще и дешевле, что дало стабильную конкурентоспособную базу; в третьих, преодоление кризиса привело к снижению цен на телевизионную рекламу и услуги рекламных агентств и позволило даже средним компаниям воспользоваться подобного рода услугами.

Практическая эффективность брендинга заключается в:

- поддержании запланированного компанией объема продаж в конкретном рыночном сегменте и реализации в нем программы по созданию и закреплению образа производимого товара;
- обеспечении прибыльности в результате знаний об уникальных качествах товара и расширения ассортимента товаров;
- отражении в рекламных материалах и компаниях культуры страны, региона, города и т.д., где изготовлен товар, учет запросов потребителей, для которых он предназначен, а также особенностей территории, где он продается.

Исследованием брендов и составлением рейтингов занимаются агентства по всему миру. Крупнейшее бренд-консалтинговое агентство Предоставило статистические материалы о рейтинге мировых брендов размещенные бренд консалтинговым агентством Interbrand представим в таблице 1.1.

Таблица 1.1.

Рейтинг мировых брендов за период 7 лет (по данным бренд-консалтингового агентства Interbrand).

Место	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1	Coca-Cola	Coca-Cola	Coca-Cola	Coca-Cola	Coca-Cola	Coca-Cola	Coca-Cola
2	Microsoft	Microsoft	Microsoft	IBM	IBM	IBM	IBM
3	IBM	IBM	IBM	Microsoft	Microsoft	Microsoft	Microsoft
4	GE	GE	GE	GE	GE	Google	Google
5	Intel	Intel	Nokia	Nokia	Nokia	GE	GE
6	Nokia	Nokia	Toyota	Toyota	McDonald's	McDonald's	McDonald's
7	Disney	Toyota	Intel	Intel	Google	Intel	Intel
8	McDonald's	Disney	McDonald's	McDonald's	Toyota	Nokia	Apple Inc.
9	Toyota	McDonald's	Disney	Disney	Intel	Disney	Disney
10	Marlboro	Mercedes-Benz	Mercedes-Benz	Google	Disney	Hewlett-Packard	Hewlett-Packard

Другое не менее известное агентство по исследованию брендов «BrandZ» представляет собой базу данных брендов. Она содержит данные более чем от 650 000 потребителей и профессионалов в 31 странах, сравнивая более 23000 марок.[2][3] Ежегодно с 2006 года база данных используется для оценки брендов. В 2012 году был выявлен рейтинг топ-100. Для наглядности можно рассмотреть первую десятку брендов в рейтинге (табл.1.2):

Таблица 1.2

Десятка самых популярных мировых брендов 2012 года

Место	Бренд	Стоимость, млрд. долларов	Логотип	Индустрия
1	Apple Inc.	153285		Технологии
2	Google	111498		Программы
3	IBM	100849		Программы
4	McDonald's	81016		Пищевая
5	Microsoft	78243		Программы
6	Coca-Cola	73752		Пищевая
7	AT&T	69916		Телеком
8	Marlboro	67522		Пищевая
9	China Mobile	57326		Телеком
10	GE	50318		Технологии

В соответствии со статистической информацией, вышеперечисленные бренды были признаны самыми дорогими брендами в мире на 2012 год. Первое место среди них достойно занял американский гигант электроники- корпорация Apple стоимостью в 153,285 млрд. долларов, при этом стоимость ее выросла просто на немыслимое значение в 84, 3%.

Второе место принадлежит мировому поисковику Google со стоимостью в 111 млрд. долларов. Он утратил в своей стоимости 2,4 %.

Третьего места удостоена компания производителей электроники – IBM с брендовой стоимостью 81 млрд. долларов.

На четвертом месте всемирно известная сеть ресторанов McDonald's, увеличившая стоимость на 22 % до цифры в 81 млрд.долларов.

Пятерку самых дорогих брендов мира завершает гигант программного обеспечения компания Microsoft с приростом в 17% стоимости, достигшая 78 млрд. долларов.

На шестом месте мировой бренд Coca-Cola с 73 млрд. долларов, сумевший за год увеличить свою стоимость на 8.5 %.

Седьмое место занимает компания американской телефонной связи AT&T – 69 млрд. долларов.

Восьмое место в рейтинге самых дорогих мировых брендов занимает всем известный производитель табачной продукции Marlboro с 67 млрд. долларов, увеличив свою стоимость в течение года на 18%.

Девятое место принадлежит китайскому оператору China Mobile с 57 млрд. долларов, который демонстрирует рост на протяжении последних 10 лет, увеличив свою стоимость за последний год на 9%.

И, наконец, на десятом месте в рейтинге самых дорогих брендов мира за 2012 год, находится американская компания General Electric с 59 млрд.долларов.

Анализируя рейтинг, можно заметить, что в его первые 10 позиций не вошли постоянно находящиеся «на слуху» российские компании. Например, Лукойл или Газпром, поэтому можно сделать вывод о том, что данные бренды являются менее рейтинговыми за рубежом, нежели у нас в стране. Но это не говорит о том, что в России нет известных брендов вовсе. В 2010 году консалтинговое агентство MPP Consulting запустило полномасштабной проект оценки национальных брендов, в рамках которого первым рейтингом брендов стал рейтинг «Ру.Бренд-2010 – ТОП-100 российских брендов» [5] В 2011 агентством был разработан очередной рейтинг «Ру.Бренд – ТОП-100 российских брендов», который оценил стоимость национальных брендов, а также позиций каждой компании на рынке и перспектив их развития. Для наглядности приведем первые 10 позиций рейтинга табл. (1.3):

Таблица 1.3

Десятка самых популярных российских брендов в 2011 году (по данным агентства «Ру.Бренд»).

	Бренд	Стоимость млн. \$	Логотип	Отрасль
1	Beeline	8000		Телекоммуникации
2	МТС	6 800		Телекоммуникации
3	Балтика	3 150		Пивобезалкогольная отрасль
4	Лукойл	1 280		Топливо и энергетика
5	Smirnoff	1 000		Ликероводочная отрасль
6	Яндекс	911		Интернет
7	Зеленая марка	880		Ликероводочная отрасль
8	ВТБ	755		Банковские услуги
9	ТНК	724		Топливо и энергетика
10	Растишка	720		Молочная промышленность

Методика расчета данных показателей была разработана агентством MPP Consulting, в основе которого лежит анализ факторов, влияющих на рыночную стоимость бренда: положение компании на рынке, ценность бренда для потребителя и коэффициенты, характеризующие параметры состояния и перспектив развития компании. Все расчеты проводились по следующей формуле расчета стоимости бренда:

$$V = Fc * (Iq * Gq * Tq * Cq) * Uid \quad (1.1)$$

где:

V - стоимость бренда

Fc – композитный финансовый показатель

Iq - инвестиционный коэффициент

Gq - географический коэффициент

Tq - технологический коэффициент

Cq - конкурентный коэффициент

Uid - уникальный идентификатор

Стоит обратить внимание, что при расчете рейтинга стоимость бренда включает в себя исключительно стоимость торговой марки (имени) без учета производственных мощностей, инфраструктуры компании, патентов, изобретений и других материальных или интеллектуальных ценностей. [5]

Рассмотрев рейтинг самых популярных брендов в России, можно сделать вывод о том что российские бренды не столь дорогие в стоимостном выражении, нежели иностранные, но несмотря на это успешно развиваются и находят своего покупателя как на национальном рынке, так и на рынках зарубежных стран.

Итак, бренд способствует продвижению товара на рынке, потому что выполняет способствующие этому функции, а именно:

- он придает продукции индивидуальность,
- кратко излагает в ней информацию, необходимую покупателю,
- гарантирует покупателю, что тот получит то, что ожидает,
- выделяется на фоне конкурентов и показывает свою уникальность,
- предлагает больше, чем обычный товар[6].

Все это приносит положительные результаты не только компании производителю товаров или услуг, но и социально-экономическим процессам в обществе: у покупателя появляется более широкий выбор товаров, происходит увеличение поступлений в денежном эквиваленте в казну государства, а рыночная конкуренция является стимулятором производства более качественного и оригинального товара (услуги). Следовательно, бренды – явление положительное, имеющие все шансы дальнейшего развития на мировом рынке.

Бренд как объект бухгалтерского учета может отражаться в виде расходов предприятия или в виде нематериальных ценностей, в зависимости от проводимой организацией учетной политики. Учет брендов происходит в соответствии с ПБУ 14/2007, МСФО и Налоговым Кодексом Российской Федерации. Проанализировав требования учета и признания бренда, можно прийти к выводу, что ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов» и МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы» по отношению к учету и признанию брендов во многом схожи, однако все же имеют определенные индивидуальные черты. ПБУ 14/2007 имея расширенный перечень объектов нематериальных активов максимально приближает их учет к требованиям МСФО, сохранив большую долю национальной специфики. [1]

Однако перечень нематериальных активов учитываемых ПБУ 14/2007 и МСФО не совпадают, поэтому компаниям необходимо обратить внимание на этот факт при планировании трансформации отчетности, составленной по российским правилам в отчетность по МСФО. МСФО 38 отражает порядок учета, способы оценки и выявления информации по тем нематериальным объектам, которые не рассматриваются в иных формах. На наш взгляд, главная сложность признания НМА заключается в необходимости идентификации аналогичных активов и оценки их стоимости.

Несмотря на определенные различия между ПБУ 14/2007 и ст. 257 ч. 2 НК РФ в признании какого-либо актива нематериальным, в отношении бренда и товарного знака требования двух указанных документов аналогичны. [7]

Обобщим отличительные черты понятий нематериальных активов представленные в трудах отечественных и зарубежных экономистов.

Бренд:

- комплекс представлений потребителя о торговой марке, включающей в себя набор стереотипов, символов и эмоциональных ощущений черты (Кляйн Н. NO LOGO: Люди против брэндов. – М.: ООО «Добрая книга», 2003.);
- образ товара или услуги в индивидуальном сознании, определяющий покупательский выбор в конкретной товарной категории и ценовой группе (Игорь Крылов, доктор социологических наук, профессор Академии народного хозяйства);
- совокупность специфических свойств товара, за которые потребитель готов заплатить добавочную величину денежных средств (Миниард П. У. «Принятие решений потребителями» в кн. «Современное управление. Энциклопедический справочник», т.1. – М.: «Издательство», 1997.).

- это неосознаваемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования. Бренд также является сочетанием впечатления, который он производит на потребителей, и результатом их опыта в использовании бренда (Огилви Дэвид «Откровения рекламного агента», Москва, Сирин, 2001.)

- имя (название) объекта сбыта (фирмы, товара, услуги, идеи, личности и т.д.), особенностями которого являются повсеместная известность и глубокая укорененность в массовом сознании. Кроме того, БРЕНД имеет положительный знак для большой группы населения (Любашевский, Ю. Брендинг в России / Ю. Любашевский // Маркетолог [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. – 2005. – 21 окт. – Режим доступа: <http://www.marketolog.ru>);

- визуальный символ и/или имя, которые даны товару или услуге организацией и которые позволяют отличить его от конкурирующих товаров и заверяют потребителя в том, что качество товара будет неизменно высоким (Ричард Кох. Принцип 80/20. - Минск: Попурри, 2002);

- имя, термин, знак, символ или дизайн или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов (Американская ассоциация маркетинга – АМА).

Торговая марка:

- Зарегистрированное в установленном порядке обозначение, присвоенное товару для его отличия от других и указания на его производителя. Он представляет собой рисунок, символ, знак, определенное сочетание букв, цифр. (Анатомия рекламного образа Грицук А.П. История рекламы: Учебное пособие. Ч. 1. Ростов н/Д.; ЮРГИ, С 14-15);

- знак права собственности, что-то вроде гаранта (Томас Гэд. 4D Брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001.);

- Представляет собой нечто иное, как заместитель большего объема информации и способ более простого и эффективного обращения с ней. Посредством ассоциации с товаром или услугой она сообщает потребителю информацию о товаре, будь то качество, надежность, мастерство изготовления, стиль, статус или потребительская ценность (Анатомия рекламного образа/ Под общ. ред. А.В. Овруцкого – СПб.: Питер, 2004. – 224с.);

- Название, термин, знак, символ, рисунок или их комбинация, предназначенные для того чтобы идентифицировать продукт и дифференцировать его от продукта конкурента (Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс КН.2 Интонация Л., Музыка, 1971);

Товарный знак (логотип):

- Тот знак, которым торговец отличает свои товары в отличии от товаров других лиц (Г.Ф.Шершеневич Учебник русского гражданского права. М., 1995 с.264);

- Все же что-то извне прикрепленное, приданное товару, но отнюдь не составляющее часть его самого (Право на средства индивидуализации (товарные знаки, знаки обслуживания ... Авторы: Олег Александрович Городов, Городов О.А.);

- Отражение в общественном сознании объективно существующей установленной связи между специфическими потребительскими свойствами товара определенного рода и характерной внешней чертой этого товара или его упаковки (И.Э.Мамиофа Понятие и определение товарного знака // Практика изобретательской и патентно-лицензионной работы. Л., 1981 С. 9).

Как видно, из представленной информации, у российских и зарубежных специалистов в области экономики и маркетинга нет единого мнения об отличительных чертах главных терминов не материальных активов - бренда и торгового знака (марки).

Следовательно, это говорит о специфике и возможных проблемах учета указанных активов.

Литература

1. <http://www.eg-online.ru/article/91805/next4/>
2. Global brand values in the hot seat, Mark Ritson, The Age, May 23, 2006. Accessed on line November 30, 2007
3. BrandZ — brand equity. Accessed on line November 30, 2007
4. <http://bs-life.ru/marketing/brendy/brendy2012.html>
5. <http://mppconsulting.com.ua/ukrbrand/rubrand2010.pdf>
6. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=457061>
7. А.Н. Криволяз, Журнал «Современная наука: Серия Экономика и Право» № 2-2011 г

Крукле В.А.

Директор Калининградского института экономики – филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики»

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ

Цель исследования: обоснование направлений развития предпринимательства в приграничной торговле. Задачи исследования: выявление специфических характеристик приграничной торговли, изучение основных форм предпринимательства в этой сфере, определение факторов, влияющих на развитие приграничной торговли, и методов ее регулирования. Практическое применение полученных результатов: содействие развитию предпринимательства в приграничной торговле.

Ключевые слова: приграничная торговля, предпринимательство, государственное регулирование.

Key words: crossborder trade, entrepreneurship, state regulation.

Приграничная торговля является важным элементом рынка приграничных территорий, однако на современном этапе уровень ее развития в России недостаточен, ввиду отсутствия последовательно реализуемой, продуманной приграничной торговой политики, недостаточной проработки нормативно-правовой базы, регулирующей приграничную торговлю, несогласованностью во взглядах федеральных и региональных органов власти на приоритеты ее развития.

Приграничная торговля – это особая составляющая внешнеторговой деятельности. Специфика приграничной торговли заключается в высокой степени реагирования на изменения большинства из значимых условий предпринимательской среды, таких как размер пошлин и иных обязательных платежей, изменения цен на аналогичные товары на приграничных территориях сопредельных стран, возможность перевозки товаров на собственном транспорте, визовые требования, наличие неофициальных поборов и др.

В целом, можно выделить следующие наиболее существенные характеристики приграничной торговли:

- особо благоприятный режим ведения внешней торговли на ограниченной территории;
- относительно низкие транспортные издержки и наличие инфраструктуры для пересечения границы;
- высокая степень реагирования на изменения условий внешней среды;
- существенное влияние на экономическое развитие приграничных территорий;
- значительные масштабы теневого сектора в случае недостаточно действенного государственного регулирования.

Предпринимательство в сфере приграничной торговли может осуществляться в различных формах, классификация которых представлена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация форм предпринимательства в приграничной торговле

Признак классификации	Формы предпринимательства в приграничной торговле
По направлению движения потоков товаров и услуг	Импорт (ввоз), экспорт (вывоз)
По объекту купли-продажи	Торговля товарами или услугами
По степени нормативно-правовой регламентации	Закрепленные законодательно (формальные), традиционные (неформальные), нелегальные (теневые)
По способам поставки товаров и услуг	Трансграничная поставка товаров и услуг, потребление на сопредельной приграничной территории, коммерческое присутствие на сопредельной приграничной территории, временное перемещение физических лиц – поставщиков услуг на сопредельную приграничную территорию
По видам оказываемых услуг	Деловые услуги, услуги в области связи, строительные услуги и др., согласно требованиям Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС)

Предпринимательская деятельность, связанная с приграничной торговлей, осуществляется под воздействием множества факторов, среди которых можно выделить экономические, социальные и правовые, как в наибольшей мере влияющие на процессы развития предпринимательства.

Социальные факторы складываются, исходя из существующих традиций, особенностей культуры, религии, с учетом качества жизни населения региона и др. Они обуславливают формирование предпочтений потребителей относительно продуктов питания, видов досуга, моды и т.д. Кроме того, дифференциация в доходах и уровне жизни населения определяет структуру ассортимента, качество и количество товаров, которые пересекают границу в рамках приграничной торговли.

Экономические факторы, в первую очередь, включают ценовой, рыночный и инфраструктурный. Приграничную торговлю, развивающуюся под воздействием ценового фактора, то есть различий в уровнях цен на потребительские товары и услуги в сопредельных странах, называют традиционной моделью приграничного сотрудничества [1, с. 92]. Различия в уровне цен, возникающие вследствие дисбаланса между спросом и предложением, в данном случае достаточно велики, чтобы компенсировать транспортные издержки и обеспечить приемлемый объем прибыли для предпринимателей. Рыночный фактор связан с возможностью беспрепятственного входа на рынок, наличием перспективных для освоения ниш и т.д. Инфраструктурный фактор определяется относительно невысоким уровнем логистических и транзакционных издержек, возникающих в процессе перемещения товаров за границу.

Действие правовых факторов является неоднозначным, поскольку, с одной стороны, достаточный уровень проработки нормативно-правовой базы стимулирует развитие приграничной торговли между сопредельными территориями. С другой же стороны, значительные различия между характером регулирования приграничной торговли в соседних странах приводит к перемещению потоков товаров и услуг на территорию с более приемлемым для предпринимательских структур законодательством.

В целом, регулирование приграничной торговли представляет собой комплекс законодательных, организационно-административных, и экономических мероприятий, которые определяют порядок ее осуществления и преследуют цель создания благоприятных условий для деятельности предпринимательских структур в этой сфере. Оно выражается в решении стратегических и тактических задач развития внешнеторговой деятельности, обеспечении экономической безопасности, повышении благосостояния приграничных территорий.

Основной нормативно-правовой акт, регламентирующий ведение приграничной торговли, - это Федеральный закон от 08.12.2003 г. №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». В нем определены важнейшие принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности в России, включая приграничную торговлю, а также проведено разграничение полномочий между органами власти федерального и регионального уровня.

Кроме того, приграничная торговля является объектом регулирования в Федеральных законах «Об экспортном контроле», «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами», «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров», «О международных договорах» и в ряде других нормативно-правовых актов.

В научной литературе не сложился единый подход к вопросам регулирования приграничной торговли, а в мировой практике применяются в этих целях различные методы и инструменты. Особенностью механизмов регулирования приграничной торговли является то, что контрагентом всегда выступает иностранное физическое или юридическое лицо. Это требует применения особой системы регуляторов, включающих не только элементы внутреннего (национального) законодательства, но и международные правовые акты, обычаи, а также судебную (арбитражную) практику и условия договоров (контрактов). Также для приграничной торговли характерно, что реализуемые в ней отношения участников (физических и юридических лиц) подчиняются регулирующим воздействиям государственных органов, в связи с необходимостью получения лицензий на экспорт (импорт) товаров и осуществление других операций [2].

Наиболее распространенными инструментами регулирования являются планирование и прогнозирование, мероприятия кредитно-денежной, фискальной, валютной политики, осуществление административных, организационно-правовых мер, создание условий для развития конкуренции. Согласованное применение всех перечисленных методов позволяет осуществлять стратегию экспортной экспансии на приграничных рынках, обеспечивая положительное сальдо внешнеторгового баланса приграничных регионов и экономическую безопасность страны.

Следует отметить, что регулирование приграничной торговли в России на современном этапе преимущественно сводится к традиционным методам воздействия. В недостаточной степени учитываются геополитические и геоэкономические приоритеты участия приграничных регионов в процессах глобализации и интеграции. Вместе с тем, более широкое использование таких инструментов, как создание приграничных рынков, торговых комплексов, специализированных торговых центров, бирж и других подобных организаций, могло бы дать мощный импульс развитию предпринимательской деятельности в сфере приграничной торговли.

В целом, развитие предпринимательства существенно зависит от того, насколько эффективно будут действовать механизмы регулирования, будут ли созданы благоприятные условия для доступа российских товаров на рынки сопредельных приграничных территорий, предупреждаться и сниматься ограничения, разрешаться торговые споры, обеспечиваться права и обязательства в урегулировании конфликтов между участниками приграничной торговли.

С точки зрения государства, цель регулирования приграничной торговли состоит в обеспечении приоритета национальных интересов на приграничных территориях, субъекты которых участвуют в международном разделении труда. Исходя из этого, основные усилия органов власти должны быть нацелены на повышение конкурентоспособности отечественных предпринимательских структур, функционирующих на данных территориях, развитие различных форм ведения приграничной торговли, что будет способствовать повышению социально-экономической эффективности предпринимательства и росту уровня жизни населения.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих основных задач:

- формирование благоприятного инвестиционного климата в приграничных регионах;
- экономическое стимулирование внешнеторговых операций;
- создание инфраструктуры, облегчающей все виды взаимодействия между участниками из разных стран (информационной, финансовой, консультационной);
- оптимизация структуры приграничной торговли;
- обеспечение повышения уровня жизни населения приграничных территорий, что будет способствовать росту платежеспособного спроса, притоку квалифицированной рабочей силы и т.д.

Решение рассмотренных выше задач возможно на основе заключаемых между странами международных договоров и соглашений о приграничной торговле, посредством деятельности межправительственных комиссий и специально создаваемых совместных координирующих органов. Также большое значение имеет активный обмен информацией относительно норм законодательства, условий ведения приграничной торговли, ее участников, особенностей тарифного и нетарифного регулирования, возможности получения консультаций.

Эффективность функционирования механизмов государственного регулирования возрастет в случае активного участия негосударственных структур (торгово-промышленных палат, торговых представительств и другие некоммерческих организаций, содействующих процессам развития приграничной торговли), что обеспечит более результативное сотрудничество между предпринимательскими структурами и органами власти всех уровней.

Таким образом, активизация предпринимательства в приграничной торговле является весьма актуальной с позиций макро-, мезо- и микроуровня экономики. Однако на современном этапе существует ряд проблем, тормозящих развитие предпринимательской деятельности в этой сфере. В связи с этим, необходимо последовательное решение ряда взаимосвязанных задач государственного регулирования приграничной торговли, в том числе с привлечением некоммерческих структур, что даст импульс ее развитию в приграничных регионах России.

Литература

1. Бланк, И.А. Управление торговым предприятием / И.А. Бланк. М.: ЭКМОС, 1998. 416 с.
2. Кушлин, В.И. Государственное регулирование рыночной экономики / В.И. Кушлин. М.: Изд-во РАГС, 2003. 832 с.

Кузнецов С.Б.

Доцент, к.ф.-м.н., Сибирский институт управления РАНХиГС

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТАГНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Аннотация

Найдены необходимые и достаточные условия стагнации линий развития экономических показателей. Введено понятие показателя стагнации для коридоров развития. Определены показатели стагнации предельных эффективностей факторов производства и скорости обновления факторов производства. На примере ряда стран с различными уровнями экономического развития проведены численные эксперименты, подтверждающие работоспособность предлагаемого показателя стагнации.

Ключевые слова: показатель стагнации, предельные эффективности факторов производства, коридор развития экономического показателя.

Keywords: the rate of stagnation, the marginal efficiency of production factors, corridor development of economic indicators.

Состояние экономики в период стагнации сопровождается увеличением численности безработных, снижением заработной платы и уровня жизни населения. Изменение перечисленных экономических характеристик рассматриваются как показатели стагнации.

Недостатком является то, что одни характеристики показывают стагнацию, тогда когда другие могут показывать рост. Существует

несколько комплексных показателей, отражающих влияние всех перечисленных характеристик экономики. Предлагается еще один комплексный показатель стагнации.

В пространстве Ω с четырьмя степенями свободы: временем t , трудовыми ресурсами L , физическим капиталом K и человеческим капиталом H рассмотрим непрерывный показатель (например, скорость обновления факторов производства или вектор предельных эффективностей факторов производства) $\bar{F} = (F_L(L, K, H, t), F_K(L, K, H, t), F_H(L, K, H, t))$.

В рассматриваемом объеме факторов производства w выберем точку $\bar{r} = (L, K, H)$, тогда величина $\frac{d\bar{r}}{dt} = \bar{v}(\bar{r}, t)$ представляет собой скорость обновления факторов, в этой точке [1].

Вихревой линией экономического показателя \bar{F} назовем линию, касательная в каждой точке которой, совпадает с направлением вектора вихря $ROT(\bar{F}) = (ROT_L(\bar{F}), ROT_K(\bar{F}), ROT_H(\bar{F}))$. Используя динамический оператор Гамильтона [2]:

$$\nabla_i = \left(\frac{v_L}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial L}, \frac{v_K}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial K}, \frac{v_H}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial}{\partial t} + \frac{\partial}{\partial H} \right),$$

вихрь экономического показателя \bar{F} можно представить в виде:

$$ROT(\bar{F}) = \nabla_i \times \bar{F},$$

где \times — векторное произведение.

Дифференциальные уравнения вихревых линий экономического показателя имеют вид:

$$\frac{dL}{ROT_L(\bar{F})} = \frac{dK}{ROT_K(\bar{F})} = \frac{dH}{ROT_H(\bar{F})}.$$

Рассмотрим в пространстве Ω замкнутый контур C , стягивающий поверхность S на которой будем брать начальные условия для экономических объектов. Вихревой коридор развития экономики W образуется, если через точки замкнутой кривой C (не являющейся вихревой линией развития) провести вихревые линии l . На боковой поверхности вихревого коридора развития экономики выполняется равенство:

$$ROT_n(\bar{F}) = 0.$$

Развитие экономики идет по спирали, которая имеет некоторую ось. Эта ось представляет собой вихревую линию развития [2]. Вихревой коридор — это множество различных смещений вихревой линии в результате деятельности управляющих органов, конкуренции и влияния других политико-экономических явлений.

Спираль развития и вихревой коридор показаны на рис. 1.

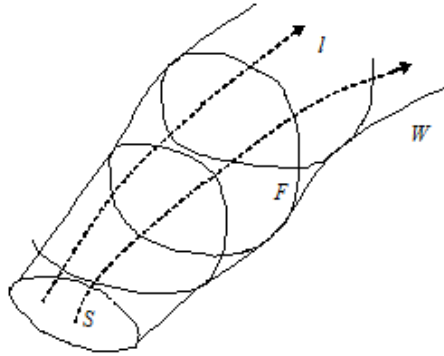

Рис. 1. Спираль развития экономического показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$

Спираль развития экономического показателя лежит на внешней поверхности вихревого коридора. На рис. 1 показаны вихревые линии l , стартующие с некоторой поверхности S в вихревом коридоре W , и спираль развития экономического показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$.

Интенсивностью коридора развития векторного экономического показателя назовем поток показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$ через рассмотренное сечение S этого коридора в некоторый момент времени t :

$$A = \int_S \bar{F}(\bar{r}, t) \cdot d\bar{S}.$$

Рассмотрим какую-нибудь линию развития, соответствующую моменту t' . Возможны два варианта: она состоит из состояний экономического объекта, которые в момент времени t принадлежали различным линиям развития или состояния экономики, составляющие к моменту времени t' линию развития, в момент t тоже образовывали линию развития. Если это последнее обстоятельство имеет место для любых моментов времени t' и t и для любых линий развития данного экономического показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$, то будем считать, что линии развития показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$ обладают свойством стагнации.

Если линии развития экономического показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$ обладают свойством стагнации, то каждый коридор развития будет в течение всего изменения факторов производства оставаться коридором развития. Он ограничен совокупностью линий, каждая из которых остается все время линией развития экономического показателя. При этом имеем два варианта:

- интенсивность коридора развития меняется во времени;
- интенсивность в любом коридоре развития экономики в течение всего развития факторов производства сохраняет свою величину, т.е. обладает свойством стагнации.

Утверждение 1. [2] Чтобы наблюдалась стагнация линий развития экономического показателя $\bar{F}(\bar{r}, t)$ и интенсивности коридоров развития, необходимым и достаточным условием является выполнение равенства:

$$\frac{\partial \bar{F}}{\partial t} + \bar{v}DIV(\bar{F}) + ROT(\bar{F} \times \bar{v}) = 0 \quad (1)$$

во всей области факторов производства и для всех моментов времени.

Здесь $DIV(\bar{F}) = \nabla_t \cdot \bar{F}$, где \cdot — скалярное произведение.

Величину $Z(\bar{F}) = \frac{\partial \bar{F}}{\partial t} + \bar{v}DIV(\bar{F}) + ROT(\bar{F} \times \bar{v})$ назовем показателем стагнации для интенсивностей коридоров

развития векторных экономических показателей. Показатель рассчитывают для некоторого временного интервала. Если значения модуля показателя представляют собой возрастающий ряд, то модуль экономического показателя растет. Если ряд убывающий, то это говорит о рецессии экономического показателя. Приближение модуля показателя к нулю показывает вступление экономики в процесс стагнации.

Показатель стагнации для интенсивности коридора скорости обновления факторов производства имеет вид:

$$Z(\bar{v}) = \frac{\partial \bar{v}}{\partial t} + \bar{v}DIV(\bar{v}).$$

Рассмотрим поведение показателя стагнации во время кризиса 2001-2002 и 2008- года на примере США, Дании, Словения и Германия. В качестве вектора скорости обновления факторов производства рассмотрим двухмерный вектор (v_K, v_L) . Показатель стагнации имеет следующую покомпонентную запись:

$$Z(v_K) = \frac{\partial v_K}{dt} + v_K \left(\frac{\partial v_K}{\partial K} + \frac{\partial v_L}{\partial L} + \frac{1}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial |\bar{v}|}{\partial t} \right), \quad Z(v_L) = \frac{\partial v_L}{dt} + v_L \left(\frac{\partial v_K}{\partial K} + \frac{\partial v_L}{\partial L} + \frac{1}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial |\bar{v}|}{\partial t} \right).$$

Используя данные из работ [3-6] получим график поведения показателя для скорости обновления факторов производства (рис. 2)

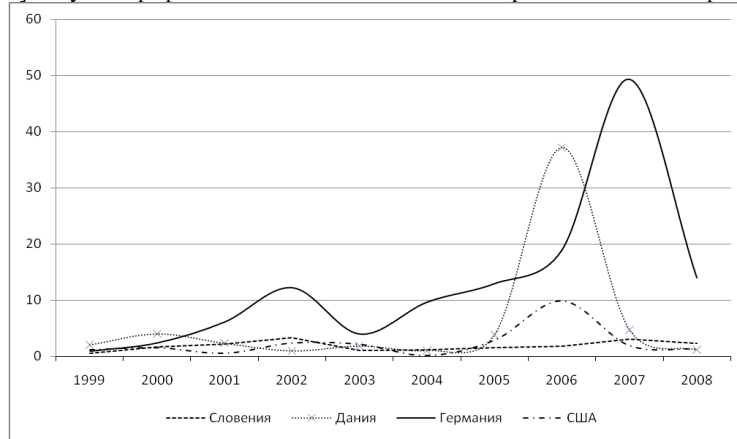

Рис. 2. Показатель стагнации.

Несмотря на то, что страны обладают различным экономическим потенциалом на рис. 2 наблюдается приближение к нулю показателя стагнации для всех стран в периоды кризисов.

Если в качестве векторного экономического показателя взять вектор предельных эффективностей факторов производства $\bar{F}(\bar{r}, t) = grad(Y)$, где Y — валовой продукт, то получим следующее следствие из утверждения 1.

Следствие. Для того чтобы наблюдалась стагнация линий развития предельных эффективностей факторов производства и интенсивности коридоров развития предельных эффективностей факторов, необходимо и достаточно во всей рассматриваемой области факторов производства для всех моментов времени выполнение равенства:

$$\frac{\partial (grad Y)}{\partial t} + \bar{v}DIV(grad(Y)) + ROT(grad(Y) \times \bar{v}) = 0.$$

Показатель стагнации для интенсивностей коридоров развития предельных эффективностей факторов производства для двух факторов физического капитала и трудовых ресурсов (F_K, F_L) имеет вид:

$$Z(F_K) = 2 \frac{dF_K}{dt} + F_K \left(\frac{\partial v_L}{\partial L} + \frac{v_L}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_L}{\partial t} \right) - F_L \left(\frac{\partial v_K}{\partial L} + \frac{v_L}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_K}{\partial t} \right) - \frac{\partial F_K}{\partial L} v_L - \frac{\partial F_K}{\partial K} v_K,$$

$$Z(F_L) = 2 \frac{dF_L}{dt} + F_L \left(\frac{\partial v_K}{\partial K} + \frac{v_K}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_K}{\partial t} \right) - F_K \left(\frac{\partial v_L}{\partial K} + \frac{v_K}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_L}{\partial t} \right) - \frac{\partial F_L}{\partial L} v_L - \frac{\partial F_L}{\partial K} v_K.$$

Анализ ряда стран на базе данных [3-5] показал, что модуль вектора показателя стагнации определил кризисы 2001 и 2008 года (рис.

3).

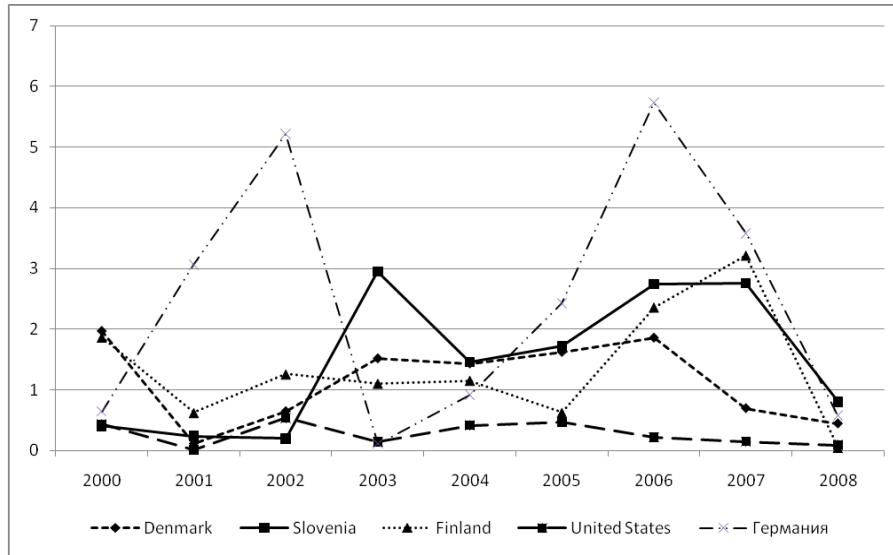

Рис. 3. Показатель стагнации для предельных эффективностей факторов производства

Выведем условие стагнации для линий развития факторов производства. Линиями развития называются линии вектора скорости обновления факторов производства \bar{V} , удовлетворяющие условию:

$$\frac{dL}{v_L(\bar{r}, t)} = \frac{dK}{v_K(\bar{r}, t)} = \frac{dH}{v_H(\bar{r}, t)}.$$

Условие стагнации линий развития можно переписать в виде:

$$\frac{d\bar{v}}{dt} \times \bar{v} = 0 \quad \text{или} \quad \frac{d\bar{v}}{dt} = \lambda \bar{v}, \quad (2)$$

где параметр $\lambda(\bar{r}, t)$ — функция от факторов производства и времени.

Следовательно, в условиях стагнации скорость обновления факторов производства пропорциональна ускорению.

Введем вместо функции $\lambda(\bar{r}, t)$ новую $\mu(\bar{r}, t)$ с помощью равенства:

$$\lambda = \frac{d \ln \mu}{dt} = \frac{1}{\mu} \frac{d\mu}{dt}.$$

Из последнего равенства следует, что $\mu = e^{\int \lambda dt}$.

Положим $\bar{v} = \mu \bar{w}$, тогда из равенства (2) получим уравнение:

$$\frac{d\mu}{dt} \bar{w} + \mu \frac{d\bar{w}}{dt} = \lambda \mu \bar{w}.$$

С другой стороны, имеем $\lambda = \frac{1}{\mu} \frac{d\mu}{dt}$, т. е. $\frac{d\bar{w}}{dt} = 0$.

Функция \bar{w} не зависит от времени, тогда общим решением векторного уравнения (2) будет $\bar{v}(\bar{r}, t) = \mu(\bar{r}, t) \bar{w}(\bar{r})$.

При этом уравнение линий развития примет вид:

$$\frac{dL}{w_L(\bar{r})} = \frac{dK}{w_K(\bar{r})} = \frac{dH}{w_H(\bar{r})}.$$

Из последних равенств видно, что линии развития факторов производства в условиях стагнации не зависят от времени и, следовательно, остаются неподвижными.

Важность данных утверждений заключается в получении математических зависимостей, описывающих направленное развитие экономики. Полученный показатель вместе с показателем для определения стагнации скалярных экономических величин [7] могут служить дополнительными инструментами определения направления развития экономики государства.

Литература

1. Кузнецов С.Б. Моделирование обновления факторов производства. // Экономический анализ: теория и практика. 2010. №40. С. 25-31.
2. Кузнецов С.Б. Векторный анализ факторов производства. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2011.— 415 с.
3. URL: <http://datacenter.chass.utoronto.ca/>.
4. URL: <http://www.euklems.net/eukdata.shtml/>.
5. URL: <http://laborsta.ilo.org/>.
6. URL: <http://www.eco.rug.nl/ggdc/index-dseries.html/>.
7. Кузнецов С.Б. Дифференциальное представление показателя стагнации. // Актуальные проблемы экономики и права. 2011, №1(17). С. 190-194.

Главная задача данной статьи – внести ясность в проблему санации предприятия в условиях кризиса. Важно понять, что проблема – не только на законодательном уровне, но и на уровне взаимоотношений субъектов хозяйствования. Только в этом случае регулирование вопросов, связанных с банкротством, будет менее «болезненным».

Ключевые слова: кризис, санация, должник, кредитор

Key words: crisis, sanitation, debtor, creditor

Основной удар мирового экономического кризиса 2009 года пришелся на большинство функционирующих предприятий, значительное количество которых до кризиса пребывало на стадии зрелости. Сейчас, согласно жизненному циклу, эти фирмы находятся на этапе старости.

В первую очередь данный этап характеризуется невозможностью производства в достигнутых на этапе зрелости высоких объемах. Происходит это, во многом, по причине устаревания основного капитала, технологий производства. Партнеры уже не чувствуют былую уверенность, работая с данной фирмой, ибо объемы и качество производства, как правило, снижаются.

У фирмы на данном этапе есть несколько вариантов продолжения своей деятельности:

а) прекращение своего существования

б) проведение санации (оздоровления), дающей возможность вернуться к устойчивому производству [1, с. 57]

в) переход к производству иных товаров или услуг (диверсификация)

Под прекращением своего существования фактически понимается признание фирмой себя банкротом. Производство полностью останавливается, предприятие перестает существовать как самостоятельный субъект рынка.

На современном этапе в российской экономике недостаточно развит механизм признания банкротом юридического лица, в основном – правовая сторона механизма. Обязанности и права кредиторов и должников в полной мере не прописаны, и только в перспективе российское законодательство планирует заняться данным вопросом вплотную [2, с.50].

В данном вопросе два фактора решают итоговое положение терпящей крах фирмы:

а) быстрота действий каждой из сторон. Если смотреть со стороны фирмы-должника, то вопрос состоит в том, как быстро сможет данная фирма избавиться от всех активов, чтобы по букве закона, отправив всё имущество на погашение задолженности по оплате труда и обязательных налогов и сборов, ничем не быть обязанным кредиторам и третьим лицам. Кредиторы же спешат оповестить все возможные инстанции о проведении специальной ревизии для того, чтобы в судебном или ином порядке взыскать с должника часть его активов. Поэтому кредиторам следует постоянно следить за состоянием своих должников, и при первых же признаках финансовой несостоятельности должника принимать адекватные меры по взысканию задолженности.

б) немаловажный фактор – взаимоотношения должника и кредитора. Если у обоих доверительное отношение позволяет сотрудничать даже в условиях кризиса одной из сторон, то, в определенном случае, обе стороны в итоге могут не проиграть. Если первый фактор однозначно определяет одного победителя, то второй, в данной, если можно так назвать, игре капиталов, позволяет обоим выйти победителями.

Предполагается, что в случае, когда предприятие-должник терпит крах только из-за финансовой несостоятельности и отсутствия средств, предприятие-кредитор может пойти на реструктуризацию долга в обмен на финансирование санации предприятия-должника. Иными словами, суть данной схемы состоит в том, что, инвестируя в терпящий крах проект, фирма-кредитор может в дальнейшем получить большие дивиденды, чем в том случае, если она просто потребует долг взысканию. Но, возможно, данный проект не окупится, и предприятие-должник всё равно будет признано банкротом, и в этом случае кредитор потеряет больше, чем если бы он просто взыскал долг. Оба варианта представляют собой некоторую игру, но не на бирже, и не на ценных бумагах, а на состоянии фирмы-должника. И чем обернется эта игра, порой просто невозможно предсказать.

Проведение санации предполагает проведение таких действий по отношению к имеющемуся капиталу, в результате которых нормализуется объем производства. В результате успешного проведения санации (с использованием капитала кредитора) производство может перейти с этапа старости на более ранний этап, заново завоевать позиции на рынке выбранных товаров и услуг. В данном случае игра завершится в пользу обоих игроков – фирма снова получит шанс зарабатывать, а кредитор – возможность истребовать основной долг с дивидендами, включающими плату за риск, и дополнительную выгоду с реструктуризации долга.

Однако далеко не всегда санация завершается положительно. Санация, результатом которой не является нормализация производства, приводит фирму к прекращению своего существования. В данном случае фирма пыталась воспротивиться этапу старости, вернуться на былой уровень производства, но попытка не увенчалась успехом. В данном случае проигрывает как кредитор, так и должник, оба понесут большие издержки, чем в случае, если бы была проведена процедура банкротства на более ранних этапах.

Многие фирмы не пытаются провести санацию в критической для предприятия ситуации, потому что санация может повлечь за собой расходы, которые, вероятно, и не окупятся вовсе. В случае выбора между альтернативными вариантами развития фирмы, одним из определяющих факторов для принятия решения о дальнейшей судьбе производства является степень склонности к риску ее руководителя, а также кредитора, в том случае, если последний идет на реструктуризацию долга.

Таким образом, очевидно, что выигрышный вариант обеих сторон в спорах о банкротстве – баланс интересов [3, с.53]. Фирма-должник в любом случае стремится не только сохранить свое лицо, но и, по возможности, избежать судебных разбирательств. Фирма-кредитор – получение долга назад. Их интересы разительно отличаются, но в случае проведения санации как варианта развития событий, возможно удовлетворение амбиций обеих сторон.

Разумеется, санация – не самый эффективный механизм удовлетворения потребностей обеих сторон. В случае, когда износ основных фондов предприятия-должника слишком велик, технологии устарели, скорее, выгодно будет не проводить санацию, причем, выгодно для обеих сторон некой неформальной сделки между кредитором и должником. Но санация как механизм соблюдения интересов двух сторон – самый эффективный из всех по той причине, что позволяет построить доверительные отношения на основе взаимной выгоды для двух сторон сделки. Данный выход из ситуации позволит не проводить процедуру банкротства, законодательные стороны которой еще в полной мере не позволяют учесть интересы обеих сторон. Остается надеяться, что в будущем проблема банкротства будет законодательно разрешена, и ее решение приведет к гармонии интересов и распространению партнерских отношений между должником и кредитором.

Литература

1. Куранов М. В. Анализ факторов, характеризующих функционирование организации на различных этапах жизненного цикла // Экономический анализ: теория и практика. - 2008. - №5. – С.56-60.
2. Дворкович. А. Приоритет – финансовому оздоровлению // Антикризисное и внешнее управление. – 2011. - №2. – С.50-51.
3. Шохин А. Должникам и кредиторам нужен баланс // Антикризисное и внешнее управление. – 2011. - №2. – С.52-54.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ОЦЕНКЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ И КОММУНАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Аннотация

В статье представлены результаты статистического исследования в динамике ситуации в сфере жилищных условий и коммунальных услуг населению Оренбургской области, позволяющие органам управления использовать адекватную информацию для принятия необходимых мер в области реализации Жилищной реформы и социальной политики в целом.

Ключевые слова: статистический анализ, жилищные условия, коммунальные услуги.

Keywords: statistical analysis, living conditions, utilities.

Одна из первичных жизненных потребностей человека - это потребность в жилье, являющемся одним из основных условий поддержания качества жизни человека. Жилищные условия - насущная потребность людей, от уровня удовлетворения которой зависит эффективность функционирования всех сфер социально-экономической жизни общества. В свою очередь жилищно-коммунальное хозяйство является одной из крупнейших отраслей национальной экономики, формирующей среду обитания человека. Согласно результатам исследования Всероссийского центра уровня жизни более трети населения России проживают в квартирах и домах, где на одного человека приходится меньше одной комнаты и 30 квадратных метров от общей площади жилья, а около 5 % россиян имеют очень плохие жилищные условия. В то время как расходы российского бюджета на жилищно-коммунальное хозяйство по данным Минфина и Росстата сопоставимы с расходами на оборону и превышают затраты на госуправление, правоохранительную деятельность и госбезопасность, треть россиян живут лишь немногим лучше, чем в "плохих жилищных условиях".

Результаты проведенного статистического анализа позволяют констатировать, что ситуация в сфере жилищных условий и коммунальных услуг населению Оренбургской области также достаточно негативная. В истории развития жилищного строительства Оренбургской области последние десятилетия были самыми уникальными в том смысле, что характеризовались наличием самых высоких и самых низких объемов жилищного строительства за прошедшее столетие. Годом максимального объема ввода жилья стал 1988 год (1053 тыс. м²). Затем, в период начала реформ и перехода к рыночной экономике, наблюдалось снижение темпов домостроения и к кризисному 1999 г. показатель ввода жилых домов достиг самого минимального значения – 381,8 тыс. м² общей площади, что почти втрое ниже уровня 1988 года. Лишь, начиная с 2000 г., наметилась тенденция ежегодного наращивания объемов жилищного строительства.

Наибольшая доля домашних хозяйств области имеет размер жилой площади на одного жителя от 15 до 20 кв. м. На долю ветхого и аварийного жилья в общем жилищном фонде в 2010 г. приходилось 4,1 %. Анализ структуры ветхого и аварийного жилищного фонда выявил, что на селе удельный вес такого жилья по сравнению с 1995 г. вырос более чем в 14 раз и в 2010 г. был более чем в три раза выше, чем в городских поселениях. Городской жилищный фонд более благоустроен водопроводом, водоотведением (канализацией), ваннами (душем) и горячим водоснабжением. Только чуть более трети сельского жилищного фонда благоустроены ваннами (душем) и горячим водоснабжением и только половина – водоотведением (канализацией). Причем такая ситуация наблюдается в длительной динамике.

По результатам обследования организаций, осуществляющих операции с недвижимостью в 2010 г. среди субъектов Приволжского федерального округа Оренбургская область характеризуется высокими ценовыми характеристиками на рынке как первичного, так и вторичного жилья. В 2010 г. среди субъектов ПФО по ценам на первичном рынке жилья наш регион занимал шестое место, а на вторичном рынке – пятое.

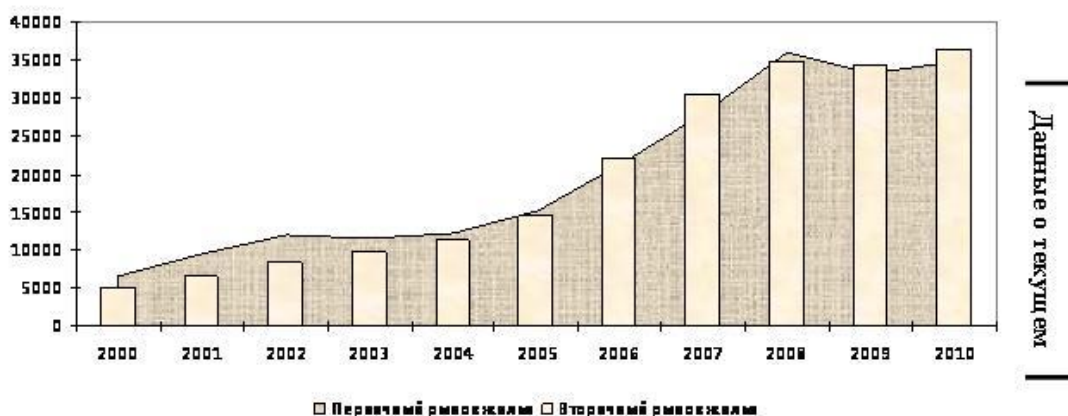

Рис.1. Средние цены на первичном и вторичном рынках жилья Оренбургской области, на конец года; р. за кв. м общей площади

Жилищно-коммунальные услуги являются одними из самых социально важных платных услуг для населения, ежемесячная оплата которых превышает затраты на любые другие платные услуги. На товарном рынке покупатель пользуется определенной свободой выбора в приобретении товаров и услуг, в то время как оплата услуг ЖКХ носит обязательный характер. За период с 2000 г. наблюдалась устойчивая тенденция опережающего роста тарифов на ЖКУ относительно других видов платных услуг и потребительских товаров. Только за 2010 г. произошло повышение тарифов на жилищно-коммунальные услуги в среднем на 10,4 %. С начала хода реформы в ЖКХ доля жилищно-коммунальных услуг занимает первое место в видовой структуре платных услуг населению области: в 2005 г. – 32,5 %, в 2009г. – 31,7, в 2010г. – 32,4 %.

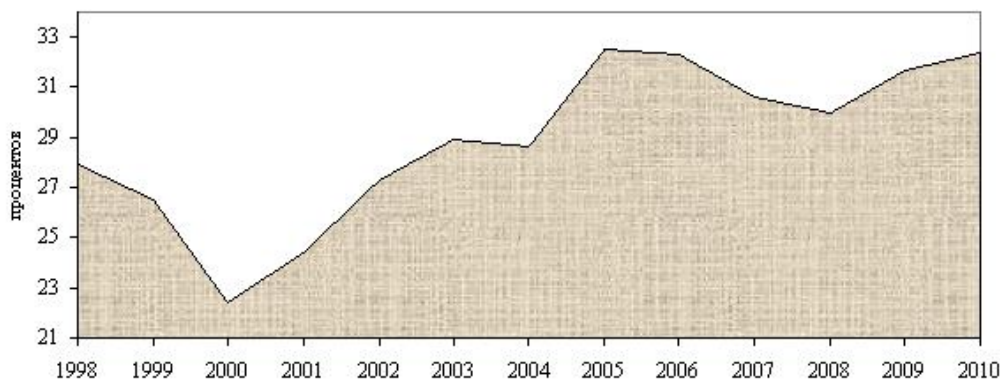

Рис. 2. Удельный вес жилищно-коммунальных услуг в общем объеме платных услуг населению

Наблюдается значительная дифференциация в доле оплаты услуг ЖКХ населения с различным уровнем доходов. Так, в 2010 г. доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг у 10 % населения с наименьшими доходами составляла 17,6 %, а у 10 % наиболее обеспеченного населения – более чем в 2,5 раза меньше - 6,9 %, при том, что домохозяйства с наибольшими доходами, а также домохозяйства третьей и четвертой 20 % - ных групп населения не проживают в коммунальных квартирах, а жилье данных групп населения является наиболее благоустроенным. Велики различия в тарифах на жилищно-коммунальные услуги по административно-территориальным образованиям области - среди территорий области наибольший рост тарифов по ЖКУ в 2011 г. отмечался в Октябрьском, Соль-Илецком, Первомайском, Бузулукском районах, в г. Ясном.

За период с 2000 г. наблюдалась устойчивая тенденция опережающего роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги относительно других видов платных услуг и потребительских товаров.

Таблица 1

Индексы потребительских цен на отдельные группы и виды товаров и услуг, декабрь к декабрю предыдущего года в процентах

Показатель	Год					
	2000	2005	2007	2008	2009	2010
Индекс потребительских цен	18,7	10,5	11,8	12,5	07,7	09,2
в том числе на:						
продовольственные товары	17,6	09,4	14,4	15,0	05,7	15,3
непродовольственные товары	18,5	05,6	07,8	08,3	06,9	05,5
платные услуги оказательного года; в процентах населению	24,4	24,6	15,0	16,2	12,5	06,3
из них на:						
жилищно-коммунальные услуги	22,1	43,2	16,0	22,1	23,8	10,4
жилищные	04,0	60,5	16,6	19,7	18,4	06,2
коммунальные	27,8	37,3	15,6	23,2	26,1	11,7

По данным опроса, проведенного компанией ROMIR Monitoring летом 2005 года, из всех экономических реформ, проводимых в настоящее время в России, наиболее тяжким в материальном плане для большинства населения России (76 %) оказалось повышение цен на жилищно-коммунальные услуги [1].

Тарифы на жилищно-коммунальные услуги в области растут ежегодно на протяжении последних полутора десятков лет. Аналитическое выравнивание рядов индексов потребительских тарифов на жилищные и коммунальные услуги в сопоставимых ценах к 2000 г. позволило получить модели динамики исследуемых показателей. Для описания тенденции временного ряда индексов тарифов на жилищные услуги по наименьшей ошибке аппроксимации была отобрана линейная функция, для временного ряда индексов тарифов на коммунальные услуги – полином второй степени (рис. 3).

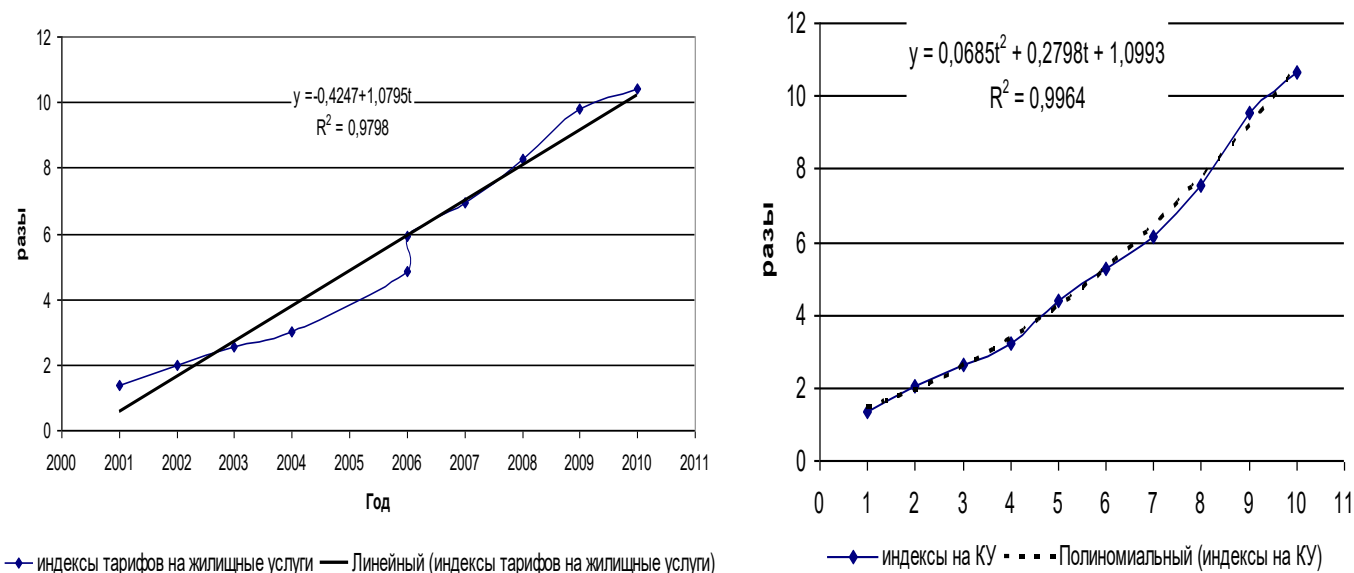

Рис. 3. Результаты аналитического выравнивания

Распределение остатков на нормальной вероятностной бумаге и автокорреляционная функция остатков моделей трендов отразили, что распределение остатков близко к нормальному, а в рядах остатков отсутствует автокорреляция, что позволило сделать вывод об адекватности полученных моделей и их пригодности для экономического анализа и прогнозирования. Согласно полученным уравнениям тенденции с вероятностью 95 % индекс базисных тарифов на жилищные услуги в 2012 г. по сравнению с 2000 г. составит 11,45 раза; на коммунальные услуги – 12,466 раза.

Анализ финансового состояния организаций, осуществляющих деятельность по управлению эксплуатацией жилого фонда показал, что доля расходов консолидированного бюджета области на жилищно-коммунальное хозяйство в 2010 г. составляла менее 50 % от аналогичного показателя 1995 г.

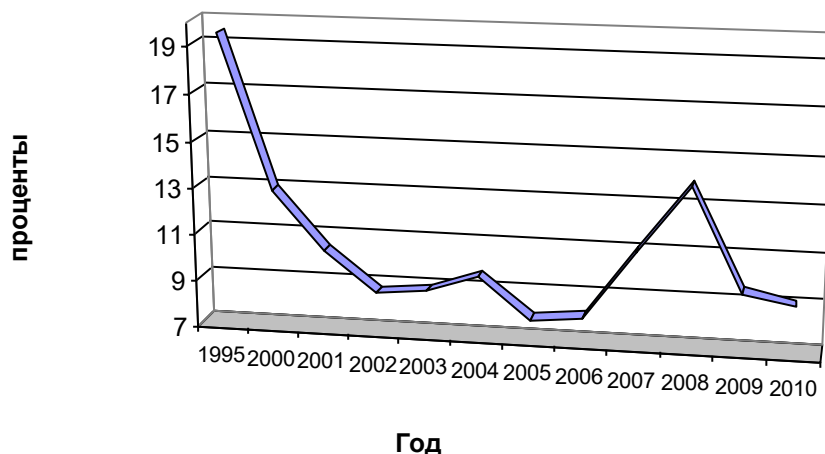

Рис. 4. Доля расходов областного консолидированного бюджета на ЖКХ, в % от всех расходов

В организациях, занимающихся деятельностью по сбору сточных вод, отходов сальдированный финансовый результат составлял 7,2 млн. р. убытков. Убыточными также были организации, занимающиеся управлением и эксплуатацией жилого фонда – сумма убытка составила 10,5 млн. р. Положительная динамика индекса физического объема инвестиций в жилищно-коммунальные услуги наблюдалась только по показателю «Распределение пара и горячей воды (тепловой энергии)». Особенно значительно в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом снизился физический объем инвестиций по показателю «Сбор сточных вод, отходов и аналогичная деятельность» - на 22,5 п.п., причем в 2009 г. по сравнению с 2008 г. данный индекс составлял менее 25 %. Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций, осуществляющих деятельность в управлении эксплуатацией жилого фонда в январе-сентябре 2011 г., составил 55,6 %. Сложившаяся финансовая ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства усугубляется состоянием основных фондов в отрасли. Более 50 % основных фондов жилищно-коммунальной сферы изношены. Так, в 2010 г. по организациям, занимающимся производством, передачей и распределением пара и горячей воды (тепловой энергии), более пятой части основных фондов (22,7 %) были полностью изношенными, коэффициент обновления по данному виду деятельности составлял только 9,4 %. Крайне медленно обновляются основные фонды в организациях, занимающихся сбором сточных вод и отходов - коэффициент обновления в 2010 г. составил 3,4, а удельный вес полностью изношенных основных фондов – более 18 %. Подобная негативная ситуация с состоянием основных фондов в жилищно-коммунальном хозяйстве прослеживается в достаточно длительной динамике и является серьезным фактором, препятствующим нормальному хозяйственно-финансовому функционированию данной сферы в целом.

Как отмечалось выше, дифференциация населения субъектов Оренбургской области по жилищным условиям достаточно сильная. Для выделения однородных групп городов и районов области была проведена многомерная классификация агломеративным иерархическим методом объединения кластеров – Уорда и метрикой расстояний – Евклидово обычное расстояние, а также методом k -средних с разбивкой наблюдений на определенное количество классов. На основании априорного анализа были отобраны 12 признаков, характеризующих жилищно-коммунальные условия населения городов и районов области: X1 - общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, кв. м; X2 - удельный вес ветхого и аварийного жилья, %; X3 - удельный вес числа семей-очередников, получивших жилье, %; X4 - обеспеченность водопроводом, %; X5 - обеспеченность водоотведением (канализацией), %; X6 - обеспеченность отоплением, %; X7 - обеспеченность горячим водоснабжением, %; X8 - обеспеченность ваннами (душем), %; X9 - обеспеченность газом (сетевым, сжиженным), %; X10 - ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, кв.м.; X11 - стоимость

услуг ЖКХ на человека в месяц, р.; X12 - удельный вес семей, получающих субсидии на жилищно-коммунальные услуги, %. В результате была получена объективная оценка количества групп и их состава. Субъекты области по жилищным условиям населения в 2010 г. разделились на 4 очевидных класса.

Таблица 2

Классификация городов и районов Оренбургской области по жилищным условиям населения в 2010 г.

Номер кластера	Число субъектов	Города и районы, вошедшие в кластер
1	7	Адамовский, Асекеевский, , Беляевский, Бугурусланский, Гайский, Грачевский, Домбаровский, Илекский, Кувандыкский, Матвеевский, Новосергиевский, Октябрьский, Пономаревский, Северный, Ташлинский, Тоцкий, Шарлыкский
2	10	Бузулукский, Красногвардейский, Оренбургский, Первомай, кий, Сакмарский, Саракташский, г.Абдулино, г.Бугуруслан, г.Кувандык, г.Соль-Илецк
3	3	Александровский, Новоорский, Переволоцкий, Светлинский, Тюльганский, г.Бузулук, г.Гай, г.Медногорск, г.Новотроицк, г.Оренбург, г.Орск, г.Сорочинск, г.Ясный
4	7	Абдулинский, Акбулакский, Кваркенский, Курманаевский, Соль-Илецкий, Сорочинский, Ясенский

В первом кластере наблюдался наиболее высокие показатели площади жилых помещений, приходящихся на одного жителя и доли семей, получающих субсидии на ЖКУ. В субъектах области, вошедших во второй кластер, наблюдался наиболее высокий показатель ввода жилья на 1000 чел. населения и высокие показатели благоустройства жилищного фонда одновременно при самой низкой обеспеченности населения жильем. В субъектах третьего кластера мал удельный вес ветхого и аварийного жилья, высок уровень благоустройства жилья и, соответственно, стоимости жилищно-коммунальных услуг при одновременно низком показателе ввода нового жилья и доле получивших жилье очередников.

В четвертом кластере при невысокой стоимости жилищно-коммунальных услуг наблюдался и низкий уровень благоустройства жилья при самой высокой среди субъектов области доле ветхого и аварийного жилищного фонда.

Как показало проведенное исследование, ситуация в сфере жилищных условий и коммунальных услуг населению области достаточно сложная, причем в длительной динамике. Это требует от органов управления неотложных мер в области реализации Жилищной реформы и социальной политики в целом.

Литература

1. Российский комплекс ЖКХ: проблемы и решения // Фонд перспективных исследований «Бастион». – 2011 / Режим доступа: http://www.bastion.ru/new/new7_1.html.
2. Город Оренбург // Официальный портал. – 2011. - / Режим доступа: http://www.admin.orenburg.ru/activities/public_utility/history_of_housing_orenburg/.
3. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2011: Стат.сб. / Оренбургстат. – О65 Оренбург, 2011. – 542 с.
4. Социальное положение и уровень жизни населения Оренбургской области: Стат.сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург. 2011. – 438 с.

Маликова Е.В.

студент ФГБОУ ВПО «Южно-Российский Государственный университет экономики и сервиса»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙСОВОГО МЕТОДА В УЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация

В России наблюдается высокий интерес к экономическому образованию. Для подготовки компетентных кадров необходимо рассматривать реальные экономические ситуации, с которыми может столкнуться молодой специалист в будущем. Как эффективный метод закрепления теоретических знаний и применения их на практике выступает кейсовый метод.

Ключевые слова: активные методы обучения, бизнес-кейсы, кейсовый метод, экономическое образование; active learning methods, case-study, ecomomics.

Преподавание экономических дисциплин в России, по сути, не является достаточно долгой традицией. Интерес к экономическому образованию появился только в 1990-х годах, что повлекло за собой появление многочисленных программ обучения в университетах. Особый акцент в экономической подготовке будущих специалистов должен делаться на формировании навыков решения экономических задач в практике повседневной жизни, когда необходимо осуществлять самостоятельный поиск, анализ социальной информации. В этом аспекте деятельность специалиста состоит из комплекса функций и задач, требующих определенного набора экономических компетенций, позволяющих находить эффективные решения.

В современных жестких конкурентных условиях профессиональная подготовка должна осуществляться на эффективной технологической основе и в максимальной степени использовать те научные достижения, которые апробированы на практике и состоятельность которых доказана в ходе проведения прикладных научных исследований [2, с. 143-144].

Часто студенты не удовлетворены уровнем преподавания, объясняя это чрезмерным увлечением преподавателей дисциплин книжными примерами и искусственными моделями. По мнению студентов, примеры приводимых моделей являются гипотетическими и не имеют отношения к реальным управленческим событиям и повседневным обстоятельствам. Даже если студенты и заучивают подобные теоретические модели, в дальнейшем они сталкиваются с трудностями или невозможностью их применения в своей конкретной деятельности. Сами преподаватели также признают бесполезность использования многих теоретических моделей в процессе принятия управленческих решений. Зачастую это связано с тем, что многие преподаватели не знакомы с успешными и эффективными методами преподавания экономики, которые реализуются в западных вузах. Основная задача преподавания и изучения экономики в высших учебных заведениях состоит в том, чтобы помочь студентам выработать экономический образ мышления, базирующегося на использовании достижений экономической науки [3, с. 68-69].

Занятия, на которых сначала разбирались бы теоретические модели, а затем их выводы подкреплялись конкретными экономическими примерами, найденными в периодических изданиях, могли бы стать более интересными и дали бы студентам возможность самостоятельно анализировать процессы, происходящие в экономике. По сути студентам может быть предложена гипотетическая ситуация с исходными данными и вопросами для рассмотрения, представленный для анализа случай должен отражать реальную экономическую ситуацию. Данная технология называется – кейсовый (от английского "case" – случай) метод.

Технология case-study в образовании был разработан в 1920-х годах в обучении менеджменту в Гарвардской бизнес-школе. В мировой образовательной практике case-study широко распространился в 1970-1980-х годах. О степени значимости его в современном образовании говорят следующие данные: в среднем, разбор типовых ситуаций в западных вузах посвящается 35-40% учебного времени. В школе бизнеса Чикагского университета на долю кейсов приходится 25% времени, в бизнес-школе Колумбийского университета - 30%, а в Уортонской школе бизнеса – 40%. Лидирует же по количеству часов, отводимых занятиям по этому методу, «первооткрыватель» ее – Гарвард. Рядовой студент за время учебы разбирает до 700 кейсов [1, с. 62].

Активные методы обучения стимулируют познавательную деятельность студентов. Они строятся в основном на диалоге, предполагающем свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы. Данные методы характеризуются высоким уровнем активности учащихся. Коллективные проекты, когда небольшая группа студентов работает над определенной проблемой или решает общую задачу, весьма полезны, поскольку, во-первых, развивают навыки работы в коллективе, а во-вторых, дают возможность предлагать новые, оригинальные методы решения проблемы, обсуждать их, дискутировать. Необходимость отстаивать свою точку зрения в группе повышает интерес студента к предмету и изучаемым темам [2, с. 146].

Таким образом, кейс-технологии развивают умение:

- анализировать и устанавливать проблему,
- четко формулировать, высказывать и аргументировать свою позицию,
- общаться, дискутировать, воспринимать и оценивать вербальную и невербальную информацию,
- принимать решения с учетом конкретных условий и наличия фактической информации.

Кейс-технологии помогают:

- понять, что чаще всего не бывает одного единственно верного решения,
- выработать уверенность в себе и в своих силах, отстаивать свою позицию и оценивать позицию оппонента,
- сформировать устойчивые навыки рационального поведения и проектирования деятельности в жизненных ситуациях [1, с. 69].

Работа группы с кейсом делится на несколько этапов:

- представление кейса преподавателем;
- индивидуальное изучение кейса каждым членом группы;
- разработка вариантов индивидуальных решений;
- обсуждение вариантов индивидуальных решений в каждой подгруппе;
- подготовка к обсуждению и дискуссия.

Роль преподавателя при использовании кейс-методов существенно отличается от традиционной. Преподаватель как бы передает свои полномочия студентам, его руководящая роль сводится к минимуму. Преподаватель должен удерживаться от соблазна предлагать свои варианты решения и оценивать правильность действий студентов в ходе работы над кейсом. Вмешательство преподавателя в работу студентов должно быть резко ограничено, оно сводится лишь к регулирующей функции.

Изучение дисциплин, конечно же, не должно базироваться исключительно на кейсовом методе. Его принцип заключается в том, что студенты учатся у своих коллег-сокурсников, а не у профессоров. Обмен мнениями и наработанной информацией оказывают положительное влияние на работу студента, но, не постигнув суть экономического обучения, студенту не удастся удачно разрешить данную ему ситуацию. В комплексе с компетентной работой преподавателя и практических бизнес кейсов будет повышаться уровень подготовки молодых кадров.

Вероятно, в ближайшем будущем станет возможно создание принципиально новых методик преподавания экономических дисциплин, которые повысят уровень подготовки выпускников российских высших учебных заведений. Уже сегодня, апробируя кейсовый метод на практике, студенты и преподаватели имеют возможность расширить границы восприятия и понимания экономических процессов, почерпнуть совершенно новый, уникальный опыт получения и моделирования информации, что в результате положительно отразится на качестве знаний.

Литература

1. Андюсов Б. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Директор школы. – 2010. – №4.
2. Прахов И. Преподавание экономики: есть ли альтернатива лекциям (обзор подходов) // Вопросы образования. – 2011. – № 1.
3. Шиховцова Н. Актуальные вопросы экономического образования // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 4.

Назипова Д.А.

Студентка Института Экономики и Финансов Казанского (Приволжского) Федерального Университета
РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Риск, как экономическая категория, присуща любой хозяйственной деятельности. В России риск-менеджмент не развит как особо сильная инфраструктура. Для того, чтобы устранить этот пробел, необходимо изучить основные понятия риск-менеджмента, чтобы иметь представление о том, что из себя представляет данный инструмент управления предприятием. Важно помнить о том, что риск – это явление не всегда отрицательное: рискуя, можно как потерять средства, так и получить дополнительную выгоду.

Ключевые слова: риск-менеджмент, функции риска

Key words: risk management, risk functions

Любой финансово-хозяйственной деятельности предприятия свойственно такое явление, как риск. В настоящее время в условиях рыночной экономики неопределенность в предпринимательской деятельности становится все более значимой, рискованных ситуаций становится все больше. Следовательно, невозможно быть уверенным в получении какого-то конкретного результата и нельзя не придавать значения понятию риск. При составлении стратегии компании необходимо учитывать его наличие, так как в обратном случае, это может значительно замедлить экономическое развитие предприятия. А также в целом невозможно создать эффективную систему функционирования фирмы, игнорируя существование риска [3, с. 512].

Риск – угроза того, что у предпринимателя появятся незапланированные расходы, либо получение доходов, ниже тех, которые он рассчитывал получить. Но риск нельзя рассматривать только с негативной позиции. Идя на риск, руководитель часто получает за это хорошую прибыль [1, с. 62].

Риск выполняет различные функции. Одной из функций является инновационная. Она состоит в том, что риск вынуждает предпринимателей подходить нетрадиционно к проблемам, тем самым мотивируя их на креативные решения.

Регулятивная функция имеет неоднозначный характер. С одной стороны, риск способствует преодолению факторов, которые препятствуют нововведениям. А с другой – без должного внимания к нему, он может стать проявлением субъективизма.

Защитная функция заключается в том, что у предпринимателя должно быть адекватное отношение к провалам, так как риск присущ любой хозяйственной деятельности.

Аналитическая функция предполагает выбор руководителем наименее рискованного и наиболее доходного решения в результате взвешивания всех существующих вариантов.

Риск оказывает неоднозначное влияние на деятельность субъекта. Он может вызвать значительные потери, но также может принести доход. Поэтому особенно важным является выбор правильного решения. Например, когда можно идти на риск, а когда лучше

его избежать и выбрать решение, которое принесет, возможно, меньшую прибыль, но будет меньше связано с риском.

Для сокращения риска необходим анализ риска, содействующий его контролю и управлению. Однако для эффективного риск-менеджмента необходим постоянный анализ риска, то есть он должен начинаться с выявления проблемы и заканчиваться только тогда, когда будет известен результат применения мер по решению проблемы. И так следует переходить от одного уязвимого места к другому, либо проводить анализ риска параллельно [3, с. 516].

Риск-менеджмент любого предприятия должен включать следующие стадии:

1. Планирование
2. Анализ риска
3. Выявление проблемных мест
4. Выбор решения из возможных альтернатив
5. Осуществление мер борьбы с риском

В России огромное количество предприятий используют такие методы управления риском, как избегание и локализация риска. Первый метод состоит в отказе от проектов, которые вызывают у предпринимателя даже малейшие сомнения. Например, предприятия предпочитают работать только с проверенными поставщиками, с партнерами, которые вызывают доверие и избегают заключение договоров с новыми компаниями. Второй метод предполагает выявление источников риска и на этой основе контроль наиболее опасных источников.

Диверсификация риска означает распределение средств по различным направлениям, не связанным между собой. Например, предприятие вкладывает деньги не в один большой проект, а в несколько маленьких. Однако этот метод редко используется руководителями.

Методами снижения риска также являются страхование, самострахование, лимитирование, хеджирование.

Лимитирование обычно применяется крупными предприятиями, которым свойственна разветвленная структура. Примером этого метода может быть установление пределов инвестирования в определенный проект, пределов заемных средств предприятия, пределов компетенции в принятии решений работниками.

Страхование характеризуется тем, что фирма передает ответственность за риски страховой компании [2, с. 57].

Самострахование состоит в создании фирмой специальных фондов для преодоления негативных последствий от риска.

Хеджирование используется тогда, когда предприятие незамедлительно заключает контракт ввиду возможного изменения валютных курсов, которые могут негативно отразиться на экономической деятельности предприятия.

Также может применяться метод принятия риска, когда стоимость мер по снижению риска превышает оценку действий по борьбе с негативными последствиями.

Риск-менеджмент состоит в комплексном анализе финансово-экономических, производственных, технологических и прочих факторов, которые могут оказать влияние на хозяйствующий субъект.

Для преодоления последствий риска необходимо наличие больших денежных средств, поэтому компании разрабатывают эффективные решения по минимизации риска. В основе управления рисками лежит всесторонний анализ финансово-экономических, производственных, технологических и прочих факторов, способных оказать воздействие на результаты деятельности компании. Необходимо придавать значение не только существующим рискам, но и предвидеть потенциальные, чтобы вовремя принять меры по их сокращению.

Литература

1. Власова А. Правовая категория «предпринимательский риск» и правовой режим предпринимательской деятельности // Право и экономика. – 2011. - №3. – С. 62-67
2. Клецкин А.Н. Страхование как метод управления предпринимательскими рисками // Страховое дело. – 2009. – №9. – С. 56-60
3. Сабирьянова Л. Категория «риск», ее содержание и теоретическое обоснование // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2011. - №1. – С.512-516

Новиков Н.И.*, Новикова Г.В.**

*доцент, к.э.н., зав. кафедрой экономики НФИ КемГУ

**преподаватель кафедры экономки НФИ КемГУ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.

Аннотация

В статье изложено ряд проблем, с которыми сталкивается менеджмент металлургических предприятий в современных условиях финансово-хозяйственной деятельности. Показана «природа» появления перечисленных проблем.

В исследовании предложены и охарактеризованы пути решения выявленных проблем и показано их влияние на конкурентоспособность предприятия. Авторами разработаны рекомендации и предложения по нейтрализации проблем предприятия в вопросах управления снабжением, сбытом и персоналом, которые объединены во взаимосвязанную систему, состоящую из отдельных составляющих, представленных в материалах исследования.

Результаты исследования используются в настоящее время на ОАО «Кузнецкие ферросплавы» и ОАО «ЗСМК»

Ключевые слова: Управление, проблемы, конкурентоспособность, стратегия, система.

Key words: management, problems, competitiveness, strategy, system.

В современных условиях хозяйствования практически на любом крупном металлургическом предприятии имеются одинаковые для всех проблемы управления. Их причины – в тех формах плановой экономики, которые наложили отчётливый консервативный отпечаток на все виды управленческих процессов. Это проблемы управления рынками сбыта продукции, входящими на предприятие снабженческими потоками. Рыночная экономика характеризуется значительным переделом собственности, бурным развитием новых производств, появлением новых и исчезновением традиционных товаров на рынках, разрушением «старых», настроенных хозяйственно-экономических связей, банкротствами, корпоративными поглощениями, слияниями предприятий и переориентацией производств. Многие металлургические предприятия на фоне зачастую непрогнозируемого роста цен на «услуги» таких монополистов, как «Энергетические системы», «Российские железные дороги», «Газпром» остались без традиционных рынков сырья и традиционных потребителей продукции. В итоге появляются проблемы в выборе партнёров-поставщиков, проблемы с эффективными продажами собственной продукции в условиях ограниченности рынков сбыта, проблемы в неэффективной ценовой работе и финансовой деятельности. Все эти проблемы появились в результате в определённой степени «внезапно протекающих» экономических процессов. И теоретически все их можно решить. Но реальное решение этих проблем очень жёстко связано с качеством управленческих процессов на каждом исполнительском уровне [1]. В настоящее время на первый план вышла проблема управления персоналом, его образовательный и квалификационный уровень. Эта проблема достаточно часто не позволяет эффективно решать стоящие перед предприятием проблемы значимого характера. По нашему мнению, только детализируя каждую «глобальную» проблему на элементарные составляющие можно подойти к принципиальному её решению.

Управление сбытом продукции и снабжением предприятия, как основа его конкурентоспособности.

Стратегической задачей в этой области является разработка единой маркетинговой стратегии и стратегии развития предприятия, включающей анализ положения предприятия на рынке, его финансово-хозяйственной деятельности, выявление ключевых внутренних и внешних проблем предприятия и разработку оптимальных способов их решения. Этот комплекс вопросов является основополагающим для любого предприятия, но без установки на его решение невозможно добиться конкурентоспособности на рынке. Как следствие, появляется масса тактических задач, решение которых становится ежедневным процессом. Исследование и рациональная организация существующих сетей снабжения и систем сбыта невозможна без анализа потребительских свойств выпускаемой (реализуемой) предприятием продукции и требований, предъявляемых к ней покупателями, без организации наглядной рекламы, без увеличения эффективности снабжения материально-техническими ресурсами, выраженной в принципиальной альтернативности поставок, без стимулирования сбыта.

Организация процесса маркетинговых исследований. Этот процесс необходим для каждого предприятия, как методология работы на любом рынке. На наш взгляд, он должен включать в себя следующие операции:

- анализ существующей системы снабжения и сбыта, эффективности использования различных каналов снабжения и сбыта (прямые связи, через посредников, розничная продажа, биржевая или аукционная продажа и закупка, дистрибьюторская и дилерская схема и т.п.), в том числе импорта и экспорта;
- анализ эффективности существующей стратегии снабжения и сбыта;
- анализ развития рынка потребляемых предприятием видов продукции и рынка выпускаемой предприятием продукции в динамике;
- выявление более эффективных, надёжных и платежеспособных поставщиков и потребителей через анализ сферы функционирования каждого крупного и постоянного поставщика, каждого потребителя, включая его корпоративную структуру, рыночные связи, личные отношения руководителей, пресс-мониторинг и т.д.;
- проведение анализа данных, характеризующих рынок рассматриваемого вида продукции.

Поиск и систематизация информации о:

- показателях экономического развития отраслей и регионов, направлениях государственной политики (антимонопольной, таможенной и т.д.), определяющей производство и сбыт выпускаемой продукции и потребляемых видов сырья;
- существующем уровне отечественного производства, объемах импорта и экспорта аналогичной выпускаемой продукции и потребляемого сырья, материалов, а также производстве и импорте продукции-заменителя;
- потребителях и сегментации рынка, основных характеристиках рынка для каждого его сегмента (эластичности сложившихся цен, потенциальной и реальной емкости рынка, его насыщенности и потенциальном развитии);
- географическом распределении товара, его экспортных рынках.

Сбор информации о конкурентах по следующим направлениям: объемы продажи в целом и по сегментам рынка; общая доля на рынке; цели и поведение на рынке; самооценка. Выявление сильных и слабых сторон конкретных конкурентов по:

- качеству выпускаемой продукции сбытовой и ценовой политике; продвижению товара и послепродажному обслуживанию;
- формам расчетов («живыми» деньгами, предоплата, в рассрочку).

Определение уровня конкуренции и кооперации в секторе товара выпускаемой продукции (давление через продукцию-заменитель, способность покупателей и поставщиков прийти к соглашению) [2].

Проведение экономического анализа ассортимента выпускаемой продукции, включает в себя:

- анализ существующей организации производственных процессов, снабжения и сбыта всей продукции через анализ показателей эффективности производства каждого вида выпускаемой продукции, в том числе на основе определения прямых затрат, а также затрат по организации снабжения и сбыта, структуры затрат по производству и сбыту, в том числе в разрезе постоянных и переменных издержек;
- подготовку предложений по оптимизации ассортимента выпускаемой продукции, с учетом требований сертификации продукции, а также антимонопольного законодательства.

Выявление ключевых внутренних и внешних проблем предприятия, сильных и слабых сторон предприятия относительно своих конкурентов по следующим направлениям:

- маркетинг (рыночная деятельность предприятия, ценовая политика, продвижение продукции, организация сбыта, уровень платежеспособного спроса, наличие экспортной продукции и т.д.);
- производство (состояние и уровень использования существующих мощностей, производительность, технологическая структура, наличие поставщиков, выпускающих продукцию, доступную по цене и приемлемую по качеству, и т.д.);
- НИОКР (исследовательская деятельность, «ноу-хау», патенты, лицензии, авторские свидетельства и т.д.);
- финансы (капитал и его структура, показатели рентабельности, ликвидности, устойчивости, оборачиваемости и т.д.), состояние расчетов и платежей;
- управление и организация (организационная структура предприятия, информационные потоки, планирование и контроль, финансовый менеджмент и т.д.); наличие и масштабы непроизводственной деятельности (объекты социально-культурного и бытового назначения и жилищно-коммунального хозяйства и т.п.).

Перечень мероприятий, необходимых для формирования стратегии поведения предприятия на рынке, составляется с учетом следующих параметров:

- регион, территория, группа потребителей, на которые направлен сбыт продукции, степень географической дифференциации этого сбыта; доля рынка, которую предполагается занять;
- связь «продукт-рынок» в качестве основы концепции маркетинга (выбор между дифференциальным и нишевым маркетингом);
- вид стратегии деятельности предприятия (стратегия конкуренции, стратегия расширения рынка и т.п.);
- квалификация и практический опыт персонала, необходимый для успешной конкурентной борьбы;
- возможность кооперации с другими предприятиями и организациями.

Все эти направления анализа управленческих процессов, так или иначе, приходят к ключевому понятию в управлении предприятием – к управлению персоналом. Поэтому, по нашему мнению, второй не менее важной целью в процессе анализа управления предприятием является оценка действующей системы управления персоналом для подготовки решений в области кадровой политики и повышения конкурентоспособности компании.

Управление персоналом – ключевой фактор конкурентоспособности.

Процесс предварительного анализа управления персоналом включает в себя достаточно длительные, но необходимые процедуры:

- проведение экспертной оценки текущего состояния кадровых процессов на предприятии (средний возраст, возраст по профессиональным и квалификационным группам, образовательный уровень, уровень подготовки и переподготовки персонала и т.д.);
- анализ и проведение экспертной оценки действующей системы управления персоналом (положения о персонале, о структурных подразделениях, должностные инструкции, положения об оплате, премировании), определение соответствия системы документационного обеспечения управления персоналом задачам и потребностям производственно-экономической деятельности компании;
- анализ кадрового состава (профессионально-квалификационный состав работников предприятия, мотивация к трудовой деятельности, взаимоотношения в коллективе, социальное партнерство, пенсионное обеспечение и другие социальные льготы, пособия и т.д.);

- определение ключевых проблем в области управления персоналом, препятствующих эффективной деятельности и реализации планов компании (выявление точек рассогласования между существующими кадровыми процессами и целями компании);
- определение сильных сторон человеческих ресурсов и собственных потенциалов их развития.

На основе предварительного анализа управления персоналом разрабатываются рекомендации и предложения руководству компании для оптимизации системы управления персоналом компании. Одним из наиболее действенных методов оптимизации является проведение кадрового аудита [3]. В зависимости от необходимой глубины исследования могут применяться различные варианты кадрового аудита, но одними из наиболее действенных его составляющих являются:

- анализ документов, внутренних нормативных актов, приказов и распоряжений по личному составу;
- анкетирование руководителей подразделений (приоритетные направления кадровой работы);
- SWOT-анализ; метод экспертных оценок; контент-анализ;
- изучение мнения руководителей подразделений по вопросам кадровой работы, управления персоналом (проблемы, сложности, оценки работы кадрового подразделения); интервью и проведение групповой работы с сотрудниками кадровой службы; групповые дискуссии и проектирование.

Основным документом по результатам проведения кадрового аудита будет являться отчет. В отчете будет дана экспертная оценка системы управления персоналом по каждому блоку исследования и рекомендации для оптимизации системы управления персоналом компании.

Рекомендации и предложения.

Решение стоящих перед предприятием проблем в вопросах управления сбытом, снабжением и персоналом в итоге представляет систему решений комплекса взаимосвязанных конкретных проблемных ситуаций. И только когда проблемная ситуация детально «расчленена» для конечного анализа, можно сделать конкретные выводы по её принципиальному решению. По результатам маркетинговых исследований как по каждому отдельно взятому вопросу, по системе вопросов, так и в разрезе отдельного временного периода в обязательном порядке должны составляться прогнозы решения имеющихся проблем. Начиная от краткосрочного прогноза развития ситуации в небольшой дискретный временной период и заканчивая прогнозом развития рынка определённого вида товара в целом. Представляться они должны во всех возможных вариантах развития: оптимистическом, пессимистическом и средневзвешенном. В прогнозе определяются фазы и продолжительность жизненного цикла по каждому виду продукции, выпускаемой предприятием, а также приводится оценка потенциальных рисков его деятельности. В дальнейшем разрабатываются предложения по эффективному распределению и использованию всех ресурсов -материальных, финансовых, трудовых. Следующим этапом на основе проведенных прогнозов развития рынков выпускаемой продукции, оценки потенциальных рисков, проведенного анализа финансово-хозяйственного состояния и эффективности управления предприятием, а также анализа его сильных и слабых сторон, является разработка целостной стратегии развития предприятия. Тем самым создаются оптимальные условия для принципиального решения стоящих проблем, для перехода управления предприятия от реактивной формы (принятия управленческих решений как реакции на текущие проблемы) к форме управления на основе анализа и прогнозов. В итоге в соответствии с выбранной стратегией поведения предприятия определяется взаимосвязанная система, состоящая из отдельных составляющих:

Снабженческо-сбытовой политики: выбор маркетинговой стратегии и тактики на всем протяжении от появления продукции до ее продажи, послепродажного обслуживания; мониторинг оперативной информации о рынке; переход на прямые поставки продукции; создание сбытовой сети.

Производственно-технологической и инновационной политики: минимизация издержек производства; приведение качества продукции в соответствие с запросами потребителей; создание оптимальной системы обеспечения сервисных служб; повышение конкурентоспособности на базе совершенствования производимой продукции и действующей технологии производства; создание принципиально новых продуктов и производств.

Ценовой политики: установление цен на продукцию предприятия в рамках политики управления ее сбытом в целях достижения наиболее выгодных объемов продаж, средних затрат на производство и оптимального уровня прибыли.

Финансовой политики: анализ и планирование денежных потоков; выбор стратегии привлечения внешних ресурсов (кредиты, эмиссионная форма привлечения капитала); управление дебиторской и кредиторской задолженностью; разработка учетной и налоговой политики; контроль и управление издержками.

Инвестиционной политики: определение общего объема инвестиций предприятия и способов рационального использования накоплений, сочетания различных источников финансирования; программа привлечения заемных средств.

Кадровой политики: формирование идеологии и принципов кадровой работы; планирование ротаций, привлечение, отбор и высвобождение работников; организация работ и руководство кадрами; повышение квалификации и подготовка работников предприятия; внедрение системы стимулирования их деятельности; развитие социального партнерства в коллективе.

Литература

1. Новиков Н.И. Стратегическое управление развитием предприятий черной металлургии Западно-Сибирского региона [Текст] / Н.И. Новиков, В.А. Быстров, Д.А. Лубяной: Монография – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. – 228 с.
2. Новиков Н.И. Сценарии – прогнозы и программы развития крупного металлургического предприятия в условиях конкуренции [Текст] / Н.И. Новиков // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 1. – С. 81-91.
3. Новиков Н.И. Планирование стратегии, обеспечивающей создание конкурентных преимуществ металлургического предприятия [Текст] / Н.И. Новиков // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 268-272.

Плужник М.В.

аспирант кафедры экономики Томского политехнического университета

РАЗВИТИЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В РОССИИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ САМОДОСТАТОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Целью статьи является выявление места традиционного материального производства в целом и машиностроения в частности в современной экономике. Достижение цели предполагает решение нескольких задач – исследовать текущее состояние экономики России и провести сравнительный анализ с тенденциями развития США. В статье сделаны выводы о деиндустриализации машиностроения и предложено направление долгосрочного развития, основанное на интенсификации материального производства.

Ключевые слова: материальное производство, машиностроение, деиндустриализация

Key words: production, machinery manufacturing, deindustrialization

Как известно, современный этап хозяйствования характеризуется как переход к постиндустриальному обществу. Концепция постиндустриального общества рассматривалась в работах экономистов, философов, социологов, начиная с XVIII века. Однако сформулированы были важнейшие методологические принципы теории постиндустриального общества только в конце 40-х годов 20 века в работах американского экономиста К. Кларка и французского социолога Ж. Фурастье [1]. Новый этап в развитии теории был открыт выходом в 1973 году книги Д.Белла «Грядущее постиндустриальное общество» [2]. Современное развитие постиндустриальной теории находит свое отражение в трудах таких ученых, как П. Дракер, Дж. Гэлбрейт, Ф. Фукуяма и др. [3] В отечественной социальной и экономической науке разработка данной проблематики связана с именами А.В. Бузалина, В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова, Ю.В. Яковца. Аспекты становления экономических параметров постиндустриального общества анализировала А.Г. Глинчикова [1].

Истоки термина «постиндустриальное общество» не могут быть названы достаточно однозначно. Традиционно считается, что это понятие было введено в научный оборот американским социологом Д.Рисменом [4]. Между тем известно, что еще в 1917 году его использовал А.Пенти [5], и совсем забытым остается тот факт, что сам А.Пенти отдавал приоритет в применении данного термина А.Кумарасвами, автору ряда работ по доиндустриальному развитию азиатских стран [5].

Развернутое определение постиндустриализма, данное Д.Беллом, звучит следующим образом: «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания...» [2]

Однако в настоящее время на процесс постиндустриального развития нет целостности и нет единства концепций, формирующих новую парадигму развития человечества, что позволяет критически оценить некоторые постулаты теории постиндустриализма. Самый главный недостаток состоит в игнорировании финансового сектора. В мире образовался и растет фиктивный сектор - сфера, где ни утилитарные материальные, ни культурные ценности не создаются. Именно этот сектор поглощает огромные высвобожденные прогрессом материального производства ресурсы.

В последнее время часто упоминается тот факт, что экономика России является постиндустриальной. Подтвердить или опровергнуть этот факт мы можем, проанализировав черты постиндустриальности, исходя из ее методологических принципов. К важнейшим чертам постиндустриальной экономики могут быть отнесены:

1. изменение структуры производства и потребления (преимущественно за счет возрастания роли услуг). Так доля ВДС в секторе услуг в ВВП России выросла с 34,5% в 1990 г. до 58,6% в 2011 г. [6]

2. рост уровня образования, прежде всего за счет послешкольного. Количество студентов ВУЗ на 10000 человек также выросло за рассматриваемый период с 200 до 525 [6].

3. новое отношение к труду. Эту черту может характеризовать показатель «Доля занятых в науке и научном обслуживании». За 20 лет он сократился в два раза и к началу 2012 года составил 1,8% [6].

4. социализация экономики. Прежде всего, она проявляется себя в расходах бюджета на социально-культурные мероприятия. Так, если в 1990 году государственный бюджет расходовал на эти цели 33% в структуре общих расходов, то в 2011 г. – 12,6% [7].

5. информатизация общества. Среди разных показателей данной черты, такой индикатор, как численность персонала, занятого исследованиями и разработками, представляется наиболее оптимальным. Так, в 1990 году численность достигала 1,5 млн. человек, в 2011 году – только 0,7 млн. человек [7].

Итак, в результате 20-летних преобразований внутри самого явления постиндустриализма в России произошло его бинарное деление – по научным, инновационным и другим составляющим наблюдается сокращение по сравнению с 1990 г., а по развитию сферы услуг – значительный рост. Однако сфера услуг не может занять место материального сектора экономики. Это определяется разными причинами, но главная состоит в том, что развитие постиндустриального сектора происходит не на собственной (т.е. существующей внутри него самого) материально-технической базе. В своем функционировании и развитии он опирается на новую материально-техническую базу, создаваемую в материальном производстве.

Исходя из этого постулата мы сформировали собственную структуру современной экономики России на основании СНС. Она включает реальный сектор экономики, финансовый и первичный. Первичный сектор экономики будет представлен такими отраслями, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство и добыча полезных ископаемых. Отдельный большой блок в экономике - финансовый сектор (фиктивный).

Современный реальный сектор экономики включает в себя:

- непосредственно материальное производство – традиционное материальное производство (обрабатывающие производства; производство электроэнергии, газа и воды);

- сферу нематериальных услуг (строительство; распределение электроэнергии, газа и воды; гостиницы и рестораны; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг);

- сферу материальных услуг (оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт и связь) и финансовую деятельность (банковская и страховая прибыль).

- высокотехнологичный сектор, который в России включает следующие элементы: авиационную промышленность, ракетно-космическую промышленность, промышленность вооружений, промышленность боеприпасов и средств химии, судостроение, электронную промышленность, радиопромышленность, промышленность средств связи, ИКТ.

Таким образом, с известной степенью условности разделим весь реальный сектор экономики на три большие части – традиционное материальное производство, сферу услуг (материального и нематериального характера) и высокотехнологичный сектор.

В такой структуре ядро составляет материальное производство. Принцип первенства материального производства было бы неправильно абсолютизировать. Но имеется ряд аспектов общественного воспроизводства, в которых действие этого принципа объективно осуществляется и необходимость применения которого в анализе как на теоретическом, так и на практическом уровне не вызывает никакого сомнения.

Один из таких классических аспектов – место и роль материального производства как исходного момента в виде непосредственного производства (производство в односторонней форме) по отношению к обмену, распределению и потреблению произведенных продуктов в едином процессе общественного воспроизводства, взятого в целом. Непосредственное производство в этой модели является первенствующим и ведущим в тройном отношении.

Во-первых, с него всякий раз процесс начинается в каждом новом цикле воспроизводства: чтобы что-то менять, распределять и потреблять, надо его иметь в наличии, создать. Эту элементарную предпосылку и защищать не надо, ее можно принять как очевидный постулат.

Во-вторых, способ производства – его техника, технология, используемые материалы – определяет и материально-техническую базу, орудия институтов обмена, распределения и потребления.

В-третьих, социально-экономическая форма производства обуславливает соответствующую форму обмена, распределения и потребления.

Итак, эффективная, прогрессивная по структуре, воспроизводственно самодостаточная экономика, способная реализовать естественную целенаправленность на максимальное обеспечение потребностей всех индивидов и общества в целом, и сегодня детерминируется уровнем развития материально-производственного сектора, в частности машиностроением.

Важная и возрастающая роль машиностроения определяется несколькими факторами. Во-первых, именно в продукции машиностроения в значительной своей части получают материальные воплощения новейшие достижения НТП. Во-вторых, машиностроение является главной фондообразующей отраслью хозяйства. В-третьих, продукция машиностроения играет важную роль в удовлетворении спроса населения на разнообразные технические средства, и его значение в этой области также неуклонно возрастает. В-четвертых, это военно-политическое значение машиностроения, как разработчика и производителя всех видов военной техники. В-

пятых, машиностроение должно играть главную роль в опережающем росте группы наукоемких отраслей и производств, поскольку большая их часть входит в его состав.

Сегодня состояние этой отрасли в России можно охарактеризовать как деиндустриализированное. Так, индекс промышленного производства в машиностроении и металлообработке в 2011 году составил чуть более 60% от уровня 1990 г., доля оборудования старше 15 лет в общем объеме производственных фондов превышает 70%, доля продукции машиностроения в общем объеме промышленного производства сократилась с 33% в 1990 г. до 13,5% в 2011 г. [8]

Происходит снижение эффективности и результативности использования инвестиционных ресурсов в этих отраслях (см. таблицу 1) – увеличивается инвестиционная емкость и сокращается инвестиционная отдача.

Таблица 1. Эффективность использования инвестиционных ресурсов [9]

	Инвестиционное машиностроение ⁵		Производство, передача и распределение электроэнергии	
	1990	2011	1990	2011
Инвестиции в основной капитал, млрд.руб.	19,7	2263	5,8	969,9
Объем отгруженных товаров, млрд. руб.	300,9 ⁶	4530	36,2 ⁷	3909
Инвестиционная емкость	0,07	0,50	0,16	0,25
Инвестиционная отдача	14,3	2	6,25	4

Эти процессы происходят на фоне заметного усиления инфляционной составляющей в стоимости продукции отраслей и значительного сокращения физических показателей. Так, например, в 1990 г. номенклатура машиностроительного комплекса включала более 100 видов, сейчас – менее половины. Произошло и сокращение объемов производимой продукции. По выпуску энергопроизводящего оборудования Россия отброшена на 50 лет назад. Выпуск сельскохозяйственной техники сократился в несколько десятков раз до таких размеров, что фактически эта отрасль перестала существовать. Станкостроение разрушено полностью, при этом существует острая потребность в нем – это подтверждают данные Таможенной службы: импорт металлообрабатывающего оборудования достигает 90% [10].

Деиндустриализация, проявляя себя в такой отрасли традиционного материального производства, как машиностроение, снижает уровень и темпы технологического перевооружения и эффективности экономики. Об этом говорит доля инвестиций в машиностроительный комплекс в общем объеме обрабатывающей промышленности, которая по сравнению с 1990 годом сократилась в 3 раза и в 2011 году составляла 16% [9].

С другой стороны, стохастическое развитие традиционного материального производства отразилось и на социальном прогрессе (см. рисунок 1).

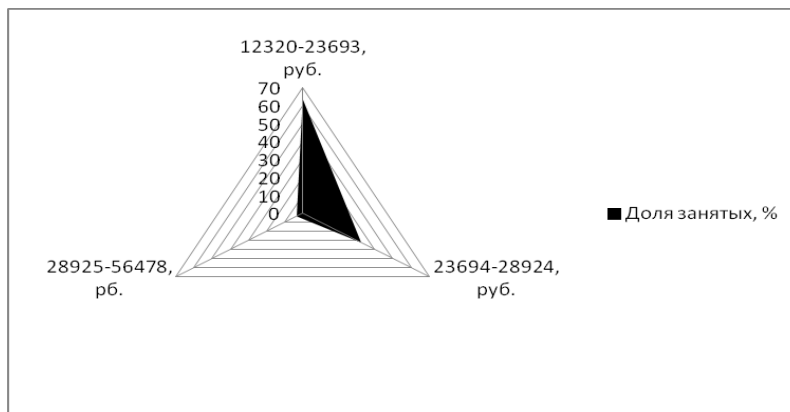

Рисунок 1. Распределение занятых в экономике России в соответствии со значением номинальной заработной платы, % [6]

Так, в 2011 году 64% населения было занято в экономике России в таких отраслях, где значение заработной платы было меньше среднего значения номинальной заработной платы по экономике. Всего 3,3% населения было занято в таких сферах, где уровень заработной платы значительно превышал среднее значение. Таких отраслей было 2 – это добыча полезных ископаемых и блок, включающий финансовую деятельность.

Процесс деиндустриализации как с позиции физических показателей, так и с социальных сформировал «угрозу» самодостаточности экономики в результате отсутствия целостной индустриальной структуры в России в ТМП.

Интересным в данном случае представляется сравнение с США, которую принято считать постиндустриальной страной. За последние несколько десятилетий сократилась доля обрабатывающей промышленности в ВВП, уменьшилась доля занятых в обрабатывающей промышленности и т.д. Однако особое место среди отраслей обрабатывающей промышленности не только сохранил, но и укрепил машиностроительный комплекс: возросла его доля в ВВП (с 5,8% в ВВП в 1980 г. до 7% в 2005 г.), увеличилась доля МСК в продукции обрабатывающей промышленности (с 37,9% до 48,7% соответственно) [11]. Наряду со снижением численности производственных рабочих произошло значительное увеличение численности научно-технического персонала, занятого в МСК. Так, в 2001 г. именно в машиностроении работало около 60% ученых и 80% инженеров от общего их числа в обрабатывающей промышленности [11]. Таким образом, представление о постиндустриальности в США является несколько преувеличенным – значение машиностроительного комплекса и его технико-технологического развития очень велико в экономике США. Также это подтверждается другим аспектом. Снижение развития в целом обрабатывающей промышленности в США привело к смене курса экономической политики. В декабре 2009 г. администрация Обамы была вынуждена принять Государственную стратегию возрождения обрабатывающей промышленности США, так как отставание и упадок этой сферы экономики создают прямую угрозу национальной безопасности США. И началось формирование новой экономики с реиндустриализации (инсорсинга) автомобильной промышленности США [12].

Таким образом, в России переход к постиндустриальному обществу, а точнее к обществу услуг, привел не только к чрезмерному сокращению производства во многих отраслях первичного и вторичного секторов, но и к ухудшению состояния таких отраслей третичного сектора, как наука и научное обслуживание, здравоохранение и т.д. В результате Россия по некоторым показателям не продвигается вперед к постиндустриальному обществу, а отдалается от него. Полагать, что разрушение индустриального комплекса

⁵ Здесь включается производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования в соответствии с классификацией Росстата по видам экономической деятельности

⁶ Это расчетные данные, полученные, исходя из данных о фондоотдаче и стоимости основных фондов в машиностроении.

⁷ Это расчетные данные, полученные, исходя из данных о фондоотдаче и стоимости основных фондов в ТЭК.

России ведет в некую «постиндустриальную» фазу, значит не понимать, что на деле оно является дорогой в доиндустриальную эпоху – отсталую и бесперспективную. В состоянии деиндустриализации и спада воспроизводства экономическое развитие невозможно. Только индустриальный базис с новым технико-технологическим качеством открывает простор для развития экономики. Следовательно, в настоящее время перед Россией стоит задача остановить процесс деиндустриализации и перейти к интенсивному типу развития, в основе которого должно находиться качественное преобразование материального производства.

Литература

1. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
2. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: [Basic Books](#), 1973.
3. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации / Владислав Л. Иноземцев. — М.: Таурис, 1995. — 330 с.
4. Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // Larrabee E., Meyersohn R. (eds)/ Mass Leisure/ Glencoe (Ill.). 1958
5. Penty Arthur J. Old Worlds for New. A Study of the Post-Industrial State. London. 1917.
6. Россия в цифрах. 2012. Краткий стат. сб. / Росстат. – М. – 2012. – с. 573.
7. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах / М.: РУСАКИ. – 2010. – Издание второе, переработанное, дополненное. – с. 498.
8. Афанасенко И.Д. Россия в пути. Избранное / СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. - 2011. – 495 с.
9. Рассчитано автором по статистическим данным ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1990 г.» и данным Росстата.
10. Чепенко В., Андреев В. Модернизация российской экономики и возрождение отечественного машиностроения // Вопросы экономики. - №5. – 2011. – с. 125-130.
11. Василевский Э. Обрабатывающая промышленность США: 1950-2005 годы // Мировая экономика и международные отношения. - № 8. – 2008. – с. 85-106.
12. Васильев В.С., Роговский Е.А. Экономическая система общества и национальная безопасность // США-Канада: экономика – политика – культура. – 2012. - № 6.

Седегова Ю.Г.

Аспирант кафедры менеджмента Пермского государственного национального исследовательского университета

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена анализу международной практики применения системы профессиональных пенсий как основной составляющей в совокупной структуре пенсионных выплат. В рамках данного исследования автор выделяет общие и специфические черты формирования и функционирования профессиональных пенсионных систем. Проведенный анализ позволяет выявить положительный эффект от развития профессиональных пенсий, а также минимизировать связанные с этим риски. Особую актуальность представляемая тема приобретает в связи с предстоящей реформой пенсионного обеспечения в Российской Федерации, основным направлением которой объявлено реформирование льготного пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: профессиональная пенсионная система, пенсионные накопления, пенсионные отчисления, досрочный выход на пенсию.

Key words: occupational pension scheme, pension assets, pension contributions, early retirement.

Организация работы пенсионной системы в подавляющем большинстве зарубежных стран основана на трехуровневой модели пенсионирования, участниками которой являются государство, гарантирующее пенсию на уровне прожиточного минимума, работодатель, который отчисляет дополнительные взносы на индивидуальные счета своих работников, и работник, который формирует пенсии за счет добровольных взносов. Согласно данному подходу именно второй компонент составляет значительную долю в совокупной структуре пенсии гражданина.

В Швейцарии профессиональные пенсионные системы существуют практически в каждой организации. В Швеции коллективные договоры между союзами работодателей и профсоюзами обеспечивают профессиональными пенсиями более 90% работающих. Высокий охват такими пенсиями в Нидерландах (более 80 % работающих), в США (70 % работающих), напротив, в Новой Зеландии всего 27% работников получают профессиональную пенсию.[5]

Изучив практику функционирования профессиональных пенсионных систем за рубежом можно выделить общие черты, присущие большинству западных профессиональных систем, и особенности, которые обусловлены национальным законодательством той или иной страны.

К общим чертам можно отнести следующее:

1. В системе профессиональных пенсий плательщиками взносов наряду с работодателями выступают работники. Исключение составляет Швеция, где взносы на профессиональную пенсию выплачивают только работодатели, а в США работники платят лишь в некоторых программах.

2. Пенсионные накопления в рамках системы профессиональных пенсий аккумулируются в выбранном работодателем или работником финансовом институте и далее вкладываются в инвестиционные проекты. Данный механизм позволяет избежать обесценивания накопленных средств к моменту наступления права на получение профессиональной пенсии.

3. Как правило, профессиональная пенсия выплачивается при наступлении общеустановленного пенсионного возраста. В последнее время в профессиональных программах некоторых стран (Испания, Швеция, Италия) предусматривается досрочный выход на пенсию, обычно с соответствующим ее перерасчетом в сторону уменьшения.[6]

4. Почти все страны Европы предоставляют налоговые льготы на взносы в профессиональные системы. Согласно налоговому законодательству большинства европейских государств работники не платят налоги на взносы работодателей, которые выплачиваются в их пользу, однако существуют различия по объему таких льгот. Большинство стран облагает налогом пенсии, выплачиваемые гражданам. В Бельгии, Германии, Греции, Испании, Великобритании – действует система, при которой налогообложению подлежат только выплаты. В Дании, Италии и Швеции, кроме того, еще облагается налогом доход от инвестиций, а в Люксембурге, наоборот, облагаются только взносы.[3] Так или иначе, существование льготного налогообложения профессиональных пенсионных систем снижает уровень налогов, поступающих в государственный бюджет, тем самым государство косвенно финансирует профессиональных пенсий.

Различия профессиональных пенсионных систем:

1. Существенным различием профессиональных систем между собой является принадлежность той или иной системы к одной из двух моделей. В основе первой заложен отраслевой принцип, что характерно для европейских континентальных стран, в основе второй модели – принцип отдельной компании, что считается англо – американским подходом.[4]

2. В разных странах участие в программе профессионального пенсионного обеспечения носит либо добровольный, либо обязательный характер. В данном различии существуют и свои нюансы, относящиеся к субъекту отношений. Обязательными программы профессиональных пенсий могут быть и для работодателя, и для работника. По закону или в соответствии с отраслевыми коллективными соглашениями, работодатели должны предоставлять профессиональные пенсии своим работникам. Причем к обязательным относятся и те программы профессиональных пенсий, которые работодатели обязаны организовать, хотя участие работников в них носит добровольный характер. Например, в Скандинавских странах, Нидерландах, Канаде взносы являются добровольными, в Австралии, Франции и Швейцарии – обязательными, а в Великобритании и Германии – смешанными.[2]

3. Работодатель самостоятельно выбирает одну из двух систем формирования пенсионных накоплений – с установленными взносами или с установленными выплатами. В первом случае размер страховых взносов устанавливается в процентном соотношении к зарплате работника, который принимает на себя основной инвестиционный риск, при этом затраты работодателя известны заранее, стабильны и легко им контролируются. В системе установленных выплат работнику гарантируется определенная пенсия, которая зависит от стажа работы, а основные риски несет работодатель. В данном случае общие затраты будут зависеть от инвестиций, текучести кадров на предприятии, роста заработной платы в стране, т.е. могут быть только приблизительно оценены заранее. Крупные работодатели отдадут предпочтение схеме с установленными выплатами, что обусловлено получением экономии от масштаба, т.к. данный вид формирования пенсионных накоплений требует постоянной проверки эффективности инвестирования пенсионных накоплений. Малые предприятия чаще используют схему с установленными взносами, что обусловлено прямой зависимостью размера взносов от размера заработка.

Как уже отмечалось, профессиональные пенсионные системы лишь в редких случаях ориентированы на досрочное назначение пенсии. Получение права на досрочную пенсию в рамках профессиональных систем обусловлено системой жестких критериев социального характера. В первую очередь это работа во вредных или тяжелых условиях труда, которая приводит к преждевременному износу рабочей силы, преждевременному старению или профессии, для которых требуются особые физические или психо – физические данные, уменьшающиеся с возрастом (шахтеры, моряки, летчики). Во многих странах, таких как Италия, Австрия, Германия, определяющим фактором, дающим право на назначение досрочной пенсии, является трудовой стаж.[1]

Приведенный анализ профессиональных пенсионных систем в западных странах позволяет выявить положительные стороны трехуровневой системы пенсионного обеспечения, в которой значительное место занимает институт профессиональных пенсий. В рамках данной системы профессиональные пенсии являются значимым инструментом привлечения квалифицированных кадров на предприятие, т.к. при найме на работу кандидатом принимается во внимание уровень пенсионных взносов, которые выплачиваются конкурентными организациями. В свою очередь подобная личная заинтересованность работника объясняется тем, что в рамках трехуровневой системы пенсионного обеспечения при отказе от выплаты взносов на профессиональную пенсию работник может рассчитывать только на минимальный размер пенсии, гарантируемый государством. Поэтому работник (особенно низкооплачиваемый) заинтересован в уплате взносов на профессиональную пенсию.

Несмотря на столь существенный положительный эффект и для работодателя и для работника, не следует забывать, что профессиональные пенсии создают работодателям ряд трудностей, среди которых в первую очередь административное бремя и финансовые расходы.

Наиболее значимый вывод приведенного анализа касается роль государства в системе пенсионного обеспечения. В рассмотренных странах государство выполняет скорее административную функцию, либо является гарантом поддержания доходов пенсионера на уровне прожиточного минимума. Именно по этой причине работодатель и работник активно участвуют в формировании пенсионных выплат. При этом необходимость возникновения профессиональных пенсионных систем в большей степени обусловлена структурой национального пенсионного обеспечения, нежели отраслевой спецификой.

Опыт зарубежных стран позволяет проследить отрицательные и положительные последствия функционирования профессиональных пенсионных систем в системе национального пенсионного обеспечения, особенности которого необходимо учитывать в процессе развития института профессиональных пенсий в Российской Федерации.

Литература

1. Андропов В.В. Система социальной защиты населения в Италии//Трудовое право.-2006.-№4.
2. Емельянова Т.В. Финансовое обеспечение пенсионных систем в странах Европейского Союза и в России//Финансы.–2008-№10.
3. Зарубежный и отечественный опыт организации и совершенствования национальных систем социального страхования// Аналитический вестник.-2006. - №13 (301).
4. Роиц В.Д. Модели социального страхования: ретроспективный и сопоставительный анализ//Вестник государственного социального страхования. – 2006. - №1.С.73-79
5. Чубарова Т.В. Профессиональные пенсии в системе пенсионного обеспечения (опыт развитых стран)// Труд за рубежом.-2003. - №2.С.106-123
6. Шестакова Е.Е. Ранний выход на пенсию в странах Западной Европы//Труд за рубежом. – 1999. - №2.С.130-143.

Суляева Э. И.

Студентка, кафедра экономики предприятия, по специальности финансовый менеджмент,
Институт Экономики и Финансов, Казанского (Приволжского) федерального университета

СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрены основные аспекты управления стратегическими изменениями, а также их последовательное применение на предприятии. При этом предложены методы преодоления сопротивления со стороны персонала организации, которые сопровождают данные изменения.

Ключевые слова: Стратегия, стратегические изменения, устойчивость.

Keywords: Strategy, strategic change, sustainability.

Ни одна фирма не может существовать неизменно долгое время. Точнее, даже необходимо говорить о постоянных изменениях, с которыми она сталкивается регулярно. Эти изменения, прежде всего, имеют вид информационных импульсов, которые посылают внешняя среда организации и рынок. Это заставляет менять цели, задачи и стратегию организации. Такие изменения ведут к изменению всей организации, ее внутренних структур и процессов. И от правильного управления такими изменениями зависит общий успех компании. Поэтому в практике и научных исследованиях все больше внимания уделяется анализу методов и организационным возможностям управления стратегическими изменениями.

Традиционно стратегические изменения представлялись редким, но крупномасштабным процессом. Однако в последнее время стратегическое развитие организации рассматривается как непрерывный эволюционный процесс, в котором одно стратегическое изменение создает необходимость других изменений.

По мнению С. А. Попова, стратегические изменения – это основное конструктивное содержание любой стратегии. «Именно стратегические изменения являются главными носителями нового качества в ходе развития организации и именно стратегические изменения представляют собой ключевой объект управления в процессе реализации, как каждой специализированной стратегии, так и корпоративной стратегии в целом» [1, с.95].

Реализация стратегических изменений должна проводиться поэтапно. На первом этапе необходимо проводить углубленное изучение состояния среды, разрабатывать стратегию с учетом целей и задач. На втором этапе рассматривать имеющиеся ресурсы, необходимые для осуществления изменений. На третьем этапе необходимо проводить изменения в организационной структуре управления, которая будет в большей мере соответствовать новой стратегии. На четвертом этапе следует проводить необходимые изменения, без которых невозможно приступить к реализации стратегии. И наконец, на пятом этапе следует выявлять отклонения от поставленных целей с попутным внесением необходимых коррективов в стратегию изменений. Оценку действенности стратегических изменений можно проводить, сопоставляя фактические и намеченные показатели.

Одним из важнейших факторов успешного проведения стратегических изменений является правильно выбранная стратегия управления. В различных ситуациях и с учетом организационных факторов она может варьироваться от директивной до стратегии ориентированной на взаимодействие менеджеров с персоналом организации. Но наиболее эффективными являются те стратегии, которые являются симбиозом нескольких стратегий и включают в себя те факторы, которые наиболее выгодны эффективному осуществлению изменений в данной организации.

Проведение стратегических изменений в организации часто встречает сопротивление со стороны персонала. Уменьшению сопротивления изменениям принадлежит ключевая роль в осуществлении изменения [2, с.229]. Для того чтобы уменьшить потенциально возможное сопротивление, можно применить такие методы, как:

- объединение людей в творческие группы, которые будут способствовать проведению изменения,
- привлечение к выработке программы проведения изменения широкого круга сотрудников,
- проведение среди сотрудников в организации широкую разъяснительную работу, направленную на то, чтобы убедить их в необходимости проведения изменения для решения стоящих перед организацией задач.

Важно отметить, что организация, которая не вкладывает средства в изменения, ставит на карту свою способность к выживанию. Проведение стратегических изменений может служить серьезным механизмом поддержки и развития системы управления предприятия. В руках компетентной группы руководителей осуществление стратегических изменений представляет собой мощное средство внедрения новой стратегии и усовершенствования работы предприятия, повышения ее эффективности. В то же время само стремление к переменам не дает полных гарантий выживания. Преимущества организации не поддаются планированию в полном объеме, многое зависит от случая, и не каждое мероприятие по организационным изменениям со временем принесет предприятию успех.

Литература

1. Попов С.А. Стратегическое управление: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 4. / Попов С. А. – М.: Инфра-М, 1999. – 344 с.
2. Шифрин М. Б. Стратегический менеджмент / Шифрин М. Б. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Фисенко А.И.,

д.э.н., профессор, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток

Кулешова Е.А.,

к.э.н., нач. отдела планирования и анализа, ОАО «Дальневосточное морское пароходство», г. Владивосток

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация

В статье рассмотрены основные недостатки традиционной системы бюджетирования на предприятиях и показаны основные преимущества процессно-ориентированного бюджетного планирования (ПООБП), предложена структура системы ПООБП на предприятии и представлены общие принципы формирования процессных систем на предприятиях морского транспорта с учётом особенностей их деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: процессно-ориентированное бюджетное планирование (ПООБП), бизнес-процессы, принципы формирования процессных систем и ПООБП, добавленная экономическая стоимость.

Key words: activity-based budget planning (ABBP), business-processes, principles forming of process systems and POBP, economic value added (EVA).

Как показали исследования, проведённые преимущественно за рубежом, традиционное бюджетирование недостаточно эффективно реализует цель создания стоимости (как материальной, так и нематериальной) [см., например, 1-2, 7, 10-13]. Последняя, в частности, может быть достигнута за счёт роста рыночной доли предприятия, увеличения темпов роста продаж его продукции (товаров, работ и услуг), увеличения нормы прибыли, сокращения издержек, снижения налоговых платежей, увеличения оборачиваемости активов, укрепления взаимоотношений с потребителями, повышения качества персонала и т.д. Кроме того, традиционные бюджеты зачастую не способны увязать стратегию организации с её бюджетным процессом, поэтому большинство менеджеров затрудняется ответить на вопрос: поддерживают ли их операционные бюджеты стратегию организации. Более того, многие работники даже не знают, направлены ли те виды деятельности, которые они осуществляют, на её поддержание, так как без ясного видения того, каким образом стратегия и цели организации взаимосвязаны как с бюджетом, так и с конкретными видами деятельности, между ними возникает серьёзный разрыв, что, в свою очередь, обычно приводит к неэффективности и повышению затрат [см. 1-2, 4-8].

Устранить эти недостатки позволяет новый подход к организации планирования на предприятии – процессно-ориентированное планирование (ПООБП – activity-based budget planning (ABBP)). Методология процессно-ориентированного бюджетного планирования, позволяет использовать планирование в качестве управленческого инструмента, направленного на создание стоимости для клиентов, и одновременно – на максимизацию добавленной экономической стоимости (Economic Value Added, EVA) [см. 10, 12] для акционеров транспортной компании. При этом под процессом мы понимаем логически структурированный комплекс (систему) видов деятельности и их технологий, который использует имеющиеся ресурсы в целях получения заранее намеченного результата (цели).

ПООБП выполняет структурообразующую роль в развитии предприятия, проектируя его будущее. Представляя в формальных терминах и цифрах будущее состояние предприятия через месяц, квартал, год и т.д. все сотрудники начинают понимать, к чему стремится их предприятие и к чему они должны стремиться сами. Инструментом, позволяющим сформировать современную систему планирования на предприятии, выступает система процессно-ориентированного бюджетного планирования предприятия (СПООБПП), которая, по нашему мнению, должна обязательно включать в себя следующие основные компоненты (элементы):

1. Система бизнес-процессов предприятия и их взаимосвязей.
2. Система финансовых планов предприятия.
3. Финансовая структура предприятия.
4. Аналитика управленческого учёта предприятия.
5. Технические параметры функционирования системы планирования предприятия, обеспечивающие хранение, обработку и использование данных.

Процессные системы (и не только в организации управления предприятиями промышленности, но и транспорта, в частности, морского) строятся на основе ряда базовых принципов. К ним, в частности, можно отнести:

1) принцип объединения процедур: выполнявшиеся различными сотрудниками операции, интегрируются в одну, то есть происходит горизонтальное сжатие процесса. Если не удастся привести все шаги процесса к одной работе, то создается команда, отвечающая за данный процесс;

2) принцип неразрывной последовательности: шаги процесса выполняются в естественном порядке, работа выполняется в том месте, где это целесообразно, смешанными группами, состоящими из работников различной предметной (функциональной) принадлежности или специализации;

3) принцип владельца процесса: уполномоченный менеджер обеспечивает единую точку контакта, он играет роль буфера между сложным процессом и заказчиком, и ведет себя с заказчиком так, как если бы был ответственным за весь процесс;

4) принцип самостоятельности выбора: исполнители принимают самостоятельные решения и несут ответственность за получение заданного результата деятельности;

5) принцип горизонтального контроля: качество результата проверяется его потребителем – следующим элементом процессной цепочки;

6) принцип системности (целостности) управления: управление затратами происходит по месту их возникновения, система управления издержками строится совместно с организационной структурой, без отрыва от деятельности, «один процесс – одно подразделение – один финансовый план (бюджет)».

Преимуществами указанных процессных структур являются:

а) чёткая система взаимных связей внутри процессов и в соответствующих им подразделениях предприятия;

б) жёсткая система единоначалия – один руководитель сосредотачивает в своих руках руководство всей совокупностью операций и действий (процессов), направленных на достижение поставленной цели и получение заданного результата;

в) наделение сотрудников большими полномочиями и увеличение роли каждого из них в работе предприятия, что приводит к значительному повышению их отдачи и компенсируемой ответственности;

г) быстрая реакция исполнительных процессных подразделений и работников на изменение внешних условий;

д) доминирование в работе руководителей подразделений предприятия стратегических проблем над оперативными и тактическими;

е) высокая согласованность и скоординированность критериев и показателей эффективности и качества работы подразделений и предприятия в целом (включая в ряде случаев и систему КРП).

Основными принципами ПООП, нацеленного на создание стоимости, на наш взгляд, могут выступать следующие [см. также 1-2, 13].

1. Максимальное снижение потерь в работе предприятия, в т.ч. минимизация или полное устранение видов деятельности, не создающих добавленной стоимости на основе их полной прозрачности. Вместе с тем, очевидно, что полного устранения потерь в современных условиях деятельности предприятия вряд ли можно добиться (риски различного рода, стохастичность внешней среды и т.п.), однако, стремиться к этому совершенно необходимо.

2. Достижение высокого качества за счёт обеспечения приемлемого (необходимого) уровня организационно-экономического и планового обеспечения. Речь в данном случае идёт о сокращении излишней детализации планов и отчётов предприятия на основе разработки регламента бизнес-процессов, дающих возможность снизить затраты времени работников на разработку, согласование и корректировки месячных, полугодовых и подобных планов, в т.ч. финансовых. Иными словами, речь идёт о рациональной достаточности процедурного регламента и форматов предоставляемой плановой и отчётной документации в процессе ПООП.

3. Постоянный анализ и нацеленность организации работы на используемых и неиспользуемых функциональных возможностях, выявление имеющихся резервов увеличения добавленной стоимости. Этот принцип подразумевает переход от традиционного планирования, основанного на разделении затрат на постоянные и переменные, к ПООП, ориентированному на создание стоимости.

4. Оценка и минимизация затрат на содержание избыточных функциональных мощностей предприятия. В данном случае речь идёт не только о применении традиционных инструментах функционально-стоимостного анализа работы предприятия, но и об оценке и принятии решения о рациональном использовании его производственно-экономического потенциала (например, принятии решения о продаже части оборудования, помещений, территории, или сдачи их в аренду, консолидации в формате совместной деятельности с другим предприятием, использования ИРО и т.п.).

5. Опережающее маркетинговое планирование и прогнозирование потребности рынка в современной и перспективной продукции предприятия, а также анализ новых потребностей рынка с учётом инновационных изменений в сфере деятельности предприятия и его конкурентов, возможной коммерциализации инноваций и современного научно-технического обеспечения развития производства.

6. Более высокая степень координации и взаимодействия структурных подразделений предприятия, «синхронность» и мониторинг планирования, производства и управления предприятием, создание и анализ обратной связи. В полной мере (однако, с известными ограничениями) это относится и к партнёрам, и к потребителям предприятия.

7. Первоочередной контроль бизнес-процессов, а не результатов (последние, безусловно, важны, но часто уже свершившиеся факты очень сложно – или даже, невозможно – изменить). В этом случае предприятию важно определить, как оно может контролировать виды деятельности бизнес-процессы во время их осуществления, а не на основе их результатов, когда для их возможного изменения понадобятся дополнительные ресурсы. В этом случае традиционно эффективными могут оказаться т.н. причинно-следственные диаграммы, например, диаграмма К. Искавы (cause-effect diagram, fishbone diagram), позволяющая наглядно и систематизировано анализировать взаимосвязи следствий (effects) и причин (causes), которые порождают эти следствия или влияют на них [см., в частности, 4]. Ценность этого метода состоит в способствовании категоризации и структуризации множества потенциальных причин, а так же, идентификации наиболее вероятной корневой причины изучаемого следствия. Основным преимуществом данного метода является его наглядность и универсальность. Наглядность достигается за счет того, что связь всех выявленных причин с исследуемым следствием отображается в простой графической форме.

Перечисленные выше принципы ПООП, виды деятельности и бизнес-процессы формируют базис управления созданием стоимости на предприятии. Они имеют требующуюся для управления созданием стоимости степень детализации, и поддерживают непрерывный процесс процессно-ориентированного бюджетного планирования, нацеленный на управление созданием стоимости. Таким образом, вид деятельности — это то, что предприятие (организация) делает для выполнения работы. Например, предоставление услуг по транспортировке (доставке из одного пункта в другой) товаров судоходной компанией (или транспортной группой) – это вид деятельности в рамках функции по продаже и маркетингу. Вид деятельности по предоставлению услуги, очевидно, отличается от вида деятельности по исследованию рынка. Однако оба эти вида деятельности являются частью функции по продаже и маркетингу. При этом продавец услуги (в нашем примере – судоходная компания) может выполнять несколько видов деятельности, в том числе продавать услугу, устанавливая на неё цену, обрабатывать поступивший заказ и т.д. При этом многие виды бизнес-процессов пересекают границы отдельных традиционных функций управления, и выступают как трансфункциональные. Например, бизнес-процесс по разработке новых продуктов включает в себя исследование рынка (маркетинг), разработку концепции (инженерные разработки и маркетинг), создание опытного образца (инженерные разработки и производство) и получение необходимых разрешений (согласования).

Управление бизнес-процессами и видами деятельности является действенным инструментом успешного управления предприятием. Управленческая система, построенная на видах деятельности, обеспечивает передачу планов на уровень, на котором можно принимать меры. Вместе с тем, традиционная практика бюджетного планирования, экстраполирующая затраты прошлых периодов в будущее, не дает подробной информации, необходимой для проведения необходимых изменений. С другой стороны, ПООП определяет бизнес-процессы и виды деятельности для выполнения необходимых стратегических задач. И, как нам представляется, именно эта система в большей степени ориентирована в будущее, чем традиционные бюджеты.

Таким образом, виды деятельности и бизнес-процессы — это то, что предприятия и организации делают. Стратегические цели представляют собой то, чего организация или предприятие должны достигнуть. Осознание целей определяет то, что должно быть изменено по сравнению с тем, что делается на данный момент и какие виды деятельности необходимо осуществить для проведения таких изменений. Проанализировав свои виды деятельности, организация может проводить изменения и двигаться дальше к достижению своих целей.

Анализ бизнес-процессов и видов деятельности дает руководству инструментарий, необходимый для выявления излишних, дублирующих друг друга и нерациональных задач или видов деятельности. Управление бизнес-процессами и видами деятельности помогает каждому сократить потери, провести необходимые мероприятия по совершенствованию своей деятельности, обеспечить качество и упростить решение задач.

Нацеленные на управление стоимостью планы с использованием ПОБП с учётом особенностей того или иного предприятия дают информацию, которая показывает очень реалистичную картину того, какое влияние оказывают решения на текущие процессы. Это позволяет менеджерам своевременно получать обратную связь и обеспечивать возможность провести соответствующие изменения до того, как произойдет событие, а не просто отражать в отчётности информацию об уже произошедших событиях, создавая, таким образом, более действенную, а, следовательно, и более эффективную систему.

Ещё раз отметим, что бизнес-процесс — это то, как организация создает стоимость, т.е. это, прежде всего, технология. Построение, или структура бизнес-процесса определяет то, каким образом создается стоимость. Ключевым моментом при этом является выстраивание бизнес-процессов в соответствии со стратегическими целями и конъюнктурой рынка. Только путем такой ориентации предприятие или организация может эффективно достигать своих целей. В свою очередь, анализ бизнес-процессов помогает определить взаимосвязи между видами деятельности, их затратами и выходными результатами. Эти взаимосвязи помогают более точно определить те события и процессы, которые являются запускающим механизмом (триггером) для различных бизнес-процессов предприятия. Контролируя первоначальный запускающий механизм не создающего стоимости процесса, предприятие может существенно сократить или даже полностью исключить работы, не являющиеся необходимыми. Одновременно оно может совершенствовать результаты необходимых процессов [см. 1-2].

На предприятиях морского транспорта (в компаниях, транспортных группах, акционерных обществах и т.п.) и виды деятельности, и функции, и бизнес-процессы, и собственно т.н. «особенности» имеют вполне понятную и определённую специфику, определяемую самыми различными сторонами их деятельности, в т.ч., специализацией предприятий, размерами, степенью диверсификации деятельности, уровнем развития материально-технической и снабженческой базы, особенностями построения организационной и производственной структуры и инфраструктуры и др. факторами. Отсюда и особенности формирования системы ПОБП на предприятиях морского транспорта в современных условиях реформирования системы управления отраслью и регулирования её деятельности, в частности, в судоходной компании. К этим особенностям, по нашему мнению, следует, прежде всего, отнести:

1) высокий динамизм управления отраслью и существенное влияние на деятельность предприятия морского транспорта т.н. «внешних факторов», начиная с погодных и географических условий и заканчивая целями и задачами средне- и долгосрочной промышленной и финансово-кредитной политики государства, специфическими особенностями развития конъюнктуры, например, фрахтового рынка и организации коммерческой работы на предприятии, изменением объёма и динамики мировых морских перевозок и т.д.;

2) предоставление услуг по доставке (перевозке) грузов и людей, что предполагает как их основу процесс создания ценности (стоимости), имеющей определённую меновую стоимость (и цену), а, следовательно, требующей известных затрат;

3) высокую степень взаимосвязанности финансово-экономических, коммерческих, логистических, экологических, технических и производственно-технологических процессов на морском транспорте;

4) непрерывность работы, глобальная мобильность транспорта и практически неограниченная пропускная способность морских путей сообщения, что требует соответствующей организации работы служб планирования, учёта, управления, контроля, обеспечения и безопасности;

5) разнонаправленность интересов отдельных подразделений и служб предприятий морского транспорта, что требует их согласования и «гармонизации» на самом высоком уровне управления, например, на уровне высшего руководств предприятия (например, судоходной компании);

6) традиционно инерционная структура затрат на подготовку и эксплуатацию водного транспорта, значительный удельный вес расходов на топливо и обслуживание, а также оплату труда и содержание работников и служащих в общих расходах на эксплуатацию, в т.ч. авансовых платежей, при исключительной важности современного технического обновления и инновационной ёмкости модернизации основных фондов морского транспорта (флота, портов, инфраструктуры и т.п.);

7) повышенные требования к качеству подготовки и владения навыками практической работы специалистов в области финансов, учёта, планирования и экономики, учитывающих специфику морского транспорта, а также уровню менеджмента, особенно на среднем и высшем уровне управления предприятием морского транспорта;

8) временную протяжённость и глобальную пространственную взаимосвязь финансово-экономических, производственных и технологических процессов, предполагающих также и обязательное выполнение целого ряда норм международного права, международных правил, договоров и соглашений.

В указанном контексте методология ПОБП включающая в себя содержание, принципы, функции, методы и инструменты планирования создания новой стоимости, и учитывающая особенности отрасли, по нашему мнению, позволяет не только по-новому представить, но, и — что особенно важно, — реально изменить практику планирования и управления транспортным предприятием на новой теоретической и методической основе. На наш взгляд, это может стать хорошим фундаментом для более эффективной организации управления предприятиями и организациями не только на морском транспорте, но и в других отраслях национальной экономики страны в современных условиях.

Литература

1. Браун М.Г. Сбалансированная система показателей на маршруте внедрения: Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 320 с.
2. Бримсон Дж., Антос Дж. Процессно-ориентированное бюджетирование. Внедрение нового инструмента управления стоимостью компании/ пер. с англ. — М.: Вершина, 2007. — 336 с.
3. Исигава К. Японские методы управления качеством/ Пер. с япон. — М.: «Экономика», 1988. — 199 с.
4. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 2-е изд., испр. и доп.: Пер. с англ. — М.: Олимп-бизнес, 2005. — 320 с.
5. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Организация, ориентированная на стратегию: Пер. с англ. — М.: Олимп-бизнес, 2009. — 416 с.
6. Кащеев Р. Balanced Scorecard: новое заклинание или стратегия управления? // (http://www.cfin.ru/management/controlling/bsc_spell.shtml/) (дата обращения 10.08.2012 г.).
7. Нивен П.Р. Сбалансированная система показателей: Шаг за шагом/ Пер. с англ. — М.: Баланс-Клуб, 2004. — 314 с.
8. Рыжакина Т.Г. Создание и внедрение сбалансированной системы показателей в систему планирования и контроля предприятием // <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/323/image/323-285.pdf>. (дата обращения 25.07.2012 г.).
9. Токарев В. Вы сами этого хотели, или Причины популярности сбалансированной системы показателей// <http://www.executive.ru/knowledge/announcement/1268221/> (дата обращения 12.08.2012 г.).
10. Ampuero M., Goranson J., Scott J. Solving the Measurement Puzzle: How EVA and the Balanced Scorecard Fit Together // The Cap Gemini Ernst & Young Center for Business Innovation. Issue 2 «Measuring Business Performance». — 1998. — P. 45-52.
11. Balanced Scorecard Functional Standards, Release 1.0a (May 5, 2000). — Balanced Scorecard Collaborative, Inc. // <http://www.bscol.com/> (дата обращения 15.08.2012 г.).

12. Norton D.P., Kaplan R.S. Combining EVA with the Balanced Scorecard to improve strategic focus and alignment: 2GC Discussion Paper. – UK: 2GC Active Management, 2001. – 7 pp.

13. Strategy implementation and realization. Systems and processes for successful implementation of organizational strategy and business development plans// <http://www.businessballs.com/businessstrategyimplementation.htm> (дата обращения 14.08.2012 г.).

ШИМШИРТ Н.Д.

канд. эк. наук, доцент, зав. каф. экономики «Научно-исследовательского Томского государственного университета»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена развитию систем обеспечения финансовой устойчивости в условиях использования системы межбюджетных отношений, в том числе за счет использования различных механизмов перераспределения финансовых ресурсов.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, межбюджетные отношения, оптимизация финансового обеспечения.

Keywords: financial stability, intergovernmental relations, optimizing financial security.

В современных условиях различные экономические системы

существуют и развиваются в условиях неопределенности. Их поведение различается тем, каким образом они противодействуют этим неопределенностям. Делать это возможно с использованием институтов, которые являются механизмами снижения этой неопределенности. Эволюция механизмов также связана с преодолением неопределенностей в новых условиях [1].

Сущность неопределенности в социально-экономических системах хорошо определил Дж.М.Кейнс. Он отметил, например, что не существует научной основы для определения параметров цен, ставок процента, возможности устаревания новых образцов техники через некоторое количество лет [2]. Речь идет о сложных социально-экономических системах. Причины возникающих неопределенностей хорошо описал Розмаинский И. [3]. Однако он рассматривает, прежде всего, аспекты денежной экономики.

Нас интересуют проблемы межбюджетных отношений как фактор обеспечения финансовой устойчивости территориальных единиц. Предложенный вариант повышения финансовой устойчивости регионов через объединения в более крупный субъект не был восторженно воспринят.

Важная роль обсуждения проблем неопределенности связано с развитием системы обеспечения самостоятельности территориальных единиц (субъектов федерации и муниципальных образований). Главная проблема заключается в отсутствии баланса интересов федерального центра и регионов в одной стороны, и регионов и муниципальных образований, с другой стороны. Носителями идей федерализма сегодня выступают не только национально организованные субъекты РФ, но и многие крупные регионы, которые считают, что только достаточная самостоятельность может обеспечить им устойчивое долгосрочное развитие. Субъекты федерации обращаются с законодательными инициативами в части совершенствования финансового обеспечения самостоятельности, но только 3% проектов изменений в законодательстве доходит до стадии принятия. [4].

По нашему мнению, сегодня нет единой федеральной политики обеспечения устойчивости регионального развития. Федеральный центр постоянно предлагает способы перераспределения фондов финансовой поддержки, которые предназначены для «вытягивания» более слабых регионов. А следует разработать и принять иную схему формирования на местах условий и стимулов устойчивого экономического развития на основе *собственных ресурсов*. Если же их будет объективно не хватать, то использовать централизованные фонды. В настоящее время федеральный бюджет выступает гарантом реализации социальной политики в государстве Законом 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления» жестко закрепила единая модель организации субрегионального управления и местного самоуправления. Однако сегодня ясно, что муниципальное пространство не стало более ровным, его поляризация усилилась. Практика показывает, что для реализации прав граждан на местное самоуправление и предоставляемые им блага основное значение имеет обеспеченность вновь созданных муниципальных образований необходимыми ресурсами, прежде всего бюджетными доходами. Усилилась зависимость местных бюджетов от трансфертов, все в большей степени используется способ обеспечения доходами муниципальных бюджетов через передачу им налоговых долей от налогов, остающихся на территории субъекта федерации.

В 2011 году данным правом воспользовались 66 субъектов Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации, помимо отчислений от налога на доходы физических лиц, на постоянной основе установили единые нормативы отчислений по следующим видам федеральных и региональных налогов и сборов: налог на имущество организаций – 11 регионов; налог на прибыль организаций – 7 регионов; единый сельскохозяйственный налог – 38 регионов; транспортный налог – 10 регионов; налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых – 13 регионов; налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения – 26 регионов; налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения по патенту – 23 региона; акцизы – 9 регионов. По данным субъектов Российской Федерации отдельные муниципальные районы закрепили за бюджетами поселений нормативы отчислений по налогу на имущество организаций (в 4 субъектах Российской Федерации), транспортному налогу (в 5 субъектах Российской Федерации), налогу на доходы физических лиц (в 9 субъектах Российской Федерации), единому налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения (в 4 субъектах Российской Федерации), единому сельскохозяйственному налогу (в 7 субъектах Российской Федерации), налогу на добычу полезных ископаемых (общераспространенных и прочих) (в 1 субъекте Российской Федерации) [5, с. 5-6].

Таблица 1 - Удельный вес межбюджетных трансфертов (без субвенций из региональных фондов компенсаций) в собственных доходах местных бюджетов в разрезе федеральных округов Российской Федерации в 2010 и 2011 годах

Наименование федерального округа	2010 год	2011 год
1. Центральный ФО	36,9%	38,1%
2. Северо-Западный ФО	46,3%	46,3%
3. Южный ФО	38,2%	38,9%
4. Северо-Кавказский ФО	59,3%	58,8%
4. Приволжский ФО	45,3%	46,8%
5. Уральский ФО	52,9%	59,1%
6. Сибирский ФО	46,4%	49,1%
7. Дальневосточный ФО	58,1%	56,8%

Из общего количества муниципальных образований, формировавших и исполнявших бюджеты в 2011 году, только в 6,7% муниципальных образований доля межбюджетных трансфертов (без субвенций) и доходов, переданных по дополнительным нормативам отчислений от налогов, в собственных доходах местных бюджетов составляла меньше 10 процентов, в 85,4% местных бюджетов - более 30%, в том числе в 53,4% – свыше 70 процентов. [5, с.12]. Аналогичный вывод о зависимости функционирования местного самоуправления от финансовой помощи из вышестоящих бюджетов сделан в статье Е. Гутниковой. Она указывает, что в некоторых

муниципальных образованиях Вологодской области доля финансовой помощи составляла до 90%. [6, с. 231]. В Томской области доля межбюджетных трансфертов в доходах ряда муниципальных бюджетов достигает 80%.

Раздаются голоса в пользу решения о закреплении абсолютного большинства налогов за региональными уровнями бюджетов, но это опасное заблуждение, поскольку в долговременном периоде это может обернуться катастрофическими экономическими и политическими последствиями. Главное направление совершенствования процессов межбюджетного регулирования состоит в поддержании баланса между укреплением вертикали власти и сохранением необходимого объема полномочий и ответственности в региональном и муниципальном звене управления, а это предполагает совершенствование механизма закрепления налоговых доходов за уровнями бюджетов.

В настоящее время ученые ведут исследования по поиску модели оптимизации финансового обеспечения региональных и муниципальных уровней. Одно из новых направлений – поиск модели экономической и финансовой устойчивости с позиций математических теорий устойчивости, бифуркаций и катастроф. Отмечается, что при использовании теорий устойчивости, применяемых в физических системах в применении к экономическим системам необходимо быть крайне осторожным, поскольку устойчивость движения в физике и механике коренным образом отличается от устойчивого движения в экономических системах [7, с.44].

Следует отметить структурную неустойчивость экономических систем. Кризисные явления в той или иной сфере могут существенно и быстро изменить структуру экономики, воздействовать на изменение темпов развития или падения. Изменение структуры может иметь как положительные эффекты, так и отрицательные. Это в экономической системе, а в физических системах регистрируются отклонения, но воспринимается результат как неустойчивое состояние.

Одной из главных подсистем экономической устойчивости является финансовая подсистема. Финансовая устойчивость может быть показателем стабильности, поскольку обеспечивается повышение качества жизни населения за счет эффективного движения финансовых потоков на основе сбалансированности.

Разработка модели обеспечения финансовой устойчивости на основе выделения ряда факторов, обеспечивающих сбалансированность финансовых потоков весьма сложная задача, требующая дополнительных теоретических исследований.

Европейским парламентом 22 сентября 2010 г. было одобрено проведение реформы финансовой системы Евросоюза (ЕС), в рамках которой был принят ряд законодательных инициатив, направленных на обеспечение ее устойчивости и стабильности за счет совершенствования архитектуры и институциональной системы регулирования финансовых рынков, устранения проблемы фрагментарного индивидуального анализа рисков на национальном уровне, а также развития системы раннего обнаружения и предупреждения системных рисков. Однако события последних месяцев не дают оснований, что действительно финансовая система Евросоюза сегодня устойчива, она неустойчива как никогда, сохранение государств в зоне евро требует гигантских затрат, которые не гарантируют движения к стабильности в перспективе.

При разработке концепции обеспечения финансовой устойчивости территорий следует обеспечивать реализации следующих оперативных целей: обеспечение доступности и качества государственных и муниципальных услуг, предоставляемых населению, повышение эффективности использования бюджетных средств, сохранение стабильности региональных финансовых систем с учетом прогнозируемых рисков на перспективу.

Литература

1. Скоробогатов А.С. Макроэкономическая роль институтов: от онтологической неопределенности к концепции нового делового цикла//Экономический вестник Ростовского гос. университета. 2005. Т.3, № 2.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости //Истоки. Вып.3 – М.: ГУ-ВШЭ, 1998.
3. Розмаинский И. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход//Вопросы экономики. 2009. № 6. С.48-59
4. Бухвальд Е. Российский федерализм на критическом рубеже развития//Вопросы экономики. 2008. № 9. С.70-83.
5. Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации по состоянию на 1 января 2012 года (период мониторинга – 2011 год) - Режим доступа: www.minfin.ru/ - (Дата обращения 20.10.2012).
6. Гутникова Е. Финансовая самостоятельность как фактор устойчивости развития муниципальных образований//Федерализм. 2010. № 1.
7. Татаркин А., Захарчук Е., Пасынков А. Оптимизация финансовой обеспеченности территорий с использованием математических теорий устойчивости// Федерализм. 2007. № 4.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Безбородов В.П.

кандидат филос. наук, доцент (Россия). Доцент кафедры «Отечественная история и политология»

Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. (СибАДИ) г. Омск.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Часть I. Формационная определенность России в XX-XXI вв.

Аннотация

Цель исследования - разработка концепции определенности России в XX-XXI вв. Для достижения поставленной цели в представленной работе анализируются проблемы формационной и цивилизационной определенности России в современную эпоху. Россия является евразийской страной. Анализ ее определенности в масштабах всемирно-исторического процесса приводит к выводам, что настоящая эпоха характеризуется переходом от формационного цивилизационному развитию. Экономические отношения собственности из базисных трансформируются, в зависимости от политико-правовых, культурно-информационных, социальных отношений. Классовая идеология постепенно замещается общенациональной социокультурной идеологией. Эти особенности приводят к необходимости корректировки и рекатегоризации понятий эпохи, формации, цивилизации, скачка, социализма, капитализма, идеологии это, во-первых. Во-вторых, в работе показаны различия и их причины в представлениях о социализме К.Маркса с одной стороны, Ф.Энгельса и В.И.Ленина с другой стороны. В статье анализируются причины развала СССР и выделяются основные этапы противоречивого и драматического развития России в XX-XXI вв.

Ключевые слова: эпоха, формация, цивилизация, социализм..

Key words: an epoch, a formation, a civilisation, socialism.

Определение общественно-экономической формации дано К.Марксом в Предисловии к критике политической экономии. Формация, прежде всего, зависит от производительных сил, их технико-технологического уровня. Она включает в себя способ производства, базис, надстройку и другие компоненты социального организма.

Успешно рассмотреть качественную формационную определенность советской и постсоветской России, на мой взгляд, возможно с позиций более широкого исторического и географического контекста. Поэтому сначала следует определиться с понятиями: «эпоха», «историческая эпоха», «всемирно-историческая эпоха», «формация», «цивилизация», «малый формационный цикл в истории», «большой цивилизационный цикл в истории», «глобальная переходная эпоха», «социализм» и др.

В самом общем плане эпоха характеризует тот или иной временной период в соответствии с ведущей для данного времени тенденцией общественного развития. Если взять понятие «эпоха» с минимальными временными рамками, то его можно использовать для обозначения конкретной тенденции ограниченной несколькими годами или десятилетиями в отдельной стране. Такое явление, на наш взгляд, нельзя назвать исторической эпохой. Понятие «историческая эпоха» используется нами для характеристики ведущих тенденций с более широкими региональными рамками, охватывающими ряд основных стран какого-либо континента и с более длительными временными интервалами (от нескольких десятилетий до нескольких столетий). Например, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения и т.д.

Для обозначения общественных явлений, которые по времени делятся веками, а по пространственному распространению охватывают практически все или большинство ведущих стран, мы используем понятие «всемирно-историческая эпоха». К таким эпохам относятся традиционное аграрное общество (сельская община, рабовладение, феодализм), индустриальное капитализм и постиндустриальное общество.

Большой цикл в развитии общества включает в себя всю историю человечества, по терминологии К.Маркса, первичную первобытнообщинную формацию (кровнородственная и сельская община), вторичную экономическую или классово-антагонистическую формацию (рабовладение, феодализм, капитализм) и третичную коммунистическую формацию (социализм и коммунизм). Малый цикл в развитии общества включает в себя только вторичную экономическую классово-антагонистическую формацию (рабовладение, феодализм, капитализм). Вторичная экономическая формация, это формация в полном смысле этого слова, в нее входят все основные структурные компоненты формации (способ производства, базис, надстройка, семья и т.д.).

Если взять низшую фазу первичной формации кровнородственную общину, то она в полном смысле слова формацией не является, поскольку в ней нет главных компонентов формации. Например, в кровнородственной общине с присваивающей экономикой не было отношений собственности, базиса и соответственно не было государства надстройки, не было моногамной семьи и т.д. В этом случае правомерно говорить лишь о доформационном этапе развития человечества. Высшая фаза первичной первобытной формации (сельская община или варварство) является переходной от доформационного к формационному развитию или от дикости к цивилизации.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что и высшая фаза третичной коммунистической формации в полном смысле слова формацией быть не может, поскольку в ней будут отсутствовать способ производства, базис, надстройка, семья в традиционном классическом их понимании. Уже сейчас в постиндустриальном обществе в условиях современной глобальной переходной эпохи на смену времени формационной идентичности приходит время цивилизационной идентичности. Экономические отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. Классовая идеология уступает ведущее место общенародной идеологии. Определяющая роль общественного бытия постепенно замещается определяющей ролью общественного сознания. В современном крупном производстве базисный характер отношений собственности относителен, поскольку управление производством и распределение прибыли являются нередко самостоятельными сферами деятельности. Так, управление крупными предприятиями, как правило, осуществляется топ менеджерами, а распределение и контроль за расходованием прибыли в странах Европейского Союза, согласно Устава принятого в 1962 г. странами общего рынка или ЕЭС, осуществляется наблюдательным советом директоров, в котором не менее половины мест занимают рабочие.

Понятие цивилизации имеет более широкие временные рамки по сравнению с понятием формации. Цивилизация включает не только экономическую формацию в целом (античность, феодализм, капитализм), но и переходные фазы (сельскую общину и постиндустриальное общество), то есть включает в себя и глобальные переходные эпохи.

Во всемирной истории человечества существуют всего две глобальные переходные эпохи. Первая переходная эпоха от дикости к цивилизации приводит к появлению государств, философии, науки, мировых религий, самосознания, современного типа личности. Вторая глобальная переходная эпоха разворачивается в XX-XXI вв. связана с переходом от формационного этапа развития к постформационному или другими словами от индустриального общества модерна к информационному обществу постмодерна.

О существовании двух фундаментальных переходных эпох в истории человечества говорит О.Тоффлер. Он пишет, что «происходящие сегодня события шире, глубже и важнее, чем индустриальная революция. Настоящий момент представляет собой не более и не менее чем второй «великий раскол» в человеческой истории, сравнимый по значимости только с первым расчленением исторической целостности – переходом от варварства к цивилизации» [1]. Аналогичное мнение мы встречаем у К.Ясперса, когда он в своей работе «Смысл и назначение истории» говорит о двух самых глубоких сдвигах в истории человечества, называя эти периоды «осевым временем». Первое осевое время он связывает с 8-2 веком до н.э., а второе – с XX веком [2]. Подобная точка зрения, как мы уже показали, имеет место у К.Маркса.

В отличие от Маркса, Энгельс и Ленин выделяют не три, а пять формаций (первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм), при этом все формации они ставят в один ряд. В таком случае не существует принципиальных различий в механизмах перехода, например, от феодализма к капитализму и от вторичной экономической формации к третичной коммунистической. Не случайно, поэтому в советское время наши идеологи считали невозможным рассматривать социализм в качестве самостоятельной переходной эпохи, имеющей свою специфику, качественно отличающую социализм от коммунизма не в меньшей мере, чем отличается социализм от капитализма. Советские идеологи всегда подчеркивали единство социализма и коммунизма.

Различия во взглядах на формационное членение истории между К.Марксом с одной стороны и Ф.Энгельсом, В.И.Лениным с другой стороны обуславливают различия между ними в понимании некоторых аспектов капитализма и социализма. Так, по Энгельсу основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения. Соответственно социализм Энгельс и Ленин трактуют как общество, основанное на государственной собственности, плановой системе и административном управлении. У Маркса ни в одном его произведении нет понятия основного противоречия капитализма. У него в «Капитале» есть понятие противоречия капитализма выраженного в самой общей форме, которое «состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости...; тогда как с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости» [3]. Социализм Маркс понимает как переходную стадию от классово-антагонистической формации к коммунистической, как общество, основанное на индивидуальной собственности, кооперации, рынке и конкуренции. Так Маркс писал, что «социализм восстанавливает (Б.В. не общественную), а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенного самим трудом средствами производства» [4]. По уничтожении капиталистического способа производства, пишет Маркс «определение стоимости ... становится важнее, чем когда бы то ни было» [5]. А это возможно только в рыночной экономике.

Различия между классиками марксизма в понимании социализма отчасти обусловлены еще и тем, что Ленин жил и работал в России, которая была аграрной империей, в то время как Маркс последние 25 лет работы над Капиталом жил в самой развитой капиталистической стране в мире. В истории мировой цивилизации XIX век был веком Англии. Когда в России только провозгласили об отмене крепостного права в Лондоне в 1861г. открыли метро. Я разделяю мнение Э.Фромма, что «Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым

ярким примером этого рода является то, что сделано в последние десятилетия с учением К.Маркса. Социалистический рай Маркса преподносился нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всеильной государственной бюрократии, как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство, это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов» [6].

Систему типа советского коммунизма К.Маркс назвал «грубым уравнильным коммунизмом». Он беспощадно критикует уравнильный социализм, основанный на государственной собственности. Такой социализм «стремится противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность... Этот социализм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Для него общность, есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» [7].

В действительности для Маркса личность при социализме обладает большей свободой, чем при капитализме. Свободной, говорит Маркс, личность может быть только тогда, когда она материально и социально не зависит ни от другой личности, ни от государства. «Какое-нибудь существо, - пишет Маркс, - является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом» [7, с.125].

Основная причина строительства в России примитивного, грубого, уравнильного социализма заключается в том, что до 1917 года Россия оставалась в основном аграрной империей. Попытки реформирования села на началах частной собственности на землю, предпринятые Николаем I в XIX веке, П.А.Столыпиным и Временным правительством в начале XX века особого успеха не имели. Об этом свидетельствует тот факт, что около 80% делегатов первого крестьянского съезда в мае 1917 года выступили против частной собственности на землю и проголосовали за сохранение и расширение общинного землевладения.

В феврале 1917 г. в России началась буржуазно - демократическая революция, поддержанная различными социальными группами. Но поскольку необходимые для закрепления революции социально-экономические преобразования в стране не были проведены, революция, по сути, не состоялась. В результате в ноябре 1917 г. Советы захватили власть, осуществив политический переворот, который в кратчайшее время в декабре был подкреплён соответствующими социально-экономическими и политическими декретами большевиков. Таким образом, политический переворот перерос в большевистскую революцию. Однако страна была аграрной, где основная часть населения крестьяне, которые мыслят уравнильными категориями. Это обусловлено тем, что все они выполняют практически равную по квалификации работу: пахут, сеют и убирают урожай. В итоге большевики, захватившие власть смогли построить только грубый, уравнильный социализм (терминология К.Маркса), который к тому же был отягощён тоталитарным сталинским режимом. Однако, примитивный социализм благодаря сохранению социокультурных установок и ориентаций и соединения их с идеей коммунизма позволил обеспечить до второй половины 1950-х гг. высокие темпы развития за счёт неслыханного энтузиазма народа [9]. Об этом свидетельствуют результаты индустриализации страны, достигнутые к концу 1950-х началу 1960-х гг.

Индустриализации способствовало задействование тех же самых методов и резервов управления страной, которые применял Петр I во время своего правления. По утверждению Е.С.Кульпина, Петр I использовал такие формы и резервы управления, как а) ограничение прав народа на свободный выбор индивидуумом своей судьбы; б) принуждение к знаниям и технологической дисциплине, как дисциплине военной; в) солидарность общества с государством; г) патерналистский и меритократический характер власти; д) принуждение дворянства к несению бремени главной и коллективной ответственности за преобразования; е) недопущение приватизации прав государства одной социальной группой общества; ж) эффективная система циркуляции правящей элиты [10].

Однако надо иметь в виду, что к 1960-м гг. мы полностью и окончательно исчерпали возможности развития уравнильного социализма. Стала резко падать эффективность производства. Падение эффективности производства объясняется сохранением уравнильных методов управления аграрным обществом в индустриальном. В индустриальном обществе в отличие от аграрного общества рабочие имеют качественно разную квалификацию 1, 2, 3,...6 разрядов. При этом даже сто рабочих 3-4 разрядов не могут выполнить работу одного рабочего 6-го разряда, а зарплата между ними принципиально не различалась. В результате, начиная с 1960-х гг. пропал стимул в повышении квалификации и росте производительности труда. Для выправления ситуации были приняты постановления Правительства СССР и пленума ЦК КПСС о переходе всех предприятий на полный хозяйственный расчёт. Однако реформа провалилась, поскольку для ее реализации необходимо было бы провести приватизацию, перейти на рыночную экономику и конкуренцию. Этого не произошло из-за страха политической элиты потерять власть. У нас не нашлось своего Ден Сяопина благодаря которому Китай имеет самые высокие в мире темпы развития производства за последние 30 лет в результате перевода экономики на рыночные отношения.

Несмотря на впечатляющие темпы развития Китая, наша страна не может развиваться по китайскому пути, во-первых, потому что является евразийской. Во-вторых, связи с западной цивилизацией: экономические, социальные, культурные у нас гораздо шире, чем с восточной цивилизацией. В-третьих, уровень экономического, социального и политического развития у нас пока еще существенно выше, чем в Китае.

В XX-XXI вв. можно выделить три формы реального социализма: 1. Уравнильный, грубый, примитивный социализм в аграрных странах (СССР, Китай до конца 1970-х гг., Северная Корея и т.д.); 2. Демократический социализм европейского типа, опирающийся на постиндустриальную экономику (Швеция, Норвегия, Финляндия и т.д.); 3. Промежуточный рыночный социализм переходный от уравнильного к демократическому социализму (Китай, Вьетнам).

Мы не смогли в 1960-1980-е гг., в отличие от Китая, положительно преодолеть этап грубого примитивного уравнильного социализма. Страна в экономическом плане покатила вниз. В культурном плане стала разрушаться идеология уравнильного коммунизма, но что еще хуже стали размываться базовые характеристики нации. Советская идеология потерпела крах и СССР развалился. Таким образом, в России советской эпохи уравнильного социализма следует выделить два этапа. Первый с 1917 – 1960 гг. – этап индустриализации. Второй с 1960 – 1990 гг. этап резкого падения эффективности производства, скольжения в пропасть.

С 1991г. начинается постсоветская эпоха в истории России, в которой можно выделить также два периода. Первый период с 1991 - 2000 год. В формационном плане этот период можно назвать этапом дикого капитализма. При переходе на рыночную экономику было допущено много ошибок, несмотря на успехи в развитии демократии и свободы. Несправедливая приватизация, залоговые аукционы, гипертрофия индивидуализма привели к резкому социальному расслоению, обнищанию масс, маргинализации значительной части населения, падению производства, сокращению продолжительности жизни, разгулу преступности, наркомании, утрате духовных ориентиров, чувству патриотизма и национальной гордости, к расколу общества.

Второй период с 2000 г. по настоящее время. Этот период можно назвать этапом относительной стабилизации, а точнее неустойчивого равновесия. Задача сейчас заключается в том, чтобы от этапа неустойчивого равновесия перейти к этапу интенсивного развития. Если мы не решим в ближайшие годы этой задачи, то страна вновь покатится в пропасть и распадется на части. Для решения данной задачи необходимо в частности выработать оптимальную для нашего общества шкалу приоритетных ценностных ориентиров, в которой соединение традиционных российских коммунаристских и западных рыночных ценностей осуществлялось бы при сохранении приоритета национальной духовной культуры. Это подтверждается не только успешным опытом развития ряда стран Восточной цивилизации (Сингапура, Малайзия, Южной Кореи, Японии и Китая), но и опытом развития стран западной цивилизации, Европы и Северной Америки.

До сих пор цивилизационная идентичность российского общества неопределенна. Наше общество включает противоположные социокультурные ориентиры и установки без выделения приоритетов (например, индивидуализм и коммунитаризм и т.д.). Они находятся

в одной плоскости, поэтому противоречат и «не работают» на развитие. У нас нет понятной для большинства общества социокультурной концепции российской цивилизации. Без четкой и ясной социокультурной концепции мы не можем конкретно бороться с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом, с коррупцией, активно противостоять в современной сетевой войне, провести модернизацию, преодолеть раскол в обществе, мобилизовать людей на решение стоящих перед страной задач. При решении вышеперечисленных задач необходимо учитывать особенности современной глобальной переходной эпохи. А именно, в современную эпоху происходит замена формационного развития на постформационное, экономические отношения собственности из базисных трансформируются в зависимые от культурно-информационных, правовых и властных отношений. На смену времени формационной идентичности приходит время цивилизационной идентичности. Разработке российской цивилизационной концепции и будет посвящена наша следующая статья, в которой мы конкретно рассматриваем социокультурные основы российского общества.

Литература

1. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – С. 13.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
3. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 3. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1975. – С. 273.
4. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 1. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1973. – С. 773.
5. Маркс, К. Капитал. В 3 т. Т. 3. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1975. – С. 927.
6. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – С. 376–377.
7. Маркс, К. Сочинения. В 50 т. Т. 42. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1978. – С. 114–115.
8. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – С. 16.
9. Кульпин, Э. С. Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски / Э. С. Кульпин // ПОЛИС. – 2009. – № 5. – С. 158–169.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ Часть II. Цивилизационная определенность России в XX-XXI вв.

Аннотация

В первой части работы мы показали, что в XX-XXI вв. на смену формационной определенности приходит цивилизационная определенность. Цивилизационная определенность больше, чем формационная зависит от того, что Россия географически находится между Западом и Востоком. При этом в работе учитывается то, что Россия относится к теллуократической земельной цивилизации, а страны Западной Европы к талассократической торговой цивилизации. В результате россияне по языку, психологии мышления, религии, науке, экономическим, социальным, политическим, и культурным связям ближе к Европе. Но, по своей ментальности, по своей душевной структуре, коллективизму, социальной справедливости, первенству общего блага, по своему духовно-нравственному генетическому коду Россия ближе к Востоку. Для модернизации России, выхода ее из затянувшегося системного кризиса, в частности, необходима замена парадигмы отношений личности и общества, с приоритета прав личности (западная цивилизация), на приоритет прав общества, семьи, государства, прав природы и прав культуры (восточная цивилизация).

Ключевые слова: цивилизационная определенность, фундаментальные жизненные смыслы, шкала ценностей, внутренний духовно-нравственный уровень ценностей, внешний институциональный уровень ценностей.

Keywords: civilizational definiteness, fundamental vital senses, a scale of values, internal spiritually-moral level of values, external Institution level of values.

Существует несколько значений понятия «цивилизация». Одно из них связывают с переходом от первобытного общества к цивилизованному, в связи с появлением институтов государства, права, мировых религий и т.д. По К. Ясперсу это эпоха «осевого времени». Другое понятие цивилизации связано с именами Н.Данилевского, П.Сорокина, А.Тойнби, которые понимают под цивилизацией социальный организм, проходящий определенные этапы: становления, роста, зрелости, угасания и гибели. Они выделили целый ряд цивилизаций (западноевропейскую, китайскую, индийскую, российскую и др.). Третье понятие цивилизации представлено О.Шпенглером в книге «Закат Европы» в которой он противопоставляет культуру и цивилизацию. Под цивилизацией О.Шпенглер имеет в виду технический прогресс, а под культурой падающее нравственное и духовное состояние общества [1].

В основе цивилизаций, считает В.С.Степин, лежат базисные ценности или фундаментальные жизненные смыслы: истина, добро, красота, свобода, равенство, справедливость и др. Иначе он называет их мировоззренческими универсалиями.

Цивилизационная определенность обусловлена мировоззренческими универсалиями российского общества другими словами его ценностными ориентациями и установками. Система ценностей в значительной мере зависит от того, что Россия расположена на стыке западной и восточной цивилизаций и на протяжении веков испытывала их сильное влияние.

Ментальные различия между западной и восточной цивилизациями по утверждению С.Хантингтона вызваны тем, что западная цивилизация является талассократической морской, торговой, а восточная – сухопутной, земельной, теллуократической. Ценностями торговой цивилизации являются либерал-демократия, права человека, индивидуализм, предприимчивость, рынок, конкуренция, частная собственность, посредничество, изворотливость. К ценностям земельной цивилизации относятся традиционализм, коллективизм, этатизм, патернализм, неприятие посредничества, обмана, изворотливости и спекуляции. По мнению С.Хантингтона Запад и Восток, по-прежнему цивилизационно стоят далеко друг от друга. В конце XX века «западная идеология восторжествовала временно, ее торжество поднимет на поверхность глубинные культурные слои Востока: усилятся влияние религиозных факторов, в частности ислама и православия, синтоизма и буддизма, конфуцианства и индуизма. В недалеком будущем заявят о себе славяно-православная, конфуцианская (китайская), японская, исламская, индуистская, латиноамериканская и возможно, африканская цивилизации» [2].

По мнению Э.Фромма, ориентация европейского типа мышления и культуры связана со стремлением к обладанию, а восточного типа мышления с гармоничным существованием, не нарушающим законов природы [3].

И.С.Кон выделял три системы ценностных ориентаций, лежащих в основе цивилизационной культуры:

1. Система, ориентирующаяся на посюстороннюю самореализацию и опредмечивание «Я», утвердившаяся в западноевропейской культуре, персонцентристская ориентация.

2. Система, ориентирующаяся на подавление и отказ от индивидуального в интересах социума (данная система ценностных ориентаций получила распространение в Китае, Японии и России), системоцентристская ориентация.

3. Система, ориентирующаяся на автокоммуникацию и растворение «Я» в универсальной духовной субстанции (система получила распространение в Индии) [4].

М.Т.Степанянц считает, что на Западе высоко ценится личная свобода, а на Востоке общественные интересы имеют первоочередную значимость по сравнению с правами и свободами индивида. К восточным ценностям относятся: бережливость, уважение к власти имущих, абсолютная лояльность по отношению к семье. Восток видит «неиндивидуальную модель модернизации, в которой требование прав и свобод подчинено более широкому пониманию добра, а традиционное и современное не разводятся по разные стороны» [5].

Еще ранее различия между ценностными ориентациями проявились во взглядах Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо. Локк говорил о приоритете прав личности по отношению к интересам общества государства, а Ж.Ж. Руссо говорил о приоритете прав государства общества по отношению к правам личности.

Особенности российской ментальности, по мнению Николая Бердяева заключаются в том, что «русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем, культурном слое ассимилировал все западные идеи... Противоречивость русской души определяется сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента» [6].

Детальный анализ развития социокультурных противоречий в России позволил А.С.Ахизеру утверждать, что в масштабах общества «историческая «болезнь» России – социокультурный раскол». В результате раскола в обществе образовались цивилизационные типы: традиционный и либеральный. Сплав двух цивилизаций порождает особую «промежуточную цивилизацию» [7], на наш взгляд, не до конца сформировавшуюся.

Данная специфика социокультурного развития России обуславливает необходимость анализировать политическую систему России не только с позиций западной либеральной демократии, но и с позиций радикальной демократии. В этом плане представляются интересными мысли Б.И.Зеленко в работе «Демократия и современная Россия: непростое сочетание». В своем исследовании она сравнивает две формы демократии либеральную демократию и радикальную [8].

Либеральная демократия:

Морально автономный индивид
Суверенитет личности
Общество как сумма индивидов
Плюрализм интересов
Интерес всех
Первенство прав человека
Свобода человека
Первенство права
Разделение властей
Подчинение меньшинства большинству
с защитой прав меньшинства

Радикальная демократия:

Социальный человек
Суверенитет народа
Органическое общество
Общий интерес
Единство интересов
Первенство общего блага
Свобода гражданина
Единство прав и обязанностей
Разделение функций
Подчинение меньшинства
большинству

Различия в политической культуре между Западом и Россией не означают, что Россия должна идти по какому-то особому восточному пути развития демократии. Да такого пути и не существует. Мы присоединяемся к мнению В.И.Толстых, что «идти по китайскому пути – это значит быть китайцем». В современную эпоху у каждой нации свой путь оптимального развития. Нам важно отметить здесь то, что демократические ценностные ориентации нельзя сводить только к либеральной идеологии, как это уже дважды было сделано сначала Д.Беллом и позднее Ф.Фукуямой. Так, в 1960г. Д.Белл выпускает книгу «Конец идеологии» [9]. В этой книге он аргументирует концепцию деидеологизации отказа от идеологии, прежде всего марксистской в развитых странах Северной Америки и Западной Европы, обусловленного переходом к постиндустриальной стадии развития, коренным изменением социальной структуры общества. А в 1976г. через 16 лет публикует новую работу «Культурные противоречия капитализма». В этой книге Д.Белл обосновывает концепцию возврата к идеологии, но не классовой, а общенародной [10]. Необходимость возврата к идеологии обусловлена, желанием преодолеть культурный кризис, возникший после отказа от идеологии (хиппи, сексуальная революция, рост преступности и наркомании, падение нравственности, трудовой дисциплины, ценностей патриотизма, национальной гордости и т.д.), охвативший Северную Америку и Западную Европу.

Аналогичную эволюцию прошел Ф.Фукуяма. В конце 1980-х гг. он написал работу «Конец истории», опубликованную 1990 г. в журнале «Вопросы философии». Причину конца истории Ф.Фукуяма видит в крахе марксистской идеологии в мире в целом и, прежде всего в СССР. Он говорит о неоспоримой победе идеологии политического либерализма, триумфе Запада и западных идей, завершении идеологической эволюции человечества. Противоречия в сфере сознания, на уровне идей он называет идеологией. И здесь же справедливо утверждает, что идеология не сводится только к политическим доктринам, но включает лежащие в основе любого общества религию, культуру и нравственные ценности, которые существеннейшим образом влияют на политику [11]. Но тогда возникает вопрос, о каком завершении идеологической эволюции человечества можно говорить? Ведь существуют принципиальные различия в идеологии между Западом и Востоком в плане религии, культуры, нравственных ценностей. Не случайно сам Ф.Фукуяма спустя 17 лет в 2007г. в интервью радио «Эхо Москвы» заявил, что Япония и Китаю удалось соединить традиционные духовные ценности восточной цивилизации (национальную идеологию) с отдельными элементами либеральных ценностей западной цивилизации: с частной собственностью, рынком и конкуренцией (западной идеологией).

Более того, национальный разведывательный совет США разработал уже три прогноза развития человечества в XXI веке... Согласно последнему прогнозу возможны четыре сценария к 2020 году. Первый, наиболее вероятный заключается в неуклонном и стремительном экономическом росте Китая и Индии, который приведет к изменению направления процессов глобализации. Глобализация станет менее вестернизированной, изменится расстановка сил: привычные дихотомии «Запад – Восток», «Север – Юг», «развитые страны - развивающиеся страны» будут упразднены.

Второй сценарий. США удастся сохранить доминирующую роль в формировании мирового порядка.

Третий сценарий. Всемирное движение за создание «Нового халифата», опирающегося на радикальный ислам, бросит сокрушительный вызов западным нормам и ценностям, станет фундаментом новой мировой системы.

Четвертый сценарий – «Кольцо страха». Повсеместное ощущение опасности, вызванное ростом терроризма, организованной преступностью, торговли оружием, кибернетических атак, распространением оружия массового поражения. Это может привести к широкомасштабным превентивным интервенциям (пример, военная операция США в Ираке) [5].

Можно сделать вывод, что заимствование либеральных ценностей частной собственности, рынка и конкуренции не может быть механическим. Это сложный процесс, связанный с трансформацией не только традиционных национальных, но и западных ценностей. Последние не могут быть заимствованы в неизменном виде, как они существуют на Западе. Они также должны быть трансформированы с учетом конкретной национальной специфики. Только в таком случае может иметь место положительный эффект от заимствования. В противном случае внедренные в контекст восточной цивилизации элементы западного общества перестают функционировать в нем как рациональные, и в тоже время ценностные ориентиры культуры Востока не могут функционировать как традиционные. Нечто подобное происходит в России, начиная с 90-х гг. постсоветского периода.

Иное дело в Китае, при заимствовании институтов рынка, частной собственности и конкуренции, Китай сохранил свои национальные ценностные ориентации. Более того, для нейтрализации негативных последствий рыночных тенденций (коррупция, сокрытие доходов от налогов, распространение наркотиков), которые противоречат принципу приоритета общественных интересов перед частными, в Китае принципиально усилили ответственность за данные преступления вплоть до смертной казни. Все банки и земля являются государственными. В Китае сохраняются ценности этатизма, патернализма, поощряется трудовой энтузиазм, патриотизм и национальная гордость. В целом основные социокультурные ориентиры в Китае обобщает профессор Гарвардского университета Ту-Веймин, который выделяет следующие основные ценности конфуцианства:

- 1) Сильное правительство, берущее ответственность за благополучие народа и стабильность в обществе.
- 2) Обычай и ритуалы, обладающие исключительной значимостью в формировании добродетели и морали.
- 3) Семья базовая единица общества, главный транслятор ценностей от одного поколения к другому.

- 4) Гражданское общество играет роль «динамичного посредника» между частными и публичными сферами.
- 5) Образование – гражданская религия общества – скорее учит тому, как стать человеком, а не для обретения знаний и навыков.
- 6) Качество жизни зависит от уровня «самосовершенствования» каждого члена общества. Приоритет общественного блага перед личной свободой и счастьем. Самосовершенствование – источник регулирования семьи, государственного правления и мира в поднебесной [5].

Российское общество в настоящее время остро нуждается в комплексной модернизации экономической, социальной, политической и духовной сфер жизни. В литературе в качестве основной проблемы нередко ставится вопрос о выборе пути развития по американскому, европейскому или китайскому образцу. Нам представляется принципиально неверной ориентация только на Запад или только на Восток.

Практика Китая, Японии и Юго-Восточной Азии показала, что успешное развитие страны может идти при одновременном сохранении основных национальных ценностей и заимствовании элементов идеологии западной цивилизации. При таком подходе у каждой страны сугубо индивидуальный путь модернизации и демократизации. Страны Восточной Азии осуществили модернизацию без должной демократизации по лекалам Запада. Более того последствия следования советам консультантов Запада в 1990-е годы оставили у россиян тяжелые воспоминания. Да и практика развития Украины за два последние десятилетия показала, что заимствование ценностей западной политической демократии само по себе не приводит автоматически к стабильным темпам развития, контролю над коррупцией, уклонением от уплаты налогов и т.д.

Мы солидаризируемся с Э.С.Кульпиным в том, что Петр I открыл для России возможность развития **не по европейскому пути**. При нем завершилось сложение системы основных ценностей российской цивилизации, в которой не нашлось места для таких основополагающих ценностей европейской цивилизации, как личность, свобода, закон, рынок, частная собственность, а попытки их введения в XIX в начале XX века завершились гражданской войной. *По основополагающим критериям мы не европейцы.*

По мнению Э.С.Кульпина в эпоху Петра I сложился культурный проект российской цивилизации и это свидетельствует в пользу того, что сегодня опережающая модернизация теоретически возможна. Для ее реализации считает Э.С.Кульпин, требуется безотлагательное политическое решение на самом высоком уровне [12]. Нам представляется этого недостаточно. Во-первых, властная элита должна быть не только легитимной (как у нас часто бывает, когда из худшего выбирают меньшее зло), но и меритократической. Во-вторых, для решения на высоком уровне необходимо понимание проблемы и корректировка ценностных ориентиров правящей элиты. В-третьих, пока имеет место ситуация раскола в российском обществе никакие решения на самом высоком уровне не будут иметь успеха, поскольку для проведения модернизации **необходима осознанная готовность каждого индивида принести свои личные интересы в жертву интересам развития общества**. А это будет возможно только в том случае, если будет проведена социальная реформа, взят курс на проведение эгалитаристской политики, курс на создание условий для роста среднего класса. Необходимо сокращение различий между богатыми и бедными путем перераспределения благ за счет введения прогрессивных налогов на доходы, наследование, недвижимость, предметы роскоши и т.п. Без этого невозможно сплотить расколотое общество и мобилизовать его на решение задач стоящих перед страной. В-четвертых, необходимо разработать шкалу ценностей с четко указанными приоритетами.

У каждой цивилизации нации, государства есть две шкалы ценностей своя внутренняя шкала базисных духовно-нравственных ценностей и внешняя институциональная система ценностей. Эти шкалы ценностей зависят от формационных оснований, уровня развития данной цивилизации, нации, государства и от социокультурных цивилизационных оснований, то есть истории, национальной духовной культуры, традиций, обычаев. В современную переходную эпоху, под влиянием процессов глобализации шкалы ценностей трансформируются. В частности, путем принятия соответствующих правовых актов, способствующих закреплению в обществе новых ценностей. На внутренние, традиционные, национальные, базовые, духовно-нравственные ценности надстраиваются как бы внешние институциональные ценности.

Р.К.Мертон выделил более шестидесяти общечеловеческих ценностей, которые признаются всеми современными цивилизациями. Однако шкалы ценностей у каждой нации имеют свои приоритеты. Например, для жителей США к базисным внутренним ценностям относятся ценности свободы, демократии, индивидуализма, частной собственности, конкуренции и т.д. Ценности корпоративизма, коммунитаризма для американцев являются внешними институциональными ценностями. В странах же, относящихся к восточной цивилизации (Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур, Малайзия) коммунитаризм, патернализм, приоритет общих интересов по отношению к личным интересам это внутренние базисные ценности. Индивидуализм, рынок, частная собственность, конкуренция для стран Востока являются институциональными внешними ценностями. На наш взгляд, следует различать базисные ценности с одной стороны и фундаментальные жизненные смыслы или мировоззренческие универсалии с другой.

В настоящее время, чтобы Россия от этапа стабилизации, а точнее неустойчивого равновесия перешла к этапу интенсивного развития следует выработать оптимальные для нашего общества формы совмещения частной собственности рынка и конкуренции с российскими национальными духовными ценностями. На наш взгляд, успешное соединение традиционных коммунитаристских российских и западных индивидуалистских ценностей возможно лишь при сохранении приоритета национальной духовной культуры. Это подтверждается не только успешным опытом развития ряда стран Восточной цивилизации (Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, Японии и Китая), но и опытом развития западной цивилизации Европы и Северной Америки. Реформы Д.Рузвельта в США по созданию социальной системы защиты трудящихся с низкими доходами, позволяющей проводить эффективную эгалитаристскую политику. Реформы Де Голля во Франции по передаче безвозмездно части прибыли для выкупа акций предприятий рабочими. Опыт скандинавских стран по усилению роли государства в управлении социальной и экономической сферами общественной жизни. Принятие устава ЕЭС в 1962 г. и в частности положения о создании на крупных предприятиях наблюдательных советов директоров, в основном состоящих из рабочих, распределяющих прибыль и осуществляющих контроль за фактическим расходованием прибыли и т.д.

В настоящее время большое влияние на трансформацию цивилизационной определенности оказывают процессы глобализации. В результате процессов глобализации происходит формирование новой идентичности, в которой противопоставление Запада и Востока постепенно снимаются за счет гибридности.. Глобализация это не универсализация американских стандартов, а новый путь гармонизации (согласования) каждого различия между культурными общностями[13].

В итоге, я считаю что, прежде всего, **мы должны учиться тому, что нам самим свойственно!**

Литература

1. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 663.
2. Hantington Samuel. Clash of civilizations in «Foreign Affairs», summer 1993. – P. 22 – 49.
3. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : ООО «Фирма» Издательство АСТ 2000. – 448 с.
4. Кон И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
5. Степанянц, М. Т. Восточные сценарии глобального мира / М. Т. Степанянц // Вопросы философии. – 2009. – №7. – С. 35–44.
6. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – С. 7–8.
7. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – С. 8, 12.
8. Зеленко, Б. И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание / Б. И. Зеленко // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 3–14.
9. Bell Daniel The End of ideology, New York: Basic Books. 1960. p.416.
10. Bell Daniel The Cultural Contradictions of Capitalism, The New York Times, February 2, 1976. p.147.
11. Fukuyama F. “The End of History” The National Interest 16 (Summer 198 9), с.3 – 18.

12. Кульпин, Э. С. Альтернативы российской модернизации, или реставрация Мэйдзи по-русски / Э. С. Кульпин // ПОЛИС. – 2009. – № 5. – С. 158–169.

13. Карелова, Л. Б. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов / Л. Б. Карелова, С. В. Чугров // Вопросы философии. – 2009. – № 7. – С. 44–54.

Ильиных И.А.

Доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования Горно-Алтайского государственного университета

ОТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕАЛА

Целью статьи явилось выяснение и описание идеального образа отношений человека с существами мира природы, что является необходимым этапом в поиске и формулировании духовных оснований новых экологических ценностей.

Ключевые слова: экологический идеал, идеал единства, идеал любви.

Key words: ecological ideal, the ideal of unity, the ideal of love.

После того, как идеал овладевает нашей мыслью, он вынуждает нас к нему стремиться.

Шри Ауробиндо

В глубине души каждого человека есть пространство, где живут идеалы – образцы максимально прекрасных, возвышенных и утонченных представлений о том, какой должна быть жизнь. Откуда взялись такие образы, если жизнь реальная, где много грубости, злости, лжи, хамства... так далека от совершенства? Подобный вопрос всегда встает перед ищущим истину человеком, для которого разрыв между идеальным и реальным воспринимается как проблема, которую он должен решить.

Люди, пытающиеся понять смысл бытия, неизбежно выходят за рамки восприятия жизни как отрезка времени и пространства ограниченного рождением и смертью в данном конкретном теле. Для сознания, неограниченного такими рамками, жизнь превращается в бесконечный поток из Вечности прошлого в Вечность будущего, и приходят ответы на вопросы, которые невозможно решить, оставаясь внутри данности настоящего отрезка жизни.

Античные философы Пифагор и Платон, например, полагали, что душа, перед тем как воплотиться в теле человека, жила в занебесном мире и принесла с собой на Землю знание о том мироустройстве. Платон говорил, что процесс познания – это вспоминание того, что уже знает душа. Души вселяются в разных людей в зависимости от их достоинств — того, сколько они видели в занебесье [1].

Но если Пифагор, Платон и еще многие другие философы и теологи прошлого и современности полагают, что человек получает тело в наказание за грехи и вынужден мучиться и страдать из-за него, потому что вся жизнь в материальном мире связана с обслуживанием потребностей тела и познать истину невозможно пока не отвергнешь тело, то индийский мудрец Шри Ауробиндо, наоборот, утверждает, что человек получает тело для того, чтобы найти в себе Всевышнее существование, проявить Всевышнее Присутствие. Само Всевышнее Сознание бросает Себя в земную материю, которая была среди всей вселенной наиболее темной и несознательной, и заключает Себя в тело прямо из Верховного источника, не проходя через любые другие промежуточные средства. Таким образом, в человеке соприкасаются две крайности: верховное и наиболее несознательное и начинается святое преобразование материи, образуется душевное существо, принадлежащее только земной жизни. Этот земной мир в центре всех звезд и всех миров был сформирован, чтобы стать символом вселенной и быть точкой сосредоточения работы по преобразованию материи. Даже Великие космические индивидуальности, когда они хотят обратиться на путь истины и объединиться с Верховным, берут физическое тело, потому что это наиболее подходящий способ, и этим путем они могут лучше всего и наиболее быстро возвратиться в Начало [2].

Принимая последнюю точку зрения, открывается картина внутреннего конфликта человека и начинает проясняться путь устранения его. Воплощаясь в земное тело, человек получает некоторое количество темной неосознанной материи, проявляющей себя в форме различных психических и физических процессов, импульсов, побуждений, сделать которую святой (светоносной и осознанной) является задачей каждого человека. И здесь на помощь приходят идеальные образы, живущие в душе.

Берея мечты об идеальном за вершину, к которой нужно стремиться человек постепенно изменяет себя и изменяет действительность. Идеалы являются точкой роста для человеческого существа и стремление к реализации в жизни идеала – это желание и потребность его души в развитии. Это направление, в котором должна развиваться душа. Но, если идеал бесконечно удален от возможной реальности, то он может стать утопической идеей сейчас, т.к. для воплощения его в жизнь не хватает каких-то составных частей. Может быть нет еще зрелых или созревающих механизмов и условий для успешного воплощения идеала в жизнь, потому что данный идеальный образ очень сильно опережает время не только для того, чтобы быть воплощаемым в реальности, но и даже для того, чтобы быть идеалом или мечтой. Тогда мечта останется мечтой более длительное время, чем более близкий к реальности идеал.

Природа человека очень многогранна и многослойна и для каждой сферы проявления существует некая идеальная конструкция, некий образ, к реализации которого человек стремится. Но, несмотря на множественность граней человеческого существа и множественность индивидуальностей людей, все-таки есть несколько идеалов, которые являются универсальными для всех и принимаются всеми без исключения людьми как абсолютное благо – это идеал единства и идеал любви. Хотя в определенном смысле они представляют собой стороны одного образа, в котором любовь предстает атрибутом единства, силой помогающей единению, соединению, объединению, слиянию... По наличию любви или ее отсутствию можно говорить о том происходит единение или нет. Может быть, любовь необходима для соединения различных частичек мироздания друг с другом, а может быть, наоборот, ради свободного перетекания любви из души одного существа в душу другого существа необходимо слияние? Вероятно, каждый человек решит этот вопрос по-своему в соответствии со своей жизненной стратегией, но в контексте данного размышления идти дальше может быть и не нужно: пусть останутся два идеала вместе как неразрывное целое, в котором каждая часть обладает самостоятельной ценностью.

Человек утратил способность воспринимать мир целостно и любви в его мире тоже очень и очень мало. Но приобрел он способность все делить и разъединять. Такая способность человека проявляется во всем. Мироззрение строится на восприятии мира, состоящего из отдельных частиц. Мышление строится на разделении и сравнении, следствием чего является научный метод познания, где основным инструментом познания является разрушение. Поступки часто строятся на утверждении эгоизма, в основе которого лежит ощущение себя как отдельного и независимого от мира существа. Но такое взаимодействие не способствует проявлению любви и не ведет к гармоничному соединению. Более того, в такой системе ценностей нет места любви и единству. Поэтому вокруг страдание, разрушение, раздражение, несчастье, страх, стресс, усталость...

Все-таки можно выбрать из разрушенного мира и начать строить прекрасный мир, в основе которого лежит любовь. Вполне возможно в мыслях, чувствах, поступках опираться на это соединяющее чувство, пренебрегая всеми остальными, способствующими разделению. Везде и во всем искать только любовь. Наполнять сердце только любовью. При этом одинаково относиться к людям, животным, растениям, минералам, бактериям, молекулам, атомам. Воспринимать любую частичку мироздания как живое существо, обладающее сознанием, имеющее цель своего существования идвигающееся куда-то по направлению реализации своей жизненной цели. Даже если существо и не обладает в данный момент времени и в данном месте осознанностью, т.е. способностью отдавать себе отчет в том, что с ним происходит, оно все равно имеет право на жизнь и имеет право на движение по пути своей жизни. А человек находится в одинаковых правах на жизнь с любой песчинкой, травинкой, букашкой. Вот такое отношение к миру природы можно назвать идеальным в данный период существования человечества.

Развивая идеальный образ отношений человека и природы необходимо затронуть несколько сторон взаимодействия. Одна из них –

познание. Согласно Аристотелю, познание является высшим благом для человека. Аристотель формулируя свое учение о высших ценностях исходил из того, что человек самое разумное существо на земле и имеет право животных и растения использовать как материал для своей познавательной деятельности. Но в данном контексте размышления, исходя совершенно из других понятий высшего блага следует заметить, что получая высшее благо для человека и причиняя при этом вред другим существам (опыты на животных, изучение структуры клеток растений, получение генетического материала и т.п.) абсолютное, высшее, в истинном значении этого понятия, благо не будет таковым, потому что будет омрачено страданием «объектов» познания. Человек, строящий свои отношения на любви и стремлении к единству, понимает, что познание возможно без разрушения и причинения страдания кому-либо вообще. Познание, построенное на доверительных отношениях с любой травинкой и букашкой откроет большее знание, чем полученное у природы, посредством разрушения. Истинное знание открывается только благодаря искренним отношениям, когда перестают существовать границы объекта и субъекта познания и знание соединенное с любовью свободно перетекает от одного существа к другому. Истина сама раскрывается тому, кто наполнен любовью и доверием к каждой частичке мироздания.

Еще один важный аспект взаимодействия человека с природой необходимо затронуть. Так как человек существо материальное и для жизни в этом мире ему нужно удовлетворять биологические потребности в материи и энергии: питаться, обогреваться, создавать жилище и т.п., многое из необходимого для жизни он берет у природы. Но как он это делает!!! Природа для него просто ресурс, необходимый и максимально благоприятный. Но мир природы это не бездушная материя...

В этике существует одно самое главное и основное правило, которое называют золотым правилом нравственности: «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе». Очень интересно получается, если наши поступки по отношению к природе перенести в сферу отношений между людьми. Так, мы не приходим в дом другого человека и не берем в его доме что-то для себя, не спросив разрешения. Если же происходит так, то это является уже преступлением. Проецируя аналогичные поступки по отношению к природе на людей, охватывает ужас – мы ведем себя как настоящие преступники. Но природа так терпелива с неразумным человеком и ставит нас на свое место по-матерински мягко.

Вернемся же к идеальному образу отношений с природой. Наверное, наиболее трудный для реализации аспект отношений – это сфера так называемого природопользования, как способа общественных отношений с природой. Как нам общаться с природой в этой сфере? И снова идеальными будут отношения, основанные на доверительных, дружеских, искренних отношениях. Язычество может многому нас научить в этом смысле. Может научить как уважительно относиться к природе, как извиняться за причиняемый ей вольный и невольный вред, как брать дары природы с благодарностью. Брать то, что природа сама нам дарит, а не вырывать насильно. В осмыслении оснований нравственного отношения к природе может прийти на помощь буддизм, где большое внимание уделяется этически правильным отношениям с миром природы и основным мотивом, побуждающим к деятельности вообще является сострадание [3].

Таким образом, жить в мире прекрасной мечты так просто. Нужно только пробудить внутри сердца любовь ко всем существам, осознать что у каждого существа есть своя жизнь, своя цель жизни. Каждое существо обладает абсолютной ценностью, независимой от ценности приписываемой ему человеком. Включить весь мир в отношения, где работают золотое правило нравственности «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» и заповедь Иисуса Христа «возлюби ближнего своего как самого себя».

Литература

1. Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. – М.: Мысль, 1987. – 589 с.
2. Шри Ауробиндо Интегральная Йога. – М.: «Профит Стайл», 2003. – 416 с.
3. Ильиных И.А. Основания абсолютной ценности природы // Сборник трудов научно-практической конференции «Актуальные проблемы географии», март 2005 г. – Горно-Алтайск, 2005, С.88-89.

Хаджаров М.Х.

доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и социологии Оренбургского государственного университета

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ: КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается спецификация базисных гносеологических процедур, используемых в процессе формирования знания, которые различаются между собой и в то же самое время тесно соотносены между собой в познавательном процессе. Их когнитивные особенности раскрываются через сравнительный подход и определение функционального значения. Знание этих особенностей значимо в реализации естественнонаучных и социально-гуманитарных исследований.

Ключевые слова: наука, познание, объяснение, понимание.

Keywords: science, knowledge, explanation, understanding.

При всех спорах и дискуссиях о роли и месте науки в обществе она продолжает оставаться доминирующей силой духовного освоения мира и средством получения специализированного и социально востребованного знания о закономерностях и свойствах окружающего мира. В руках человека наука является мощным орудием, позволяющим ему освободиться от предрассудков и ложных представлений о мире и подняться на принципиально новую ступень осмысления действительности.

Такого доверия наука заслужила, прежде всего, своей способностью задавать вопросы природе и получать на них ответы. В этом она строго следует своему целевому предназначению. Безусловная цель науки – познание мира, объяснение сущностных характеристик объектов, понимание процессов и событий происходящих в окружающей действительности. Наука дает возможность понять то, что мы раньше не понимали и не всегда были в силах получить вразумительного ответа в пределах других форм постижения мира. Объяснение и понимание составляют силу науки, которая дает возможность человеку подняться над природой, всецело находившемуся под влиянием ее стихии. Это и делает науку отличной от других, альтернативных подходов к познанию мира.

В научном познании объяснение и понимание не являются тождественными, но и не находятся в изоляции друг от друга. Рассматривая науку в ее позитивных аспектах, возникает проблема разграничения объяснения и понимания, выявления их предметных полей и определения коррелятивных ситуаций в научном исследовании. Такая проблема возникает из-за того, что часто эти познавательные процедуры рассматриваются как не связанные между собой, а прерогатива в интерпретации и раскрытии имманентных свойств объекта познания оказывается то на стороне объяснения, то – понимания.

Объяснение как метод познания предполагает раскрытие сущности изучаемого объекта, причин его возникновения, условий существования и принципов развития. При этом объяснение не является одноаспектным актом научного познания, наоборот, оно может включать в себя разные подходы интерпретации природы объекта. Так, реализация физического подхода к объяснению характера исследуемого объекта предполагает выявление и анализ составляющих его элементарных частиц, а математический анализ этого же объекта позволит нам с помощью уравнений описать поведение этих частиц. Исследование его под углом зрения химической науки дает возможность выявить состав химических элементов, из которых этот объект состоит, и определить структуру элементов в плане обнаружения характера связей между ними. Если этот же объект станет предметом интереса биохимиков, то они его изучат в аспекте выявления структуры белков, жиров, углеводов и т.д. Несложно заметить, что объект познания в объяснительном ракурсе многогранен, каждая дисциплинарная наука предполагает свое видение его структурной организации и раскрытие закономерных связей развития.

Исходя из сказанного, можно ли считать, что объект познания получил исчерпывающее объяснение? С точки зрения научного интереса – онтологического, логического, гносеологического – можно полагать, что он получил свое объяснение. Но с позиции человекомерности этого объекта он не раскрыт. Ибо вопрос об аксиологической значимости этого объекта не может быть объяснен

таким же путем, как это делается в физической, или химической науке, но может быть понят. Аксиологические и телеономические вопросы подлежат не столько объяснению, сколько пониманию. Там, где наука не в состоянии объяснить, там она прибегает к пониманию. Понимание и пред-понимание составляют существенные моменты научного познания.

Из сказанного видно, что объяснение не всегда может сопровождаться пониманием. Раскрытие структуры элементов объекта еще не означает понимание самого объекта в его культурно-смысловом и функциональном значении. Понимание связано с осуществлением рефлексивного акта над объектом. Субъект познания в ситуации объяснения стоит на позициях интерсубъективизма, а в процессе понимания он выступает в качестве равноправного участника диалога с другим – мнимым или реальным – субъектом. Результаты научного объяснения носят онто-субстанциональный, логический и общезначимый характер. Понимание же связано с индивидуализацией смыслообразования, как следствие этого, его продукты в научном познании имеют конвенциональное значение.

Понимание в научном познании предполагает постижение смысла и значения объекта. В этой функции понимание предстает как метод познания. В когнитивных характеристиках процесс понимания и интерпретации выступают существенным дополнением метода объяснения. Объяснение фундаментальных научных идей становится все более трудным с усилением абстрагирующей деятельности науки, и по мере увеличения разрыва между представлениями здравого смысла, в которых выражается житейский опыт человека, и концептуальными представлениями категориально-понятийного аппарата, в которых фиксируются предельно общие логические объекты. Современные теоретические дисциплинарные науки служат этому убедительным свидетельством. В частности, не поддаются объяснению многие положения, используемые наукой при теоретическом описании действительности. Например, в современной космологии таковыми являются: теория «суперструн», гипотеза «стабильного состояния», идея «черных дыр», допущение «Большого взрыва», предположение о «надувании Вселенной». Серьезные трудности в объяснении вызывают не только теоретические положения, но и эмпирически наблюдаемые явления, например, таинственные пятна на Солнце, количество которых то увеличивается, то уменьшается каждые 10 лет. Вектор направленности знания, от обыденных представлений к «сумасшедшим» теоретическим идеям, настоятельно подчеркивает важность проблемы осмысления научного знания. В этих условиях неопределимое значение имеет понимание, выполняющее смыслообразующую функцию в научном познании.

Если относительно естественнонаучного объекта можно задать вопрос о его значимости, то не прав Дильтей, который утверждал, что понимание имеет место только в социально-гуманитарном познании. Соотнесенность объяснения и понимания в естественнонаучном познании не ставит под сомнение интенциональность логико-теоретического сознания на объективное видение мира и причинные модели объяснения его составляющих, но указывает на то, что современная наука осуществляет познавательную деятельность под углом зрения духовных и материальных потребностей и интересов человека. А это уже есть ценностная ориентация науки, ориентация, которая держит в поле зрения человека. Наука могла ощущать себя свободной от аксиологической нагруженности до тех пор, пока она не была востребована развивающимся технологическим производством. По мере превращения науки в непосредственную производительную силу она необходимо включает в себя ценностные суждения.

Нельзя полагать, что наука исследует объекты мира безотносительно к интересам и целям человека. В таком случае наука выпала бы из духовной культуры, а последняя не включала бы в себя то, что не имеет отношение к бытию человека. Значит, мир, существующий сам по себе, – это мир, существующий в себе («мир в себе»). Это уже мир, не вовлеченный в сферу интересов человека и не открытый им; в таком виде он не может иметь никогда ни смысла, ни значения. Смысл и значение мир начинает обретать по мере его втягивания в орбиту интересов науки и предметную деятельность человека. Что является свидетельством того, что между объективным бытием мира и творческим, деятельным отношением человека к миру не существует разрыв, так как мир включает в себя множество человеческих связей, с одной стороны, и возможностей стать человеку соучастником процесса становления бытия самого мира, с другой стороны. Это имел в виду К. Маркс, когда говорил, что «сама история становится действительно частью истории природы», а «природа есть непосредственный предмет науки о человеке»¹. Исследователи, изучающие онтологические и культурные основания укоренности человека в мире, отмечают, что «универсальная встроенность человека в создаваемый им мир, означающая превращение по сути дела любого объекта научного познания в «человекообразный», предполагает не просто учет человеческого фактора, но органическое включение культурных смыслов в сам состав ее предметного содержания в качестве ее внутреннего основания»². Носителями смысла и значения выступают только вещи и явления, включенные в мир человека.

В научном познании интересы и цели человека, как правило, не всегда присутствуют в явно постулированном виде, но всегда составляют неявный, имплицитный фон научных изысканий. Например, Солнце как объект исследования ряда смежных дисциплин вряд ли вызвал бы к себе такого интереса, если бы в основании его изучения не лежали бы человеческие потребности, суть которых состоит в выяснении механизмов процесса ядерного синтеза и его источника с целью создания аналогичного источника энергии в искусственных условиях.

Можно допустить, что сознание возникает лишь при определенных условиях, связанных со стремлением человека понять, в процессе совершения усилия понимания. Говоря словами М.К. Мамардашвили, «сознание есть акт осознания». Сознание отмечали и Фихте, и Гуссерль, есть интенция, акт действия, встреча Я и не-Я, при которой изменяется состояние сознания. Понимание и осознание связаны с извлечением смысла и значения того, с чем человек имеет дело. Понимание при этом предполагает возможность мышления как личного открытия. Но мышление и понимание не сводимы друг к другу. По этому поводу А.Ф. Лосев пишет: «Мышление и понимание – принципиально различные формы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекаривает и перестраивает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым несомненно является мышление»³. Поэтому понимание дистанцируется от внешне данного знания о познаваемом, в пользу личного усилия понимания.

Смысл понимания не экстраполируется на смысл знания. Они не тождественны. Понимание предстает как действие над представлениями об объекте. Акт понимания расширяет, раздвигает границы понимаемого фрагмента. В основании выхода за непосредственно данного лежат навыки рефлексии знания, жизненный опыт, чувствование объекта, интуиция человека. В процессе понимания познающему открывается имплицитное, не вытекающее из данности объекта, знание.

Другая сторона этой проблемы – гуманизация самой науки, которая означает выявление глубинных оснований ее ориентации на развитие человека как социальной цели и культурной ценности. Понятия «гуманизм», «нравственность», «экологичность», которые проникают в науку последние два десятилетия, «предстают как собственные определения науки – определения действительной рациональности ее содержания, а не как извне адресуемые, предпосылаемые ей императивные требования окружающей среды или как оценочные суждения о ней»⁴.

Внутри науки, ориентированной на развитие человека, поляризуются два вида суждений: мысли в мире и мысли о мире. Доминирующими для науки должны стать мысли в мире над мыслями о мире. Поэтому объяснение и понимание, будучи между собой связанными принципом дополнительности, составляют в научном познании методологическую основу раскрытия тайн природы.

Литература

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.42. С. 124, 126.

² Злобин Н. Культурные смыслы науки. М., 1997. С. 222.

³ Лосев А.Ф. Структура и хаос. М., 1997. С. 49.

⁴ Злобин Н. Указ соч. С. 222.

В статье обосновывается философский подход к изучению мира детства как социального феномена в качестве одного из сегментов человеческого универсума, особой сферы бытия ребенка.

Ключевые слова: социальная философия, детство, бытие ребенка, мир детства.

Key words: social philosophy, childhood, child's existence, world of childhood.

Современная цивилизация стремительно преобразует и социальную среду, и самого человека – усиливающийся прагматизм технократизация общества, вызванные глобализацией, поставили под удар смыслополагающую сущность его бытия. В результате углубляются противоречия в сфере социального взаимодействия поколений, чему способствует трансформирующийся образ жизни человека XXI в.

В обществе усилились социальные риски, которые порождают проблемы адаптации и социализации детей, становления их самосознания. Это приводит к изменению форм и способов коммуникативного общения, что в значительной мере ускоряет отчуждение поколений, что наблюдается в разрушении традиционных связей и отношений, а «общество лишается базовых механизмов передачи своих ценностей и культуры» [1, 13].

В сознании детей, погруженном в «мультимедийную» действительность практически с раннего возраста формируется искаженная система самоопределения и самоидентификации, что приводит к «дефрагментации» личности еще до завершения процесса ее становления. Отсутствие чувства принадлежности семье и личной значимости на фоне «истончения» системы духовно-нравственных ориентиров подводит сознание человека к тупиковому жизненному сценарию. В современном технократическом мире, ценностями которого выступают рыночные финансовые отношения, дети нередко ощущают себя одинокими и ненужными, лишними и «чужими».

Решение данной проблемы предполагает выявление смысла Детства – периода, на протяжении которого происходит становление личности ребенка и определяется его место в социуме. Поиск новых философских решений следует начинать с обозначения проблемы сущностной значимости бытия человека, которая становится предопределяющей уже в детские годы. Существующие представления о детстве и детях необоснованно ограничены педагогикой, психологией, историей, этнографией, – в то время как проблемы бытия человека и определения его места в мире традиционно относятся к области философии.

Детство как особое явление социального мира может иметь разнообразные характеристики. Детство можно интерпретировать как начальный период жизни, и в этом случае оно представляет собой конкретный «временной поток», на протяжении которого в закономерной природной взаимосвязи протекают соответствующие биологические, психические, интеллектуальные, духовные и социальные процессы, ценностно направленные на созидание в индивиде образа Человека. Детство может быть истолковано как период существования возрастной социальной группы – детского сообщества, которое имеет отличительные признаки, особенности функционирования и условия существования в социальной среде. Детство может быть понято как особый мир бытия человека – уникальная сфера начала бытия личности, в рамках которой формируется самосознание человека и происходит его активное включение в социум. В обыденном сознании Детство соотносится с «незрелостью», поэтому в современном обществе этот период жизни нередко простирает свои границы за установленные законодательством пределы совершеннолетия.

История рассмотрения научной проблематики Детства имеет несколько этапов, соответствующих эволюции идей о мире и о человеке: от появления метафизических представлений до возникновения синергетики и формирования метазнаний. Базовым основанием дисциплин, целенаправленно изучающих Детство (которые получили статус наук в конце XIX – начале XX вв.), становятся философские учения. На протяжении двух столетий эта сфера гуманитарного знания постоянно раздвигала границы изучения бытия человека, заполняя лакуны, вызванную фактической изоляцией научного исследования данной проблематики.

Изучение истории формирования представлений о детском периоде развития человека показывает, что основными объектами исследователей являются *ребенок, дети и детство*. Выделение *мира детства* как особой научной проблемы и самостоятельного объекта исследования можно отнести лишь к началу XXI в., что свидетельствует о неразработанности данного направления в традиционных сферах научного знания. Философское осмысление предназначения Мира Детства полагает обращение к изначальному источнику укорененности человека в бытии, к ориентации на самотворение и самоактуализацию, к анализу сущностной стороны социальной природы в контексте иных социальных явлений.

Мир Детства – особая сфера бытия ребенка, объективная реальность, предстающая в качестве одного из сегментов социального универсума. Обоснованным в данном контексте обнаруживается разделение понятий «Детство» и «Мир Детства», которые являются схожими, но принципиально разными понятиями. Основными характеристиками «Детства» выступают: возрастные и статусные этапы жизни ребенка (младенчество, ранний возраст и т. д.), процессы развития и созревания (физические, психические, интеллектуальные и др.), взросления (освоение системы ценностей, нравственных норм), эмоциональные состояния (ментальное, душевно-духовное), а также область потребностей и интересов. В отличие от «Детства», «Мир Детства» представляет собой сложно структурированную систему, функциональную особенность которой выступает бытийственная сторона жизнедеятельности главного действующего субъекта – детского сообщества, – рассматриваемого нами в качестве обобщенного социального образа.

Аналогично следует разделять понятия «Ребенок» и «Мир Ребенка». В нашем представлении «Ребенок» – это субъект мироздания Детства, сущность которого заключена в потенциальном многообразии и вариативности индивидуальных проявлений, инициируемых природной «заданностью». Под «Миром Ребенка» мы понимаем действительную сущность бытия Ребенка, совокупность его внутренней и внешней ипостаси, функциональное предназначение которой направлено на созидание собственного мира.

Мир Детства как социальный феномен неизменно вызывает у исследователя гносеологические затруднения, обусловленные многомерностью и сложностью сущностной природы объекта. Среди выявленных проблем, связанных с анализируемым научным полем, основополагающим является «размытость» данного понятия и системы сопутствующих категорий, а также неопределенность структурных элементов компонентов понятия (включая семантические поля и возникающие между ними диалектические связи). Проблемой является отсутствие научной характеристики Мира Детства как социальной системы, сложность определения ее границ и отношений с другими социальными системами; невыявленность «проблемных полей», аккумулирующих эволюцию Детства, и многое другое.

Рассматривая Мир Детства как целостную социальную систему, основными субъектами которой являются ребенок и детское сообщество, мы обнаруживаем проблему взаимодействия отдельных структурных единиц этого мира, выполняющих особые функциональные задачи. Это вызывает необходимость глубинного анализа диалектики взаимодействия социального мира и внутреннего мира личности ребенка в их представленности друг другу. Социально-философский подход при рассмотрении Детства позволяет обосновать имманентную социальность ребенка, закономерность возникновения отношений между ним и миром, основанных на ценностно-онтологических связях, потенциально ориентированных на сценарий взросления и обретения неповторимой ипостаси.

Философское понимание предназначения детского периода – это осознание первоначальных целей и смысла бытия человека. Ребенок как «потенция» взрослой личности подчинен всеобщим закономерностям развития, однако подобные вопросы нередко игнорируются современной наукой [2, 17]. Начало XXI в. открывает новые возможности для переосмысления проблематики Мира Детства с позиции поликультурного междисциплинарного подхода, приобретающего при этом статус объекта исследования социальной философии, что связано с ее глобальным значением для общественного воспроизводства и развития человечества.

Литература

1. Г.Ньюфелд, Г.Матэ. Не упускайте своих детей / пер. Е.Петровой, А.Абрамовой. М.: Ресурс, 2012. – 384 с.
2. Т.Д.Попкова. Феномены мира детства. Философско-мировоззренческое осмысление бытия ребенка. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG. Saarbrücken, Germany, 2012. – 317 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Соцкова Ю.Ю.

Аспирант специальности 10.02.20.Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
АНТИЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАСТА МИКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ни одна культура, ни один язык не развивается в изоляции и любая культура, а, следовательно, и язык есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов, а взаимодействие между культурами, экономические, политические и социальные контакты являются общей основой для всех процессов заимствования. Э. Сепир писал в своих лингвистических трудах: "Когда есть культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов. Тщательное изучение таких заимствований слов может служить интересным комментарием к истории культуры".

Языковое взаимодействие неоднократно привлекало исследовательское внимание. Вопросами заимствования занимались такие исследователи, как Т.Шиппан, В.В. Виноградов, Л.П. Ефремов, Л.П. Крысин, А.А. Мальченко, С.Г. Тер-Минасова, С.Ю. Бухарова, М.Е. Капитан, Ю.С. Сухорукова. Языковые заимствования рассматривались с точки зрения этимологии, хронологии вхождения, тематических и лексико-грамматических группировок, вариативности, формальной и семантической адаптации.

В лексикологии утвердилось мнение о том, что заимствование – это процесс, по природе своей, длительный. И разные лексические единицы находятся на различных стадиях вхождения в язык-рецептор. В связи с этим термин «заимствование» употребляется в широком значении: 1. процесс вхождения иноязычных элементов в язык-рецептор; 2. любая единица чужого языка в языке-рецепторе (независимо от степени ее освоенности) и в узком значении – освоенная, ассимилированная в языке-рецепторе лексическая единица. Приведем пример: «Заимствование – это универсальное языковое явление, заключающееся в принятии одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам» [5, с.146]. Широкое значение содержится в работе Л.П. Ефремова: «Под заимствованным словом понимается слово, созданное на базе лексического материала (в том числе содержащего обличье для отдающего и воспринимающего языка морфемы), восходящее к прототипу по звуковой форме и значению, каким бы изменениями они не подвергались... В общем определении заимствованного слова достаточно исходить из его происхождения от иноязычного прототипа, не затрагивая при этом вопроса об освоении слова в языке, то есть того, вошло ли оно в язык или осталось на положении речевого заимствования. Главным для признания слова заимствованным из какого-либо внешнего источника является путь появления слова – сам акт заимствования, а не его дальнейшие последствия» [3, с.36]. В этом смысле заимствованиями считаются все иноязычные слова при первом их употреблении.

Многие авторы выделяют три стадии усвоения слов иноязычного происхождения в языке-рецепторе: вхождение, интеграцию, и собственно заимствованиями считаются лексические единицы на стадии интеграции [6, с.30].

Важно отметить, что если заимствуется однозначное слово и в языке-рецепторе нет лексической единицы, сходной по значению (то есть заимствование является единственной номинацией), то значение этимона чаще всего сохраняется. Если же прототипом заимствования является многозначное слово, то в языке-рецепторе сохраняются чаще всего те значения, которые не получили выражения на исконном материале. А если заимствуется слово, синонимичное уже имеющемуся в языке, то чаще всего семантика заимствования подвергается изменению [1, с.54].

Семантическая ассимиляция как важный признак заимствований наглядно проявляется у слов, пришедших из другого языка достаточно давно. Эти слова зафиксированы в общих толковых словарях, что само по себе есть свидетельство определенности их значений и системных связей в языке-рецепторе.

По результатам исследования современных французских текстов в рамках написания квалификационной дипломной работы по теме "Структурно-семантические особенности французских заимствований в русском языке и русских заимствований во французском языке в современной литературе" в 2011 году, мною была предложена этимологическая классификация заимствований, которая делит их на четыре группы по пути проникновения в язык-рецептор. Однако в ходе исследования были найдены материалы, касающиеся данной темы и рассматривающиеся в работах зарубежных и отечественных исследователей. Сходную классификацию предложил немецкий ученый Т.Шиппан, предложив делить заимствования на прямые, не прямые и обратные. В работах Мальченко А.А. встречаются двойные заимствования. На мой взгляд, наиболее полной классификацией будет разделение на прямые, двойные, обратные и античные заимствования, последние, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы: античные заимствования латинского и греческого происхождения. Под прямым заимствованием подразумевается слово, которое проникло в язык-рецептор непосредственно из языка-донора. При двойном заимствовании лексическая единица будет являться внешним заимствованием, то есть иноязычным словом для обоих языков, причем один язык в данном случае будет языком-посредником. Группу обратных заимствований составляют слова, которые были заимствованы в одну эпоху языком-рецептором, затем вышли из употребления в языке-доноре, а затем вновь проникли в него с новым значением.

При исследовании названий миконимов в современном французском языке, их большая часть классифицируется в античные заимствования греческого и латинского происхождения. Данные, взятые из французских и отечественных словарей и энциклопедий, а также с французских микологических сайтов. В ходе исследования обнаруживается большой ряд заимствований миконимов во французском языке из греческого и латинского языков, которые в процессе заимствования подверглись некоторым структурным изменениям и ассимилировались в языке-рецепторе. Например: *Agaricus* (*agaricum*, i.n. Dict. Gaffiot) → *agaric*, n.m. (гр. *agarikon*) (пластинчатый гриб); *amanita* → *amanite*, n.f. (поганка, мухомор); *boletus* (lat.) → *bolet*, n.m. (губчатый гриб); *collybia* → *collybie*, n.f. (колибия, денежка); *lactarius* → *lactaire*, n.m. (млечник, груздь); *hypholoma* → *hypholome*, n.m. (опенок); *russula* → *russule*, n.f. (сыроежка).

Необходимо отметить, что наряду с терминами, унаследовавшими греческую или латинскую основы, появились разговорные варианты миконимов, которые в одних случаях сосуществуют друг с другом, а в другом народные наименования имеют свой путь развития. Например: *hebeloma crustuliniforme* → *Echaudé*, n.m. (ложный валуй); *suillus luteus* → *nonnette voilée*, n.f. (масленок желтый); *boletus aereus* → *tête-de-nègre*, n.m. (боровик девичий); *calvatia gigantea* → *vesse de loup géante*, n.f. (лангермания гиганская).

В ходе анализа шестисот восьмидесяти лексических единиц миконимов, что лишь четыре процента грибных названий имели свой путь развития и сильно разнятся по форме со своим этимоном.

Материалы данного исследования найдут свое применение в дальнейших попытках детального изучения миконимов французского языка в диахронном аспекте. Вопросы заимствований, словообразовательных процессов в образовании лексического пласта миконимов затрагивались лингвистами частично, что и придает новизну данному научному поиску, что особенно актуально ввиду лингвистического интереса к изучению заимствований.

Литература

1. Бузова, Э.А. Лексические галлицизмы в современном русском языке: прагматический аспект. Дис. ...канд.фил.наук:2003 10.02.01.- М.-РГБ, 2003.-151с.
2. Бухарова, С.Ю. Специфика заимствований в испанском языке: на материале арабизмов и англицизмов. Дис. ...канд.фил.наук:1994 10.02.05.- М.-РГБ, 1994.
3. Ефремов, Л. П. Понятие о заимствованном слове // Русское языкознание. – Вып. 1. – Алма – Ата, 1959. – С. 15 – 37.
4. Капитан, М.Е. О закономерности сохранности латинской лексики в современных романских языках. Дис. ...канд.фил.наук:1995 10.02.05.- М.-РГБ, 1995.
5. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в современной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 142-161.
6. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, 2002. – №6. – С. 27 – 36.
7. Крысин, Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. – М., 1993. – С.51
8. Сухорукова, Ю.С. Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке: Свободный и связанный контекст. Дис. ...канд.фил.наук: 2005. 10.02.05.- М.-РГБ, 2005.
9. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 356с.

Словари:

1. Dictionnaire étymologique et historique d'Albert Dauzat, 1985;
2. Dictionnaire de la langue française, Hachette, 2009;
3. Интернет - словарь Lexilogos (Trésor, ancien, moyen français, étymologie); 4. Dictionnaire Gaffiot latin-français (1934);
5. Lexilogos dict. moderne latin-français(2009);
6. Большая энциклопедия грибов (Ридерс Дайджест, 2010).

Интернет-ресурсы:

- 1.http://environnement.ecole.free.fr/liste_champignons_vernacuulaires.htm;
- 2.сайт Комитета, исследующего названия грибов, avec la collaboration de la Société Mycologique de France).

Власова О.Б.

к.ф.н., доцент, кафедра русского языка, Тверской государственной университет
ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ЧАСТИЦЫ И ИХ ДВОЙНИКИ

Аннотация

Статья посвящена образованию форм сослагательного наклонения в современном русском языке. В центре внимания автора формообразующие частицы, без четкого отграничения которых от омонимичных им модальных и экспрессивных частиц невозможен морфологический анализ глагольных форм, являющийся составной частью обучения русскому языку в школе и вузе.

Ключевые слова: глагол, наклонение, частицы, суффиксы

Keywords: the verb, mood, particles, suffixes

В образовании форм сослагательного наклонения, помимо суффикса *л-* (*прочитал бы*) или нулевого суффикса (*принес бы*), участвует элемент *бы*, который по отношению к глаголу может занимать в предложении разное место (*пришёл бы, я бы пришёл*), может даже включаться в состав союза *чтобы* (*хочу, чтобы ты пришёл*). Этот элемент *бы* традиционно называется грамматической формообразующей частицей.

Элемент *бы* входит также в состав нескольких нецельнооформленных частиц: *вот бы, пусть бы, если бы, хоть бы, когда бы, точно бы, как будто бы, вроде бы, как бы, хоть бы, будто бы, словно бы*.

Некоторые из этих частиц (*вот бы, пусть бы, если бы, хоть бы, когда бы*), так же, как и частица *бы*, в сочетании с глаголом на *л* выражают общее значение нереального, желательного или необходимого, действия. После изъятия элементов *вот, хоть, если, пусть* это значение сохраняется, например:

Вот бы приехал поскорее. – Приехал бы поскорее.

Если б ещё удалось задуманное. – Удалось б ещё задуманное!

Когда б я мог все вернуть назад! – Смог бы я все вернуть назад!

Пусть бы сам забронировал отель. – Забронировал бы отель сам.

Ты хоть бы отцу позвонил. Ты бы позвонил отцу.

От частицы *бы* частицы *вот бы, пусть бы, если бы, хоть бы, когда бы* отличаются дополнительными смысловыми оттенками, в частности:

Частица *вот бы* служит для выражения желания, например: *Вот бы приехал поскорее.*

Частицы *если бы* (*если б, о если б*), *когда бы* (*когда б*) служат для выражения сильного, но неосуществимого желания, например: *Если б ещё удалось задуманное, если бы удалось...* [1: 972]; *Когда б я мог изобразить его страданье!* [1: 121-122].

Частица *пусть бы* служит для выражения пожелания, адресованного другому лицу, например: *Нельзя ли вашего kota к нам на побылку? Пусть бы наших мышей попугал* [1: 197].

Частица *хоть бы* (*хотя бы, хотя б*) употребляется для выражения желания, надежды на что-либо, например: *Хотя бы крикнул коростель, иль стрекозы живая трель послышалась, или ручья ребячий лепет* [1:230], а также для выражения пожелания, адресованного другому лицу, например: *Ты хоть бы отцу позвонил.*

Поскольку частицы *вот бы, пусть бы, если бы, хоть бы, когда бы*, так же как и *бы*, выражают значение желательности действия, можно утверждать, что сослагательное наклонение образуется не только с помощью частицы *бы*, но и с помощью раздельнооформленных частиц *вот бы, пусть бы, если бы* (*ах если бы, ах если б*), *когда бы, хоть бы* (*хотя бы, хотя б*).

Заметим к слову, что традиционное определение *вот бы, пусть бы, если бы, когда бы, хоть бы*, принимающих участие в образовании форм сослагательного наклонения, как частиц, т.е. служебных частей речи, не вполне корректно. Если исходить из того, что весь бинарный комплекс *л-бы* (*прочитал бы, вот бы прочитал*) представляет собой аналитическую форму – глагола. Не являясь словами, элементы *бы, вот бы, если бы, пусть бы, хоть бы, когда бы* в сочетании с глаголом на *-л-* не могут считаться и отдельными частями речи. Известно, что глагольные формы обычно образуются присоединением к основе формообразующего аффикса (*читал, читавший, читаю*). Поскольку элементы *бы, вот бы, если бы, когда бы, пусть бы* также выполняют служат для образования не слов, а форм сослагательного наклонения, можно предположить, что по природе они ближе же к формообразующим аффиксам. Дистантное расположение префиксов в русском языке возможно (*в одиночку, на славу, на глазок, в охатку, ни о ком, ни с чем*) и никого не удивляет; согласиться же с дистантным расположением формообразующих аффиксов мешает только предубеждение.

Нередко *бы, вот бы, если бы, вот бы, хоть бы* (кроме *пусть бы*), употребляются в сочетании с инфинитивом, со словом другой части речи или в качестве слова-предложения. В этих контекстах *бы, вот бы, если бы, вот бы, хоть бы* являются именно частицами – модальными или усилительными.

Так, в сочетании с инфинитивом частицы *бы, вот бы, хоть бы* употребляются для выражения желания: *Успеть бы на поезд. Вот бы научиться так играть. Хоть бы придумать что-нибудь новенькое.* Частица *если бы* в сочетании с инфинитивом в вопросительном предложении употребляется для выяснения возможности предположительного действия: *Если бы вам прийти завтра?* В таких случаях иногда говорят об употреблении инфинитива в несвойственном ему переносном значении, однако это значение содержится не в инфинитиве, а в модальных частицах *бы, вот бы, хоть бы, если бы.*

В сочетании с существительным и местоимением могут употребляться частицы *хоть бы* и *как бы.* Частица *хоть бы* выражает значение а) желания: *Жарко. Хоть бы ночь поскорее;* б) усиления: *Мне нужно уехать хотя бы на неделю* [1: 231]. В этом случае частица *хоть бы* может употребляться и без *бы,* ср.: *Рогачёв, освобождая уши от шапки, пытался уловить хотя бы какой-нибудь звук* [1: 231] – *Рогачёв, освобождая уши от шапки, пытался уловить хоть какой-нибудь звук.*

Частица *как бы* в сочетании с именами служит для выражения значения несоответствия слова действительности: *Она купила как бы платье. Платье как бы красное.*

Данные частицы могут употребляться также автономно, в качестве слова-предложения. Так, частица *если бы* служит для выражения эмоционального возражения: – *Наши все от него в восторге.* – *Фокусы, что ли, показывал?* – *Если бы! наших фокусами не удивишь* [1: 97]. Частица *если бы* может употребляться также в сочетании с *О* или *АХ* (*Ах если бы, О если бы*), например: – *Не бойтесь, мы во вред вам ничего не истолкуем и ничего не предпримем.* – *Ах если бы... горестно бормочет Пирожков* [1: 98] для обозначения вероятности-невероятности действия.

Элемент *хотя бы,* употребленный в качестве слова-предложения, имеет значение ‘допустим’, ‘пожалуй’, ‘да’, например: *Она, что, из твоего класса? – Хотя бы,* а также значение ‘например’: – *Скажи мне, я красивая? – Для кого? – Хотя бы для тебя?* [с.232].

Таким образом, признавая существование аналитической формы сослагательного наклонения с *бы, вот бы, если бы* (*если б, о если бы, ах если бы*), *пусть бы, когда бы, хоть бы* (*хотя бы, хотя б*), нельзя забывать о наличии в языке модальных и экспрессивных частиц *бы, вот бы, если бы* (*если б, о если бы, ах если бы*), *когда бы, хоть бы* (*хотя бы, хотя б*).

Что касается частиц *точно бы, как будто бы, вроде бы, как бы, хоть бы, будто бы, словно бы,* также содержащих элемент *бы,* то они могут сочетаться с глаголом в любой форме – не только на *-л-:* *Поверх воротничка вроде бы темнела косынка* [1: 67] – *Поверх воротничка вроде бы темнеет косынка. Жилые дома как бы спрятались за деревьями* [1: 111] – *Жилые дома как бы прячутся за деревьями.* Эти частицы выражают не значение желательности, необходимости действия (как сослагательное наклонение), а общее значение субъективного восприятия реального действия.

В частности, частица *как бы* служит для выражения сравнения: *Жилые дома как бы спрятались за деревьями* [1: 110], для передачи значения видимости действия (действия, совершенного для видимости): *Он как бы согласился. Он как бы убрал в своей комнате. Он как бы отнекивается,* а также в значении выражения *как бы сказать,* употребляемом при желании мягко сказать о чем-то неприятном: *У нас отношения, как бы сказать, не совсем хорошие.* – *У нас отношения как бы не совсем хорошие* [1: 111].

Частица *хоть бы* (*хотя бы*), помимо значения нереального желательного действия (*Хоть бы крикнул коростель*), может иметь усилительное значение, близкое частице *ни:* *Прямо перед нами ... желтело овсяное поле, кое-где покрытое полынью, и хоть бы один колос пошевелинулся (= ни один колос не шевелился)* [1: 229].

Частицы *вроде бы, как будто бы, точно бы, будто бы, словно бы* выражают сомнение в достоверности чего-либо, служат для выражения неуверенности, предположения, мнимости чего-либо кажущегося – видимого или слышимого: *Поверх воротничка вроде бы темнела косынка* [1: 67]. *Сочувствие их было как будто бы на стороне Устина. Грохот фронта бессонный шёл как будто бы вслед* [1: 110]. *Тронутый неуловимой позолотой воздух точно бы сделался прозрачней к вечеру* [1: 228]. *Не понимаешь? – будто бы удивился Лютов* [1: 33]. *Я его словно бы где-то видел. Увидев меня, она словно бы удивилась* [1: 206].

Элемент *бы* в таких частицах вторичен, убрать его из состава высказывания с такими частицами без ущерба для смысла можно: *Поверх воротничка вроде темнела косынка. Сочувствие их было как будто на стороне Устина. Грохот фронта бессонный шёл как будто вслед. Тронутый неуловимой позолотой воздух точно сделался прозрачней к вечеру. Не понимаешь? – будто удивился Лютов. Я его словно бы где-то видел. Увидев меня, она словно удивилась.*

Напротив, удаление элементов *вроде, как будто, точно, будто, словно, хоть* из состава высказывания автоматически меняет наклонение с изъявительного на условное: *Жилые дома как бы спрятались за деревьями. Жилые дома спрятались бы за деревьями.*

Итак, для правильного анализа глагольных форм следует иметь в виду несколько моментов: 1) сослагательное наклонение не имеет формального выражения категории времени; действие, названное глаголом, нереально, предположительно или необходимо; 2) о сослагательном наклонении можно говорить лишь в том случае, когда частица *бы* сочетается с элевой формой глагола (*спел бы*) или с формой с нулевым суффиксом (*замёрз бы*); 3) сослагательное наклонение образуется не только с помощью цельноформленной частицы *бы,* но и с помощью раздельноформленных частиц *вот бы, пусть бы, если бы, когда бы, хоть бы* (и их вариантов *ах если бы, ах если б, хотя бы, хотя б*), с тем условием, что в случае снятия левого наращения при *бы,* значение нереальности действия сохраняется, ср.: *Если б ещё удалось задуманное, если бы удалось... – Удалось бы задуманное;* 4) сам по себе бинарный комплекс *л-бы* не доказывает наличия аналитической формы сослагательного наклонения, поскольку в языке есть частицы *точно бы, как будто бы, вроде бы, как бы, хоть бы, будто бы, словно бы,* которые, употребляясь при глаголе на *л,* также образуют комплекс *л-бы,* но выражают общее значение субъективного восприятия реального действия.

Литература

1. В статье использованы некоторые примеры из словаря Р.П.Рогожниковой: Р.П.Рогожников. Словарь эквивалентов слова. М., «Русский язык», 255 с.

Вяслева Р.Р.

К.ф.н. доцент кафедры английского и испанского языков. Саратовская государственная юридическая академия
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ У.Д.УИТНИ.

Аннотация

Цель исследования состоит в изучении лингвистического наследия У.Д.Уитни, оценки и значимости его вклада в мировое языкознание. Задачей исследования - выявить истоки формирования взглядов У.Д.Уитни, показать преемственность идей Д. Уитни в контексте формирования научного мировоззрения на последующие поколения лингвистов.

Полученные результаты могут найти практическое применение при составлении учебных пособий по истории лингвистических учений, общему языкознанию.

Ключевые слова: концепция (concept), дескриптивизм (descriptivism), младограмматики (neogrammarians), сравнительно-историческое (comparative historical), структура (structure).

Решение сложных проблем языкознания связано, как правило, с именами отдельных учёных. В связи с этим, одной из задач историко-лингвистического исследования является анализ деятельности выдающихся языковедов и их вклад в развитие лингвистической науки. Поскольку ни одна теория не появилась сама по себе, то мы обращаемся к личности того учёного, с именем которого связывают появление данной теории. Здесь нас интересует его научная биография, формирование его мировоззрений, научное творчество, логика мыслей, философские взгляды. Проникновение в ход мыслей учёного даёт возможность историку науки раскрыть причины и условия формирования и возникновения новой теории [1, 1974:23]. Изучение творческого процесса раскрывает многочисленные личные контакты учёного, условия его жизни и деятельности. Это в свою очередь помогает понять ход его мыслей, его взгляды. Наука

насыщена идеями, мыслями учёных разных стран. Таким образом, в основе научного творчества лежит синтез мыслей современного учёного с мыслями предшествующих поколений учёных. Однако при создании новой концепции учёный отбирает наиболее ценный и продуктивный материал, который соответствует его научным взглядам на определённом этапе развития науки.

Говоря о важности изучения истории науки, творчества выдающихся учёных и отдельных школ, следует обратиться к истории американской науки. Данная статья посвящена выдающемуся американскому лингвисту У.Д. Уитни, стоявшего у истоков американского языкознания.

Объектом его внимания всегда были классическая и восточная филология. В марте 1864 года Уитни читает лекции под названием "Язык и изучение языка". В 1875 году он публикует книгу "Жизнь и рост языка". (The Life and Growth of Language). Его труды были опубликованы в 1873-74 г.г. Первый том его трудов – Веда, Авеста, Наука о языке, второй том – Британцы в Индии, Китай и китайский, религия и мифология, индийская астрономия. Его огромный опыт, блестящий ум, пунктуальность, умение давать точные определения – всё это привело к тому, что он стал издателем словаря столетия. Им написаны 144 работы, не включая статей.

По утверждению О. Есперсена, Уитни был одним из ведущих лингвистов после смерти А. Шлейхера. Широта взглядов Уитни позволяет сказать, что его работы послужили тем связующим звеном, которое очень важно учитывать при сопоставлении идей таких крупнейших учёных, как В. Гумбольдт, Ф.де Соссюр и др. Существуют различные мнения по поводу того, к какому направлению следует отнести взгляды Уитни. Одни учёные предполагают, что он сторонник младограмматизма, другие считают его взгляды близкими дескриптивизму. Однако совершенно логично можно было бы связать их со сравнительно-историческим направлением. Об этом говорят его исследования в области сравнительно-исторического языкознания, сопоставления языков, а также отзывы его современников.

Наибольший интерес лингвистов привлекла деятельность Уитни в 70-е годы XIX века. Его лекции о "принципах лингвистической науки" были опубликованы в его работе "Жизнь и рост языка". Уитни пересмотрел теорию Боппа о происхождении языка и доктрину Шлейхера о структурной цикличности языка. Он настаивает на рассмотрении языка как человеческого института, и средства общения. Концепция Уитни представляет собой нечто среднее между открытиями в Германии (обособленность языковых форм в фонологии) и тем, что значимые слова и выражения языка являются необходимыми для языкового сообщества. Уитни выдвинул доктрину о том, что языковедение – это самостоятельная наука, что структура языка содержит в себе механизмы сочетания языковых элементов. Другим его утверждением является то, что изучение языка без внимательного изучения речи является сомнительным занятием. Историк языкознания К. Янковский полагал, что Уитни был сторонником позитивистских и эмпирических взглядов своего времени. Уитни постоянно подчеркивал, что теоретические основы лингвистики последнего времени были достаточно хорошо изложены и изучены. Несмотря на то, что Уитни был хорошо знаком с европейской философией, на него всё же "сильное влияние оказывали естественные науки. Это видно из его методов исследования" [2,1972:78].

Уитни предложил термин "институт" для описания природы языка. Он считал, что поскольку язык является "человеческим институтом", то именно люди участвуют в языковых изменениях. Это была кардинально новая, по мнению Янковского, парадигма, предложенная Уитни. Из вышесказанного следует, что при языковых изменениях должен учитываться этнический, культурный, психологический фактор. По мнению К. Бругмана, Уитни был учёным, который установил сущность исторического изучения языка. Таким образом, по утверждению ведущих лингвистов последней четверти 19 века, Уитни являлся инициатором нового направления в индоевропейской лингвистике. Необходимо отметить, что взгляды Уитни на природу языка были не только весьма нетривиальными, но и чрезвычайно прогрессивными для его времени. Учёный подчёркивал, что язык неразрывно связан с культурой народа и поэтому их надо рассматривать параллельно. Основной акцент делался на том, что языкознание и культура являются родственными науками.

Наиболее полно вся концепция Уитни о языке и задачах языкознания была отражена в двух его монографиях "Язык и изучение языка", "Жизнь и рост языка". В этих работах рассматривается полный перечень лингвистических проблем, волновавших лингвистов того времени. К ним относятся следующие вопросы:

1. Предмет языкознания, материал, история, методы его исследования.
2. Природа языковых сдвигов. Фонетические и семантические сдвиги, их причины.
3. Проблема развития языка и причины, вызывающие это развитие.
4. Взаимоотношение языка и этнологии. Связь языковых и расово-физических характеристик народа
5. Происхождение языка. Роль коммуникативного фактора в возникновении и развитии языка. Теория происхождения языка.
6. Роль языка в человеческом обществе. Влияние языка на умственное развитие людей и историю народов. Роль письменности в истории культуры.

Как видно из вышеизложенного, концепция У.Д. Уитни о языке, его природе и роли в обществе, факторах, обеспечивающих развитие языка а также о языкознании, как общественной науке, вскрывающей не только явление, но и в, первую очередь, его функционирование, стала значительным этапом в развитии лингвистической мысли и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие лингвистики.

Идеи У.Д. Уитни оказали значительное влияние на дальнейшее развитие лингвистики. Одной из таких идей была идея о знаковой природе языка, которая получила глубокое развитие в трудах Ф.де Соссюра, идея соотношения коллективного и индивидуального в работах Ф.Вегенера, идея аналогии при фонетических изменениях у младограмматиков. Таким образом, следует подчеркнуть, что наследие Уитни стало поворотным пунктом во взглядах лингвистов того времени и, более того, все его идеи были подхвачены всеми последующими поколениями исследователей.

Литература

- 1) Микулинский С. Р. Методологические вопросы истори- ко-научного исследования / Проблемы истории и методологии научного познания. М.: Наука 1974. – 238 с.
- 2) Jankowsky K.R. The Neogrammarians./ Paris. 1972. – 245p.
- 3) Whitney W.D. Language and the Study of Language. New York, 1878. – 385p

Горохова Н.В.

Омский государственный технический университет

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ПЕРИОД СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА

Целями данного исследования были анализ и исследование современных тенденций развития лексической составляющей такой научно-технической сферы деятельности как трубопроводный транспорт, изучение инновационного пути его развития, сравнительный анализ зарубежной и российской терминологии в области трубопроводного транспорта. Результаты и данные могут быть использованы специалистами в области данной сферы деятельности, а также сопредельных областей, включая химию, физику, энергетику, машиностроение, экологию и др.

Ключевые слова: термин, терминология, трубопроводный транспорт.

Key words: term, terminology, pipeline transport.

Период, с 1946 года 20 века до настоящего времени, характеризуется интенсивным развитием терминологии трубопроводного транспорта. Необходимость решения различных технологических проблем приводит к созданию новых терминов. Появление большого количества новой лексики объясняется такими экстралингвистическими фактами, как: внедрение нового современного оборудования, усовершенствование способов транспортировки, развитие международных связей, решение проблем стоимости, энергозатратности,

безопасности, экологичности. Все это приводит к появлению многокомпонентных терминологических сочетаний, а также их сокращенных форм. Расширение границ понятийной системы ведет к уточнению и переосмыслению старых и созданию новых терминов с использованием специализированных словообразовательных морфем.

В период высокотехнологичного развития трубопроводного транспорта основными продуктами транспортировки становятся продукты переработки нефти, оставляя далеко позади дрова и каменный уголь. В связи с этим некоторые термины претерпевают изменения и получают новые значения.

Отличительной особенностью этого периода является расширение понятия терминов трубопроводного транспорта. Происходит это следующим образом: новый термин вступает с уже существующими терминами в разного рода взаимосвязи, образуя большое количество терминологических сочетаний исследуемой области профессионального знания:

flush joint pipe – труба с гладкопроходным соединением;

pipe departure point – точка схода трубы, точка отрыва трубопровода (со стингера трубоукладочной баржи);

coated steel penstock pipe – заглубленный стальной напорный трубопровод;

box-to-box pipe – труба с муфтами на обоих концах;

pin-to-box pipe – труба с приваренной муфтой на одном конце и ниппелем на другом;

shop-perforated pipe – перфорированная труба промышленного производства.

Нередко в состав термина входит название фирмы, организации, учреждения, разработавшей или тот или иной процесс, усовершенствовавшей способ транспортировки, открывшей новое свойство вещества и др., например:

API gravity (American Petroleum Institute gravity) – плотность нефтепродукта в градусах Американского нефтяного института

Очевидно, что одной из тенденций динамического развития англоязычной терминологии трубопроводного транспорта современного периода является формирование многокомпонентных терминологических сочетаний, основной функцией которых является именование сложных понятий данной профессиональной сферы деятельности, что достигается морфологическими средствами. Интенсивное развитие трубопроводного транспорта приводит к появлению сокращенных форм терминосокращений, а также к появлению терминоединиц, включающих название фирмы, с целью засвидетельствовать авторское право.

Таким образом, современный высокотехнологичный период развития терминологии трубопроводного транспорта характеризуется созданием относительно законченной (относительно, т.к. процесс познания бесконечен) самогенерирующей терминологией, основной фонд формирования которой составляют латинские морфемы, так как они являются оптимальным средством материализации научного знания.

Предпринятый нами исторический экскурс свидетельствует о том, что лексический состав любой области знания может быть исследован с точки зрения выявления состояния данной терминологии в конкретный промежуток времени (синхрония). Терминология трубопроводного транспорта, пройдя длительный путь формирования и становления, в настоящий момент представляет собой сложившуюся упорядоченную, но продолжающую свое развитие систему.

Дамбаева А.Н.

к.филол.наук, АОУ ДПО РБ «Республиканский институт кадров управления и образования», Улан-Удэ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье приводятся результаты сравнительного анализа героических эпосов центральноазиатских и сибирских народов. Рассмотрены вопросы их идейно-художественного содержания, сюжета и композиции, образов, становления и развития, взаимовлияния, форм бытования, сходства и различий, отражения в них культово-религиозных воззрений, образа жизни, философии народа. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов в типологических сравнительно-сопоставительных исследованиях по фольклору, эпосоведению, этнографии, а также при разработке теоретических и практических курсов по дискурсу эпических произведений.

Ключевые слова: эпос, мифологические черты, первобытно-общинный строй, сюжет, мотивы.

Dambaeva A.N.

Candidate of Philology, Republican Institute of Education and Management Personnel

HEROIC EPOS OF CENTRAL ASIA AND SOUTHERN SIBERIA PEOPLES

Some results of the performed comparative analysis of heroic epos of the peoples of Central Asia and Southern Siberia are given. The structure and composition, subjects and motifs, images, origin and development, interrelations, common features and differences of heroic epos are given consideration to. Life style, cult-religious views, philosophical outlooks of peoples reflected in the epos are shown. Practical value is that the results of this work can be helpful in working out theoretical and practical courses in epic legends discourse.

Key words: epos, mythological features, primitive communal system, subjects, motifs.

Текст героических эпосов народов Центральной Азии и Южной Сибири содержит в себе богатый материал, который характеризуется историческими, этническими, культовыми и другими чертами. Их изучение поможет понять отличительные черты героического эпоса кочевых народов, идейно-художественного содержания, композиции, сюжета и поэтики, роли в жизни общества, сходства и отличий, поскольку их влияние и роль в жизни народа, культуры, литературы, искусства на самом деле неисчерпаемы. Поэтому необходимо исследовать эпические тексты родственных, контактирующих народов, а также народов, территориально весьма удаленных друг от друга, но имеющих определенную общность на уровне духовных, религиозно-культовых, хозяйственно-экономических реалий, что помогает вычлениению контактных и типологических связей. Это даёт возможность тщательно анализировать вопросы специфики эпических произведений восточных народов данных регионов, пролить свет на вопросы их происхождения и развития, взаимовлияния и заимствований.

К эпосу народов Центральной Азии и Южной Сибири мы относим бурятский, монгольский, тибетский, калмыцкий, якутский, эвенкийский, тувинский, алтайский, хакасский, частично шорский, нивхский героические эпосы. Интерес для нас представляют различные аспекты дискурса эпоса, включая историю происхождения и развития; этническая принадлежность, идеи, сюжет и композиции, формы бытования, религиозные и культовые воззрения народов, сходства и отличия, а также установление концептуальных классификационных признаков, сущностные, а также функционально-прагматические, онтологические (экзистенциальные, обыденно-бытовые, хозяйственные) характеристики, степени открытости эпоса как системы, его способности к развитию и трансформации, а также степени его транспарентности (прозрачности), то есть возможности адекватного толкования его составляющих и категориальных признаков.

Сравнительное изучение фольклора данных народов показывает, что в их устном творчестве распространены общие сюжеты, мотивы, образы. Сходные мотивы появляются, прежде всего, по законам типологического схождения, основанного на общности образа жизни, идеалов, чаяний и ожиданий. Это отчетливо видно при сравнительном анализе фольклорных текстов с народным поэтическим творчеством исконных соседей - монголов, бурят, тувинцев, хакасов, алтайцев. Общность фольклора Азии опирается на кочевой скотоводческо-охотнический образ жизни, на шаманско-буддийские философские, религиозные взгляды его творцов, а также на общность языков племен и народов, взаимодействие их языков. Исследователи находят много фактов и сведений о древнейших историко-культурных, этнических связях тувинцев, алтайцев, хакасов, якутов, бурят, монголов. Корни взаимопроникновения и взаимодействия элементов эпической архаики следует искать в некогда едином этнокультурном пространстве, а значит, в определенной

общности исторических, социальных, культурных, религиозных, языковых факторов, но не последнюю роль играют и типологическое сходство в культуре не тесно контактирующих между собой народов, удаленных друг от друга на большие расстояния.

Моделирование сюжетного стержня выявляет на ранней ступени развития эпоса мифологическое начало: анимизм, тотемизм, фетишизм, волшебство-сказочные элементы: оборотничество, магия. На следующей ступени мы наблюдаем перерастание мифологического повествования в богатырское сказание; усиление героики в действиях персонажей. Затем формируется героический эпос со своими составляющими: поиски жены, сватовство, героические подвиги, свадьба, рождение детей, старение, и это происходит на фоне описания героики, боевого снаряжения, коня, различных символических представлений о мироздании, включая культово-религиозные, хозяйственно-бытовые реалии. Наконец, последняя ступень развития эпоса приходится на период разложения родового, первобытно-общинного строя. Появляются имущественные отношения, элементы феодализма. Причиной этого разложения служат развитие орудий производства, приручение животных, развитие производительных сил. Как известно, развитие производительных сил привело к появлению общественного разделения труда, к росту обмена и возникновению частной собственности на средства производства. Но развитие производительных сил, совершенствование орудий производства, становление имущественного неравенства не служат непосредственным предметом воспевания в эпосе, хотя все они нашли в нем свое отражение. Но непосредственным предметом повествования ранних героических песен становится образование семьи. «Моногамная семья разрушает, расшатывает устой первобытно-общинного строя и вступает с ними в противоречие. Это объясняет, почему эпос, как выражение прогрессивных исторических сил и стремлений, возникающий при разложении этого строя, имеет своим содержанием борьбу за семью. Чудовищные хозяева стихий, созданные идеологией родового строя, всегда стремятся препятствовать герою в основании семьи, пытаются похитить, отнять у него жену. Герой вступает с ними в смертельную схватку и поражает их» [Пропп, 1999, с. 42].

Таков механизм длительного процесса развития героического эпоса.

Не у всех из этих народов отчетливо оформился жанр героического эпоса. У некоторых народов эпос лишь только приблизился к жанру героического эпоса, например, у селькупов, у которых богатейшая мифология, или у крымских татар, у которых интересные символические представления. Каждый из эпосов представляет собой интересный, уникальный, природосообразный и природосакрализирующий, прагматически-экзистенциальный, эмоционально-экспрессивный мир.

Эпический фон или дискурсивный план различных версий и вариантов разных национальных эпосов народов Центральной Азии и Южной Сибири характеризуется героическим характером, динамичностью и связностью общего повествования, особой функциональной направленностью, историко-этническим своеобразием, богатой идейно-художественной составляющей, отличительными мировоззренческими установками, своеобразным сказительским мастерством, иногда наличием паралингвистических средств, твердыми установками о ценностной системе, иерархической структуре в описываемых сообществах, символических представлениях, а также своеобразным стилистическим обликом, общими местами и эпическими формулами, исключительной популярностью среди народа. В разных национальных эпосах выявляются черты общности и различий в презентации «фоновых» знаний, разнообразные историко-филологические характеристики, включая источниковедческую и историографическую картину, различные жанровые особенности, идейно-композиционный комплекс, способы циклизации, черты архаики и современности, религиозно-культовые составляющие, манеры сказительского исполнения.

Литература

1. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.: Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526с.
2. Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос. - М., 1961.
3. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука. - 1980.
4. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. - М.: Наука. 1964. – 218с.
5. Кыс Дэбилэй: Якутский героический эпос. - Новосибирск ВО «Наука». Сибирская издат. фирма, 1993. - 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
6. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. - М., 1973.
7. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. - М.: Изд-во Восточной литературы. 2004. - 464 с.
8. Отаина Г.А. Жанровая специфика нивхских настундов. //В кн.: Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. - Горно-Алтайск. - 1986. - С. 53-59.
9. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. – 78с.
10. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. – 638 с.
11. Джангар: Калмыцкий народный эпос. М.: Худ. лит., 1940. – 460с.
12. Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1980. – с.47-49
13. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.- 336с.
14. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. – М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1984. – 307 с.
15. Потапов Л.В. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. – 196 с.
16. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. – 352 с.
17. Чистобаева Н.С. Основные темы героического эпоса хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск: Наука, 2005. - №3. - С 65-70.

Дамман Е.А.

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Южно-Уральского гос. университета, г. Челябинск

КОНЦЕПТ «ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена рассмотрению культурного концепта «Поведение человека» в английской языковой картине мира. Для анализа нами выбраны лексические единицы в их образно-ассоциативном, метафорическом значении.

Ключевые слова: языковая картина мира, культурные концепты, «Поведение человека».

Keywords: mapping of the world, cultural concepts, “Man’s Behaviour”

В настоящий период языкознание характеризуется как антропоцентрическое. Одним из основных объектов исследования является языковая личность. Языковая личность как объект лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных особенностей, поведенческих реакций, знаний, установок, определенного спектра ценностей. Ценности в структуре языковой личности занимают особое место. Ценности представляются наиболее фундаментальными характеристиками культуры, основными ориентирами поведения человека. Кроме того, ценностям общества, которые являются сгустками смыслов (концептами) и пронизывают все сферы жизни того или иного социума, принадлежит определяющая роль в культуре. Ценностная ориентация является материалом, на основании которого формируется та или иная этническая культура.

Выделяют разнообразные типы ценностей (индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, этнические, общечеловеческие и т. д.). С лингвистической точки зрения наибольший интерес представляют те явления, которые зафиксированы в языке, а именно в значениях лексических и фразеологических единиц, в паремиологическом фонде, в прецедентных текстах, этикетных формулах и т. п.

[2]. С целью комплексного осмысления ценностей в языке можно предложить модель ценностной картины мира, которая объективно существует наряду с языковой картиной мира (в качестве одного из ее аспектов).

Исходя из того, что ценности являются сгустками смыслов или концептами, сама методика изучения ценностей в языке базируется на понятии "концепт". Выделяются различные понимания концептов: концепт как некое мысленное образование [3]; концепт как понятия практической философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология [1]; концепт как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, определенное в той или иной языковой форме [4].

Данная статья посвящена рассмотрению культурного концепта «Поведение человека». Известно, что лексическая номинация предоставляет исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта. Исходя из этого, в качестве объекта исследования нами выбраны лексические единицы (далее ЛЕ) в их образно-ассоциативном, метафорическом значении. Материалом для анализа нами избраны толкования таких значений слов современного английского языка.

Содержательный минимум концепта «Поведение человека» выражается как «образ жизни человека в отношении определенной ситуации или людей». Конкретизация содержательного минимума данного концепта представляется следующей: 1) особенности характера человека; 2) характеристика действий, поступков человека; 3) отношение к ситуации; 4) отношение к другим людям.

Модель концепта «Поведение человека» строится на основе фрейма, в центре которого находится образ человека с его особенностями характера, внешности, с индивидуальным уровнем воспитания и образованности. Человек ведет себя, действует в соответствии со своими внутренними особенностями (особенностями характера) и внешними условиями определенным образом, когда находится в некоторой ситуации. При этом действия человека могут быть «правильными» с точки зрения норм, правил, установленных в обществе, и наоборот, «неправильными». Естественно любые действия человека вызовут определенное отношение, оценку других людей, которые также могут быть как положительными, так и отрицательными.

В английском языке Behaviour определяется как "the way a person acts in general, esp. in relation to the situation they are in or the people they are with (Collins Cobuild Dictionary); manner of conducting oneself (Roget's Thesaurus). Тезаурус Роже представляет следующие синонимы к слову Behaviour:

act	convention	ethics	mien	practice	seemliness
action	course	form	mode	presence	style
attitude	decency	guise	morals	propriety	tact
code	deed	habits	nature	ritual	taste
conduct	demeanor	management	performance	role	way

Применяя метод компонентного анализа, выделим для этих слов следующие основные семантические признаки: 1) действие (как +, так и -) (act, action, deed), а) ставшее обычным, регулярным (habits, nature, practice, style), б) имеющее место в определенной, особой ситуации (conduct, course, mode, ritual, role, seemliness), 2) особенности характера человека (form, nature, style), 3) социально и морально правильное действие (code, conduct, convention, decency, ethics, propriety, morals, tact), 4) отношение к другим людям либо для того, чтобы произвести впечатление (attitude, demeanor, nature, performance), либо для того, чтобы контролировать других людей (management), 5) обманчивые действия (guise). Все эти характеристики могут быть выражены в виде условных шкал с положительным и отрицательным полюсом. Этнокультурная специфика в представлении поведения человека на материале английского языка сводится не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков.

Культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка 4 способами: через культурные семы, культурный фон, культурную коннотацию, культурные концепты. Интересен процесс актуализации культурных концептов с помощью специфических образно-ассоциативных механизмов переосмысления исходных значений ЛЕ во вторичной номинации, т.е. метафоризации значений.

Рассмотрим представленность культурного концепта «Поведение человека» в ЛЕ с образно-ассоциативных, метафорических значениях. В соответствии с выделенными признаками признак «действие» представлен такими словами, как *bellyacher* («человек, жалующийся на боль в животе»), *hum* человек, который постоянно жалуется о чем-то незначительном (нытик, пласка), *blabbermouth* («рот болтуна», человек, который много болтает и распространяет сплетни (болтун, сплетник), *crumb* («крошка», *US obs* человек, который делает что-то нехорошее, неприятное (заноза), *goldbrick* («золотой кирпич», *US coll* человек, уклоняющийся от работы), *jay* («сойка», человек, который много болтает (болтун, балаболка, сорока), *merry-andrew* («веселый Эндрю», веселящий других людей человек (шут, фигляр), *nitpicker* («блохолов», *coll* человек, который ко всем придирается или спорит по пустякам), *tattletale* («рассказывай сказки / басни», человек, не хранящий секреты, распускающий сплетни), *yes-man* («тот, кто всегда говорит "да"», лицемерный человек, который всегда соглашается и подчиняется более влиятельному человеку) [5]. Практически все слова, выбранные по этому признаку, имеют отрицательную коннотацию.

Признак «особенности характера», которые также могут оцениваться как положительно, так и отрицательно, присутствует в следующих словах: *appendage* («придаток», *coll* зависимый от других человек), *bear* («медведь», *coll derog* грубый, невоспитанный человек), *beast* («зверь, скотина», *hum* упрямый, неприятный человек), *egghead* («яйцеголовый», *UK coll* интеллигент, ученый, мыслитель или просто умный человек), *featherweight* («вес пера», легкий на подъем человек), *flatfoot* («плоская ступня», наивный человек, которого можно легко обмануть), *gasbag* («газовый мешок», человек, который много и без толку болтает), *knight-errant* («странствующий рыцарь», мечтательный, романтический человек), *lotus-eater* («тот, кто ест цветы лотоса», **1** человек, мечтающий о нереальных вещах (праздный мечтатель) **2** человек, живущий в свое удовольствие), *milksop* («кусочек (хлеба), размоченный в молоке», *obs* бесхарактерный человек), *pepperbox* («перечница», вспыльчивый человек), *pig* («свинья», *US coll 1* человек, который много ест (обжора) **2 derog** грубое прозвище грязного человека), *skinflint* («жесткая кожа», жадный, скупой человек) [5].

Признак «социально и морально правильное действие» также представлен ЛЕ с отрицательной коннотацией: *lager-lout* («пивной хулиган», человек, который нарушает общественный порядок, дерется, портит имущество после выпивки), *juicehead* («голова с соком», *sl* человек, много пьющий алкоголя), *litterbug* («мусорный жук», человек, оставляющий после себя мусор в общественных местах), *troublemaker* («тот, кто создает заботы / хлопоты», нарушитель спокойствия, порядка), *sociopath* (человек, чье поведение считается странным, неприемлемым, иногда опасным). Только некоторые слова имеют положительную оценку: *big-timer* (человек, достигший успеха), *straight arrow* («прямая стрела», **1** честный, прямолинейный человек **2** законопослушный человек) [5].

Признак «отношение к другим людям» представлен ЛЕ только с отрицательной коннотацией, что, скорее всего, является отношением других людей к человеку и к его поведению: *amoyance* («раздражение», человек, вызывающий раздражение, злость), *ass* («осел», *coll* глупый, упрямый, надоедливый человек), *incendiary* («зажигательное средство», человек, который вызывает у людей отрицательные чувства, побуждает их на негативные действия), *jest* («шутка, острота», *coll* объект насмешек), *killjoy* («убей радость», человек, отравляющий другим удовольствие (брюзга), *rabble-rouser* (человек, который пытается разозлить людей для достижения целей, особенно политических), *spoilsport* (тот, кто портит настроение другим), *tagalong* («следовать по пятам», *coll* раздражающий, надоедливый человек, который неустанно следует за кем-то), *wretch* («несчастный», **1** *hum* раздражающий всех человек), *wowser* («строгий пуританин», *coll* человек, портящий настроение другим) [5].

Признак «обманное действие», конечно же, представлено только ЛЕ с отрицательной коннотацией: *apple-polisher* («тот, кто чистит / полирует яблоки», *US* человек, желающий достичь определенного положения, стать популярным, восхваляя других, не будучи

искренним (лестец, лизоблюд), *charlatan* (человек, делающий вид, что он обладает особыми знаниями, умениями), *name-dropper* («тот, кто бросает имена»), человек, называющий имена известных и влиятельных людей, которых якобы знает лично), *stooge* («партнер комика», 1 зависимое, подчиненное лицо (марионетка) 2 подставное лицо, провокатор), *trickster* (человек, обманывающий других, обманщик, ловкач), *two-timer* (человек, ведущий двойную игру, обманщик, человек, изменяющий [мужу, жене]) [5].

Большинство ЛЕ содержат отрицательную оценку в своих значениях. Это можно объяснить следующим образом: люди используют метафоры для того, чтобы точнее реализовать в своем сознании «абстрактный» концепт, понимать мир, оформить реальность, иносказательно выразить свое отношение особенно к тому, что волнует их больше всего, нечто негативное, «плохое» с точки зрения морали, социальных норм и правил.

В заключении, проанализировав полученные данные можно сделать вывод о том, что приоритетными ценностями англоязычной культуры являются следующие:

- человек не должен быть грубым, невоспитанным, вспыльчивым или, напротив, бесхарактерным, грязным, жадным.
- наоборот приветствуется, если человек живой, подвижный, по возможности романтичный, умный, легкий на подъем.
- человек не должен лениться, надоедать, злить, раздражать других, портить им веселье, любым образом обманывать их.
- для того, чтобы человека приняли в обществе, он не должен быть пьяницей, нарушать общественный порядок, мусорить, а напротив, должен быть законопослушным и успешным.

Итак, культурные концепты являются единицами картины мира, облают значимостью не только для каждой отдельной языковой личности, но и для всего лингвокультурного сообщества в целом.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Введение// Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. – М, 1993.
2. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996.
3. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН. Сер лит. и яз. Т. 52. – 1993. - №1.
4. Ляпин, С.Х. Факт в пространстве бытия / С.Х. Ляпин – Архангельск, 1996.
5. Тарханова, Т.В., Филиппенко, Е.А. Англо-русский словарь-справочник лексики с социокультурным компонентом значения / Т.В. Тарханова, Е.А. Филиппенко – Челябинск, 2003.

Ефимова Т.В.

Доцент, кандидат филологических наук, Воронежская государственная медицинская академия имени Н.Н.Бурденко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ НАРРАТИВНОГО ТЕКСТА

Аннотация

Цель работы – разработка и применение метода анализа нарративного текста как системы таких алгоритмизируемых процедур, которые способны выявлять лингвистически значимую информацию, моделировать процесс перехода от лексико-грамматического уровня текста к структуре его содержания, визуализировать статику и динамику последнего. Результаты обеспечивают продвижение в решении проблемы знаковости текста. Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования полученных результатов в исследовании лингвистики текста и целостного представления содержания текста в формализованном и визуализированном виде; в лекционных курсах и на практических занятиях по лингвистике, литературоведению и переводу, а также в решении прикладных задач, связанных с компьютерной обработкой текстов в рамках литературо- и переводоведения.

Ключевые слова: лингвистический анализ, формализация содержания, семантическое пространство, статическая модель, динамическая модель.

Keywords: linguistic analysis, formalization of content, semantic space, static model, dynamic model.

В данной работе предлагается метод извлечения, формализации и наглядного представления существенной информации нарративного текста.

В середине XX века Эмиль Бенвенист прогнозировал “формальное” будущее лингвистики, подчеркивая ее стремление к точности, которое заключалось, прежде всего, в изменении отношения к своему объекту: «Если наука о языке должна выбирать себе образец для подражания, то им будут науки математические или дедуктивные, которые представляют свой объект в полностью рациональной форме, сводя его к совокупности объективных свойств, получающих постоянные определения. Из этого следует, что лингвистика будет становиться все более и более “формальной”, по крайней мере, в том смысле, что язык предстанет как некоторая совокупность всех своих наблюдаемых форм» [1, с.37].

Предлагаемый метод исследования семантики текста разработан на основе частных лингвистических методов исследования письменных текстов, основанных на количественном анализе, методах контент-анализа и валентного анализа, методов и средств когнитивной компьютерной графики.

Выявление семантически значимой информации текста происходит во многом благодаря использованию средств компьютерной графики. Высокая эффективность графического представления информации подтверждена многочисленными исследованиями наглядно-образного и визуального мышления на основе когнитивного подхода. Фундаментальная идея этого подхода заключается в том, что мышление есть не что иное, как манипулирование внутренними (мысленными) репрезентациями структурированных определенным образом знаний – фреймов, сетей, планов, сценариев. Исходя из этого, разработаны модели представления знаний на основе семантических сетей, продукций, логики предикатов и нечетких знаний [2].

Следует отметить, что разработанное на основе когнитивного подхода новое направление в области искусственного интеллекта – *когнитивная компьютерная графика* (ККГ) – с 1988 г. является «стратегическим приоритетом национальной политики США в области развития перспективных информационных технологий, прежде всего для науки и образования. Суть концепции ККГ очень проста: если на экране дисплея удастся визуализировать существенные свойства и отношения между объектами некоторой предметной области (даже любой степени абстракции), то такой ККГ-образ, как правило, содержит в себе информацию (на уровне графических деталей компьютерного изображения) о возможных и не всегда заранее известных следствиях этих свойств и этих отношений» [3, с.37].

Эмпирическим материалом для исследования послужил рассказ А.П. Чехова «Дама с собачкой», хорошо структурированный небольшой по объему текст (его длина составляет 317 предложений (5238 ЛЕ)) как обозримое целое для анализа, но с достаточным материалом для классификации.

Объектом анализа является содержание нарративного текста как ментальное образование – семантика текста в её статике и становлении.

Исходя из того, что текст – это система индивидуально-авторских знаний о мире, воплощенная в литературно-художественной форме и направленная читателю, мы исследуем семантическое пространство текста как пространство, определенным образом организованное подобно индивидуальной базе знаний, содержащее множество объектов и связей. Определение этих объектов, а также структуры и типа связей между ними, связано с решением конкретных задач формализации содержания текста с использованием статистических и сетевых методов.

Предлагаемый нами алгоритм анализа семантического пространства осуществляется в три этапа: а) обработка текстовой информации, б) визуальная презентация полученной информации и в) интерпретация результатов исследования. Он включает следующие шаги:

1. Составление частотного словаря с целью выявления ключевых слов (далее КС) текста и их лемматизация, т.е. приведение разных текстовых форм КС к одной канонической, назначенной в качестве главной, исходной форме, которая несет основную информацию⁸.

2. Анализ лексического состава текста с целью выявления кореферентных наименований ключевых слов (Сг).
3. Анализ семантико-синтаксической связи между ключевыми словами и составление структурных схем, формируемых определенным предикативным типом и репрезентирующих статус ключевых слов (персонажей).
4. Обобщение (грамматическое и кореферентное) контрагентов ключевых слов.
5. Моделирование семантического пространства текста.

1. Термин “ключевое слово” встречается в разных науках: в литературоведении он обозначает лейтмотив произведения [4, с.31]; в информатике и психолингвистике – слово или словосочетание, несущее основную семантическую нагрузку с точки зрения информационного поиска. Процесс выделения таких слов носит название индексирования с целью устранения информационного шума⁹: «Для усунення інформаційного шуму застосовують методики індексування тексту, які враховують комунікативну значущість та функціональне навантаження слів у ньому» [5, с.145]. Как показали эксперименты по восприятию содержания текста, ключевые слова называют персонажей, основной предмет, о котором идет речь в произведении, и характеризуют его, т. е. «такі слова в конденсованій формі виражають основну інформацію про зміст тексту» [5, с.144].

По данным психолингвистики, формальными показателями, свидетельствующими о значительной информационной весомости КС в тексте, являются:

- 1) частотность слова (именно этот показатель КС использовал в области информатики Г. Лун при создании системы автоматического реферирования в 1958 году);
 - 2) синтаксическая позиция слова (КС содержатся, прежде всего, в заголовке и первом предложении: «Название дается рассказу, конечно, не зря, оно несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа [6, с.217].
 - 3) Набор КС связан с отражением цельности текста, что также было подтверждено экспериментально: текст хранится в памяти в наборе КС, которые затем эксплицируются при его воспроизведении [7].
- Выполненный с помощью компьютерной программы частотный словарь текстовых слов и их лемматизация позволили выявить КС, которые представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 1.

Ключевые слова – персонажи			
Гуров	Анна Сергеевна	муж Анны Сергеевны	жена Гурова
12	12	6	3

2. Переходя к конкретному анализу эксплицитных форм когерентности текста (языковых средств, выполняющих как репрезентативную, так и связующую функцию, то есть средств, обеспечивающих его формальное и смысловое единство), мы провели такое кореферентное обобщение, которое, по словам Н.Д. Арутюновой, «позволяет пронести тождество предмета сквозь текст» [8, с.26]. Это тождество достигается следующим образом:

1) Через чистый лексический повтор без модификаций. Любой повтор выполняет не только текстообразующую функцию, но и функцию усиления, подчеркивания. Прежде всего, речь идет о заглавии *«Дама с собачкой»*. В исследуемом произведении ключевое слово, точнее словосочетание, вынесено в позицию заглавия – в сильную позицию текста, что подчеркивает его концептуальную значимость. Оно повторяется в тексте пять раз (включая заглавие). Повторяемость данного словосочетания в контекстах, конкретизирующих и всякий раз по-новому раскрывающих его смысл, обуславливает динамику текста. С этим словосочетанием парадигматически и синтагматически сопряжены и такие слова, которые в целом образуют ментальное пространство рассказа: кореферентные наименования персонажей, их атрибуты, предикаты и ассоциации.

2) Через повторную номинацию.

3) Через репрезентацию, основанную на метонимических и гипо-гиперонимических отношениях. Например: Анна Сергеевна – *новое лицо, дама, невысокого роста блондинка в берете, молодая женщина*.

4) Через субституцию, реализуемую посредством прономинализации.

3. Поскольку кореференция обеспечивает единство темы и единый план ее развития на парадигматическом и синтагматическом уровне, следующим шагом нашего алгоритма является семантико-синтаксический анализ окружения ключевых слов. Следует также заметить, что, если выбор лексики, по мнению психологов, обусловлен интенцией автора текста, то употребление грамматических форм в меньшей степени поддается авторскому контролю. Поэтому доминирующие синтаксические конструкции, выявленные в результате семантико-синтаксического анализа, не только специфицируют художественный текст, отражают уникальность его стилиевой организации, но и определяют особенности художественного мышления автора.

Как известно, каждую семантико-синтаксическую структуру формирует определенный тип предиката с относящимися к нему актантами. Каждый семантический тип предиката эксплицируется соответствующей предикатной лексикой – предикаторами, обладающими общностью грамматических и семантических признаков, предикаторами одного и того же валентного типа. Под предикатором вслед за Ю.С. Степановым понимается языковая форма предиката (глагол, прилагательное), “понятийной сущности”, “явления семантики” [9, с. 321].

Выделение семантических типов предикатов и их структур осуществляется в два этапа: на первом этапе дифференцируются конкретные высказывания, а на втором – идентифицируются и обобщаются однотипные конкретные высказывания, как по форме, так и по смыслу.

В результате анализа связи номинаций действующих лиц через предикацию выявлено 11 типов предикативной связи (Р-типов): акциональный (P_{act}), перцептивный (P_{perc}), экзистенциальный (P_{exist}), сущностный (P_{onom}), квалификативно-дескриптивный (P_{descr}), социативный (P_{soc}), посессивный (P_{poss}), коммуникативно-контактный (P_{comm-cont}), предикаты речи (P_{del}), движения (P_{mouv}) и состояния (P_{stat}), каждый из которых на семантико-синтаксическом уровне эксплицируется определенными структурами.

Семантико-синтаксический анализ показал, что в качестве синтаксической доминанты «Дамы...» следует рассматривать:

⁸ Для информационного поиска лемматизация связана с идентификацией лексических единиц одной семантики, то есть является частью процесса индексации и поиска в тезаурусе, предусмотренном в системе. Лемматизация рассматривается, прежде всего, в качестве одного из объектов компьютерной лингвистики.

⁹ Информационный шум – это информация, неправильно выданная информационно-поисковой системой в ответ на запрос нужного документа.

а) экспрессивные синтаксические конструкции: сравнительные конструкции с союзом *точно*, присоединительные конструкции с союзами *и* и *но*, обособленные и присоединенные обстоятельства (чаще обстоятельства образа действия, выраженные деепричастными оборотами или наречиями в постпозиции), неопределенно-личные предложения с необозначенным подлежащим, в которых основное внимание сосредоточено на состоянии или действии; сложные синтаксические конструкции с разнотипной синтаксической связью: с сочинением и внутренней подчинительной связью, с сочинением и бессоюзной связью, с сочинением, подчинением и бессоюзной связью;

б) сложноподчиненные предложения, а также сложные синтаксические конструкции с придаточными изъяснительными (изъяснения требуют глаголы речи, восприятия, эмоционального состояния);

в) однотипные конструкции с перцептивными (мыслительной деятельности) глаголами и глаголами внутренней речи.

Структурные схемы, обусловленные определенным семантическим типом предиката, репрезентируют статус ключевых слов: чаще субъектную позицию занимает Гуров. Анализ структурных схем позволяет также сделать вывод о том, что повторение ключевых слов и их кореферентных наименований в разной синтаксической роли (подлежащего или дополнения) является существенным признаком связности текста.

4. Результаты проведенного кореферентного и грамматического обобщения контрагентов ключевых слов представлены в нижеследующей таблице 2.

Таблица 2.

Персонажи	Кореферентные наименования	Общее количество кореферентных наименований	В функции подлежащего	В функции дополнения
1	2	3	4	5
белый шпиц	[дама] с собачкой белый шпиц шпиц(а) тог он (ему) знакомый белый шпиц	11	5	6
два сына	два сына два сына-гимназиста	1	1	-
дочь	дочь 12 лет его дочь дочь	6	2	4

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5
извозчик	извозчик	1	-	1
какой-то человек в Ореанде	какой-то человек должно быть, сторож	2	2	-
<i>няня¹</i>	<i>няня</i>	1	1	-
известные адвокаты и артисты	известные адвокаты и артисты	1	1	-
профессор	с профессором	1	-	1
чиновник-партнер	со своим партнером, чиновником вы чиновник	4	2	2
швейцар	швейцар	2	2	-
нищий	нищий на него	2	1	1
<i>какая-то старушка</i>	<i>какая-то старушка за нею</i>	2	1	1
<i>губернатор</i>	<i>сам губернатор</i>	1	1	-
<i>губернаторская дочь</i>	<i>губернаторская дочь в боа</i>	1	1	-
два гимназиста	два гимназиста	1	1	-
человек в красной шапке	человек в красной шапке посыльный	2	1	1

¹Курсивом выделены упоминаемые автором персонажи, не имеющие эксплицитной синтаксической связи с КС и их контрагентами.

5. Предлагаемый нами алгоритм дает возможность на этапе лингвистического анализа получить необходимые данные (отчасти формализованные в виде таблиц и структурных схем) для решения ряда семантических задач, в частности, предполагающих в той или иной форме моделирование семантического пространства текста в статике и динамике. Речь идет, прежде всего, о визуализации полученной информации в виде графических образов (далее ГО), которые трактуются как модели отображаемого объекта – текста, как средство представления данных исследований сложных структур, явлений, процессов [10–16].

Для построения статической модели выделяются ключевые слова (далее КС) для получения полной информации о номинировании персонажей (действующих лиц, участников ситуации) с опорой на анализ употребительности их номинаций в тексте и на определение кореферентного тождества слов и словосочетаний. Полученные данные представляются в относительных величинах путём составления пропорций с учётом общего количества кореферентных наименований КС и связей между ними через предикацию.

Статическая модель в виде графа, состоящего из вершин и ребер, отражает как относительный вес КС, так и силу связей между ними в целом по тексту. Вершины в виде круга – это персонажи произведения с указанием их имён-гиперонимов и количества кореферентных наименований; рёбра же в виде стрелок отражают связи между действующими лицами через предикацию и силу этих связей. (См. Рис.1).

Площадь круга вычисляется по формуле:

$$S = \pi R^2 = \frac{\pi D^2}{4}, \quad S = Cr$$

где S – площадь круга, Cr – количество кореферентных наименований персонажей. Толщина стрелок на схеме пропорциональна количеству предикативных (семантико-синтаксических) связей между КС.

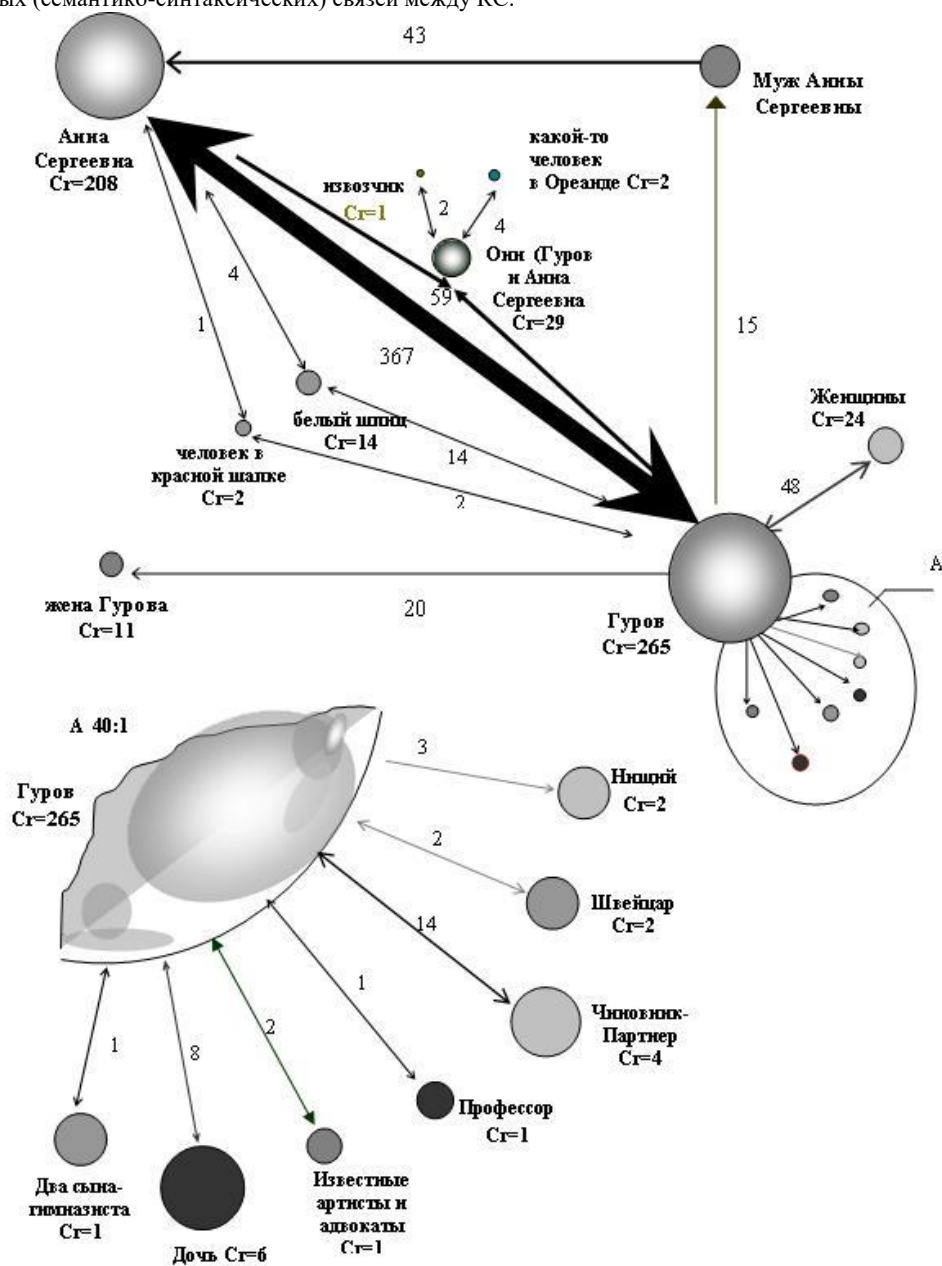

Рис.1. Схема связей (в целом по тексту)

Формализация предикативной связи позволяет выявить предикативную доминанту в целом по тексту (Р-доминанту), критерием релевантности которой является самая высокая частотность Р-типа. Как показал качественный и количественный анализ Р-связи, такой Р-доминантой оказался перцептивный Р-тип. Визуализация данных в виде круговой диаграммы дает возможность продемонстрировать соотношение типов предикативной связи и Р-доминанту в целом по тексту.

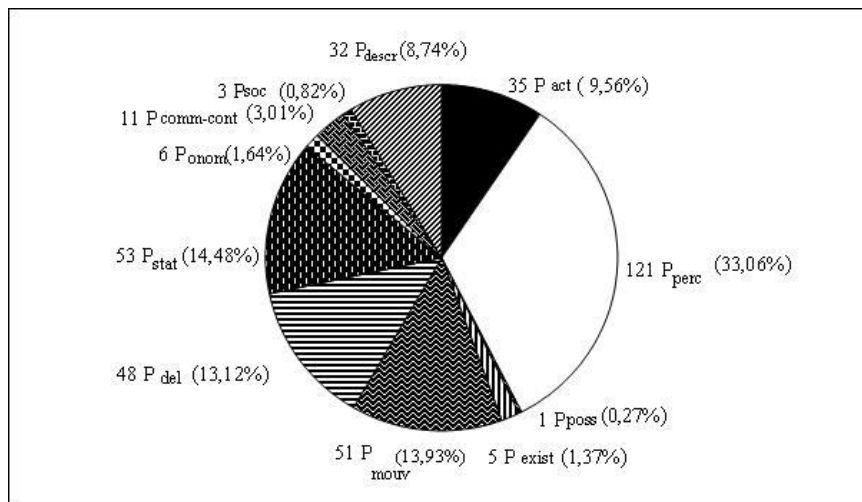

Рис. 2. Гуров – Анна Сергеевна, характер Р-связи (в целом по тексту).

Для построения динамической модели семантического пространства текста применена семантическая сеть (СемСеть) как инструмент содержательного членения текста и мощное наглядное средство описания знаний. Особой популярностью сетевой метод пользуется у исследователей в области искусственного интеллекта, так как сети удобны для чтения и компьютерной обработки текста [17–25 и др.].

Идеальной математической моделью такого системно-структурного образования как СемСеть является граф, чьи вершины соответствуют единицам текста, а ребра – семантическим отношениям между ними: «Большое количество узлов и дуг делают графическое представление похожим на сеть из линий, поэтому оно получило название *семантической сети* (семантической, поскольку исторически такие сети были использованы, прежде всего, для представления знаний на естественном языке)» [24, с. 262].

Вершины нашего графа – это 33 сложных синтаксических целых (ССЦ), полученных в результате проведенного сегментирования текста, а ребра, соединяющие соответствующие вершины, маркируют семантическую связь между ССЦ. (См. Рис.3).

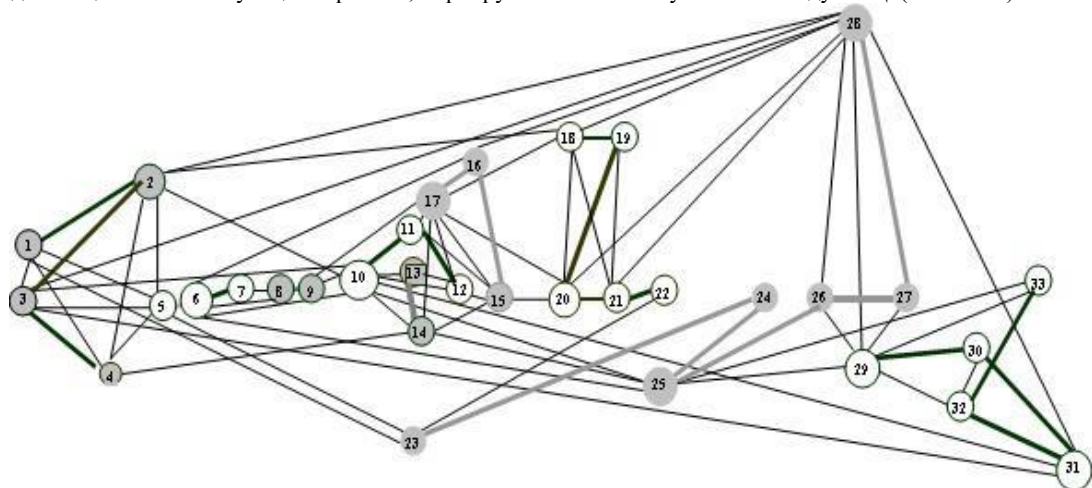

Рис. 3. Семантическая сеть рассказа «Дама с собачкой».

Применяя сетевой метод, мы определили ряд важных количественных параметров, представляющих особую ценность для характеристики системы семантических связей в тексте, а именно: семантическую связность, характеризующую план содержания текста, его семантическую монолитность; цепочный коэффициент, определяющий среднюю длину цепочки ССЦ, в которой каждое предшествующее ССЦ непосредственно связано с последующим за ним ССЦ; функциональный вес ССЦ, параметр, определяемый числом семантических связей, в которые вступает в данном тексте рассматриваемая единица.

В результате сетевого моделирования выявлено девять частей СемСети. Для построения модели каждой из них используется тот же способ представления данных в относительных величинах, что и при создании статической модели.

Построенные для каждой части СемСети девять графов и соответствующее количество диаграмм визуализируют существенные отношения между КС и позволяют измерить динамику отношений между персонажами через количество и качество синтаксических связей их номинаций, опосредованных глаголами указанных семантических типов.

Чтобы получить целостную картину пошаговой динамики Р-связи по частям СемСети и в целом по тексту, а также поведения каждого из Р-типов в отдельности, вся полученная информация представляется на графиках, репрезентирующих динамику самых частотных Р-типов (P_{perc} , P_{stat} , P_{mouv} , P_{del}), среднечастотных Р-типов (P_{act} , P_{descr} , $P_{comm-cont}$) и наименее частотных Р-типов (P_{exist} , P_{nonom} , P_{soc} , P_{poss}); 11 кривых последнего графика соответствуют всем 11-ти типам Р-связи. (См. Рис.4).

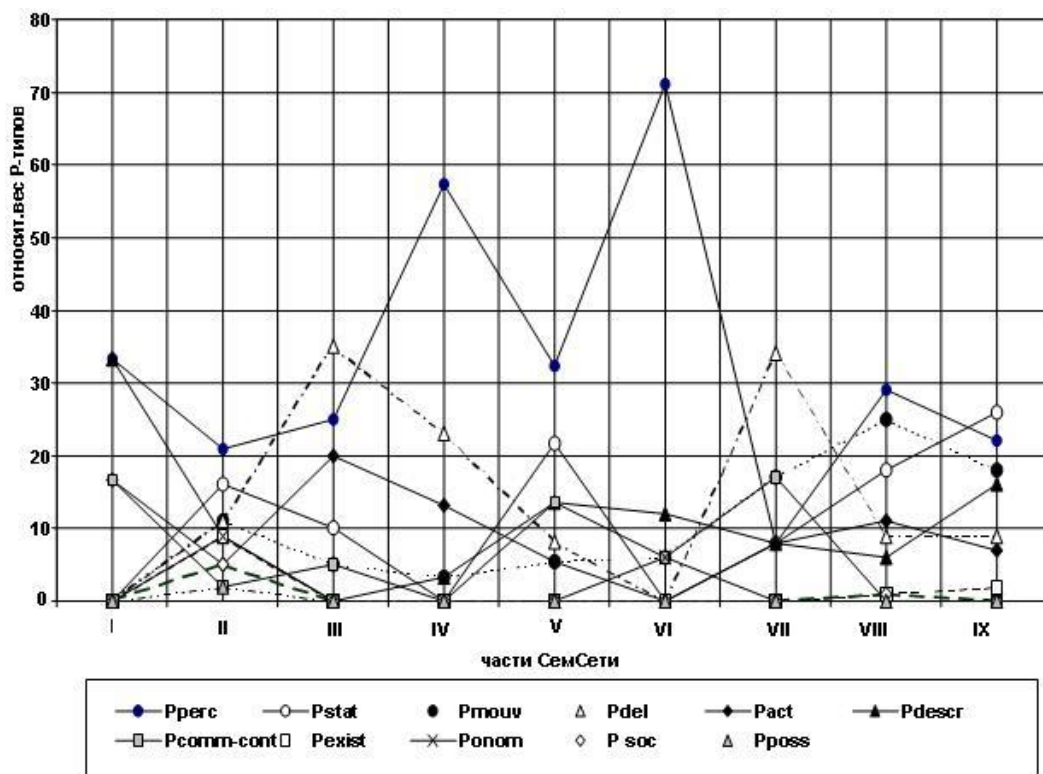

Рис. 4. Динамика Р-связи в целом по тексту.

Таким образом, применённая нами процедура по извлечению текстовых референтов, смысловых единиц – предикатов, их классификации по типам, квантификации данных, ранжированию по частоте встречаемости, выявлению Ст-доминанты и Р-доминанты для каждой части СемСети и по тексту в целом, – позволяет существенно углубить содержательный анализ текста, сделать его, возможно, более объективным: выявить динамику и характер отношений персонажей, сделать более очевидным намерение автора акцентировать те или иные стороны ситуации. Достоверность выводов, полученных формальным способом, подтверждается при их сопоставлении с результатами, полученными литературоведами посредством неформального, интуитивного анализа [26–32].

Так, статическая модель рассказа, с одной стороны, выявляет связи между КС; демонстрирует приоритетность такого персонажа, как Гуров, визуальным способом доказывая, что именно он является объектом внимания автора, а не дама с собачкой. С другой стороны, мы полагаем, что такое представление образа содержания художественного произведения не противоречит замыслу автора. Подтверждением тому служат слова самого А.П.Чехова: «Поневоле, делая рассказ, – пишет он своему издателю Суворину, – хлопчешь, прежде всего, о его рамках: из массы героев берёшь только одно лицо – жену или мужа, – кладёшь это лицо на фон и рисуешь только его; его и подчеркиваешь, а остальные разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получаешь нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг нее масса маленьких звезд» [31, с. 186].

В результате формализации предикативной связи в целом по тексту установлено, что Р-доминантой являются P_{perc} (1-ая позиция) и P_{stat} (2-ая позиция), что подтверждает мнение А.П. Чудакова о том, что в произведениях писателя «большое место занимают конструкции с глаголами восприятия и словами категории состояния» [29, с. 5].

Сетевое моделирование позволило визуализировать систему семантических связей между единицами этой системы – ССЦ, семантическую структуру такого объекта повышенной сложности, как художественный текст и определить её тип – это кусочно-нелинейная, т. е. включающая несколько фрагментов, незамкнутая, т. е. не имеющая связи между первым и последним ССЦ; ветвящаяся структура. Это объясняется «многоплановостью художественного произведения, в котором сюжет развивается в нескольких направлениях» [24, с. 140].

Применяя сетевой метод, мы определили, что максимальный функциональный вес имеет 17-ое ССЦ: «Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались все сильнее. Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс, или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи. Он долго ходил по комнате, и вспоминал, и улыбался, и потом воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет. Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкафа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее...» [33, с. 451].

Такой результат идёт вразрез с традиционной точкой зрения, согласно которой особую значимость имеет известный монолог возмущенного Гурова о “куцей и бескрылой жизни”. Подобного мнения придерживается и В.Б.Катаев, известный исследователь творчества А.П.Чехова: «Нет необходимости считать этот эпизод едва ли не более важным, чем вся история любви и перемены в отношениях Гурова с “нижней расой”. Так считают интерпретаторы, стремящиеся обосновать важный общественный смысл рассказа “Дама с собачкой”. Но в чеховском мире гораздо более глубокой и подлинной общественной значимостью, чем любая возмущённая или протестующая фраза героя, обладает неизменная устремлённость автора на различение истинного и ложного, “настоящего” и “ненастоящего” в человеческих идеях и делах» [32, с. 266].

Анализ динамической модели содержания текста дает возможность наглядно доказать, что динамика проявляется только в отношениях главных героев произведения (связь через предикацию с другими персонажами статична).

Процедура по выявлению Р-доминанты, а также предикатная динамика, наблюдаемая, прежде всего, внутри таких Р-типов как P_{perc} , P_{stat} , P_{mov} , P_{act} , P_{desc} , позволяют определить вектор действия, который направлен не во внешний мир главных героев: глобальные метаморфозы происходят в их внутреннем мире – и, таким образом, уяснить авторскую стратегию размещения информации. Эта стратегия нацелена в конечном итоге на реализацию главной задачи – отразить процесс поиска истины, анализа ложных стереотипов, переход персонажа от прежнего состояния к новому.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений / Д.А. Поспелов. – М.: Наука, 1989. – 215 с.
3. Агеев В.Н. Семиотика / В.Н. Агеев. – М.: Весь мир, 2002. – 256 с.
4. Новиков А.И. Семантика текста и его формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 361 с.
5. Карпілівська Е.А. Вступ до комп'ютерної лінгвістики / Е.А. Карпілівська. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток ЛТД», 2003. – 184 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – СПб: Азбука, 2000. – 416 с.
7. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста / Л.В. Сахарный // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 7-59.
8. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // НЗЛ / М.: Радуга. – 1982. – Вып. XIII. – С. 5-40.
9. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т.39. – №4. – С. 311-323.
10. Боумэн У. Графическое представление информации / У. Боумэн. – М.: Мир, 1971. – 228 с.
11. Валькман, Ю.Р. Когнитивные графические метафоры: когда, зачем, почему и как мы их используем / Ю.Р. Валькман // Знания-Диалог-Решение (KDS-95): Тр. междунар. конф. – Ялта, 1995. – С. 261-272.
12. Валькман Ю.Р. Видеообразы в операциях исследовательского проектирования / Ю.Р. Валькман // Искусственный интеллект-96 (КИИ-96): Тр. междунар. конф. – Казань, 1996. – С. 118-123.
13. Валькман Ю.Р. Интеллектуальные технологии исследовательского проектирования: формальные системы и семиотические модели / Ю.Р. Валькман. – Киев: Post-Royal, 1998. – 250 с.
14. Валькман Ю.Р. Анализ понятия «графический образ» / Ю.Р. Валькман, Ю.Н. Книга // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. сем. (Диалог'2002). – Протвино, 2002. – С. 41-52.
15. Зенкин А.А. Когнитивная компьютерная графика / А.А. Зенкин. – М.: Наука, 1991. – 187 с.
16. Зенкин А.А. Когнитивная компьютерная графика: некоторые вопросы методологии применения в интеллектуальных системах / А.А. Зенкин // Искусственный интеллект-94 (КИИ-94): Тр. национ. конф. с междунар. уч. – Рыбинск, 1994. – С. 100-105.
17. Ермаков А.Е. Автоматическое извлечение фактов из текстов досье. Опыт установления анафорических связей / А.Е. Ермаков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. (Диалог'2007). – Бекасово, 2007. – С. 172-177.
18. Кузнецов И.П. Семантические представления / И.П. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 268 с.
19. Кузнецов И.П. Семантико-ориентированные системы на основе баз знаний / И.П. Кузнецов, А.Г. Мацкевич. – М.: Связьиздат, 2007. – 173 с.
20. Кузнецов И.П., Ефимов Д.А. Особенности извлечения знаний из текстов семантико-ориентированным лингвистическим процессором Semantix. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/>
21. Москвин Н. Д. Применение нечетких теоретико-графовых моделей в задачах моделирования и поиска песенных мотивов / Н.Д. Москвин // Искусственный интеллект-2010: Тр. XII национ. конф. по искусств. интеллекту с междунар. уч. (КИИ-2010). – М.: Физматлит, 2010. – Т. 1. – С. 243-251.
22. Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений / Д.А. Поспелов. – М.: Наука, 1989. – 215 с.
23. Поспелов Д.А. Серые и/или черно-белые / Д.А. Поспелов // Прикладная эргономика. Рефлективные процессы: Спец. вып. – 1994. – №1. – С. 29-43.
24. Скороходько Э.Ф. Семантические сети и автоматическая обработка текста / Э.Ф. Скороходько. – Киев: Наук. думка, 1983. – 217 с.
25. Скрэг Г. Семантические сети как модели памяти / Г. Скрэг // НЗЛ. – М.: Прогресс, 1999. – Т. III. – С. 259-302.
26. Барлас Л.Г. Язык повествовательной прозы Чехова. Проблемы анализа / Л.Г. Барлас. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – 208 с.
27. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1994. – 244 с.
28. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 281 с.
29. Чудаков А.П. Об эволюции стиля прозы Чехова / А.П. Чудаков // Слав. филология. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – Вып. V. – С. 5-28.
30. Чудаков А.П. Чехов. Единство видения / А.П. Чудаков // Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. – М.: Современ. писатель, 1992. – С. 105-131.
31. Бердников Г.П. Чехов (ЖЗЛ) / Г.П. Бердников. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 512 с.
32. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В.Б. Катаев. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 290 с.
33. Чехов А.П. Рассказы и повести / А.П. Чехов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – 480 с.

Иевская М.С.

соискатель кафедры лексикологии английского языка ФГБОУ ВПО МГЛУ

ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ (СФЕ) АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются соматические фразеологические единицы английского языка (СФЕ). Исходя из положения, что язык является доступом к сознанию человека, в статье представлен семантический анализ СФЕ, составляющих концептосферу, характеризующую личностные характеристики человека. Целью данного исследования было представить возможный способ интерпретации «телесных» идиоматических выражений английского языка, отражающих восприятие и осмысление индивидом окружающего мира через свое тело. Актуальность работы определяется необходимостью дальнейшего детального исследования соматической идиоматики английского языка, реализуемой на основе когнитивных моделей, которые способствуют раскрытию семантики СФЕ. Практическая значимость работы, заключается в возможности применения результатов анализа в интерпретации СФЕ, актуализированных в современном англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: фразеологизм; соматический компонент; концептосфера.

Key words: phraseological unit; somatic component; conceptual sphere.

Произошедший на рубеже XX – XXI веков сдвиг в сторону антропоцентрического подхода при анализе языкового материала, привел к тому, что всё чаще современные исследователи-лингвисты обращаются к изучению языка как феномена непосредственно связанного с человеком. Большое количество лингвистических трудов последнего десятилетия посвящены именно соматической лексике и соматической фразеологии. Так, при поиске по «сомат*» и «части тела» в заглавии по теме филологические науки база данных Российской государственной библиотеки выдает около семидесяти названий диссертаций, защищенных за последние десять лет (Петрова 2012, Сайфи 2011, Щирова 2011, Чумичёва 2010, Скарнёв 2006, Таурменская 2006, Белогрудова 2005, Хамизова 2007, Кравченко 2009, Подсевалова 2010, Вахрушева 2009, Архипкина 2007 и др.) Антропоцентрически ориентированные исследования обращены к роли человеческого фактора в языке, что позволяет опираться не на форму, а на содержание, на применение языка. По мнению В. И. Постоваловой, «обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, намечившемся в современной лингвистике, о смене ее базисной парадигмы и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой

рассматривать язык «сам в себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [9, С. 8].

Человеческий фактор играет огромную роль в словообразовании. Человек обращается к собственному телу, используя его для формирования языковых единиц, как форм отражения информации о мире и о себе самом: «Поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образцу и подобию своему. Языковой антропоморфизм является не пережитком первобытного мышления, ..., но общим законом развития средств номинации в языке» (Гак В. Г., 1976, цит. по Кунину А. В.) [7, С.7].

Обращение к человеку как к «творцу языка» не может быть в полной мере плодотворным, если мы не обратимся к анализу той лексики, которая отражает познание самого человека о строении своего тела. Соматическая фразеология – динамически развивающаяся часть фразеологии. Соматические фразеологические единицы (СФЕ) представляют собой средства номинации явлений окружающего мира, которые человек объективирует в своём сознании и соотносит со своим собственным образом. В подобных объективациях на первый план выходит проблема соотношения языка и сознания.

Явления и предметы внешнего мира предстают в нашем сознании в качестве ментальных образований, когнитивных структур, называемых *концептами*. В рамках когнитивного подхода в лингвистике Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «*Концепт* – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [6, С. 90 – 92].

В сознании человека концепт выступает как единица мыслительной деятельности, а упорядоченная совокупность концептов в нашем сознании формирует концептосферу. Термин «*концептосфера*» был введен в отечественной науке академиком Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по определению акад. Д. С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциальными концептами носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [8, С. 3 – 5].

Язык же является доступом к сознанию человека, т.е. его концептосфере. С помощью языковых знаков мы вербализуем, эксплицируем концепты как единицы нашего мышления. К языковым средствам, выступающим как способ материализации языкового сознания индивида, можно отнести отдельные слова, свободные словосочетания и фразеологизмы. Языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [10, С. 3].

Языковое существование индивида формируется в индивидуальном сознании. Осмысление человеком своего собственного тела стимулирует процесс самопознания индивида. Соматическая лексика, т.е. обозначения частей и внутренних органов человеческого тела, а также его биологических субстанций и покровов, характеризуется высокой частотностью употребления в любых языках мира, что подчёркивает значимость данного лексического пласта в описании картины мира, сформированной в сознании индивида. «Восприятие мира, находящее отражение в языке и задающееся языком, антропоцентрично. В центре Вселенной находится Человек. Именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и, соответственно, времени и базовые архетипические оппозиции "далеко — близко", "свой — чужой" и др. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (вспомним такие меры длины, как пядь, локоть, foot и др.), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (нос корабля, атаковать в лоб, ушко замка и др.)» [5, С. 72].

В рамках когнитивной направленности изучение соматической лексики даёт ключ к пониманию механизмов когниции. Существовая как уже готовые блоки, за которыми закреплены устойчивые воспроизводимые образы, СФЕ позволяют судить о способах осмысления мира человеком через соматический код и вместе с тем содержат культурно значимую информацию, в которой заключена коллективная культурная память. Человек использует соматические номинации для моделирования знаний об окружающем его мире. Антропоцентрическая составляющая фразеологических рядов широко представлена единицами, характеризующими человека, его физиологическую, ментальную и эмоционально-чувственную сферу.

Концептуальное основание СФЕ раскрывается в дискурсивном контексте. Смысловые основания соматической фразеологии в сознании человека складываются в референтные зоны или сферы, которые интерпретируются языковой личностью в соотносительности с человеческим телом. Так рождается образное представление о ситуации, которое формирует образность идиомы: «Основой формирования фразеологизма является словосочетание, которое продуцирует образ, на базе которого образуется сначала гештальт (схематизированное образное представление), а затем структурированный гештальт – концептуальное основание идиоматической семантики, определяющее предметно-логическое значение и ее коннотацию» [2, С. 23].

В нашем исследовании мы обратились к фразеологическому словарю *Cambridge International Dictionary of Idioms (2002)*, а также для анализа использовались словари *Macmillan English Dictionary (2002)*, *Marriam Webster Dictionary Online*. В процессе отбора СФЕ был использован так называемый приём «сплошной выборки». Словарь *Cambridge International Dictionary of Idioms (2002)* содержит около 7.000 фразеологических единиц, из которых для анализа нами было выбрано около 900 СФЕ английского языка. При отборе мы остановились на лексических единицах, номинирующих внешние части тела человека (*hand, finger(s), palm, thumb, wrist, elbow, shoulder, neck, face, head, ear(s), eye(s), toe(s), throat, waist, cheek, breast/chest, navel, etc.*), внутренние органы (*heart, brain, gut(s), spleen, etc.*), субстанции биологического характера (*blood, sweat, skin, bone(s), etc.*).

В рамках нашего исследования обратимся к «телесной» интерпретации аспектов, характеризующих концептосферу **личностные характеристики человека**. В данной сферы выделим две общих категории, которые можно разбить на более частные субкатегории. К примеру:

- 1) Личностные характеристики человека: характеристики по физическому параметру и внешние характеристики.
- 2) Сфера, обозначающая различного рода поведенческие акции, действия и поступки, включая речевые, волевые, интеллектуальные действия и др.

Остановимся на каждой категории в отдельности.

Личностные характеристики, дающие представление о здоровье человека, его физическом состоянии, бодрости и энергичности находим в семантике СФЕ: *to be hale and hearty* (especially of old people) healthy and strong [12]: *Her grandfather was hale and hearty, walking five miles each day before breakfast*. Рассмотрим компоненты данной СФЕ: 1) *hale* – partly from Middle English (northern) hale, from Old English hāl; partly from Middle English hail, from Old Norse heill — whole; free from defect, disease, or infirmity; retaining exceptional health and vigor. 2) *hearty* – exhibiting vigorous good health [18].

Среди СФЕ, характеризующих внешние данные человека можно выделить субкатегории:

- а) СФЕ, описывающие телосложение (фигуру); б) СФЕ, дающие представление о внешних данных человека, в частности его привлекательности и красоте.

Интересно, что СФЕ, характеризующие телосложение человека, зачастую содержат соматические компоненты 'bone' и 'skin'. Кости формируют скелет человеческого тела, подобие «каркаса», обтянутого наружным покровом кожи, защищающим наше тело от внешнего

воздействия. Но без мышечной массы человек выглядит пугающе болезненно и некрасиво. Именно такой образ заложен в семантике СФЕ **to be skin and bone/bones** – *to be extremely thin*; **a bag of bones** – *a person or animal that is extremely thin* [12].

Внешний вид обманчив, «beauty is only **skin deep**», т.е. *as deep as the skin, shallow, superficial*. При этом красота — субъективное понятие: каждый видит красоту по-своему: «Beauty is in the **eye** of the beholder», *different people see beauty in different way, what one person finds beautiful may not appeal to another person*. Именно через глаза человек получает более 80% информации об окружающем мире. Через глаз мозг распознает знакомые предметы и исследует новые. Поэтому неслучайно СФЕ с этим компонентом занимают значительное место среди других СФЕ. Глаза – важнейший орган человеческого тела. Они выполняют функцию зрения как такого, при этом в составе СФЕ могут символизировать внимание, направленное на объект, вызванное привлекательным внешним видом: **can't take/keep your eyes off sb/smith; to catch sb's eye; to be easy on the eye**.

СФЕ *to be all **brawn** and no **brains*** 'to be physically strong but not very intelligent' [12] (*большой и глупый*) объединяет сразу несколько категорий номинации: описывается **физическая сила и интеллектуальная способность** человека, вернее ее отсутствие: *I agree he's got a good body, but he's **all brawn and no brains***. Соматизм *brawn* означает 'physical strength, especially when compared with mental skill and intelligence' [17]: Middle English, from Anglo-French *braon* flesh, muscle, of Germanic origin; akin to Old English *bræd* flesh [18]; *brains* [often plural] 'mental ability and intelligence' [17]. Так, семантика данных соматизмов апеллирует к созданию образа мужчины красивого, атлетического телосложения, но обделенного интеллектом (ср. *Голова у ног ума не просит (об уме, остроумии, глупости и недалекости)*). Данный пример еще раз подтверждает тот факт, что ФЭ заключают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином эталоне, стереотипе, концепте национальной культуры. В нашем случае, стереотип «сила есть – ума не надо». Любопытно посмотреть на актуализацию данной идиомы в тексте:

Why every girl who just talks to him is automatically assumed to put out, and if she doesn't she is marked for life either way it goes! I beg you Siph, don't go out with that **beefcake!** He's **all brawn and no brain** anyway! [19, p. 125].

Donalson was **all brawn and no brain**. He was a *footballer* at the Academy, and a good one we'd heard, and that, no doubt, was what got him through, because, *for intelligence and common sense, he was null* [16, p.161].

Any study of the Olympics forces one to discard one of the world's most *cherished stereotypes, that of the dumb athlete— **all brawn and no brain*** [21, p. 3].

Анализ примеров актуализации данной СФЕ в разных контекстах показывает, что она как – будто «запрограммирована» самим текстом, взаимодействуя с самим концептуальным основанием семантики текста.

В качестве примера СФЕ, входящего в концептосферу действия, **поведенческие акции** рассмотрим идиому *to be limp-wristed* (*inf.*) 'a man who is limp-wristed seems weak and lacks the qualities that people usually admire in a man' [12] (*женоподобный*). В данной СФЕ наибольший интерес для анализа представляет компонент *limp* 'not firm, stiff or strong' [17] (*мягкий; нежесткий; безвольный; слабый*). Ярко выраженный образ мужчины, которого отличает специфическое, женоподобное, жеманное поведение сконцентрирован в семантики имени прилагательного. Надо сказать, что и соматизм *wrist* 'the part of your body between your hand and your arm' [17] чаще проецирует соотносительность с образом женщины, нежели мужчины. Так СФЕ несет отрицательную оценку образа мужчины, в поведении которого превалирует женское начало. Наблюдения показывают, что эстетическая оценка женской руки, в частности запястья, традиционно наиболее типична (ср. *тонкое запястье; нежная кожа запястья*). Анализ примеров реализации данной СФЕ в тексте показывает, что она весьма частотна при описании мужчин нетрадиционной ориентации: «the common heterosexual stereotype of gays as all **limp-wristed queens**» [20, p. 157].

Так, 1 января 1991 года в журнале Weekly World News была опубликована статья "How to tell if your dentist is a **limp-wristed tooth fairy**", открывавшаяся подзаголовком "I'm madder than a beaver with braces at all this panic over gay dentists putting their fingers in patients' mouths and giving them AIDS." А в пособии для социальных работников мы находим следующий пример: «Answer the following questionnaire in terms of your current views. 1. Gay men are effeminate; they have a “swishy” walk, talk with a lisp, and are **limp-wristed**” [13, p.229].

СФЕ, описывающие действия и поступки людей, отличаются высокой сферой употребления. Чаще других в этой категории встречаются СФЕ с компонентом-соматизмом *hand*.

Ни одна часть организма, за исключением глаз, не оказывает человеку такой помощи в восприятии пространства и ориентации в нем, без чего, в свою очередь, невозможна организация любого действия. Рука непосредственно вовлечена не только во внешнюю, но и в собственную (интроспективную) активность человека. Рука помогает человеку в выполнении множества функций. Рука осуществляет постоянный контакт с внешней средой. Рука является основным инструментом, обеспечивающим кинестетическую и тактильную обратную связь, огромную роль играет в формировании чувственного образа внешнего мира и, следовательно, дает человеку большую часть информации. Словарные дефиниции подтверждают тот факт, что соматизм “hand” будет формировать процессуальные СФЕ, номинирующие различного рода действия, например, *take matters into your own hands* 'to deal with a problem yourself because the people who should have dealt with it have failed to do so'; *with your own fair hands* (*humorous*) - «if you do something with your own fair hands, you do it yourself without any help»; *wash your hands of* - 'to end one's association with someone or something'; *give someone the glad hand* - 'оказать теплый прием, радушно поприветствовать'; *give somebody a hand* - to help someone do something, especially something that involves physical effort (often + with); *lift a hand (against someone or something)* and *raise a hand (against someone or something)* – to threaten (to strike) someone or something; *sit on one's hands* - to do nothing; to fail to help [18]. Однако в описании действий участвует не только соматизм *hand*, а также широко употребляемые соматизмы, являющие собой ее части: **to have sticky fingers** 'someone who has sticky fingers often steals things' [12]; **to be all fingers and thumbs** 'to be awkward with your hands and keep making mistakes' [12].

Анализ примеров актуализации в текст СФЕ «**sticky fingers**» показывает что данная идиома, в основе которой лежит образ «пальцев, к которым все липнет», наиболее часто реализуется в контекстах, где речь идет о мелких кражах, как правило в магазинах:

"**Sticky fingers are rifling through retail**" [11, p. 36].

This impulsivity often leads to **picking up small items in stores** and may move into full-fledged **shoplifting**. Be vigilant. If your child **has sticky fingers**, make sure that you are on top of the situation. [15, p.378].

“Some traffic. Speeding tickets galore. Likes the fast lane. Hmmm. Busted. Twice. Both **retail theft, shoplifting**. Saks and Neiman Marcus. The little lady's **got sticky fingers**” [14, p. 43].

Как замечает Н.Д. Арутюнова, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект» [1, С. 3] Рассмотрим несколько СФЕ, характеризующих интеллект человека. Интеллект – это ценность, наличие интеллекта оценивается позитивно, отсутствие - негативно. Данные СФЕ можно подразделить на две подгруппы: СФЕ с отрицательной коннотацией, т.е. отсутствие интеллекта, и СФЕ с положительной коннотацией. В качестве примеров с отрицательной СФЕ, характеризующих образ 'глупого человека, тупицы' можно привести: **to be dead from the neck up** (*humorous*) 'if a person is dead from the neck up, they are very stupid'; **to have nothing between the/your ears** (*inf.*) 'to be stupid'; **soft in the head** (*inf.*) 'stupid and crazy'. Интересно отметить, что число СФЕ с отрицательной оценкой умственных способностей человека превышает количество СФЕ с положительной оценкой когнитивных способностей человека: **a brain box** 'a very intelligent person'; **to have a good head on your shoulders** 'to be clever'; **to get your head on your shoulders** 'to be clever'; **to get your head around smth** (*inf.*) 'to be able to understand smth' [12].

Подводя итог, отметим, что семантика соматических фразеологических единиц напрямую связана с человеком, его восприятием мира и отношением к действительности. Используя «телесный» язык, человек реконструирует картину мира, сформированную в его сознании. Это объясняет высокую частотность употребления СФЕ в речи языковой личности. В ходе исследования семантической

состоявшейся СФЕ, можно смоделировать концептосферу ее употребления, раскрыть образные основы идиомы. Анализ соматичности, выраженной в языковой форме, дает ключ к пониманию того, как человек осмысляет свое тело и его функции, что ведет к самопознанию индивида: «Тело человека – задает самопознанию ряд содержательных характеристик, то есть тело человека отождествляет свои деятельностные функции, поведенческие акты, рациональную и эмоциональную сферы, одним словом, сове внутреннее «Я» – с внешним «Я», с телом и частями тела» [3, С. 15].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. «Язык и мир человека». М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
2. Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) – М., 2005. – Вестник МГЛУ; вып. 500. Сер. Лингвистика – С. 23.
3. Берестнев Г. И. Самопознание личности в зеркале языка: Автореф. дис.д-ра филол. наук. М., 2000 – С. 15.
4. Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 1967, 274 с.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна, «Феникс+», 2005 – С. 7
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ - 1993, №1. -С. 3 – 5.
9. Постовалова В. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8
10. Тарасов Е. Ф. Сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2003. – С. 3 – 10.
11. *Business Week*, March 28, 1994, p. 36.
12. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. – United Kingdom at the University Press, Cambridge. 2002 – 608 p.
13. Charles H. Zastrow. *Social Work with Groups*. Cengage Learning, 2012 – 560 p.
14. Edna Buchanan. *Cold Case Squad*. Simon and Schuster, 2004. 275. p.
15. Joan Andrews, Denise E. Davis. *Check Up from the Neck Up: Ensuring Your Mental Health in the New Millennium*. Hope Press, 2000. 548 p.
16. John Long. *Johnny Barleycorn*. Virtualbookworm Publishing, 2012 – 248 p.
17. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* – Bloomsbury Publishing Plc, 2002 – 1692 p.
18. *Merriam Webster Dictionary Online* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/>
19. Ola Vay. *Georgia Peaches: A Novel Extraordinaire*. iUniverse. 2001 – 348 p.
20. R. W. Connell, *Masculinities*, University of California Press, 2005, 349 p.
21. *The Rotarian* an international magazine. – Jun 1976. Vol. 128, No. 6

Ильина О.А.

Аспирантка 3 года обучения заочной аспирантуры по специальности 10.01.03, ГБОУ ВПО МГПУ ИИЯ,
ассистент кафедры английской филологии ГБОУ ВПО МГПУ ИИЯ

ПОНЯТИЕ ГРЕХА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА «ПОВОРОТ ВИНТА»

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотреть понятия греха и зла, так как их понимал Генри Джеймс. Данная статья может использоваться студентами по курсу зарубежной литературы.

Ключевые слова: грех, зло, невинный (sin, evil, innocent)

Повесть «Поворот Винта» (*The Turn of the Screw*) построена по образцу готического романа конца XVIII в. и является непревзойденным образцом литературы ужаса. Роман ужасов является поджанром готической фантастики, для него характерны ужасающие эффекты, сверхъестественные события, чудовищные существа, и самоанализ: “*The horror novel is a subgenre of Gothic fiction characterized by gruesome effects, uncanny events, monstrous beings, and obsessive introspection*” [11]. В таких произведениях ужас атакует тело и, как следствие, стабильность ума, угрожая физическим и психологическим распадом личности. В «Повороте Винта» основная проблема, затрагиваемая Г. Джеймсом – замена определений добра и зла. В таких романах, как Поворот винта (1898) Генри Джеймс расширил психологическое измерение ужаса, для него форма имела огромную заслугу, позволяющую воображению полную свободу действия. Он использовал домашнюю обстановку для описания сверхъестественных событий, вместо обычных руин. Так, гувернантка видит призраков, служащих злу на улице при дневном свете. Г. Джеймс использует то, что он определяет характеристикой современного ужаса: безумие, ненадежное восприятие, и вообще скользкое понимание реальности.

В центре повести гувернантка, которую наняли воспитывать двоих сирот, и при этом ей поставили условие – она ни в коем случае не должна беспокоить их дядю и опекуна и должна все решать самостоятельно или вместе с домоправительницей миссис Гроуз. В центре событий оказывается личность гувернантки и ее надежность в качестве первого лица рассказчика. Вопрос заключается в том, следует ли считать гувернантку нормальный, или безумной, или безумной, ясновидящей или невоспитанной, подавленной или просто неопытной и наивной? Является ли она мужественной и решительной или она все же молодая женщина с замашками авторитарной старой девы? И являются ли призраки подлинными видениями или простой проекцией ума гувернантки. Связаны ли призраки с первородным грехом. Ангелы ли дети или демоны, или это просто дети с зачатками потаенного зла в них. Найти ответы на все эти вопросы Г. Джеймс предлагает самому читателю. И в подтверждение двойственности и колебаний со стороны гувернантки следует привести начало истории, “*I remember the whole beginning as a succession of flights and drops, a little see-saw of the right throbs and the wrong. Found myself doubtful again*” [4: 166], из которого видны переживания одной из главных героинь, гувернантки.

Данной повести посвящено множество исследований, например Риктора Нортона и Сами Людвига. Повесть выстроена так, что до сих пор многие читатели и критики ломают головы, что же на самом деле произошло – то ли гувернантка действительно видела призраков, то ли она просто сошла сума от неразделенной любви к владельцу поместья. Некоторые критики считают, что оригинальная трактовка мотива встречи с призраками приблизила повесть к популярной в эпоху Джеймса парапсихологической проблематике. Повесть стала своего рода философским этюдом о сложности мироустройства и парадоксах человеческого восприятия. Тайнственная история Г. Джеймса столь двусмысленна, как «Пиковая дама» Пушкина или «Падение дома Ашероув» Эдгара По. Читатель, сам того не замечая становится участником охоты на ведьм. Г. Джеймс перенял традиции Готорновских новелл, полных психологических нюансов и двойственности. По словам самого автора, «Поворот Винта» является своего рода путешествием в хаос: “*an excursion into chaos*” [6: 10]. Интерес к нравственной проблематике, порой облекавшийся у реалиста-Джеймса в формы, с фантастической окраской, которая с очевидностью подтверждала наличие связи с романтическими традициями, объединял Г. Джеймса и Н. Готорном.

В середине двадцатого века Роберт Хейлмен предложил свою трактовку повести. Он интерпретировал «Поворот Винта» как конфликт между добром и злом. Хейлмен интерпретирует Питера Квинта и мисс Джессел как злую силу, он объясняет, что призраки являются только гувернантке в силу того, что зло затаивается, перед тем как нанести удар. Она должна защищать детей от ужасных привидений. Гувернантка описывает Майлса и Флору как красивых херувимов: “*They were of a gentleness so extraordinary*” [4: 178], единственной виной которых является их мягкость. В красоте детей можно узреть символическое духовное совершенство, на которое только способен человек: “*symbol of the spiritual perfection of which man is capable*” [12]. Попытки призраков достигнуть детей можно

объяснить тем, что силы зла всегда будут пытаться овладеть человеческими душами. В подтверждение этого выступают описания Майлса и Флоры, оба ребенка просто ангельской красоты (*angelic beauty*) и от них веет ароматом чистоты (*positive fragrance of purity*). Сама гувернантка говорит о том, что дети прекрасны и идеальны во всем. Так, например, о Флоре в самом начале истории она говорит как об очаровательном существе: *"The vision of whose angelic beauty had probably more than anything else to do with the restlessness"* [4: 167], с которым иметь дело было просто счастьем. А увидев Майлса в первый раз гувернантка описывала его как ребенка полного блеска и свежести, благоухания и чистоты, в какой она впервые увидела его сестру: *"I had seen him, on the instant, without and within, in the great glow of freshness, the same positive fragrance of purity"* [4:176]. Он был невероятно хорош собой, и гувернантке очень хотелось поладить с мальчиком также хорошо, как ей удалось сделать это с Флорой: *"I found it simple, in my ignorance, my confusion"* [4:177].

Вообще в представлении гувернантки дети выступают в виде обитателей волшебного замка, в котором сами дети – это светлые эльфы: *"I had the view of a castle of romance inhabited by rosy sprite, such a place as would somehow"* [4: 170]. Все эти повторяющиеся видения красоты, сияния и невинности параллельны образу Эдема. Сама усадьба Блай напоминает образ Эдема своими газонами и яркими цветами: *"I remember the lawn and the bright flowers..."* [12]. Со слов гувернантки мы узнаем о золотом небе (*golden sky*) и золотых волосах Флоры (*hair of gold*), которые объединяют Блай и Флору оттенками золотого.

Многие критики, занимавшиеся проблематикой «Поворота Винта» не обращали внимание на очень важный фактор, затрагиваемый в рассказе, религии. Сам Г. Джеймс не был ни сильно верующим, но и антирелигиозным человеком он тоже не был, он был всего лишь безмолвным наблюдателем. Герои его рассказов и романов обеспокоены теми или иными проблемами и душевными переживаниями, но, тем не менее, они все ищут свою дорогу в церковь, и там, в освещаемом свечами храме, во время молебна они исповедуются, тем самым возвращая себе свое самообладание и спокойствие. Так, например, по дороге в церковь гувернантка ведет беседу с Майлсом, но так и не дойдя до церкви она возвращается в Блай в полной готовности покинуть это место и своих подопечных, вместе с миссис Гроуз

По словам Чарльза Г. Хоффмана, призраки реальны и дети подвержены злу: *"ghosts are real, and the children are corrupt and evil"* [5: 4]. Можно предположить, что призраки мисс Джессел и Питера Квинта злые, так как принадлежат плохим людям. Питер Квинт является прямым представителем змеи, которая отравляет Эдемский сад. В подтверждение вышеуказанного можно привести описание Квинта с его открытыми глазами, широким ртом и тонкими губами: *"His eyes are sharp, strange- awfully; ... rather small and very fixed. His mouth's wide, and his lips are thin"* [12]. Данное описание очень характерно для змеи. Присутствие Квинта отравляет Блай подобно змие в Эдемском Саду.

Не дети, а молодая гувернантка подверглась преследованиям призраков. Вообще о гувернантке известно мало, чтобы составить полное её описание, как внешнее, так и психологическое. Единственное что мы знаем точно о ней, так это её обеспокоенность детьми и призраками. Так, например, ощущая перемены в своей беззаботной жизни в поместье Блай гувернантка видит сон: *"As a handful of passengers in a great drifting ship. Well, I was, strangely, at the helm"* [4:170], из которого видно что она является главной героиней всего происходящего, она находится в гуще событий и пытается спасти тонущих пассажиров. Из вышеуказанного отрывка видно, что это метафорическое сравнение, пассажиры сравниваются с детьми, которых необходимо спасти.

В «Повороте винта» Г. Джеймс выступает экспертом в запретной теме. В данной повести он использует все свое искусство косвенности. История рассказывается от первого лица гувернантки не только для того, чтобы передать двусмысленность, но и для того, чтобы увидеть невротическое расстройство гувернантки.

Майлс и Флора представляются нам исключительно через слова гувернантки. У гувернантки нет никаких фактов против Флоры и Майлса, чтобы подозревать их в чем-либо. Единственное, на чем построены ее обвинения, так это на догадках, которые и доказательствами едва ли можно назвать. Так, например, в своих рассуждениях она называет детей Демонами: *"You little wretches"* [4: 230], сомневаясь в их невинности. Но, тем не мене гувернантка считает своим долгом спасти своих подопечных: *"I so often did, any clouding of their innocence could only be – blameless and foredoomed as they were – a reason the more for taking risks"* [4:210]. На самом же деле одержима сама гувернантка. В первую очередь она одержима своими предчувствиями, которые она сравнивает с прыжком зверя: *"The change was actually like the spring of the beast"* [4:178]. Также гувернантка считает себя исключительной женщиной, способной оказать сопротивление тому, что как ей казалось должно было произойти: *"A remarkable young woman"* [4:179].

Потеря невинности в поместье Блай происходит как смена сезонов. В один вечер гувернантка замечает резкий ветер и сильный дождь: *"...listened to lash of the rain and the batter of the gusts"* [12]. Погода становится серой и сырой: *"damp and grey"* [12]. После этих погодных перемен начинают происходить разные случаи столкновения гувернантки с нечистыми силами в виде призраков мисс Джессел и Питера Квинта. Первая встреча гувернантки и Питера Квинта происходит на улице, она видит таинственного незнакомца в башне. Вторая встреча безмолвного призрака и гувернантки происходит в столовой. После второй встречи гувернантка описывала террасу и все, что ее окружало великой пустынною: *"Were empty with a great emptiness"* [4:186]. Когда появляется Питер Квинт гувернантка сравнивает его с дозорным перед тюрьмой (*a sentinel before a prison*), она же выступает в роли охранника внутри дома и называет себя тюремщиком с открытым взором на всевозможные сюрпризы: *"gaoler with an eye to possible surprises and escapes"* [4: 266].

Гувернантка уверена, что выступает щитом *"I was a screen – I was to send before them"* [4:196], защищая детей от призраков, хотя на самом деле она больше похожа на вампира, с которым невозможно жить. Сама гувернантка уверена в том, что она героически защищает Флору и Майлса от зла, которое угрожает им, и тем самым сама того не замечая становится невольным ангелом смерти. Когда становится очевидным, что дети не хотят защиты от своей гувернантки, она решает что они завоеваны врагами. В подтверждение этого она говорит миссис Гроуз о том, что их красота и неестественная доброта ни что иное, как игра, мошенничество: *"Their more than earthly beauty, their absolutely unnatural goodness. It's a game . . . It's a policy and a fraud"* [4: 265].

После череды событий, гувернантка ретроспективно видит себя как чудовище, жаждущее контролировать детей и желающее заставить их любить её. Когда Майлс признается в том, что он хочет остаться один, гувернантка тут же бросается на колени у его кровати и пытается ухватиться за возможность возобладать его душой. Слова, которыми сама гувернантка описывает все события выбраны не случайно, так как гувернантка видит себя саму как некоего призрака, преследующего жизни детей. Она сама не осознавала того, и осведомленность приходит к ней только тогда, когда Флора просит миссис Гроуз увести её от неё: *"Take me away, take me away—oh, take me away from her!"* [4: 277]. Все эти события происходят когда миссис Гроуз и гувернантка находят Флору на озере, играющую с веткой засохшего папоротника. В тот самый момент гувернантка убеждена в победе Флоры вместе с бесчестной мисс Джессел *"Miss Jessel – was infamous"* [4: 202], развращающей её. Происходит не смена погоды, а смена невинности на порочность. Опадающая листва символизирует распад Эдема и падение Флоры и Майлса. В ретроспективе гувернантка сама обращает внимание на тот факт, что она сама занимает место одного из призраков. Так, например, после встречи с Питером Квинтом в столовой гувернантка становится на его место и тем самым пугает миссис Гроуз, В другом случае она садится на ступеньку, на которой в свое время она видела призрак мисс Джессел.

К концу повести можно прийти к выводу, что гувернантка подчеркивает свободу Майлса и с горечью отказывается от мечты научить его чему-то большему, а все это только потому, что он познал плод древа знаний. Вместе с невинностью дети теряют и свое здоровье. В самом конце гувернантка все еще надеется на то, что сумеет спасти мальчика, но вместо этого она теряет его навсегда, так и не дав ему возможности исповедаться в своих грехах.

В конце своего рассказа гувернантка пишет о своих чувствах вполне откровенно, говоря о том, что описываемые ею события переживаются снова: *"I not only challenge the most liberal faith"* [4:212]. Она говорит о том, что она и Квинт были противниками, сражающимися за душу мальчика. Имя *Miles* происходит от латинского *miles*, что означает солдат. Часть ужаса истории заключается в том, что десятилетний мальчик вынужден бороться за свою жизнь.

Последние слова Майлса – «ты дьявол» адресованы не Квинту, а гувернантке. В эти слова он вкладывает свой протест против её опекуна и обвиняет её перед своей смертью. Гувернантка пыталась овладеть мальчиком, и в момент, когда она была близка к этому он сопротивлялся ей и его душа покинула тело: *"We were alone with the quiet day, and his little heart, dispossessed, had stopped"* [4: 280]. Гувернантка не овладеваема дьяволом, она подобна дьяволу в своих попытках овладеть детьми, но при этом сваливает это на призраков. Но даже если гувернантка не несет ответственности за несчастье, и ответственность лежит на призраке Питера Квинта, то причина гибели Майлса заключается в извращенной любви, от разочарованной жизни, как призрака, так и гувернантки к незащищенному ребенку.

С одной стороны «Поворот Винта» можно считать готическим романом, в котором призраки запросто бродят среди живых и отравляют детские души развратом. Гувернантка же предстает спасительницей, старающейся сделать все возможное, чтобы вырвать детей из этого кошмара. С другой точки зрения у гувернантки не все в порядке с головой и она под влиянием разгоряченного воображения пытается защитить детей от зла, но доводит их до иступления.

В основу повести легла «история о привидениях» услышанная Г. Джеймсом от архиепископа Кентерберийского. Написав данную повесть сам автор так и не определил ее жанр. «Поворот Винта» по словам автора то «амузетте» (забавная побасенка), то трагическая и в то же время тончайшая мистификация. Питер Квинт и Мисс Джессел являются не приведениями, а своего рода домовыми, эльфами, дьяволятам, представителями зла.

В образах Майлса и Флоры раскрываются особенности психологизма Г. Джеймса, они не бесплотные ангелочки. Они могут и лукавить, и лгать, и ненавидеть. Писатель не исключает того, что эти очаровательные, грациозные, трогательные существа, может быть, уже осквернены грязью "взрослого" мира [*Этой теме посвящен написанный незадолго до "Поворота винта" роман Г. Джеймса "Что знала Мейзи" (1897), где показано, как отражаются в сознании девочки-подростка пошлые любовные интриги ее разведенных родителей]. Но деспотизм «добродетельной» рассказчицы-гувернантки, убежденной в своем праве грубо вмешиваться в их душевную жизнь, выглядит в его ироническом изображении, пожалуй, не менее отталкивающим, чем темное влияние «призраков» [9]. Г. Джеймс написал повесть в то время, когда вера в призраков и духовность были широко распространены в Англии и Америке. Увлечение духовностью началось в 1848 г., когда две сестры Фокс услышали необъяснимые стуки в своей спальне. Они смогли задать и получить ответы на вопросы, которые впоследствии обсуждались по всей Англии, к мертвому человеку: *"James wrote The Turn of the Screw at a time during which belief in ghosts and spirituality was very prevalent in England and America. The spirituality craze had begun in 1848 when the two young Fox sisters in New York heard unexplained rappings in their bedroom. They were able to ask questions and receive answers in raps from what they - and the many people who became aware of their case - believed was a dead person"* [10].

Повесть «Поворот Винта» является одним из немногих загадочных произведений на равне с «Грозным Перевалом». Сам Генри Джеймс в предисловии к повести подчеркивает, что Питер Квинт и мисс Джессел не призраки.

В самом начале истории рассказчик передающий историю, случившуюся с гувернанткой говорит о том, что она влюбилась, но при этом он не говорит в кого именно, а лишь ссылается на рассказ, из которого будет очевидно в кого она была влюблена. Впоследствии для читателя влюбленность гувернантки остается тайной.

В романе Г. Джеймса гувернантка вначале идеализирует детей, но вскоре у нее возникают сомнения и различного рода подозрения по отношению к детям и их невинности, и, она колеблется между восприятием детей как невинных ангелочков или же дьявольских извергов. В итоге она приходит к мнению, которое рисует ее сознание, что Флора не ребенок, а пожилая женщина: *"She's not alone, and at such times she's not a child: she's an old, old woman"* [4:253], и вся её детская красота как будто исчезла: *"Tight to our friend's dress, her incomparable childish beauty had suddenly failed"* [4:258] после событий на озере. О Майлсе она отзывалась как о ребенке, стремящемся к независимости и свободе, необходимой для ощущения себя взрослым мужчиной: *"Miles's whole title to independence... He had his freedom now"* [4:233, 260].

История Г. Джеймса выстроена так, что она действительно, до определенной точки, допускает двойные толкования, и замысел Джеймса в этом отношении мог быть двояким. Если перед нами история сумасшествия гувернантки – хотя интересно то, что история изложена по ее запискам, а она сама вовсе не оказалась в сумасшедшем доме, но продолжала работать гувернанткой в аристократических семьях – то Джеймс исследует влияние субъективного восприятия мира на реальность за пределами этого восприятия. Гувернантка свихнулась не то от несчастной любви, не то от подавления своих импульсов, но, тем не менее, ее субъективное восприятие мира оказывается объективной силой, воздействующей на этот мир – мальчик погибает, и если гувернантка сошла с ума, то в гибели мальчика повинна только она. Сама гувернантка воспринимает свою субъективность как объективное отражение мира, по каким-то причинам данное ей одной.

Если же, с другой стороны, гувернантка не сошла с ума, и действительно видит призраков, то, с одной стороны, перед нами – обычная история про призраков, а с другой – ключевой вопрос о наших представлениях о мире. В отличие от позитивистского рационального познания мира, человек у Г. Джеймса может полагаться только на самого себя, на свое субъективное, подчас неверифицируемое восприятие мира. И здесь происходит сдвиг восприятия – субъективное и объективное смыкаются. Между ними зачастую нельзя провести уверенного различия. Человек вынужден полагаться только на свое собственное субъективное восприятие мира, но, тем не менее, оно рано или поздно объективируется. Г. Джеймс, в рамках модернистской мысли, подчеркивает важность и сущность субъективного восприятия мира. Но, в рамках предшествующей гуманистической традиции, он не просто уравнивает частное, личное, в правах с общим, говоря, что внутренний субъективный мир человека так же важен, как и внешний объективно данный нам мир. Г. Джеймс, уже в рамках более романтического взгляда на мира и человека делает внутренний мир человека творческой силой, заставляя, так или иначе, субъективный взгляд превращаться в объективный поступок. Человек по-прежнему, оказывается, должен жить с оглядкой на последствия не только своих поступков, но и своих мыслей, потому что даже его мысли превращаются в реальные действия.

Литература

1. История литературы США в 9 т. Т.3 / Ред. кол.: М. М.Коренева, А. Ф.Кофман, Н. С.Павлова. – М.: Наследие, 1997. – 614 с.
2. Литературная история Соединенных Штатов Америки в 3 томах под редакцией Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Н.Джонсона, Г. С. Кэнби. Т.3. – М.: Прогресс, 1977. – 645 с.
3. Генри Джеймс. Повести и рассказы. Пер. с англ. Сост. и предисл. А. Елистратовой. – М.: «Художественная литература», 1974. – 432 с.
4. Henry James. Daisy Miller, The Aspern Papers, The Turn of the Screw, The Beast in the Jungle. – New York.: Book-of-the-Month Club, 1996. – 331 p.
5. An Anatomy of the Turn of the Screw by Thomas Mabry Cranfill and Robert Lanier Clark Jr. – Austin.: University of Texas Press, Austin, 1965. – 195 p.
6. Henry James and The Turn of the Screw. E. A. Sheppard. – London, 1974. – 292 p.
7. Twentieth Century Interpretations of the Turn of the Screw and Other Tales ed. by Jane P. Tompkins. – Englewood Cliffs H. J., 1970. – 115 p.
8. The Turn of the Screw. The Lesson of the Master. By Henry James. – New York, 1930. – 211 p.
9. А.Елистратова. Предисловие к книге Генри Джеймса "Повести и рассказы" <http://nachali.narod.ru/james.html>
10. <http://www.gradesaver.com/turn-of-the-screw/study-guide/about/>

Калинина В.В., Фетисова С.А.

Доцент, кафедра иностранных языков для специальных целей, Иркутский государственный лингвистический университет

Доцент, кафедра иностранных языков для специальных целей, Иркутский государственный лингвистический университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КОНЦЕПТА SHAME

Аннотация

Статья посвящена смежности концепта SHAME с другими концептами. Поскольку данный концепт состоит из двух субконцептов «эмоциональное состояние» и «оценка», он коррелирует с разными родственными концептами, соответствующими тому или иному субконцепту.

Ключевые слова: концепт, субконцепт, сценарий, прототипическая ситуация, концептуальные связи

Key words: concept, subconcept, scenario, prototypical situation, conceptual links

Современные исследования по концептологии сосредоточены не только на структуре концепта, его признаках, дискурсивном потенциале, но и на смежных концептах, образующих фреймы и другие структуры высшей формы абстракции. Концепты в своей совокупности отражают мир в целом, язык исключает возможность изолированного рассмотрения тех или иных концептов. Находясь во взаимодействии друг с другом, концепты способны образовывать группы родственных, или смежных, концептов. Концепт SHAME представляет особый интерес для поиска смежных с ним концептов, поскольку он состоит из двух субконцептов: «эмоциональное состояние» и «оценка» [1].

Исследования А. Вежбицкой в области эмоций на материале английского языка показывают, что концепт SHAME относится к эмоциональным концептам, предполагающим размышление о самом себе, оценку совершенного или несовершенного и того, что другие люди могут подумать [2]. А. Вежбицкой выделяются еще три концепта данной группы со знаком «минус»: EMBARRASSMENT, GUILT и REMORSE. Смежность данных концептов подтверждается дефинициями лексем, вербализующих эти концепты. Словари выделяют одни и те же семы в искомым лексемах: **shame** – an uncomfortable feeling of guilt; **embarrass** – to cause (someone) to feel anxious or uncomfortable; **guilt** – feeling of anxiety or unhappiness that you have because you have done something wrong, such as causing harm to another person; **remorse** – a strong feeling of guilt or regret about something you have done [3].

Толкования данных четырех концептов, описанные с помощью прототипических сценариев, содержат общий семантический компонент: «со мной произошло что-то плохое». В каждом из концептов имеются и дифференциальные компоненты. Концепт REMORSE подразумевает, что чувствующий субъект совершил негативный поступок и жалеет о его совершении. Концепт GUILT относит к ситуации, в которой субъект признает, что совершил плохой поступок и думает о себе отрицательно. В ситуации, к которой отсылает концепт SHAME, субъект боится, что все могут знать что-то плохое, и хочет скрыть этот факт. Концепт EMBARRASSMENT является ситуативным, ситуация смущения подразумевает зрителя, однако, поступок, совершенный субъектом, не является столь отрицательным, как в вышеуказанных концептах. Зачастую смущение испытывает человек, когда его публично хвалят и благодарят [2].

Поскольку концепт является ментальной единицей, элементом сознания, а процессу человеческого мышления свойственна расплывчатость, Г. Г. Слышкин предлагает рассматривать культурные концепты как ментальные образования с нечеткими границами [4: 9]. Стыд присущ человеку и является культурным концептом, поэтому объединяет в себе смущение, вину и угрызения совести. Результаты исследования эмпирического материала показывают, что вышеуказанные концепты могут дополнять друг друга: Until, that is, there is some accusation of cheating, unfairness, laughtiness or unsporting behaviour, whereupon we all seethe with righteous indignation – or cringe with shame and embarrassment, and tell each other that the country is going to the dogs [5: 244]. Стыд и смущение, состояние конфуза и обескураженности образуют пары близких концептов.

Обращаясь к прототипической ситуации эмоционального состояния стыда и ее участнику-зрителю, можно выделить еще один концепт, смежный субконцепту «эмоциональное состояние» – концепт FEAR. Стыд сопровождается чувством страха перед общественным осуждением, с чем связана попытка скрыть постыдные действия или свойства. В присутствии стороннего наблюдателя субъект не совершает подобных действий, так как боится быть захваченным врасплох, узнать и показать свою природу – вот почему «стыд» идет рука об руку со «страхом»: She would have thought a woman would have died of shame. Instead of which, the shame died. *Shame which is fear*: the deep organic shame, the old, old physical fear which crouches in the bodily roots of us, and one can only be chased away by the sensual fire, at last it was roused up and routed by the phallic hunt of the man, and she came to the very heart of the jungle of herself. She felt, now, she had come to the real bed-rock of her nature, and was essentially shameless [6: 258].

Связь стыда с другими эмоциями объясняется холистичностью психики и обусловленностью одних внутренних процессов другими. Концептуальные связи субконцепта «эмоциональное состояние» позволяют постулировать, что данный субконцепт коррелирует с концептуальной областью «переживание».

Помимо субконцепта «эмоциональное состояние», в структуре концепта SHAME присутствует субконцепт «оценка». Оценка, реализуемая концептом SHAME, в основном, выражает категорическое этическое осуждение. Проанализировав данные словарей [3, 7, 8] и др., мы выделили несколько существительных, содержащих в своих дефинициях признак «потеря уважения в глазах окружающих»: disgrace, ignominy, dishonour, humiliation. Данный признак наводит на мысль о семантическом тождестве лексем-репрезентантов соответствующих концептов. Подтвердим данный факт дефиниционным анализом: **disgrace** – (behaviour which causes) embarrassment and loss of other people's respect; **ignominious** (literally, especially of events or behaviour) – embarrassing because so completely a failure; **dishonour** – a feeling of embarrassment and loss of other people's respect, **humiliate** – to make (smb) feel ashamed or lose their respect for themselves [3].

Анализ прототипической ситуации унижения, описанный А. Вежбицкой, также доказывает смежность концептов SHAME и HUMILIATION. Унижение возникает из осознания субъекта, что с ним произошло что-то плохое, и кто-то может думать плохо о нем. Ситуация унижения основана на наличии позорящих субъекта фактов и желании субъекта избежать плохого мнения, которое могут иметь другие люди по отношению к нему [2: 367]. Прототипические сценарии, с которыми коррелируют концепты DISGRACE, IGNOMINY, DISHONOUR, ориентированы на то, что мы не хотим, чтобы другие люди подумали о нас плохо. Напротив, человек, опозоренный или униженный, хочет сделать что-нибудь, чтобы не допустить поступление информации о позорящем его факте до окружающих.

Другим способом недопущения постыдных ситуаций является наличие в сознании совести, которая останавливает субъекта от действий, которые не соответствуют нравственным или социальным нормам. Являясь этической категорией, стыд непосредственно связан с совестью [9, 10] и др. Поэтому смежным концепту SHAME можно выделить концепт CONSCIENCE. В русском языке, по наблюдениям Анны А. Зализняк, *совесть* и *стыд* образуют естественную пару близких и взаимодополняющих понятий [9: 113]. Совесть содержит в себе нравственные ценности, руководит поступками человека, подсказывая ему, что есть хорошо, удерживая его от совершения плохого. Наличие совести в сознании человека оценивается как его достоинство: What could they tell her? How could they answer her? Yes, some people have a conscience, but unfortunately there are people who don't have a conscience, that is true. You are lucky, Merry, you have a very well-developed conscience. It's admirable [11: 154 – 155]. Человек, совершающий безнравственный поступок,

расценивается как не имеющий совести, а также бессовестными называются его поступки. Совесть непременно связана с моралью, господствующей в обществе среди прочих ценностей. Культура стыда, связанная с совестью, придерживается системы ценностей, основанных на понятиях чести и славы, то есть репутации человека в обществе [10: 57].

Благодаря совести происходит расщепление личности, и человек отвергает ту свою половину, которую считает постыдной: The Jewishness that he wore so lightly as one of the tall, blond athletic winners must have spoken to us too – in our idolizing the Swede and his unconscious oneness with America, I suppose there was a tinge of shame and self-rejection [11: 20]. Само ощущение стыда, который герой испытывает в вышеприведенной ситуации, является позорным фактом для субъекта, поэтому он критически относится к своим свойствам и хочет избавиться от предосудительной черты. Совесть – сложное понятие, и вызывание к ней является непростым и подчас болезненным процессом, недаром метафорически Н. Д. Арутюнова называет ее «когтистым и острозубым существом» и «маленьким грызуном» [10]. Обращаясь к совести собеседника, говорящий стремится заставить собеседника вспомнить о ценностях и нравственных нормах. Тем самым, говорящий призывает соблюдать нормы общества, не допуская постыдных ситуаций, и воспитывает человека с нравственным чувством, который будет полноправным членом социума.

Итак, концептуальные связи субконцепта «оценка» позволяют утверждать, что данный субконцепт коррелирует с концептуальной областью этической оценки либо эмоциональной оценки положения дел. Как и другие этические концепты, SHAME связан с представлением о ценностях, норме, норме морали и общества. При реализации субконцепта «оценка» в фокусе оказывается оценочное суждение 'Р плохо', не предполагающее переживания. В то время как в суждении 'X ощущает, что Р плохо' репрезентируется эмоциональный компонент концепта SHAME, что свидетельствует о широком диапазоне данного концепта.

Литература

1. В.В. Калинина. Эмоционально-этический концепт SHAME и его когнитивно-дискурсивный потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2009. – 16 с.
2. А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 1774 p.
4. Г.Г. Слышкин. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Академия, 2000. – 128 с.
5. K. Fox. Watching the English (The Hidden Rules of English Behaviour). – London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. – 424 p.
6. D.H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover. – London: Penguin Popular Classics, 1997. – 314 p.
7. The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form / ed. by P.D. Morehead. – New York : New American Library, 1978. – 574 p.
8. Standard Handbook of Synonyms, Antonyms, and Prepositions / ed. by J.C. Fernald. – New York : Funk and Wagnalls Company, 1914. – 515 p.
9. Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. – С. 101 – 118.
10. Н.Д. Арутюнова. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. – М. : Наука, 2000. – С. 54 – 78.
11. P. Roth. American Pastoral. – New York : Vintage Books, 1997. – 423 p.

Короткова М.Д.

к.ф.н., доцент кафедры английского и испанского языков. Саратовская государственная юридическая академия

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация

Основная цель исследования заключается в установлении и обосновании теоретических истоков английской и пражской фонологии, выявление философских и лингвистических предпосылок их формирования и развития. В данной работе устанавливается соотношение между фонологическими трактовками звуковой стороны языка в рамках Английской фонетической и Пражской лингвистической школ. Материалы и выводы данной работы могут быть использованы в курсах истории языкознания, а также при составлении учебных пособий по истории лингвистических учений, общему языкознанию.

Ключевые слова: фонема, фонетика, фонология, социальная природа языка, языковая функция в лингвистическом анализе.

Key words: phoneme, phonetics, phonology, social nature of language, language function in the linguistic analysis.

Лингвистические идеи Д. Джоуна, основоположника английской фонологии и основателя Английской фонетической школы, были восприняты и развиты представителями Пражской лингвистической школы. Н.С. Трубецкой был хорошо знаком с трудами Д. Джоунза, имя которого часто упоминал в своих работах. Данная школа возникла в 1926 году в то время, когда Джоунз и другие лингвисты Английской фонетической школы уже полностью осознали всю важность концепции фонемы.

По мнению Трубецкого, язык существует в сознании всех членов данной языковой общности и лежит в основе бесконечного числа конкретных речевых актов. С другой стороны, существование языка оправдано лишь постольку, поскольку он способствует осуществлению речевых актов; он существует лишь тогда, когда с ним соотносятся конкретные речевые акты. Без речевых актов не было бы языка (Трубецкой 2000:36).

Пражские лингвисты признают социальную природу языка, подчеркивая необходимость изучения не только языковых элементов, но и многообразие связей, существующих между языком и объективной действительностью (Keating 1995:35). Взгляды Д. Джоунза и пражцев объединяются, так как они считали необходимым изучать язык как целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Общим для данных ученых является положение о том, что язык и речь тесно связаны между собой и предполагают друг друга. "Они могут рассматриваться как две взаимосвязанные стороны одного и того же явления - "речевой деятельности". Функционирование языка обнаруживается в речи" (Jones 1938: 14).

Подобно Джоунзу, представители Пражской лингвистической школы пытались дать четкое определение фонетике и фонологии. Н.С. Трубецкой указывал, что различные аспекты языкового процесса настолько разнородны, что их исследование должно быть предметом ряда частных наук. "Учение о звуках" или наука об элементах обозначающего - уже с давних пор являлось особой частью языкознания, строго ограниченной от "учения о значении". Но обозначающее в языке представляет собой нечто иное по сравнению с обозначающим в речи. Трубецкой называет учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка - фонологией. Н.С. Трубецкой считает, что для фонетики характерно полное исключение любого отношения исследуемых звуковых комплексов к языковому значению и определяет фонетику как "науку о материальной стороне (звуков) человеческой речи" (Трубецкой 2000: 46).

Давая определение фонетике и фонологии, Трубецкой ссылается на термины, описываемые Г. Суитом и его учениками, в том числе и Д. Джоунзом, который считал, что фонетика - основная часть грамматики, главные цели которой заключаются в классификации всех фактически существующих звуков в языке, то есть фонетика - наука о звуках речи, искусство произнесения звуков речи и распознавание их органами слуха. Она описывает работу органов речи, при помощи которых производятся звуки (Jones 1938:3). Науку, которая учит нас наблюдать, анализировать звуки языка, Джоунз называет фонологией, то есть наукой лингвистического наблюдения (Трубецкой 2000, Jones 1938).

Взгляды Н.С. Трубецкого на теорию фонемы сближаются также с положениями фонологической теории Д. Джоунза. Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, Трубецкой называл фонемами. Он рассматривал фонему как кратчайшую фонологическую единицу языка. Каждое слово языка в плане обозначающего можно разложить, по мнению Трубецкого на фонемы или представить как определенный

ряд фонем. Он утверждал, что "фонемы являются различительными признаками словесных структур. Каждое слово должно содержать столько фонем и в такой последовательности, чтобы можно было отличить его от других слов" (Трубецкой 2000: 40).

В своей работе "Основы фонологии" Трубецкой приходит к выводу о том, что "фонема - это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию" (Трубецкой 2000:40). Трубецкой объясняет, что любой произносимый и воспринимаемый звук в акте речи содержит фонологически существенные и несущественные признаки. Следовательно, ни один звук не может рассматриваться просто как фонема. Поскольку каждый такой звук содержит, кроме прочих признаков, также и фонологически существенные признаки определенной фонемы (Трубецкой 2000, Dinneen 1967).

Как и Джоунз, Трубецкой считает, что фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически не существенной черты, что для звука речи неизбежно. Конкретные звуки, по мнению Джоунза и Трубецкого, являются материальными символами фонем.

В работе "Основы фонологии" Трубецкой рассматривает удачные, с его точки зрения, и неудачные моменты фонологической теории Джоунза. Как известно, Джоунз определяет фонему как семью акустически или артикулярно родственных звуков, которые никогда не встречаются в одинаковом звуковом окружении. По мнению Трубецкого, данное определение Джоунза предполагает, что человеческая речь состоит из фонем и звуков, причем фонемы и звуки лежат не в разных, а в одной и той же плоскости, прилегая друг к другу. Так, например, в немецком слове *Weige* "колыбель", *v*, *i* : и *э* являются звуками, а *g* - фонемой (поскольку ее произношение зависит от звукового окружения). Трубецкой указывает, что такое употребление понятий "фонемы" и "звука" имеет смысл только в отношении букв; тогда под "фонемами" следовало бы понимать такие буквы, которые произносятся по-разному в зависимости от их положения в слове, а под "звуками" - такие буквы, которые произносятся всегда одинаковым образом. Первоначально понятие "фонема" стояло у Джоунза в тесной связи с проблемой фонетической транскрипции. Очень скоро Джоунз понял, что "теория фонем в таком виде несостоятельна и нуждается в дополнениях" (Jones 1957: 32).

На начальной стадии развития своей теории фонемы Джоунз наряду с фонемами и звуками допускал еще существование "диафонов". Под "диафонами" он понимал семью звуков, которые могут замещать друг друга, не меняя значения слов. Но так как инструментальная фонетика учит, что точно повторить один и тот же звук в одной и той же звуковой позиции практически невозможно, то как считает Трубецкой, "Джоунзу следовало бы вообще говорить не о звуках, а только о диафонах и фонемы определять как семью взаимодополняющих друг друга диафонов" (Трубецкой 2000: 45).

Действительно, к сходным результатам Джоунз пришел на последнем этапе развития своей теории фонемы. Он присоединился при этом к теории "абстрактных звуков", которую развивал преподаватель английского языка в Токио Палмер. Конкретные звуки, воспринимаемые нами, отличаются друг от друга; дважды произнести один и тот же звук невозможно. Но известные звуки имеют так много общих черт, что мы можем объединить их общие черты в единое представление и мысленно оперировать таким представлением.

Так возникают "абстрактные звуки, например веллярное *g*, палатализованное *g* и так далее. Но это всего лишь абстракция первой ступени. Если теперь подвести под общее представление целую семью таких абстрактных звуков, которые, с одной стороны, обнаруживают между собой определенное сходство, а с другой стороны, никогда не встречаются в данном языке в одном и том же окружении, то, по мнению Джоунза, мы получим вторую ступень абстракции. Джоунз полагает, что фонемы будут такими абстрактными звуками второй ступени. Против такого определения Трубецкой возражает, так как Джоунз говорит об абстрактных звуках, не задумавшись о том, на основании чего происходит абстрагирование, так как на "первой ступени" Джоунз абстрагирует, исходя из акустико- артикуляторного сходства, на "второй ступени" - исходя из отношения к звуковому окружению. По мнению Трубецкого, эти два основания для абстрагирования столь различны, что их ни при каких обстоятельствах нельзя выдвигать в качестве двух ступеней одного и того же процесса абстрагирования.

Н.С. Трубецкой указывал, что фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить только из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; "фонему можно определить исходя только из ее функции в языке, так как любой язык предполагает наличие смысловозначительных (фонологических) оппозиций и что фонема является членом такой оппозиции, не разложимом на более мелкие смысловозначительные единицы" (Трубецкой 2000: 47).

Благодаря тому, что фонема узнается и отождествляется, она способствует и облегчает узнавание слов и их частей, которые имеют символическую значимость. В этом, по мнению Трубецкого, и заключается существенная функция фонемы, то есть смысловозначительная. В своей фонологической теории Джоунз также указывает смысловозначительную функцию фонемы как одну из основных (Jones 1957:15).

Таким образом, среди признаков, характерных для Английской и Пражской лингвистических школ, можно назвать следующие:

1. Отмечается повышенное внимание к речевому аспекту языковых явлений;
2. Акцент ставится на синхронном подходе к исследованию языка, что не отрицает и диахронного подхода. Они являются взаимодополняемыми;
3. Отводится важная роль понятию функции в лингвистическом анализе. Они представляют язык как функциональную систему;
4. Одинаково понимаются такие термины, как фонетика и фонология;
5. Фонема признается как основная фонологическая единица;
6. Основной функцией фонемы считается смысловозначительная.

Вполне оправданным будет допустить определенное воздействие Английской фонетической школы во главе с Д. Джоунзом на формирование системы научных взглядов представителей Пражской лингвистической школы и фонологической теории Н.С. Трубецкого, в частности.

Литература

1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 30-58.
2. Keating P.A. Phonological Structure and Phonetic Form // Papers of the Third Conf. In Lab. Phonology held in UCLA in June 1991. Cambridge Univ. Press, 1995. P. 3-37.
3. Jones D. The Aims of Phonetics // International Phonetic Association. London, 1938. P.10-14.
4. Jones D. The History and Meaning of the Term "Phoneme". London, 1957. P.20-32.
5. Dinneen Fr. P. An Introduction to General Linguistics. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1967. 434 p.

Кудряшова С.В.

старший преподаватель, кандидат филологических наук, кафедра немецкого и франц. языков, Саратовская государственная юридическая академия

МЕХАНИЗМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Важным и актуальным является исследование специфики структурной адаптации англо-американских заимствований в условиях опосредованного языкового контакта на территории Испании. Результаты исследования могут служить теоретической базой для изучения проблемы функционирования заимствованных лексических единиц в новых языковых и культурных условиях. Для лингвистов, студентов, магистрантов и аспирантов лингвистических специальностей.

Ключевые слова: морфология, адаптация, заимствование, грамматическая категория morphology, adaptation, adoption, grammatical category

В процессе заимствования слово иноязычного происхождения подвергается более или менее значительным изменениям, адаптируясь таким образом к системе заимствующего языка.

О степени освоенности иноязычного слова свидетельствуют наличие дифференциальных признаков: чем их больше, тем выше освоенность заимствования в языке-реципиенте. Большинство лингвистов, рассматривающих заимствования с точки зрения адаптации в языке-реципиенте, подразделяют процесс освоения на три этапа: начальный (этап проникновения элемента одного языка в систему другого), продвинутый (вхождение/заимствование) и этап полного освоения слова в языке путем приспособления к фонетическим, морфологическим и лексико-семантическим законам системы (интеграция/укоренение) [1, 2, 3].

На первом этапе заимствованное слово проникает лишь в речь и проходит поверхностную фонетическую и грамматическую адаптацию, являясь на данный момент окказионализмом либо иноязычным вкраплением. На втором этапе оно расценивается как несколько отличное от узуальных единиц, но вполне допустимое к употреблению. Заимствование входит в узус языка, при этом происходит его лексико-семантическая адаптация. Лишь на третьей стадии оно считается полностью адаптированным заимствованием, принадлежность которого к другому языку если и может осознаваться, то объективно обосновать это на основе анализа только синхронного состояния языка не представляется возможным.

Современные англо-американские заимствования очень быстро проходят этапы освоения и укоренения в испанском языке. Уже на этапе проникновения они приобретают характеристики, свойственные компромиссному и свободному этапам адаптации. Особенно динамично это проявляется в таких тематических группах как научно-техническая деятельность, торгово-экономические отношения, мода, музыка и т.д. Это связано с интенсивными социально-экономическими и культурными контактами между членами испано- и англоязычного сообществ, а также с отсутствием испанских эквивалентов для наименования новых предметов, явлений и понятий, которые появляются в связи с научно-техническим прогрессом.

С проблемой заимствований, являющейся неотъемлемой частью проблематики языковых контактов, связано множество общих и частных вопросов, одним из которых является их морфологическая адаптация. Данный процесс, будучи довольно длительным и сложным, связан с передачей заимствованным словам свойств исконной лексики, проявляющийся в постепенном (стадиально-градуальном) установлении лексико-семантических, стилистических, деривационных, фразеологических и других связей в системе языка-реципиента. Рассмотрим далее процессы морфологических изменений, происходящие при адаптации англо-американских заимствований (далее ААЗ) в испанском языке Испании (далее ИИ).

ААЗ при адаптации в системе испанского языка претерпевают изменения морфологических показателей (вхождение в состав испанских грамматических классов и оформление их присущими этим классам показателями грамматических категорий). Все ААЗ в той или иной степени подвергаются трансморфологизации уже в момент вхождения в испанский язык и в процессе функционирования получают новые морфологические коррективы посредством связанных морфем, приспосабливаясь к нормам испанской морфологии.

Одним из решающих факторов на этапе вхождения заимствований в язык является грамматическая адаптация, и морфологическая адаптация проявляется в том, что слова сразу же входят в систему согласований с исконной лексикой. Степень грамматической адаптации ААЗ находится в тесной зависимости от возможности заимствованных основ сочетаться с исконно испанскими аффиксальными средствами. Грамматически адаптируется любое ААЗ, и это обязательно для всех заимствований, проникающих в чужую лексико-семантическую систему.

В случае совпадения морфологических категорий заимствуемого слова в языке-источнике и языке-реципиенте, и если оно переносится без приобретения аффикса (связанной морфемы) последнего, то трансморфологизация – нулевая. При этом для выражения множественности и рода заимствованного существительного на этапе вхождения может употребляться артикль или, как отмечает Е.М. Вольф, имеет место концентрация множественности в показателе множественного числа детерминатива [4, с. 216]. Англо-американская лексика заметно отличается от испанской своими конечными формантами, которые нехарактерны для морфологии испанского языка; в ней, в частности, отсутствует указание на родовую принадлежность. По этой причине на данном этапе отмечается неустойчивость в употреблении артикля и отсутствие окончаний, выражающих множественное число, например: *los (las) paddock, los (las) camping* и т.д. Тем не менее, в большинстве случаев такой признак иноязычности как морфологическая невыраженность числа и рода существительных сохраняется.

В случае совпадения морфологических категорий и сохранения языком-реципиентом аффикса языка-источника ААЗ адаптируется компромиссной (частичной) трансморфологизацией. Например, распространенным английским суффиксом ААЗ, вошедших в испанский язык, выступает *-ing*. Данный суффикс, будучи специфическим для английского языка, сохраняется и в испанских эквивалентах, хотя сочетание *-ng* в конце слова не характерно для испанских слов. Группа существительных на *-ing* прочно закрепилась в испанском континууме ААЗ и является представительной: *casting, karting, leasing* и т.д.

В процессе дальнейшей адаптации консонантная группа *-ing* под интерферентным влиянием языка-реципиента теряет конечный согласный *-g*: *travelin < travelling, surfin < surfing*.

Многочисленная группа ААЗ с суффиксом *-tion*, который обладает в английском языке значением действия, условия действия и результата действия, трансморфологизируется в процессе адаптации посредством испанского суффикса *-ción* (*swapción < swaption, estandarización < standardization, dolarización < dollarization*). Оформление данным суффиксом заимствования является показателем его полной трансморфологизации.

К группе заимствований, подвергнувшихся полной трансморфологизации, можно отнести ААЗ, которые, наряду с приспособлением к звуковой оболочке испанского языка, были соотнесены с определенными лексико-грамматическими разрядами слов. Практически это проявляется в присоединении ко многим заимствованиям формально-семантических классификаторов, выражающих определенные родовые понятия. При полной трансморфологизации ААЗ приобретают морфологические категории, свойственные испанскому языку, и оформляются аффиксом языка-реципиента, приобретая, например, типичные для испанских существительных родовые окончания:

o: *impacto, colapso < collapse*;

e: *clipe < clip, shute < shut, bloque < bloc*;

a: *ganga < gang, yarda < yard, estringa < string, eslinga < sling*.

На уровне морфологии также происходят деривационные процессы, благодаря которым происходит образование новых слов с помощью испанских суффиксов и окончаний и английских корней: **iano** (*marketiniano < marketing*); **ismo** (*brokerismo < broker*); **ista** (*autostopista < auto-stop*); **eria** (*coctelería < cocktail*); **ador** (*esnifador < snow*); **ero** (*mitinero < meeting*).

Многие ААЗ, пройдя соответствующую морфологическую адаптацию, принимают регулярное участие в словообразовательных процессах. Например, от заимствования *flas < flash* образовались глагол *flasear*, существительное *flasazo*, причастие *flaseado*, устойчивые словосочетания *en un flas* “вдруг, неожиданно” (исп. *de repente*), *darle un flas* “неожиданно прийти в голову (о какой-либо идее)” (исп. *tener una idea repentina*) [5, с. 213-215]. Чем выше стадия адаптации англо-американизмов, тем активнее они участвуют в словообразовании, оформляясь аффиксами языка-реципиента: *flipada, flipador, flipante, flipero, flipeta < flip*.

Подавляющее число заимствованных существительных приобретают категорию мужского рода: *el trading, el swing, el relax*. Это правило действует для всех без исключения ААЗ, которые имеют прототипный конечный согласный, либо приобретают в процессе адаптации конечные гласные *-e* или *-o*, которые в испанском языке характерны для существительных мужского рода: *el ofsete < offset, el ponche < punch, el sampleo < sampling*.

Небольшое число заимствований вошло в категорию женского рода по родовому признаку прототипа, а также в связи с тем, что при ассимиляции они приобрели окончание *-a*: *la cover-girl, la eslinga < sling*.

Иногда приобретение определенной родовой категории слов с нетипичными для испанской системы конечными формантами осуществляется по аналогии с синонимичными словами испанского языка, например: *el flirteo* (*ucn. el galanteo*), *la fast food* (*ucn. la comida rápida*).

Как правило, заимствованные единицы образуют множественное число посредством испанских флексий *-s* или *-es*, которые формально могут совпадать с английскими: *los escaneres, los flases*. Тем не менее, во многих случаях наблюдаются отклонения от морфологии исконной лексики в языке-реципиенте с сохранением прототипной морфологической модели, например: *posters*, а не *posteres, charters*, а не *charteres* и др. Данные формы являются узуальными, однако возникает проблема их классификации с точки зрения степени трансморфологизации.

Глагольные заимствования или глаголы, образованные от заимствованных существительных, входят исключительно в парадигму 1-го спряжения, оформляясь флексиями *-ar* или *-ear*, т.е. механизм заимствования одинаков, независимо от того, являлся ли производящей основой английский глагол или существительное: *surfear*<*surf*, *blofear*<*bluff*, *rapear*<*rap*, *samplear*<*sample*. Некоторые из приведенных основ функционируют в испанском языке уже некоторое время, но деривационную активность начали проявлять лишь недавно (*chutar, chute*<*shoot*), большинство новых заимствований легко приспосабливается к испанской морфологической системе.

Таким образом, этап полной трансморфологизации предполагает окончательную стабилизацию одной формы слова и полное преодоление морфологических признаков иноязычности, однако полное укоренение заимствования происходит на фоне его семантической самостоятельности.

Литература

1. Биржакова, Е.Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
2. Мангушев, С.В. Закономерности ассимиляции англо-американизмов в немецком языке (на материале прессы и толковых словарей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Мангушев; Оренб. гос. пед. ун-т. – Самара, 2002. – 15 с.
3. Аристова, В.М. Англо-русские языковые контакты / В.М. Аристова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 152 с.
4. Вольф, Е. М. История португальского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / Е.М. Вольф. – М.: Высш. шк., 1988. – 263 с.
5. Rodríguez, G.F. Nuevo diccionario de anglicismos / G.F. Rodríguez, A. Lillo. – Madrid: Gredos, 1997. – 329 p.
6. Corpus de Referencia del Español Actual//Real Academia Española. – URL: corpus.rae.es/creanet.html

Кунгурова И.М., Ткаченко К.И.

к.пед.н., доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВПО «ИГПИ им. П.П. Ершова»;
студент 1 курса ФГБОУ ВПО «ИГПИ им. П.П. Ершова»

ЛИМЕРИК КАК ОСОБЫЙ ЖАНР СТИХОТВОРНОГО АБСУРДА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Э. ЛИРА)

Статья посвящена изучению поэтики лимерика Э. Лира как жанра стихотворного абсурда. В научных исследованиях последних лет нонсенсу уделяется пристальное внимание. основоположниками литературного нонсенса признаются Л. Кэрролл и Э. Лир, однако большинство работ посвящено изучению творчества Кэрролла, тогда как творчество Лира рассматривается гораздо в меньшей степени. А именно этот автор является писателем, положившим начало развитию детской литературы как таковой, нового литературного жанра лимерика и литературного нонсенса в целом. Исследование проводится на материале специфических художественных текстов, таких, как лимерики. Основная цель - рассмотреть лимерик Э.Лира и определить изменения в жанре, произошедшие под влиянием нонсенса. Практическая ценность исследования обусловливается возможностью использования его результатов в практике преподавания таких курсов, как история английской литературы, теория и практика перевода, страноведение, межкультурная коммуникация.

Ключевые слова: нонсенс, лимерик, Э. Лир

Key words: Nonsense, limerick, Edward Lear

В конце XIX вв. в английской литературе произошло настоящее открытие. В 1846г. в Лондоне вышла маленькая книжка со странным названием – «Книга бессмыслиц» «A Book of Nonsense». Значительную часть сборника составляли короткие юмористические стишки, лимерики. Когда Лиру не было и двадцати лет, граф Дерби пригласил его в поместье Ноусли рисовать коллекцию птиц. Лир провел в Ноусли четыре года и в этот период для развлечения юных членов графской семьи написал книгу лимериков, проиллюстрировав их своими рисунками. Приведем воспоминания самого Э. Лира: «...в дни, когда я проводил большую часть времени в сельском доме, где кишели детишки и веселье, строки, начинающиеся с *Жил один старичок из Тобаго...*, были предложены мне ... друзьями, как образчик стихотворения, позволяющего варьировать неограниченное множество рифм и картинок; с этого времени большая часть подлинных рисунков и стихов для первой *Книги Нонсенса* буквально стекала с моего пера без помощи кого-либо, кроме всеобщей буйной радости и одобрения при их появлении на свет» [4].

В лимериках Лира современники пытались угадывать политические и личные намеки, но его абсурд был свободен от подтекста, чист и прост, что и составляло его очарование. Лимерики Лира – забавные истории о нарочитых поступках весьма экстравагантных лирических героев и героинь, имеющих определенные места проживания. Герои Лира были естественным продолжением череды чудачковатых персонажей народного английского фольклора.

Обращает на себя внимание присутствие «детского фактора» при появлении на свет наиболее ярких образцов английского нонсенса, в частности, лимериков Лира и сказок Льюиса Кэрролла. Включенность в жизнь «маленького народца», желание развеселить и развлечь детей сыграли немаловажную роль в обращении к жанрам, построенным на столкновении здравого смысла и бессмыслицы. Отечественный абсурдист Даниил Хармс также немало писал для детей, хотя, по его же словам, терпеть их не мог. Но и та часть его творчества, которая насыщена отнюдь не детским содержанием, за счет лаконичной отточенной формы обладает качествами блестящей игрушки. Детское начало лимериков, как и любого жанра для детей, – простота, непосредственность, шуточный смысл, игровой импульс.

Лимерик – форма короткого юмористического стихотворения, построенная на обыгрывании бессмыслицы. Он состоит из единственной 5-строчной строфы и налагает довольно жесткие ограничения на схему рифмовки, метрику и сюжет.

Корни жанра лимериков нужно искать в народном фольклоре Великобритании. В разделе пятом сборника английских народных стихотворений, считалок и песенок для детей *Рифмы матушки Гусыни*, впервые изданного в Англии в конце 17 в., содержатся и первые опубликованные лимерики. Сейчас трудно узнать, кто был создателем первого лимерика и почему его название произошло от графства Лимерик в Ирландии. Сам Лир не называл свои шуточные стихотворения «лимериками». Слово «Limerick» впервые появилось в печатном виде в 1892 году, уже после смерти поэта. Впервые в Великобритании название стихотворения встречается в *Новом словаре английского языка (New English Dictionary)* в 1898 году, а в американских книгах в 1902 году.

Существует множество гипотез относительно происхождения слова «limerick». О происхождении этого слова спорят до сих пор. Скорее всего, оно идет от названия ирландского города Лимрик (по-русски его пишут иногда «Лимерик»), где шутники часто пели веселые песни, стараясь перещеголять друг друга их глупостью и невероятностью. Есть еще одна версия. Название заимствовано из названия хоровой песни ирландских солдат 18 в. «Приедешь ли в Лимерик?». Некоторые исследователи полагают, что еще в XVIII веке ирландские поэты, собираясь в тавернах, во время застолий сочиняли стихи, очень похожие на современные лимерики. Существует также предположение о том, что, возможно, слово «limerick» происходит не от названия ирландского города, как думают многие, а от ирландских слов «laoi meidbreach» или «a merry lay», означающих «веселая песня».

Так или иначе, с конца XIX века лимерики становятся широко известны повсеместно. Эдвард Лир использовал форму народного лимерика в своей поэзии нонсенса, сделав лимерик еще более популярным. Всего Эдвард Лир написал более двух сотен лимериков (212), а в его «Книгу бессмыслиц» вошло их, в конечном итоге, чуть более сотни.

Лимерики были известны и до Лира. Пятистишия подобного рода дошли до нас и из XVIII в., и из XVII в. Даже почтенный Фома Аквинский баловался лимериками. Однако именно Э. Лир широко ввел этот жанр в литературу, вызвав поток подражаний. Лимерики в Европе были тем же самым, чем были в России частушки – озорной сплав бессмыслицы и здравого смысла. Нонсенсом увлекались многие английские писатели – Хогарт, Коупер, Гилберт, Л. Кэрролл, Р. Киплинг, Д. Голсуорси и др. Вплоть до конца 19в. многие известные люди практиковались в составлении лимериков. В начале 20в. лимерик перебрался на страницы журналов, газет, в рекламные издания. Лимерики видоизменялись в скороговорки, обыгрывали аномалии английского произношения, писались на латыни и французском. Форма лимериков использовалась как для политической сатиры, так и для актуальных наблюдений и серьезных философских откровений. Многие лимерики написаны неизвестно кем и когда, установить их авторство уже практически невозможно. По сей день во многих англоязычных странах устраиваются шуточные состязания любителей лимериков. И так, хотя Э. Лир не был первым сочинителем лимериков и его «Книга бессмыслиц» не была даже первым сборником лимериков, но именно она пришла к двору и приобрела необычайную популярность. Благодаря Э. Лиру этот жанр комической поэзии, nonsense verse, получил свое официальное признание и занял в литературе почетное место.

Каламбурный характер лимерика допускает свободное варьирование языковых средств в рамках жесткой рифмы. Для лимерика характерна намеренная игра слов, омофония, омонимия, синонимия, полисемия, богатое стилистическое разнообразие слов английского языка. В лимерике обыгрываются курьезные несоответствия английской орфографии и произношения, нашедшие отражение в особом виде лимерика, который называют «визуальным» или «орфографическим». Излюбленный прием авторов лимериков – использование неологизмов. Неологизмы и словоупотребления Э. Лира прочно вошли в английскую литературу и язык, форма лимерика, возникшая около 150 лет тому назад и возрожденная к новой жизни Лиром, получила дальнейшее развитие в наши дни. Новые лимерики продолжают лучшие традиции Лира. Диапазон «прицела» эксцентричного юмора лимериков беспределен – от политики и новейших научных открытий до сцен из жизни обывателя. Лимерики пишутся для людей всех возрастов и сочиняются людьми всех возрастов и профессий.

Лимерикам присущи характерные черты английского юмора: 1) широкий контекст, дающий возможность различных толкований; 2) парадоксальность – игра со словами, где смысл «выворачивается», переворачивается и мгновенно снова возвращается на место; 3) способность видеть абсурд жизни и улыбаться ему; 4) сквозной характер – юмор переливается из одной формы в другую: то мягкая ирония, то тонкий намек, то грусть или многозначительное умолчание, то резкий поворот. Столкновение здравого смысла и рационализма, с одной стороны, и эксцентрических проявлений «ярких индивидуальностей», с другой, во многом определяет английский национальный характер.

Лимерик относится к «жестким формам» стиха, где строго регламентируется и размер, и способ рифмовки, и количество строк. Если что-то нарушено – это не лимерик. Лимерик как особый жанр имеет свои особенности:

- Форма лимериков строго определена: они состоят из 5 строк. Пятистишие классического лимерика строится по схеме ААВВА. 1-я строка рифмуется со 2-ой и с 5-ой, а 3-я с 4-ой. Преобладает размер акапест, а количество слогов в 1-ой, 2-ой и 5-ой строках на три слога больше, чем в 3-ей и 4-ой.

*There was an old man with a beard
Who said, "It is just as I feared:
Two owls and a hen,
Four larks and a wren
Have all built their nests in my beard!"*

Чаще всего лимерик написан анapestом (1-я, 2-я и 5-я строки – трехстопным, 3-я и 4-я – двухстопным), реже амфибрахнем, ещё реже – дактилем. 1-я, 2-я, 5-я строки – трехстопный анапест: та-та-ТА-/та-та-ТА-/та-та-ТА-(та-та) или трехстопный амфибрахий: та-ТА-та-/та-ТА-та-/та-ТА-(та-а). 3-я и 4-я строки – двухстопный анапест: та-та-ТА-/та-та-ТА-(та-а) или амфибрахий: та-ТА-та-/та-ТА-(та-а).

- Строго определено содержание лимерика. 1-я строка представляет героя или героиню и, как правило, заканчивается названием города, деревни, страны, откуда тот (та) родом, с которыми потом и рифмуются 2-я и 5-я строки.

*There was an old man of the North,
Who fell into the basin of broth;
But a laudable cook
Fished him out with a hook,
Which saved that old man of the North.*

Разумеется, это требовало большой изобретательности со стороны автора, тем более что географические названия у Лира подлинны. Например, Кануа – древний город в Кампании, Нордюлк – на юге США в штате Виргиния, Нубия – Африка, Кале – город и порт на севере Франции, на берегу пролива Па-де-Кале, Броды – город-центр Бродовского района Львовской области, Украина.

Лимерики, вошедшие в сборник, первоначально предназначались внукам графа Дерби, коих Эдвард Лир учил рисованию. Вероятно, поэтому эти лимерики составляют как бы единое целое с рисунками самого Лира, которые сопровождают каждое пятистишие. И поэтому, вероятно, в этих лимериках так много географических названий – добросовестный педагог едва ли мог пройти мимо столь удачного повода подтянуть своих учеников ещё и по географии.

Лимерики обычно начинаются со слов «There was a...» - «Жил-был...», «Жила-была...». В подавляющем большинстве лимериков жил-был – это какой-нибудь старик или немолодой джентльмен, затем идут молодые леди – их больше двух десятков и леди пожилые. Впрочем, пожилых леди Лир не слишком приветствовал: их у него всего-то трое... Герой (джентльмен, старик, леди и т.д.) обычно характеризуется словами «некий», «юный», «пожилой» и т.п., и задается место его нахождения (первоначально это было какое-то место в Англии, Шотландии, Ирландии, но впоследствии география лимериков расширилась, так что ныне вполне допустимы, скажем, Москва, Айова или Австралия).

Традиционное начало классического лимерика может быть, например, таким: «There was an old lady of Dublin...» или: «There was a young gentleman in Cardiff...». В следующих строках рассказывается о каком-то странном поступке или свойстве героя. В 5-ой строке содержится его оценка или реакция окружающих на его поступки:

*There was an old man of Dumbree,
Who taught little owls to drink tea
For he said, "To eat mice
Is not proper or nice".
That amiable man of Dumbree.*

В каноническом лимерике конец последней строчки повторяет конец первой. Поскольку последняя строка представляет собой некое заключение, она может быть похожа на первую строку и может заканчиваться тем же словом (обычно это место действия).

- Герои и героини лимериков Лира – чудачки и чудачки, люди, которые нарушают общепринятые правила поведения. На страницах его книжек возникает особый мир, мир игры, странных «бессмысленных» действий и нонсенса. Здесь едят самые неожиданные блюда, ходят на ходулях, переодеваются в женское платье, нанимают почтенных дам, чтобы носить нос непомерной

величины. Здесь нет ничего того, что часто встречается в жизни. Здесь не притворяются, не подличают, не унижаются, не лицемерят, не боятся болезни и смерти, не дрожат перед тем, что скажут люди. Это некая страна, где не боятся быть самим собой, делать и говорить, что хочется. Правда, порой в лимериках Лиры появляются некие безличные персонажи, которым не нравится поведение чудачков. Они грозят им расправой, а порой и приводят свои угрозы в исполнение. Лиру эти обыватели и громилы чужды. Симпатии автора всегда на стороне его чудачков.

- Герои Лиры постоянно общаются с животным миром. Более того, они не смотрят на животных как на существ иной породы. Птицы, рыбы, насекомые, лошади, коровы и прочие вступают в самые близкие отношения с героями Лиры. Птицы вьют гнезда в бородах его стариков и на шляпах его дам; герои танцуют с птицами, посещают рыб, ухаживают за ними и т.д. Рисунки Лиры подчеркивают сходство между его героями и их партнерами из животного мира. Например, человек, нанявший внука, чтобы они ловили ему жаб, сам похож на жабу.

- При внешней простоте «бессмыслиц» Лиры они написаны необычайно изящно и легко. Самые неожиданные рифмы звучат всегда естественно. Нередко Лир пользуется составной рифмой, словно продолжая затеянную им игру.

Укоризненный джентльмен с совой
Постоянно ходил сам не свой,
И усевшись на рельсу,
Очень горький пил эль со
Своей верной подружкой совой.

- Порой Лир слегка сдвигает значение какого-то слова, словно употребляет его по особым, одному ему известным правилам. Таков эпитет «укоризненный» в приведенном выше лимерике. Создается впечатление, что Лир выдумывает свои слова, в которых словно брезжит какой-то смысл.

- Особого внимания заслуживают рисунки Лиры. Здесь Лир выступил как первооткрыватель. Его иллюстрации свежи, чисты, динамичны и смешны. Они играют важную роль в «Книгах бессмыслиц» - не просто иллюстрируют текст, но существенно добавляют и поясняют его. Если лишить лимерики рисунков, они потеряют свое очарование, станут непонятными и плоскими.

Итак, в данной статье было показано становление жанра лимерика как жанра со строго фиксированной формой и не менее строгим содержанием. Такая гиперструктурированность является маркером нонсенса и компенсирует отсутствие причинно-следственных логических связей в нонсенсе.

Литература

1. Мир бессмыслиц. Лимерики, старые и новые / сост. К.Н. Атарова. - М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. - 272 с.
2. Лир, Э. Книга бессмыслиц / Пер. с англ. М. Фрейдкина. - М.: «Рудомино», - 1991. - 256с.
3. Пагис, Н.А. Чудесный мир английской литературы: Учебное пособие / Н.А. Пагис. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 320с.
4. Фрейдкин, М. Английская абсурдная поэзия. Эдвард Лир. Хилер Беллок. Сэр Уильям Гилберт. Роальд Даль / М.Фрейдкин. М.: Carte Blanche, 1998. - 224с.
5. Эдвард Лир. Стихи / пер. с англ. А.Смолянского. // Литературная учеба. - 1988. - №5. - С.188-192.
6. Эдвард Лир. Книги нонсенса / пер. с англ. Ю.К.Сабанцева. Спб.: Петро, 2001. - 432 с.
7. Edward Lear. Complete Nonsense. - Heartfordshire : Wordsworth Editions Limited, 1994. 272 p.

Lunkova L.N.

Doctor of Philology, Assistant Professor. Moscow Regional State Institute of Social Studies and Humanities

THE PATTERNS OF INTERTEXTUALITY

Abstract

The article is devoted to the problem of textual interaction. A text is treated not only as a verbal unit but also as any semiotic entity. The aim of the article is to reveal the possible patterns of such interaction between literary texts as well as between texts belonging to different semiotic systems. The research is of large topicality to the field of text study, text analysis and literary text translation practice.

Key words: intertextuality, the source text, the recipient text

Nowadays it is universally recognized that any semiotic entity can be treated as a text. Thus, text interaction can be found in any sphere of human activity. In terms of general semiotics interaction of two texts is the interaction of two independent semiotic systems, such texts are signs with an individual denotatum and meaning. We are here interested in the text interaction within one semiotic system – literature. The nature and rules (if there are) of intertextual mechanisms provide endless questions and discussions. Not only literary critics and linguists focus their attention on it, it is also fiction writers who are absorbed with this popular phenomenon. And there is a question to all of those whether intertextuality is unavoidable in the contemporary world of information, whether there are limits to its influence and if it is going to be the trouble for the whole world of literary texts leading to the total chaos or it is destined to make the new era of literature, to become the new driving force in its further development. Obviously, questions are more numerous than there are answers to them.

A Russian linguist L. A. Novikov wrote that «the mechanisms of a literary text processing and perception are the matter of the individual and the unconscious in our mind».¹⁰ It means that every reader finds limitless unique meanings and connotations in literary texts. According to U. Eco «such connotations are not born by these particular texts only, it is a transformation of the previous sign and its denotatum into a new sign».¹¹ A similar transformation mechanism occurs when two texts are interacting. It follows that the new text is sure to obtain new meanings thus making a new sign of itself. In such a case intertextuality can be sooner treated as a positive phenomenon giving grounds to numerous text transformations.

Generally speaking the pattern of intertextuality in literature can hardly be simplified as a mathematical identity of two texts. This is very much artificial and in some sense flat. Intertextuality is far from one- or even two-dimensional scope. It is neither a line or a flatness. It is sooner a combination of many-dimensional spaces. In terms of mathematics it is a unique coordinate system with the author, the plot, a phrase, an event or a character as one of the coordinate axis.

The analysis of intertextual mechanisms brings to mind various metaphorical descriptions. Thus it also involves the images of macro- and micro-structures of the Universe. On the one hand the whole totality of the existing and ever produced verbal texts can be compared to the Cosmic Space full of objects different in size, significance, brightness or age, objects connected with each other by common qualities, characteristics, functions etc. Like objects in Space literary texts may disappear and leave their traces in the Universe as reflected light or warmth, may appear and change the order or relations among those already existing ones.

On the other hand intertextuality can be likened to a most complicated atomic lattice with every atom – a text – connected with the others. Such an atom can't be destroyed or extracted from the structure without damaging the whole thing. The atom-texts are defined by a different size, magnetism, valence etc., which means in reference to literary texts the ability to merge with another text making up a new literary "substance", new literary matter. The lattice is an ever growing entity, the number of links is getting larger and larger thus modifying the old "relations" and creating new.

¹⁰ Новиков Л.А. 2001, 85

¹¹ Эко У. 2004, 70

Contemporary investigations also suggest other metaphors of a more fragile artistic character. But all those attempts to describe text relations by means of metaphors or out of language images have very little to do with science.

The intertextuality theory is still a new branch of the humanities, its terminology being developed and unified. It follows that quite a few ideas and statements on the nature and mechanisms of intertextuality can be recognized as true. Here belongs the statement about its two-member structure. Quite conditionally we put it as the vector $X \rightarrow Y$ where X is the source text and Y is the recipient text. Theoretically the reverse vector is impossible since it's based on the linear and one-way time development. But what is quite possible and natural is that the source-recipient chain may be endless: every recipient text becomes the source text as soon as its elements are borrowed by a new text. To make it clear $X \rightarrow Y \rightarrow \dots \rightarrow Z$, and the number of the consequent borrowings can be neither limited nor stopped. Furthermore, in terms of quantity the unit on the right is never equal to the unit on the left. That is: $X \neq Y$ is always true. And most often $X > Y$ is true since it is only a part of the original number of elements that pass on to the recipient. It is exactly this scheme that is activated for the most popular literary source texts. Here refers the Bible for instance. Within particular national cultures the source texts corpus is made up by the folk narrative literature or popular verbal texts.

As far as our research goes the borrowing scheme can be further modified and become more complicated for normally many source texts can donate their elements to a single one. In this case the relations can be described as every $X < Y$. The inequality means that every Y is characterized by a much larger number of literary links and information units than X . It is this type of intertextual relations that is characteristic of contemporary science fiction writers like R. Shekley, I. Asimov, J. Fforde and others.

The analysis held on the post-modernism literary texts shows that there are other patterns of text interaction and some of them may seem illogical in terms of the real world though quite natural within fiction. The source text and the recipient text change their places in the reader's mind, the vector of the borrowing goes backwards.¹²

It goes without saying that the patterns suggested above do not represent the nature of the intertextuality phenomenon fully. The fact that they are confined to a particular number only proves that there are limits to human cognition.

Литература

1. Лунькова Л.Н. Текст: интеллектуальное дежа-вю. - Коломна: 2010.
2. Новиков Л.А. Избранные труды. Эстетические аспекты языка. MISCELLANEA: Т.2. - М.: 2001.
3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - СПб.: 2004.

Михайлова А.А.

Соискатель, кафедра русской филологии, Тамбовский государственный университет – ТГУ, имени Г.Р. Державина
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СТАРИЦЫ ВИРИНЕИ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

Аннотация

В статье проанализированы художественные средства, используемые И.С. Шмелевым для создания одного из уникальных и значимых образов в романе «Пути небесные», стоящего на стыке художественной и агиографической литературных традиций, - матушки Вириinei. Обращение к поэтике конкретного образа позволяет глубже проникнуть в художественный мир писателя, осмыслить его творческую позицию.

Ключевые слова: образность, старчество, художественные средства.

Keywords: figurativeness, tutorship, art means.

И.С. Шмелев поставил своей задачей изобразить в романе «Пути небесные» людей высшей духовности – старцев. В «Путих небесных» мы встречаем трех старцев: матушку Вириinei, отца Варнаву, отца Амвросия. Писатель впервые вводит в русскую литературу понятие женского старчества. И хотя матушка Вириinei не названа в романе старицей, считать ее таковой позволяють следующие ее характеристики: прозорливость, попечение о заблудших душах, христианские добродетели – любовь, милосердие, терпение, всепрощение и другие. Этот значимый образ, в духе шмелевской манеры, едва очерчен в романе, но необыкновенно поэтичен. Поэтому особый интерес представляют приемы его создания.

Матушка Вириinei несет послушание у врат монастыря, что, несомненно, символично: она помогает нестойким душам, которые «стоят у врат благодати». Ее образ введен в произведение посредством слов Дариньки: «Матушка Вириinei нехорошо подумает, вратарница...» [1,101]. Последняя характеристика становится ее неотъемлемым признаком, так же как и эпитет «прозорливая». Л.Е. Зайцева, выделяя эту присущую писательской манере особенность – пристрастие к «постоянным» эпитетам, подчеркивала: «Иван Шмелев создает свои, авторские «постоянные» определения, «привязывая» их к персонажу с первого момента его появления на страницах произведения» [2,61]. Знаменательно, что для Вейденгаммера матушка Вириinei – только простая пожилая монахиня, старушка, которая «допрашивала, не родственничек ли будет матушке Агнии...» [1,110-111]. В данном случае возникает мысль о наивности старушки, которая не может даже предположить дурных намерений в госте. Однако монахиня эта «слыла за прозорливую» [1,138]. Следовательно, ей могли быть открыты все настроения и душевное состояние Виктора Алексеевича. В то же время этот вопрос задавался не с целью изобличить его во лжи. Своей добродушностью, приветливым обращением матушка Вириinei постаралась успокоить мятушегося, сознающего собственную низость Вейденгаммера. К тому же можно предположить, что она предвидела и все последующие его действия. Но поскольку в художественном мире романа путь героев предопределен, то и матушка подчинилась действию Промысла Божиего, не преградила гостю «крестом дорогу».

Во дни серьезнейших испытаний для Дарьи матушка Вириinei всегда была рядом, и только она понимала, что происходит в душе девушки. Уже при поступлении Дариньки в обитель старица видела, что судьба этой белицы – в мирских страстях.

Л.Е. Зайцева отмечает, что «Иван Шмелев наделяет персонажей монашеского типа не только особыми внешностью и жестами, но и необычным тембром голоса и манерой говорить» [2,63]. Действительно, Вириinei-вратарница не только ласково обращается с людьми, но в ее немногословной, простой речи практически все слова – это выражение любви, что подчеркивается преобладающими в ее речи уменьшительно-ласкательными формами слов: «родственничек», «ласточка-девонька», «глазки», «батюшка», «как листочки в уюточку» и так далее.

Особенностями речи Вириinei-вратарницы являются также яркая образность и определенная загадочность. Ее слово предельно краткое, но емкое, что достигается за счет активного использования иносказания. Можно вполне согласиться с Л.Е. Зайцевой в том, что обычно «речь старца в текстах Шмелева – притчевая, исполненная сокровенного смысла» [2,111]. Скрытый в иносказании смысл герои разгадывают на протяжении всего повествования. Дарью матушка называет «ласточкой-девонькой». Образ ласточки как характеризующий героиню указывает на ее доброту, нежность, на ее светлую душу. К тому же ласточка – символ весны, добра, надежды, возрождения, домашнего тепла и счастья. Счастье любви, которое Дарья принесла Вейденгаммеру, пополам со страданием она испытала и сама. Предрасположенность ее к жизни в миру старица обозначает образно: «Глазки у тебя за стенку смотрят» [1,138]. Стена – это образ границы между миром монастыря и внешним светским миром. Когда Дарья, прикоснувшись к соблазнам этого внешнего мира при посещении Виктора Алексеевича, возвращается в обитель, от отчаянного шага и мыслей о самоубийстве ее отвращает только старица: «Матушка Вириinei меня остановила, повела, сказала: «Читай Псалтырь» [1,137]. Действительно, молитва по усопшей наставнице

¹² Лунькова Л.Н. 2010

инокине Агнии была самым необходимым в этот час средством для успокоения мятущейся души. Обращает на себя внимание действие «повела», то есть старца как бы приняла на себя попечение над осиротевшей после смерти инокини Агнии белицей. Неоднократно Виктор Алексеевич признавался, что Даринька его «вела». Оказывается, сильную духовно Дарью «ведет» еще более сильная матушка. Таким образом, став звеном в этой цепочке, Вейденгаммер становится под крыло монастыря.

Перед совершением главной героиней побега Вириная-вратарница намерение Дариньки вновь именуется через зооморфный образ птицы: «крылышки востришь». Это намек на полет, который не одобряется матушкой, поскольку в данном словосочетании слышатся нотки порицания. Попутно заметим, что Дарью называет «птичкой» и лихач, подхвативший ее на глазах у вратарницы. Таким образом, выбор героиней светской жизни и страстной, а не милосердной любви связан с образом осознанного вылета птенца из привычной среды, из родного гнезда.

Когда Дарья, освоившаяся в мирской жизни, направляется в монастырь уже вдвоем с Виктором Алексеевичем, она прикрывает лицо вуалью, чтобы быть не узнаваемой матушкой Вириной, которая ассоциируется у нее с образом совести, обличающей в том, что «живет незаконно, в блуде» [1,142]. На фоне подобного «духовного» восприятия приводится беспристрастное видение Вейденгаммера, воспринимающего лишь зрительный ряд. Для выражения оценки Виктора Алексеевича писатель подбирает слова с несколько сниженной стилистической окраской. Так, он видит матушку Вириную «сидевшей копною у столика с иконкой» [1,172]; при беседе с Даринькой она «оттянула свою укутку», «ее мягкий рот искосился в счастливую улыбку», «облапила матушка Вириная Дариньку» [1,175]. Подобные характеристики формируют образ простого пожилого человека, скорее всего, крестьянского происхождения, не сжатого рамками светских приличий, а потому столь открыто выражающего свои искренние чувства. С этой грубой внешностью контрастируют добродушное отношение к людям и богатый христианской любовью внутренний мир.

Вейденгаммер вратарница именуется супругом Дарьи, даже намеком не задев болезненную рану героини, не напоминая ей о «незаконности связи». Старца отмечает доброту Виктора Алексеевича: «душевный глаз» [1,175]. Таким образом, матушка Вириная согревает героиню и ее избранника ласковыми словами и как бы благословляет их своим предсказанием на последующую жизнь: «Господь вас обоих и пожалеет, обоих и привезет, как листочки в уюточку» [1,175]. Последняя фраза насыщена глубинным смыслом: глагол «привезет» несет в себе в данном контексте образ уюта, тепла, покоя; листочки – это символический образ безвольно несущихся по воле природной стихии существ, косвенно предсказывающий, что герои будут бессильны бороться с соблазнами страстей: Дарья – с любовью к Дмитрию Вагаеву, Виктор Алексеевич – с увлечением новой страстью в Петербурге. Но сначала Вейденгаммер на Рождество почувствует то, что говорила старца, – радость и покой: «Все, все укрыто, «привезано в уюточку» [1,195]. Однако старца смотрела дальше, и смысл притчевого слова матушки герои постигают по мере развития действия.

Знаменательно, что толкование пророчества в «Путих небесных» писатель вкладывает в уста самих персонажей для того, чтобы важные факты будущей жизни были вынесены на поверхность во избежание неправильной трактовки их читателем. Только после серьезных испытаний герои заслужат покой – окажутся «в уюточке», в имени. Интересен тот факт, что матушка Вириная предсказала даже его название – Уютово, переделанное героями из настоящего его наименования Ютово. Даринька и Виктор Алексеевич одинаково с радостным чувством реагируют на это «совпадение»: «Вспомнили оба счастливый день, морозный, ясный, монастырь и матушку Вириную-прозорливую: «Господь вас обоих и пожалеет, обоих и привезет, как листочки, в уюточку» [1,500].

В разработке образов героев используется евангельская символика света и тьмы. С ясной погодой, монастырем, старцами связаны для героев радость и счастье. Напротив, искушения и соблазны соединяются с темнотой, непроглядной метелью, мрачным сном. Метель у Шмелева – метафора блуждания души без четких ориентиров, безумной гонки, кружения суеты, бурления страстей, «мятущееся, стихийное состояние души героев, противоречивость их мыслей и чувств» [3,124]. Так, еще во время пребывания Дарьи в обители соблазн чувствами к Виктору Алексеевичу сопровождается Никольской метелью; в вихре светской жизни метель прибавляет героев к стенам Страстного монастыря; в метели Дарья с Анютой ищет дорогу к обители и так далее. И часто в этой метели или же в пик искушений героини проглядывают очертания тихого пристанища и его привратницы как прорыв сквозь завесу «метельного сна», напоминание о необходимости очнуться. Однако Даринька едва воспринимает эти знаки: вспомнив о том, что не послала матушке Виринойе гостинчика, она так и не посылает его.

Интересно, что Виктор Алексеевич отмечает любовь Дарьи к метели: «В Дариньке метель вызывала какое-то бурное веселье, что-то большое даже. Метель для нее закрывала все. Как метель, она порывалась скорей на волю, ее *влекло...*» [1,351-352]. Думается, это связывается с ее кипучим нравом – «страстность до испуга и благочестие до подвижничества» [1,247].

Явным контрастом выступает метель как метафора кружения светской жизни стенам монастыря, укрывающим кутиющихся героев: «Там, в заломчике, все потише» [1,276]. За этими стенами мирно отходит душа праведницы матушки Вириной. Даринька осознает, что «это было – знамение, – «прощание с матушкой Вириной», которая в это время отходила, рядом, за той стеной, у которой ютились мы. В этом увидела Даринька укор: вот, ты пошла на *такую* жизнь, и после тебе откроется... откроется, что *чистая*, достойная инокиня умирала, а ты, *беглая*, распутная, по кабакам гуляешь, такая твоя дорога, *сама* от святого отказалась, в святое плюнула!» [1,359-360]. Также в этом эпизоде символически прочерчиваются и предстоящие события: от бури страстей героев укроет тишина монастырей.

Итак, в метель старца умирает, в метель же Даринька узнает об этом. Блуждая по заметным лицам, она все-таки находит Страстной, но – «снежные стали стены, розового не стало видно, – совсем незнакомая обитель» [1,358]. То светлое, что было связано со счастливым временем в монастыре, с его насельниками матушками Агнией и Вириной, именуемое героями розовым, ушло в прошлое. Теперь здесь другие люди, и прежде всего вратарница, считавшаяся полуюродивой, но очень строгой. Это ее «чужие глаза взглянули» [1,358]. Эпитет «чужие» здесь приобретает обозначение не просто глаз другого человека, а характеристику чуждости мировосприятия новой вратарницы тому, что было у матушки Вириной, которая для Дарьи «родная самая» [1,366]. Мать Иустина – образ, представляющий собой явную антитезу матушке Вириной, прежде всего в поведении и речи. Если прежняя вратарница ни намеком не осудила Дариньку, то матушка Иустина сразу обдает холодом и не жалеет бранных слов для героини: «Блудница, распутница, в Пречистую плюнула, променяла на сладенькое, шлюха, франтиха, трепохвостка...» [1,359]. Характер обращения монахинь с героями вызывает у них соответствующие чувства: светлые, «розовые», связанные с получением утешения и радости, или мрачные, холодные, «снежные», пробуждающие отчаяние.

Итак, основополагающий образ матушки Вириной – один из тех типов праведников, в которых И.С. Шмелев воплощает программу благоговейного восприятия жизни и милосердного отношения к человеку, что создает вокруг них среду любви, духовной радости, эмоционального «комфорта». Благодаря активному использованию целой гаммы художественных приемов – изобразительно-выразительных средств языка, иносказания, стилистической окраски, антитезы – писатель создает яркий, живой, запоминающийся образ старца, сыгравшей значимую роль в жизни главных героев, направившей их на путь духовного возрастания.

Литература

1. Шмелев И.С. Пути небесные. – М., Дарь, 2007. – 848 с.
2. Зайцева Л.Е. Религиозные мотивы в позднем творчестве И.С. Шмелева (1927-1947). – Дис...канд. филол. наук. – 10.01.01. – русская литература. – М., 1998. – 157 с.
3. Селянская О.В. Духовно-аксиологическая парадигма романа И.С. Шмелева «Пути небесные» в контексте переписки автора с И.А. Ильиным. – Дис...канд. филол. наук. – 10.01.01. – русская литература. – Тамбов, 2004. – 167 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) В СЛОВАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация

Настоящая научная статья исследует стилистическое значение английских фразеологических единиц в различных словарях, сравнивая их стилистические пометы

Abstract

The present scientific article investigates the stylistic meaning of English phraseological units in various dictionaries comparing their stylistic notes

Ключевые слова: фразеография, экспрессивность, интерпретация, фразеологические единицы, фразеосема.

Первостепенное значение для теории и практики фразеологии и фразеографии имеет исследование внутренней, содержательной стороны фразеологической единицы (ФЕ), определяющей в единстве с формальными аспектами своеобразие ее, как особой раздельнооформленной, но семантически целостной единицы языка, в отличие от слова – цельнооформленного образования, наряду с которым ФЕ выступает конституентом лексико – фразеологического фонда языка (А. В. Кунин, 1986, с. 240-241).

При отсутствии научно обоснованной системы экспрессивных, эмоциональных и собственно стилистических помет лексикографические справочные пособия далеко не всегда правильно интерпретируют значение ФЕ, неполностью раскрывая все их тончайшие экспрессивные и эмоциональные нюансы и стилистическую направленность; во многих случаях искажается стилистическая сущность и все семантика ФЕ (как и слов) (Бушуй А.М., 1989. – С.91-111).

Например, значение презрительной клички, данной неграм расистами, ФЕ Jim Crow (Джим Кроу) (А.В. Кунин, 1986, с. 252) искажается одним из самых авторитетных лексикографических источников словарём Вебстера (Webster's New International Dictionary (WNID II), его толкование этой ФЕ как «a Negro» при отсутствии соответствующих помет, дополнительных объяснений и указания на резко отрицательную эмоциональную оценку, составляющую сущность семантики этой ФЕ.

Этим же словарем, как и другими лучшими словарями Англии и Америки, например: The Shorter Oxford Dictionary (SOD), The Standard Desk Dictionary (SDD), The Universal English Dictionary (UED), John Bull (Джон Буль) – насмешливое прозвище англичан, английской нации – широко употребительная как ироническая кличка, толкуется, как «a typical Englishman, the English nation» без указания на ее истинное значение. Другими известными словарями: A Dictionary of Slang and Unconventional English (DSCE) этот фразеологизм не регистрируется.

Точно раскрывают сущность этой ФЕ, толкуя ее как «прозвище» или как «насмешливое прозвище» и снабжая соответствующими пометами «ирон.» (ироническое) (АРФС) и др. Ср: "The national nickname for an Englishman represented as a bluff, kindhearted, bull-headed farmer" (E. Cobham Brewer. A Dictionary of phrase and Fable. - Casselnd C, Ltd.-London, 1997). Помета же, приводимая в БАРСе "обыкн. шутол.", не всегда оправдана. Имеющийся у нас материал указывает на ироническое употребление этого фразеологизма самыми известными писателями Англии.

Неправомерным является также определение SOD значений ФЕ

1. feather one's nest ("нагреть руки", "набить себе карман", "пожиться за чей-либо счет");

2. twiddle one's thumbs ("бездельничать, лодырничать, бить баклуши"), которые толкуются через нейтральные словосочетания:

1. "enrich oneself" и

2. "have nothing to do" без раскрытия резко отрицательной эмоциональной оценки, лежащей в основе их смыслового содержания, благодаря которой они существенно отличаются от своих нейтральных в эмоционально – стилистическом плане коррелятов.

ФЕ "big bug" ("card, cheese, dog, fish, noise, number, shot, wig") – британизмы и американизмы разной стилистической направленности – яркие эмоционально-оценочные выражения. Фиксирующими их толковыми словарями они определяются как «a person of importance, note, distinction, an important, influential person» без выделения одного из основных элементов их значения – тонкой насмешки и иронии, выражаемых эмоциональными фразеосемами. Насмешка и ирония, разумеется, являются ни эмоциями, ни чувствами, но они выражаются человеком посредством пренебрежения, презрения. Это значение хорошо раскрыто очень удачным переводом в Англо – русском фразеологическом словаре: «важная персона (особа), крупная фигура, «шишка», заправила, главарь».

Следует также отметить, что в словарях и справочниках не раскрывается сложная, семантически ёмкая, многогранная смысловая структура междометных ФЕ.

Во многих случаях подобные ФЕ вовсе не регистрируются не только самыми авторитетными английскими и американскими словарями (напр., SOD, WNID ID, но и известными специальными словарями т. н. «идиом» (например, The Konkysa Dictionary of Current English Idioms, Tokyo, 1999). В этом отношении выгодно отличаются и АРФС, и БАРС.

Следует также отметить, что толкования междометных ФЕ «широкого диапазона», например, by George! Goodness gracious! Good Heavens!, выражающих разные, даже полярные, эмоции и чувства: радость и печаль, восторг и отчаяние, восхищение и презрение, удивление, изумление, досаду, негодование и др. в английских толковых словарях очень часто не содержат указания на те чувства, которые та или иная междометная ФЕ способна выражать.

Так, междометие by George! определяется лучшими словарями Англии SOD, UED, ALD II как "an exclamation or mild oath"; известными американскими словарями WNID II, SDD, RHCD эта ФЕ не регистрируется.

WNID II, помещая ФЕ for goodness sake!, goodness gracious! в конце словарной статьи существительного goodness, определяет это существительное в составе ФЕ, а не сами фразеологизмы the word is used colloquially as an exclamation or in various exclamatory phrases, as for goodness sake!, goodness gracious! (the reference being originally to the goodness of God). В лексикографических источниках встречаются разные толкования одних и тех же междометных ФЕ. Так, WNID II толкует Good Lord! как «an exclamation, expressing surprise or pity», UED – как «expression of surprise», SOD не фиксирует этой ФЕ.

В словарях часто наблюдается разноречие и в стилистической квалификации ФЕ. Так, WNID II, SDD квалифицируют ФЕ Jim Grow как сленг (sl.), т. е. по функционально - стилистическому признаку. В UED, ALD II стилистические пометы отсутствуют. Отрицательная эмоциональность этой ФЕ раскрывается толкованием её значения. В двуязычных словарях эта ФЕ снабжена эмоциональными пометами: презр. (АРФС) по выражаемой эмоции и бран. (БАРС) – по эмоционально – коммуникативной, прагматической функции.

Неполное раскрытие всей широты смыслового содержания междометных ФЕ и неадекватная интерпретация экспрессивной, эмоциональной, функционально-стилистически ограниченной фразеологии (как и лексики), наблюдаемые в лексико-фразеографической практике, – следствие совершенно недостаточной изученности проблемы семантики слов и фразеологических единиц в целом и, в частности, её стилистического аспекта, представляющего собой основную проблему лингвостилистики (А. В. Кунин, 1986, с. 110-111).

Совершенно справедливо то, что словарь практически проверяет выдвинутые фразеологические теории. Так, теорию семантики фразеологических единиц только начинают разрабатывать, создавать. Это также свидетельствует об актуальности рассматриваемых данных словарей, которые являются важным источником раскрытия смыслового своеобразия ФЕ.

Литература

1. Большой англо-русский словарь. – Под общим рук. И.Р.Гальперина. – Т.1-2. – Изд. 2. – М.: Русский язык, 1977. – Т.1. – 882 с.; Т.2. – 863 с. (БАРС)

2. Бушуй А.М. Эподо словарной репрезентации фразеологии // Студия русика. – XIII. – Будапешт, 1989. – С.91-111

3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – Москва: ВШ, 1986. – 336с.

4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 4-е, переработанное и дополненное. - М.: Русский язык, 1984. – 942 с. (АРФС)

5. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. – Tokyo: Kenkyusha, 1969 (KDI).- 990 p.

Sulaymanova N.J.

SamSIFL teacher researcher

RESEARCH METHODS OF LOCATIVE ELEMENT

Annotation

The article is devoted to the methods of investigation of locative elements. Sentence analysis with locative elements is taken according to the results of component analysis in the system of contradicting – opposition. More over the article is full of examples related to the description of various syntactic units.

Key words: locative elements, syntactic units, syntax-semantic, analysis, transformations

Syntax-semantic analysis theory is based on linguistic research methods - methods of experiment and simulation. We believe that it is necessary to distinguish between the concept of transformation in generative transformational grammar, whose task is to reduce all possible constructions-sentences a finite number of nuclear structures, and the notion of transformation as a research method to determine the nature of a linguistic research.

In syntax-semantic analysis the transformation aims at study of elementary syntactic units in the sentence. That's why A. M. Mukhin warns that in accordance with the understanding of transformation as a method of the experiment should not be given to the terms "original construction" or "original position" and "transform" the importance that they have in generative grammar: in the syntax-semantic analysis any syntax may be the original [Mukhin , 1979, 102]. This means that different types of experimental syntactic transformations are allowed to prove the identification of the elements under study.

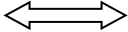
Thus, in the present work transformation means any change of sentences that are likely to give in the end-label construction, which remains the main part of the original sentence, and to serve the parsing of elements in the structure of the sentence. This is not to infer that syntax-semantic analysis allows all sorts of transformation and all kinds of transformations of the original structure. The limits of acceptable transformations are grammatical markedness - the right offer and maintain semantic invariant [Usmanov, 1990, 24].

It follows from the above that the use of methods of linguistic experiment and the transformation in particular, the main goal is to syntax-semantic features that are relevant to a particular syntaxeme. Syntax-semantic features of elementary syntactic units can be identified by applying the transformation: 1) substitution, 2) the omission, 3) the deployment structure, 4) permutations of analyzed syntactic elements, 5) questions.

The study of the surface structure of the sentence, ie component analysis deals with locative elements delineation types of syntactic relations between elementary syntactic units play an important role. The choice of this method is motivated by the fact that the structure of the sentence without establishing syntactic relations between syntactic units of the sentences is difficult to cause differential syntactic features components of the sentence. These differential syntactic features are determined by the syntactic component of the sentence in terms of systems of contrasts. [Zholybekova, 2008, 14].

Syntax-semantic analysis of sentences from locative elements is carried by the results of component analysis in a system of contrasts - the opposition.

1. You'll live at the palace. (Salinger, 25)
2. I came to the Thames (Jerome, 149)
3. Susie came out of the dressing - room. (Maugham, 132)
4. I started through the station. (Hemingway, 112)
5. They reached St. Albans. (Jerome, 110)

According to the surface structure all these sentences are the same, they are ternary. Here is a predicative type of coordination between the elements **You, I, Susie, they and 'll live, came, started, reached**. This relationship is present between two equal components which mutually presuppose each other. (Usmanov, 1991, 12). This implies the bi-directional nature of the relationship, one of its features. Another significant feature is that the syntax is the relationship between the components that make up the structural basis (kernel) of the sentence. In junction model, it is marked as

The last elements of these sentences **at the palace, to the Thames, out of the dressing - room, through the station, St. Albans** act as structure of sentences based on subordinate bond in relation to the elements of **live, came, started, reached** and it is marked with (). Thus the sentences lend themselves under one junction model.

Based on this framework, their differential syntactic features, ie component structure of the sentence are determined. Syntactic units in the position of the Subject **You, I, Susie, they** are defined as nuclear component and are marked NP1, the elements in the position of the predicate **live, came, started, reached** - predicated nuclear components and are marked with NP2, the last elements in the position of adverbial modifier of place - **of palace, to the Thames, out of the dressing - room, through the station, St. Albans** are defined as a non-nuclear-dependent component and are marked as ND.

On the basis of these characters we build a component model: NP1, NP2, ND. km

Then we make syntax-semantic analysis of the sentences. But it should be noted that in the study of functioning locative element in the structure of the English sentence, the researchers are still based on the concept of secondary parts of the sentence. In the theory of the "adverbial modifier of place" it is considered as a static value, without further differentiation. Therefore, in this paper we consider the locative elements are based on the theory of syntax-semantic analysis, resulting in the set of system relations elementary units of the deep structure of the sentence. While studying the syntactic content of locative element in the structure of sentences, it is necessary to call categorical syntax-semantic features such as substantiality, qualification, process. On the basis of categorical attributes non-categorical attributes and paradigmatic series of substantial, qualification, and procedural syntax are identified.

In this case, the above sentences containing such locative elements as **at the palace, to the Thames, out of the dressing - room, through the station, St. Albans** are expressed by nouns and have categorical syntax-semantic feature - substantiality. On the basis of substantial locative syntaxemes we may reveal their paradigmatic series:

In the first sentence syntax element **at the palace** expresses locativity and adessivity, ie locative adessive syntaxeme expresses the place and position in the space:

1) You'll live at the palace.

In the second sentence **to the Thames** expresses locative element and allativity. Locative allative syntaxeme expresses the direction of action to a specific point in the spatial extent:

2) I came to the Thames.

In the next sentence, the combination out of the dressing - room expresses locative and ablative elements. Locative ablative syntaxeme is set in contrast with the sign of allativity, ie ablative expresses separation from some spaces:

3) Susie came out of the dressing - room.

In the fourth sentence syntactic units *through the station* express locative **translativeness**. Locative **translative** syntaxeme refers to the actions done by any spatiality, sign contrasted ablative and **allative** elements:

4) I started through the station.

In the last sentence component *of St. Albans* expresses locative and objectivity. Locative object syntaxeme represents elementary syntactic units, while they are endowed with syntax-semantic characteristics of the object and locativity. As part of this syntaxeme non-categorical quality of locative element is expressed by syntactic elements that are in the position of object:

5) They reached St. Albans.

Locative object syntaxeme is studied in contrasting locative syntaxeme..

Locative paradigms Syntax and their characteristics are proved by the following transformations:

- Locative adessive syntaxeme:

1) You'll live at the palace. You'll live here / there. Or, Where will you live?

- Locative allative syntaxeme:

2) I came to the Thames. I come in the direction of the Thames, or Where did you come?

- Locative ablative syntaxeme:

3) Susie came out of the dressing - room. Susie came from the dressing - room. Susie come cut of there. Or Where did Susie come out of?

- Locative translative syntaxeme:

4) I started through the station. Where did you start through? and I started along the station. Or, I started through there / here.

- Locative objective syntaxeme:

5) They reached st. Albans. They reached here / there. They reached St. Albans. St. Albans was reached by them. Where did they reach?

So paradigmatic criteria of elementary syntactic units are:

a) Allocation of opposition paradigmatic series of locative syntaxemes;

b) Establishment of the series of options specific to each locative syntaxeme.

Syntagmatic criteria syntactic units with signs of locativity limited to the above-noted features of distributive compatibility syntaxemes, their positional features and location in the sentence.

References

1. M. R. Zhollybekova. Typology incomplete sentences dialogue speech in languages of different systems (based on the English and Karakalpak languages). Thesis paper. Tashkent, 2008. -22 p.

2. D. T. Kubeyanova. Syntax-semantic features of the personal pronoun in the sentence structure of the English language. Dis. Candidate. Philology. Science. - Nukus, 2008. – 151 p.

3. A. M. Mukhin. Linguistic analysis of the theoretical and methodological problems. - Leningrad: Nauka, 1976.-282 p.

4. U. Usmanov. Guidelines on the theory analysis of zero elements in the structure of incomplete sentences in the English dialogue speech. - Samarkand SamPPI, 1990. - 90 p.

5. U. Usmanov. Incomplete sentences with zero subject. Samarkand, SamSIFL, 1991. – 34 p.

Обруева Г.Х.

к.ф.н преп. СамГИИЯ

О ВНУТРИСИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (МЕТОДИКА АНАЛИЗА)

Целью данной статьи является описание фразеологических единиц с именами собственными посредством комплексного словарно – текстового анализа ономастической фразеологии английского языка во всём её объёме, определение соотношения национального и интернационального в английской ономастической фразеологии, выявление функций имён собственных – компонента фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, фразеобразование, ономастика, имя собственное, имя нарицательное, апелляция, коннотация.

Для языкознания (общего, сравнительно – типологического, романского, германского, славянского, тюркского и др.) последнего времени характерно быстрое развитие лингвистики текста и словаря, в результате чего «внутрилингвистическая типология текста» получает всё более результативную изученность наряду с развитием такого теоретического направления, как системно – уровневый анализ языка [Т. Bushuy, 1996, с. 47].

Так, вопрос об изучении имени собственного [ИС] занимает учёных со времён античности – с момента выделения стойками собственных имён в качестве самостоятельного класса слов. Свообразие имени собственного, специфика его семантики делают вопрос о статусе имени собственного одним из наиболее дискутируемых вопросов современной лингвистики. Многие лингвисты [А.М. Бушуй, 1981, с.200; J. Aitchison, 1994, с.114] считают ИС периферийной, «дополнительной» частью словарного запаса. Основное различие между ИС и нарицательными именами (апеллятивами) они видят в том, что ИС не имеют значения. ИС определяются на основе индивидуальной знаковой условности, а не на основе общего значения, т.е. основную функцию имён собственных усматривают в идентификации, выражении «предельной единичности» [S. Beans, 2005, с.227-228]. Все исследователи - представители данного направления - объявляют ИС семантически неполноценными [L.A. Dunkling, 2007, с. 114 – 115]. Свои положения они подкрепляют следующими доводами: ИС не выражают понятия, поскольку они, в отличие от ИН не заключают в себе признаков предметов, не обладают свойством обобщения, что, в свою очередь, предопределяет отсутствие у них лексического значения. Функциональное и языковое своеобразие ИС обуславливает необходимость рассмотрения особенностей проявления его семантической природы на всех уровнях языка – в том числе и на фразеологическом. Как известно, слова, подвергшиеся фразеологизации, претерпевают сложные семантические сдвиги. Природа компонента в современной фразеологии понимается не однозначно. Одни учёные считают компоненты фразеологической единицы (ФЕ) словами, другие полностью отказывают им в семантической. В связи с этим представляется весьма актуальным анализ функционирования в составе ФЕ собственного – единицы, лишённой семантики на уровне языка. Вскрытие семантических трансформаций ИС – компонента ФЕ будет способствовать более точному определению статуса имени собственного, а также решению вопроса о природе слова – компонента ФЕ.

Нерешённость вопроса о статусе ИС на современном этапе развития языкознания побуждает искать критерии определения ИС в исследовании его проявлений на разных уровнях языка и речи, в том числе в анализе функций ИС в составе ФЕ. Фразеологическая

сущность слова, т. е. его функционирование в составе ФЕ отличается от существования того же слова вне фразеологизма. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение особенностей функционирования в составе ФЕ такого сложного языкового знака, как имя собственное. Подобный анализ может способствовать не только раскрытию семантических трансформаций самого имени собственного, но и решению вопроса о природе слова – компонента ФЕ.

Имя собственное в составе ФЕ выполняет как особые ономастические (культурно – и социально – информативную), так и общеязыковые функции (дейктическую, экспрессивную, образно-экспрессивную). Доминирующую роль играет культурно-информативная функция, что подтверждается богатством коннотаций данной группы имён, их поликоннотативностью, словообразовательной и фразеобразовательной активностью. Второй экстралингвистической функцией является социально – информативная функция, которая на современном этапе обуславливается не словной дифференциацией гипокористических имён, а другими факторами – степенью распространённости имени, особенностями психолингвистического восприятия его носителей языка и т. п., что сближает актуализируемую в ФЕ социально – информативную функцию с интралингвистическими функциями ИС.

Одним из развитых видов системных отношений, присущих ФЕ, в отличие от структурно-адекватных им ИС в свободном употреблении, является синонимия. Так, некоторые ФЕ исследуемого типа имеют лексические корреляты среди нарицательных существительных ("межуровневая" синонимия). Например, Jack Ketch - a hangman, Jack Tar - a sailor, Tommy Atkins - a soldier. Несмотря на тождество предметно - логического значения каждой пары, между ними нет полного соответствия. Слова "a hangman", "a sailor", "a soldier" стилистически нейтральны, тогда как ФЕ употребляются в фамильярной разговорной речи. Переосмысленные, они более экспрессивны, чем слова. Для ФЕ исследуемого типа свойственна также внутригрупповая синонимия (частный случай "внутриуровневой" синонимии), что подтверждается существованием в английском языке следующих ФЕ: "David and Jonathan", "Damon and Pythias", "Pilades and Orestes". Все они выступают в значении "неразлучные друзья". Обладая понятийным тождеством, данные ФЕ не содержат никаких семантических различий. Они характеризуются стилистической однородностью, употребляясь как в устной, так и в письменной речи, и способны замещать друг друга во всех конкретных случаях употребления, что подтверждается следующими примерами: "Put up, for shame, put up, and be Pilades and Orestes, what was your quarrel?" [The Stanford Dictionary of Anglicised Words and Phrases, 1964, p. 589]. Everybody at Naples remarked the separation of the Damon and Pythias-indeed, Marrowfat had saved my life more than once. He had loved one warm clever boy who was frail in body, a consumptive type. The two had an almost classic friendship David and Jonathan. Будучи равноценными и в отношении употребительности (каждая встретилась в текстах пять раз), ФЕ David and Jonathan и Damon and Pythias обнаруживают все признаки абсолютных синонимов. Крайне редкая употребительность ФЕ Pilades and Orestes, равноценной в смысловом отношении ФЕ David and Jonathan и ФЕ Damon and Pythias, не позволяет, однако, признать её абсолютным синонимом последних.

Наложение любой из трёх вышеупомянутых ФЕ на омонимичное ей свободное сочетание (из ИС) является наглядной иллюстрацией их семантической несоизмеримости, оно даёт нам чёткое представление о характере различий между ними. Ср., например, ФЕ David and Jonathan со свободным сочетанием David and Jonathan. Семантические возможности ИС - компонентов ФЕ строго ограничены. Оба выступают в тождественном значении "верный друг", реализация которого требует соотнесения ИС с другим именем в том же значении. Смысловое содержание ИС - компонентов свободных сочетаний несравненно богаче. Выполняя свою непосредственную функцию идентификации объекта, собственно ИС в каждом отдельном случае выступает формой закрепления обобщенной совокупности характерных признаков определённого лица. Денотативно реализованные имена David и Jonathan, в отличие от ФЕ, вызывают представление лишь о каких-то конкретных существах мужского пола, вовсе не обязательно связанных узлами крепкой дружбы. Эти доводы справедливы также и в отношении характеристики семантических различий ФЕ Damon and Pythias, ФЕ Pilades and Orestes и соответствующих им свободных сочетаний. Ввиду индивидуального характера семантики компонентов последних, о синонимизации их не может быть и речи.

Номинативные тождество ФЕ с ИС, а также общность эмоционального тона [G. Backmann, 1991, с.109] обеспечивают их взаимозаменяемость, ср.: Not content with his own native religions machinery, the British bourgeois appealed to Brother Jonathan, the greatest organizer of religion as a trade [А.В. Кунин, 1996, с.123]. India expects Uncle Sam to give her help without any strings attached to it [D.S. Malhotra. Golden Dictionary of Idioms by D.S. Malhotra, Calcutta, 2002, p.561]. Буквализация значений компонентов ФЕ приводит к утрате ими фразеологического статуса. Свободные сочетания Brother Jonathan и Uncle Sam, не имея между собой ничего общего в семантическом плане, десинонимизируются. Эмоционально - экспрессивный момент, сопровождающий предметно-логическое значение адекватных им ФЕ, здесь также отсутствует. Разновидностью "внутриуровневой" синонимии являются ФЕ с коррелирующими компонентами - ИС. Ими могут быть "ИС", этимологически представляющие собой:

а) этнонимы:

It is Greek to me (you, etc.). It is double Dutch to me (you, etc.) - "китайская грамота, тарабарщина, абракадабра, бессмыслица"; I'm a Dutchman if - "будь я проклят, если"; I'm a Turk if - "провалиться мне на этом месте, если; я не я буду, если не; даю голову на отсечение, что";

To get one's Dutch up

To get one's Indian up = "разозлиться, выйти из себя"

To get one's Irish up.

Небезынтересно отметить, что слово Dutch, входя в состав различных устойчивых оборотов, синонимизируется с четырьмя "этнонимами": Greek, Indian, Irish, Turk, что стало возможным вследствие утраты всеми упомянутыми ИС своей исходной функционально - качественной специфики;

б) топонимы:

from China to Peru "от Китая до Перу; повсюду, везде"

from Dan to Beersheba "от Дана до Вирсавии; повсюду, везде";

в) дни недели:

When two Sundays come together === "никогда"

When two Fridays come together "после дождика в четверг"

г) имена:

Queen Ann is dead === "открыл Америку!"

Queen Elizabeth is dead

(как ответ сообщаемому устаревшую новость).

Некоторые ФЕ с коррелирующими ИС, несмотря на кажущуюся близость значений, нельзя признать синонимами. Ср.:

(as) old as Methuselah "старый как Мафусаил" (т.е. очень старый, древний);

(as) old as Adam

1) "Старо как мир, быльём поросло";

2) "Очень старый, древний (как мир)" ввиду различного характера сочетаемости, препятствующего их взаимозаменяемости.

Так, если компаративная ФЕ as old as Methuselah употребляется по отношению к людям, то компаративная ФЕ as old as Adam используется для характеристики абстрактных понятий и конкретных вещей. Ср.:

The missionary returned to America looking as old Methuselah [Y.F. Ong, Y. I. Yang, 1986, p.723]. That custom is as old as Adam [F.I. Wood, 1969, p.2].

...For that your precious fluid is older than Adam yet strong as the morning dew [Collins Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary, 2009, p.16]. Как видно, эти две компаративная ФЕ являются функционально непересекающимися, т.е. сосуществуют, не взаимодействуя между собой.

Таким образом, фразеологизация ИС (а вместе с ней и расширение его внутрисистемных связей) возможна лишь в том случае, если оно порывает как с общим, так и единичным значением и заключается в преодолении именем собственным своей семантической ограниченности. Важным показателем при выявлении дифференциальных признаков фразеологизированного ИС является антонимия, отсутствие которой у ИС как такового опять - таки обусловлено его спецификой. Следует отметить, что среди ФЕ исследуемого типа антонимия- явление довольно редкое. Однако характерен сам факт противопоставления их компонентов - "ИС". Приобретение этого семантического свойства именем собственным свидетельствует о его глубоком качественном перерождении и переходе в категорию имени нарицательного, либо в разряд фразеологизмов.

Полными антонимами являются следующие ФЕ: as rich as Croesus "богат, как Крез, очень богат" и as poor as Lazarus "беден, как Лазарь, очень беден," as poor as Job "бедный, как Иов, очень бедный". На первый взгляд кажется, что семантическая полярность этих ФЕ создаётся лишь антонимичностью компонентов - прилагательных. Однако, хотя слова rich и poor существуют как самостоятельные единицы, данные ФЕ обязаны своим существованием не им. Это подтверждается наличием в английском языке таких слов, как Croesus - "богач" и Lazarus - "нищий":

Henry did not care for that, at all. The paper's effort was purely voluntary and although he was no Croesus, he had started off the fund with a hundred guineas of his own [Collins Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary, 2009, p.332]. And now poverty threatened to seize her entirely and to remove this other world far upward like a heaven to which any Lazarus might extend, appealingly, his hands [Th. Dreiser, 1998, p. 373].

В составе ФЕ прилагательные rich и poor служат средством экспликации одного из признаков единичного понятия, восходящего к определённому денотату (лицу). В процессе дезинтеграции единичного понятия этот признак подвергается обобщению и типизации и становится понятийным ядром значения ФЕ.

Экспликация значения посредством прилагательного семантически как бы опустошает ИС. Освободившись от смыслового содержания, оно начинает функционировать в качестве усилителя выражения. В обобщённом виде значение данных ФЕ можно представить в виде формулы:

ФЕ = very + квалификат (прилагательное)

Ср.: as rich as Croesus = very rich.

В словах - антонимах Croesus и Lazarus противопоставление, в отличие от ФЕ, имплицитно. Наличие в языке этих своеобразных "конденсаторов" значения ФЕ служит подтверждением качественной перестройки ИС при переосмыслении. Антонимический контраст самих слов Croesus и Lazarus отнюдь не исчерпывает их функциональных возможностей. Каждое из них, в свою очередь, противопоставляет ФЕ с антонимичным компонентом - ИС и синонимично ФЕ, абсолютным представителем которого оно само является.

Собственно ИС Croesus и Lazarus (как реализованные, так и нереализованные) не имеют антонимов и синонимов ни в сфере ИС, ни среди ИН, ни среди ФЕ. Представляет интерес рассмотрение трёх вышеупомянутых ФЕ с соотносительными прилагательными rich и poor (значение ФЕ отличается от значения слова интенсивностью передаваемого признака). Если ФЕ as rich as Croesus, as poor as Lazarus, as poor as Job однозначны, то прилагательные rich и poor обладают развитой системой значений, каждое из которых вступает в синонимические и антонимические отношения с другими прилагательными. В словаре А. Хорнби у каждого из этих прилагательных зафиксировано 7 значений. [См: The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield, 2007, p. 958 - 559].

Столь широкий диапазон парадигматических возможностей не свойственен ФЕ. Моносемичность ограничивает их внутрисистемные связи. Именно это делает факт соотношения ФЕ as rich as Croesus с двумя антонимами as poor as Lazarus и as poor as Job весьма примечательным. Ведь слово rich в своём прямом номинативном значении "богатый" имеет лишь один антоним - слово poor в его основном значении "бедный". Подобная диспропорция (два полных антонима к одному значению) допустима лишь в сфере ФЕ, где случаи абсолютной синонимии, поддерживаемой различным характером образности, встречаются не так уж редко. Данные имена являются наиболее распространёнными среди других ИС личных. Это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что в процессе исторического развития они приобрели значение "человек вообще", синонимизировавшись с такими нарицательными существительными, как "a man", "a person". Именно в этом значении употребляется ИС Jack в нижеследующей реплике из романа Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи". Некая Faith Cavendish, разбуженная среди ночи телефонным звонком неизвестного ей человека, апеллирующего к ней от имени якобы её друга Эдмунда Бирдселла, называет его Джеком. Настоящее же имя лица Holden Caulfield: "I don't know anybody by that name, Jack. And if you think I enjoy being woke up in the middle -" [J.D. Salinger, 1998, p. 82]. В тех же значениях данные имена выступают и в ФЕ, за исключением случаев денотативного смещения ИС, т.е. там, где они переходят в нормативно несвойственную им номинативную сферу. [Например, poor John (Jack) - сушёная мерлуза; John (Tom) Collins - напиток]. Иная картина отмечается в сфере ИС. Как таковое, оно лишено вариативных потенциалов в отношении определённого денотата. Употребление разных имён применительно к одному лицу затруднило бы акт коммуникации, оно противоречило бы природе и назначению ИС. В ФЕ такое явление (хотя бы и в известных пределах) вполне допустимо, поскольку здесь ИС участвуют в обозначении целого класса однородных предметов и утрачивают свою ономастическую функцию, подтверждением чего и является возможность варьированных ИС в рамках одной ФЕ.

Следует отметить, что варианты ФЕ равноправны и обладают абсолютным тождеством. We'd had a few John Collinses at dinner [B.H. Lawrence, 1990, c. 160]. She and old Marty were drinking Tom Collinses [J.D. Salinger, 1998, p. 91]. Сигнализатором качественно преобразованного ИС является совместное употребление в пределах данного отрезка высказывания подлинного имени лица и "имени" - характеристики: Eif Stone was a smart aleck with a lot of loose talk coming from his big trap. He wouldn't need my advice // "What a thorough John Bull you are, Arthur!" (А.В. Куни, 1996, с. 252).

По итогам вышепроведённых наблюдений можно сделать следующие обобщения:

1. ФЕ исследуемого типа представляют интерес прежде всего с точки зрения изучения особого структурного компонента - ИС.
2. ИС - языковая категория, существование которой обусловлено необходимостью индивидуализации во многом сходных объектов реальной действительности. Узловым пунктом всех противоречий, возникающих при изучении этого сложного явления, является проблема его содержательной интерпретации.
3. В функционально - семантическом плане ИС противопоставляет как ИН, так и ФЕ, на фоне которых оно получает двойную негативную характеристику по всем показателям.
4. Фразеологизация ИС - (а вместе с ней и расширение его внутрисистемных связей) - возможна лишь в том случае, если оно порывает как с общим, так и с единичным значением и заключается в преодолении именем собственным своей семантической замкнутости.
5. Преобразование имени собственного в составе фразеологизма идёт по линии сближения его с именем нарицательным. Как и последнее, оно приобретает возможность выражать понятие, соответствующее классу однородных предметов. "Апеллятивный" характер фразеологизированного ИС подтверждается как парадигматическими, так и синтагматическими его свойствами.

Литература

1. Бушуй, А.М. Имя собственное как компонент тавтологических комплексов // Вопросы ономастики. I. Труды СамГУ №214. -

Самарканд, 1981. – С. 138-146.

2. Кунин, А.В. Английская фразеология (Теоретический курс). – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа - Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

4. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction in the Mental Lexicon. – Oxford; New York: Basil Blackwell, 1994. – 290 p.

5. Backman, G. Meaning by metaphor: An Exploration of Metaphor with a Metaphoric Reading of Two Short Stories by Steven Crane. – Uppsals: (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia; 75), 1991. – 203 p.

6. Beas S. Symbolic and Pragmatic Semantics. – Chicago: University of Chicago Press, 2005. – 450 p.

7. Bushuy, T.A. Phraseological Equivalentation as a Problem of Contrastive Lexicography // Contrastive Linguistics. – Sofia, 1996. - №1. - P. 30-35.

8. Dunkling, Leslie Alan. First names first. – London: Dent, 2007. – 285 p.

Словари и тексты

1. Collins, Cobuild. Advanced Learner's English Dictionary. New edition - London: Harper, 2009. – 1712p.

2. Dreiser, Theodore. Sister Carrie. – Moscow: Higher School Publishing House, 1998. – 596 p.

3. Lawrence, D.H. Selected Essays. – Harmondsworth: Penguin Books, 1990. – 351 p.

4. Malhotra, D.S. Golden Dictionary of Idioms by D.S. Malhotra, Calcutta, 2002. – 1594 p.

5. Ong, Y. F., Yang, Y. I. A Complete Dictionary of English Phrases. Shanghai: Commercial Press Ltd., 1986. – 1520 p.

6. Salinger, J. The Catcher in the Rye. – New York: Basil Blackwell, 1998. – 448 p.

7. The Stanford Dictionary of Anglicised Words and Phrases. – London: Longman, 1964. – 1240 p.

8. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. – London: Oxford University Press, 2007. – 1600 p.

9. Wood, F. I. English Colloquial Idioms. – London: Longman, 1969. – 660 p.

Павлова Г.Ш.

Астраханский Государственный Университет

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация

В данной статье рассматривается эмоционально-оценочная функция знаков препинания в поэтическом тексте. Знаки препинания, разделяясь на грамматические, смысловые и интонационные, играют важную роль в выражении главной идеи произведения, что непосредственно связано с эмоциональным значением текста произведения.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная, познавательная деятельность, оценочный компонент, стилистическая нагруженность.

Key words: emotional and evaluative, cognitive activity, evaluative component, stylistic response.

Среди различных проблем, разрабатываемых современной лингвистической стилистикой, вопрос о знаках препинания в поэтическом тексте занимает одно из важных мест. Это доказывается, в частности, тем характерным фактором, что учебные пособия по стилистике включают описание поэтических текстов и роль синтаксиса в их описании. Они стали объектом исследования в многочисленных статьях, сборниках, что представляет актуальность данной темы.

Проблема о функциях знаков препинания может рассматриваться как с синтаксической, так и со стилистической точки зрения. Данная статья рассматривает подход со стилистической точки зрения, дабы выявить значение эмоционально-оценочной функции знаков препинания в поэтическом тексте.

Академик Л.В. Щерба писал, что целью толкования художественных произведений «является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [Томашевский Б.В.:1999]

Действительно, одним из самых необходимых является значение эмоционально-оценочное. Эмоциональное (эмотивное) значение отражает отношение к называемому объекту и непосредственно связано с познавательной деятельностью человека. «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческое искание истины», писал В.И. Ленин. Эмоциональное значение, как правило, выступает в сочетании с оценочным, и сам факт разделения эмоций на положительные и отрицательные свидетельствуют о тесной взаимосвязи эмоций и оценки.

Оценочный компонент неразрывно связан с предметно-логическим, уточняет и дополняет его и поэтому может входить в словарную дефиницию. В отличие от эмоционального компонента оценочный не способствует факультативности или ослаблению синтаксических связей.

Эмоционально-оценочное значение нередко отождествляют с экспрессивным. Они действительно сосуществуют в одном слове, не являясь при этом идентичными, так как основная функция первого основывается на желании говорящего выразить себя, а второго – повлиять на адресата. Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического значения. Чистыми знаками эмоций являются междометия. Многие эмоциональные слова, а междометия в особенности, выражают эмоцию в самом общем виде, даже не указывая на ее положительный или отрицательный характер. Но не только междометия могут выражать эмоции, также знаки препинания несут эмоциональную функцию. Выражение эмоции или чувства обычно связано не только и не сколько с желанием сообщить о них, сколько со стремлением передать их другим.

В истории языкознания сложились три основных направления в оценке роли и принципов пунктуации: логическое, синтаксическое и интонационное. Ф.И. Буслаев сформулировал назначение пунктуации следующим образом: «Так как посредством языка одно лицо передает мысли и чувствования другому, то и знаки препинания имеют двоякое значение: 1) способствуют ясности в изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого или одну часть его от другой, и 2) выражают ощущение лица говорящего и его отношение к слушающему». Во второй половине двадцатого столетия наряду с этими традиционными направлениями наметилось и коммуникативное понимание роли пунктуации – «возможность подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова или группы слов».

В лингвистическом термине знаки препинания, таким образом, зафиксировано понимание их как сигналов паузы, заминки, остановки перед каким-либо препятствием, возникшим на пути плавного течения речи.

При анализе же роли знаков препинания в художественном произведении еще большую важность приобретает двусторонняя функциональная значимость пунктуации: «пунктуация для пишущего» и «пунктуация для читающего».

Пунктуация в художественном тексте выполняет свои задачи, зависящие от специфики синтаксической системы художественной литературы, как пишет Н.С. Валгина. Слово, как правило, в художественном тексте обладает большим количеством значений. Оно не может быть «не мотивированным, с пустым, мертвым, произвольно условным значением» [Валгина Н.С.:1983]. Многочисленность, экспрессивность языка художественной литературы сказываются и на ее пунктуации.

В художественных текстах многое зависит от умения автора при помощи пунктуации передать тончайшие оттенки смысла, которые не могут быть выражены только словами и только синтаксическим строем высказывания, поэтому пунктуацию можно с полным основанием назвать одним из средств повышения выразительности текста и одним из средств создания авторского слога.

И.В. Арнольд пишет, что форма существования литературного художественного произведения отличается от формы существования произведения изобразительного искусства в своем отношении к материалу. Стихотворение остается самим собой – напечатано ли оно и прочитано в журнале или произнесено и услышано с эстрады или по радио. Так как восприятие литературных произведений происходит преимущественно через чтение, то графическое их оформление оказывается делом большой важности [Арнольд И.В.:1981].

Особенно важное место в ряду графических стилистических средств принадлежит пунктуации, поскольку наряду с функцией членения предложения на составляющие его синтаксические части, членением текста на предложения пунктуация указывает и многие элементы, важные в эмоционально-экспрессивном отношении, например эмоциональные паузы, иронию и многое другое. Пунктуации принадлежит важная роль в передаче отношения автора к высказываемому, в намеке на подтекст, в подсказке эмоциональной реакции, которую ожидают от читателя.

Безусловно, стилистическая нагруженность различных знаков препинания неодинакова. Особого внимания заслуживают восклицательный и вопросительный знаки. Сама насыщенность ими текста свидетельствуют о его эмоциональности. Важную роль выполняют также эмоциональные паузы, отмеченные тире. Эмоциональные паузы часто указываются многоточием. Паузы и, соответственно, многоточия отражают различные состояния говорящих. Тире или многоточие может указывать на затянутую паузу перед каким-нибудь важным словом для того, чтобы привлечь ему внимание.

Стилистическая функция точки может быть различной. Точка ставится в конце законченного предложения как полного, так и неполного. Но точка также указывает и паузу, и интонацию.

Согласно классификации Н.С. Валгиной, знаки препинания делятся на грамматические, смысловые и интонационные [Валгина Н.С.:2004]. Можно определенно сказать, что каждое произведение, в том числе и поэтическое, включает такие знаки, которые членят текст на грамматические значимые части, помогают установить соотношенность частей, указывают на конец изложения одной мысли и начало другой. Но интересным представляется то, что выбор знака зависит от смысловых взаимоотношений частей предложения. Рассматривая примеры, следует выделить такой грамматический знак как точка с запятой, который представляет наибольший интерес и составляет большую часть примеров.

We're low – we're low – we're very, very, low

As low as low can be; (The song of the Low)

<Мы низкие – мы низкие – мы очень, очень низкие

Насолько низкие, насколько это может быть>

Из данного примера видно, что точка с запятой, неся свою грамматическую функцию, т.е. пунктуационно завершая предложение, также сигнализирует о незавершенности ситуации, о колебаниях и об отрицательных суждениях автора, что определяет его оценочную функцию.

There's strength in our bands –

Our fate's in our hands; (A song for the People by E. Johns).

<Когда мы едины – есть сила

И наша судьба в наших руках>

В данном примере точка с запятой завершает предложение, но не завершает основную идею, где люди, которую борются за свою жизнь, не хотят быть рабами, у них есть сила. Точка с запятой показывает эмоциональное состояние автора.

Далее следует рассмотреть такие знаки препинания как точка и запятая.

I'm nobody. Who are you? (E. Dickinson "I'm nobody")

<Я – никто. Ты кто?>

Грамматическая направленность данного знака состоит в том, что он стоит в конце предложения, фиксируя его завершенность. Но точка здесь также указывает и паузу, и интонацию, которая передает эмоциональное качество речи. Действительно, если перевести данное предложение, можно понять, что оно передает эмоциональное состояние героя.

Что касается вопросительного знака, то, наряду с функцией указания характеристики предложения (вопрос), он является важным в эмоционально-оценочном отношении. Сама насыщенность ими текста говорит о его эмоциональности. В данном стихотворении автор использует в одной строфе два вопросительных знака, где употребление второго знака показывает наибольшую эмоциональность.

I'm nobody. Who are you?

Are you – Nobody – too?

<Я – никто. А ты – ты кто?>

Может быть – тоже – Никто?>

Можно также сказать, что этот знак передает смысловоразличительную функцию, благодаря которому становится ясным то, что хочет сказать автор.

Тире – знак очень емкий по значению. Он прежде всего означает всевозможные пропуски. Тире передает значение условия, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления. Его также можно назвать знаком неожиданности.

*Are you – **Nobody** – too?*

Don't tell – they'll banish us – you know!

*How dreary – **to be** – Somebody!*

How public – like a Frog –

To tell your name – the livelong June –

To an admiring Bog!

<Может быть – тоже – Никто?>

Молчи – чего доброго – выдворят нас за порог!

Как уныло – быть кем-нибудь!

И – весь июнь напролет –

Лягушкой имя свое выкликать –

К восторгу местных болот! >

Рассматривая назначение знака тире в данном стихотворении, видно, что, наряду с грамматической функцией, а именно членением предложения на части, тире передает эмоциональную функцию. Эти функции взаимосвязаны. В первом случае использования тире автор выделяет слово, чтобы показать, что таких людей, которые не принимают правила общества, много. В другом случае Дикинсон ставит слово между двух тире, что означает «существовать», показывая, что опасно быть кем-то и, что герой существует в своем обособленном мире. Эмоциональность выражена различными состояниями героя, где если в начале он спокоен, то в конце идет большой наплыв чувств и эмоций.

Логичным представляется здесь рассмотрение восклицательных знаков, которые представлены в конце данного стихотворения и оформляют предложения с явно выраженной эмоциональностью.

Don't tell – they'll banish us – you know!

How dreary – to be – Somebody!

<Молчи – чего доброго – выдворят нас за порог!

Как уныло – быть кем-нибудь! >

По мнению В.А.Кухаренко, восклицательный знак вообще наиболее экспрессивен из всех имеющихся знаков препинания. В эмоционально-оценочном плане он указывает «восклицательность», накал эмоций [Кухаренко В.А.:1988].

Знаки препинания помогают пишущему сделать очень тонкие смысловые выделения, заострить внимание читателя на важных деталях, показать их особую значимость и выразительность, так же смысловая и психологическая глубина, некоторая напряженность, необычность и исключительность передаются.

Роль смыслового различителя выполняют запяты. Запятая относится к отделяющим знакам, которая членит текст на значимые в грамматическом и смысловом отношении части. Она также фиксирует паузу различительной степени длительности. Запятая может заменить точку.

Рассмотрим стихотворение Эмили Дикинсон «После», где она рассказывает о пережитом большом страдании.

*After great pain, a formal feeling comes –
The Nerves sit ceremonious, like Tombs –
<После страшной боли чувства стынут –
Нервы – как надгробья – церемонно сидят ->*

Запятые, расставленные правильно, играют большую роль и передают смысл всего стихотворения. Здесь можно рассмотреть, что после больших страданий жизнь как будто останавливается, человека как будто нет – есть его нервы, сердце, ноги, он смотрит на себя отчужденно, со стороны. Эмоциональность данного отрывка передается паузами, где запятыми указаны короткие паузы. Они передают оглушенность, отрешенность и безразличие. Следовательно, в передаче смысла и главной идеи важная роль отводится эмоционально-оценочной функции.

Не меньшая смысловоразличительная роль отводится знаку двоеточие. Двоеточие – знак содержательно значимый. Он предупреждает о последующем разъяснении и пояснении. Разъяснительно-пояснительная функция представлена следующими значениями: причиной обусловленности, обоснования, раскрытия содержания, конкретизации общего понятия.

Рассмотрим стихотворение Вордсворта “Daffodils”, где интерес представляет двоеточие, важный для композиции этого стиха и для понимания его основной философской сути.

*I wandered lonely as a cloud
When all at once I saw a crowd,
A host of golden daffodils,
They stretched in never – ending line
Along the margin of the bay:
The waves beside them danced, but they
Outdid the dancing waves in glee:
I gazed and gazed but little thought
What wealth the show to me had brought:
<Я брел один среди долин, как облачко меж гор седых.
Вдруг я заметил средь вершин
Ковер головок золотых,
Они вились по очертанию
Излучины береговой:
Волна блестит цветам в ответ,
Но ярче разноцветный луг:
Смотрел на чудо и не знал,
Что я богатство обретал: >*

Все три раза двоеточие указывает на переход от описания красоты природы к внутреннему состоянию героя. А ведь именно связь природы и душевного состояния человека и есть идейная основа этого стиха.

Существенное значение для подсказа общей эмоциональной реакции имеет единственный в стихе восклицательный знак. Взглянув на какой-нибудь текст и заметив, что в нем много восклицательных знаков, многоточий и тире, текст можно определить как взволнованный. В данном стихе автор создает эмоциональность за счет образного строя и музыкальности. Поставленный после длинного предложения восклицательный знак указывает не столько на взволнованность, сколько на приподнятость тона.

*A poet could not but be gay
In such a jocund company!
<Поэт унылым быть не смог
В такой кампании проворной!>*

Итак, исходя из вышеизложенного понятно, что пунктуация играет важную роль в поэтическом тексте. В поэзии, как область литературы, интерес направлен на само произведение. В художественных текстах многое зависит от умения автора при помощи пунктуации передать тончайшие оттенки смысла, выразить свое отношение. В поэтическом тексте, как ни в каком другом, широко используются такие знаки препинания, которые выражают эмоционально-оценочную функцию, что было рассмотрено на основе примеров.

Наиболее эмоционально окрашенными являются восклицательный, вопросительный знаки, тире. Менее эмоциональными оказываются многоточие, двоеточие. Запятая, точка с запятой, точка в большинстве случаев передают грамматическую направленность, но могут передавать эмоционально-оценочную функцию, которая выражена менее всего.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка, Л., 1981
2. Арнольд И.В., Тарасова В.К. Современная английская и американская поэзия, Л., 1987
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной пунктуации, М., 2004
4. Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации, М., 1983
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - М.: Просвещение, 1988..
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического стихотворения. Л., 1972
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика, Аспект-Пресс, 1999.
8. Хрестоматия по английской литературе. Л., 1978.

Пальмина В.В.

Аспирант кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДЕТЕКТИВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-21 ВВ.

Аннотация

Цель данной работы – сравнить употребление заимствований в детективных произведениях 20-го и 21-го веков, выявить их основные виды и формы.

Ключевые слова: детективное произведение, заимствование, сравнительный анализ

Key words: detective story, loanword, comparative analysis

Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные.

Заимствование лексики является следствием сближения народов на почве экономических, политических, научных и культурных связей. [5, 139]

В большинстве случаев заимствованные слова попадают в язык как средство названия новых вещей и выражения ранее неизвестных понятий. Заимствованные слова могут также явиться вторичными наименованиями уже известных предметов и явлений. Это происходит, если заимствованное слово как-то по-другому характеризует предмет, если оно является общепринятым интернациональным термином или внедряется в язык насильственно (при военной оккупации). [11]

«Заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой». [4, 158]

Существует несколько классификаций видов заимствований.

А.А.Реформатский прежде всего различает заимствования «усвоенные и освоённые» и «усвоенные, но не освоённые». С его точки зрения, слова, освоённые в языке-реципиенте, «делаются «незаметными» и былую чужезычность можно открыть только научно-этимологическим анализом». Неосвоенные слова не всегда являются частью ежедневного лексикона в силу своего значения и сферы употребления. [5, 139-140]

К.А.Левковская все иноязычные слова в немецком языке делит на две группы. К первой группе она относит заимствования, уже достаточно длительное время функционирующие в языке-реципиенте и в силу давности подвергшиеся определенным изменениям согласно нормам заимствующего языка. Ко второй группе относятся иностранные слова, которые сохранили следы иноземного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей. Сюда же относятся и интернационализмы. [3, 237-243]

Л.Р.Зиндер и Т.В.Строева иначе классифицируют заимствования немецкого языка. Они делят всю лексику на немецкие и иностранные слова. К первой группе относятся как исконно немецкие слова, так и полностью освоённые заимствования и интернационализмы. Ко второй группе относятся заимствованные слова, которые подверглись неполной ассимиляции. [1, 371-372]

Схожую позицию в отношении данной проблемы занимают А.М.Искоз и А.Ф.Ленкова. Однако они критикуют отнесение интернационализмов к немецким словам. Под интернационализмами они понимают «слова иностранного происхождения, свойственные многим языкам мира и выражающие определенные понятия в сфере экономики, политики, науки, техники, культуры, искусства, повседневной жизни». Именно поэтому А.М.Искоз и А.Ф.Ленкова выделяют интернационализмы в отдельную группу в классификации видов заимствований, в целом подразделяя все лексические единицы иноземного происхождения на три группы:

- заимствования, которые уже полностью подверглись ассимиляции формам немецкого языка, никоим образом не указывая на свое иноязычное происхождение;

- интернационализмы;

- иностранные слова, в той или иной степени сохранившие признаки чужеземного происхождения. [2, 109-111]

Несмотря на разнообразность предложенных классификаций, все авторы руководствуются критерием освоённости.

Поскольку полностью ассимилированные заимствования, являющиеся неотъемлемой частью языка и в большинстве случаев не имеющие исконно-немецких эквивалентов, свойственны каждому литературному жанру, особый интерес для нашего исследования представляют заимствования, сохранившие признаки иностранного происхождения (иностранные слова и интернационализмы). Поэтому в данном исследовании предлагается воспользоваться классификацией К.А.Ленковой.

Материалом для исследования послужили произведения Г.Радтке «Kriminalistenpunsch» (20 в.) и А.Франца «Unsichtbare Spuren» (21 в.), лексика которых была сопоставлена, с целью выявить особенности употребления заимствований в детективах 20-21 веков. Из указанных произведений методом случайной выборки были отобраны равные фрагменты текста (500 лексических единиц), лексика которых была проанализирована с точки зрения ее происхождения. В результате было установлено, что во фрагменте произведения Г.Радтке из 500 слов 26 являются заимствованными (что составляет 5,2% текста). Большинство из них пришли в немецкий язык из латинского (14 слов), и французского (9 слов). Также были обнаружены заимствования из итальянского и греческого языков.

В произведении А.Франца на 500 слов отобранного текста приходится 32 заимствования (6,4%). Среди них, также как и у Г.Радтке, преобладают латинизмы (15 слов) и галлицизмы (13 слов). Также были выявлены заимствования из английского и итальянского.

Обнаруженные слова являются усвоенными, но не освоёнными (нем. Fremdwörter) поскольку были ассимилированы в языке-реципиенте лишь частично. Все рассмотренные заимствования были подвергнуты грамматической ассимиляции. Заимствованные существительные и глаголы склоняются и спрягаются по правилам немецкого языка. Например,

Nominativ	das Poster
Genitiv	des Posters
Dativ	dem Poster
Akkusativ	das Poster

англ.	
I toasted	we toasted
you toasted	you toasted
he/she/it toasted	they toasted

нем.	
ich toastete	wir toasteten
du toastetest	ihr toastetet
er/sie/es toastete	sie toasteten

Глаголы образуют основные формы, а существительные – формы множественного числа согласно нормам немецкой грамматики. Большинство из существительных также изменили род. Ср., фр. le règlement (m) – das Reglement (n)

Обнаруженные в обоих произведениях иностранные слова сохранили свой фонетический облик и практически полностью – графический. Исключения составляют существительные, которые по правилам немецкой орфографии пишутся с большой буквы, а также некоторые французские заимствования, в написании которых с было изменено на k, á, é – на a, e соответственно, раздельное написание – на слитное. Ср., фр. compagnon – нем. Kompanion, фр. négligé – нем. Neglige, фр. á propos – нем. arporos.

Говоря о классификации заимствований, нельзя оставить без внимания вопрос о формах заимствований.

Здесь следует отметить, что такие исследователи, как Ю.С.Маслов, А.А.Реформатский, В.И.Кодухов, К.А.Левковская и др. выделяют лишь две формы заимствований: прямой перенос и калькирование.

При прямом переносе заимствуется не только значение иноязычной лексической единицы, но и – с той или иной степенью приближения – материальный компонент, то есть словообразовательная модель.

При калькировании перенимается значение и словообразовательная структура иноземного слова, но не его материальная оболочка. При этом внутри группы подобных заимствований М.Д.Степанова и И.И.Чернышева выделяют три подгруппы: калькирование, формальное калькирование, семантическое калькирование. [7, 47-49]

Аналогично классифицирует формы заимствований Н.И.Филичева, указывая при этом на тот факт, что удельная масса переводных заимствований проникла в немецкий язык в средневековый период, в основном благодаря деятельности церковных переводчиков. [6, 98]

Проанализировав лексический материал выбранных произведений, следует отметить тот факт, что в них употребляются иностранные слова, образованные в результате прямого переноса. Ср., фр. le grand seigneur (вельможа, барин) – нем. der Grandseigneur (вельможа); фр. la rage (бешенство, ярость, досада) – нем. die Rage (ярость, неистовство, возбуждение). Данные заимствования воспроизводят не только значение слов языка-оригинала, но также их написание и звучание.

Так же следует отметить, что, хотя употребление заимствований в равной мере свойственно детективным произведениям и 20 и 21 века (в среднем 3,5 слова на страницу), их применение неоднородно. Если Г.Радтке использует иностранные слова в основном при описании речи героев, для придания ей большей колоритности, то у А.Франца иностранные слова в равной степени встречаются как в речи персонажей, так и в авторской речи при описании событий произведения.

Таким образом, в результате исследования было установлено, что употребление заимствованных слов, в той или иной степени сохранивших черты своего происхождения, практически в равной мере свойственно детективным произведениям как 20-го, так и 21 века (5,4% и 6,4% текста соответственно). В обоих случаях среди иностранных слов преобладают латинизмы и галлицизмы, подвергнувшиеся, как и другие заимствования, грамматической, а также частично графической и фонетической ассимиляции.

Литература

1. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. – М: Изд. лит.на ин. языке, 1957, 420 с. – С.371-372
2. Искоз А.М., Ленкова А.Ф. Лексикология немецкого языка. – 3-е изд. – Ленинград: Изд-во «Просвещение», 1970, 296 с. – С.109-111
3. Левковская К.А. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1968, 319 с. – С. 237-243
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов.энциклопедия, 1990, 683 с. – С.153
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 1998, 536 с. – С.139-140
6. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. М.: Просвещение, 1992, 176 с. – С.98
7. Чернышева И.И., Степанова М.Д. Lexikologie der deutschen Sprache. – М.: Высшая школа, 1975, 256 с. – С.47-49
8. Duden, Das Herkunftswörterbuch, 4.Aufl., Mannheim, 2007 [CD-ROM]
9. Franz A. Unsichtbare Spuren. – Knauer, 2007, 462 S.
10. Radtke G. Kriminalistenpunsch. – Greifenverlag zu Rudolstadt, 1981, 266 S.
11. <http://lib.rus.ec/b/217819/read>

Савельева О.С.

Канд. филол. наук, докторант, Челябинский государственный педагогический университет

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РОЛЬ В СТРУКТУРЕ КЛАССНОГО КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ

Аннотация

Считаем своей целью описать в статье особенности и роль личных существительных в семантической структуре категории предметности. Задачи: представить выявленную семантическую структуру категории предметности; дать характеристику этой структуры; указать место одной из ее частей – разряда существительных, обозначающих человека; описать особенности разряда и его роль в новом понимании категории рода.

Ключевые слова: грамматические категории, предметность, существительное.

Key words: a grammatical category, a noun, an objectivity.

Многолетнее исследование категории рода позволило нам представить в 2005 г. следующую систему грамматических категорий существительного: категория качества (предметности), категория количества (числа), категория отношения (падежа) (см., например, статью в журнале «Филологические науки [2]). В настоящее время наше внимание уделено изучению свойств главной категории существительных, которой мы считаем категорию предметности, занимающую, по нашему мнению, в современном русском языке место категории рода. Мы выявили семантическую структуру категории предметности и охарактеризовали ее.

Под структурой классного категориального значения мы понимаем его строение, проявляющееся в наличии взаимосвязанных элементов – частных значений. Структурность – это природа, сущность грамматической категории.

В результате анализа оригинальной картотеки существительных мы выявили, что категория предметности имеет очень сложную семантическую структуру. Сложная семантическая структура – свидетельство устойчивости категории, где самое прочное – классное категориальное значение. Категориальное значение предметности – обязательный элемент значения, общее значение предмета устойчиво сохраняется во всех единицах структуры. Другие же типы значений (подклассов, групп и т.п.) указывают не только на общее, но и на различия в предметных значениях.

Сложность структуры категории предметности обусловлена богатством, сложностью предметного мира. Неспособность категории рода выразить эту сложность предметного значения, более того, отсутствие семантической структуры у категории рода, называемой основным средством выражения предметного значения, на фоне представленной выше семантической структуры категории предметности очевидны.

Вернемся к структуре классного категориального значения предметности. Субкатегориями подкласса конкретных существительных мы считаем: собственно конкретные, вещественные, собирательные и единичные существительные. Собственно конкретные (называемые также конкретнопредметными, собственно предметными, предметными и т.п.) существительные, обозначающие материальные предметы, ограниченные в пространстве и во времени, представлены в своей основе исчисляемыми существительными (такие существительные обозначают считающиеся предметы, сочетаются с количественными числительными).

Собственно конкретные существительные, по нашему мнению, являются базой подкласса конкретности, т.к. представляют весь материальный предметный мир; основой же предметности является весь подкласс конкретных существительных. Так, материальные предметы, согласно философским знаниям, – база всех действительно существующих предметов. В современном языковедении предметными, или собственно конкретными, называют существительные, являющиеся разновидностью конкретных, «их лексическое значение соответствует категориальному значению существительных – "предметность"» [3, с. 241].

Субкатегория собственно конкретных обозначений охватывает разряды, количество которых может варьироваться в зависимости от целей классификации, оснований классификации и т.п. Мы выделяем самые большие, на наш взгляд, разряды: 1) обозначения человека; обозначения животных; 2) обозначения всех непосредственно окружающих человека предметов. Обозначения человека (разряд 1) являются очень сложным семантическим объединением предметности, включающим, по данным нашей картотеки, 86 групп. В качественное своеобразие групповых значений личных существительных заложены самые разнообразные признаки:

– интеллект, интеллектуальная деятельность; такие существительные составляют группу со значением «человек, связанный с интеллектуальной деятельностью»: *знаток, аналитик, мыслитель, теоретик, эрудит* и т.п.

– мировоззрение; групповое значение «человек по взглядам, проявляющимся в поведении, образе жизни»: *аскет, мечтатель, мещанин, оптимист, сноб, эстет* и т.п.;

– эмоции; групповое значение «человек по эмоциональному состоянию»: *весельчак, гордец, добряк, мизантроп, альтруист, трус, храбрец* и т.п.

– социальное положение; значение «человек по отношению к деньгам, их расходованию»: *расточитель, скупец, бесребреник* и т.п.

– внешность; групповое значение «человек по особенностям внешнего вида, одежды»: *неряха, щеголь, пугало, модник* и т.п.

- политические взгляды; групповое значение «человек по политическим взглядам»: *демократ, коммунист, нигилист, республиканец, роялист* и т.п.
- профессия; групповое значение «человек по профессии, специалист»: *конструктор, модельер, преподаватель, редактор, электрик* и т.п.

Семантическая структура категории предметности завершается минимальными объединениями семантического характера и единицами, стоящими отдельно. Каким бы ни было существительное в составе любой субкатегории, группы и т.п., оно имеет свое ядро, мы называем этот эталонный признак признаком качества. Каждая единица обязательно имеет эталон, предметность. По этому эталонному свойству назван предмет, под этим эталоном – совокупность других свойств.

В процессе выбора главного признака категория предметности выполняет ограничительную и обобщающую функции: 1) ограничивает совокупность существенными признаками, несущественные признаки оставляет внешними, т.е. определениями; 2) обобщает значения отдельных слов. В этом сложном процессе происходит тесное переплетение лексического и грамматического значений.

Анализ индивидуальных значений личных существительных показал, что в совокупности облигаторных признаков в каждом отдельном личном существительном подчеркивается какой-либо главный признак – эталон: возраст, место жительства, образ жизни, профессия, особенности разнообразных отношений человека с кем-л., чем-л., манера поведения, привычки, семейное положение, степень родства и т.п. В результате исследования значений личных существительных мы выявили, что такой признак, как «биологический пол» в совокупности облигаторных свойств не является главным для большинства личных существительных, признаком-эталонном, по которому назван предмет. Среди признаков в значениях личных существительных, безусловно, встречается указание на биологический пол. Мы установили, что содержат этот признак группы существительных, обозначающих: а) человека определенного возраста: *бабушка, девочка, мальчик, подросток* и т.д.; однако не все существительные данной группы содержат указание на пол как на облигаторный признак: *одногодок, сверстник, ровесник*; б) людей, связанных наличием общих предков: *брат, внук, дочь, мать* и т.п.; в этой группе не связаны с полом: *предок, родоначальник, родственник* и т.д. в) людей по отношению к браку, супружеству: *жена, супруга, муж, многоженец, холостяк* и т.п. Признаком-эталонном пол человека является, на наш взгляд, только в группе *в*.

Все признаки-эталонны отражены в семантической классификации существительных, но не влияют на сущность и степень абстрактности грамматического значения; категория предметности существительных, называемая нами категорией качества, обладает наивысшей степенью абстрактности; значение пола, присущее отдельным группам личных существительных, не может входить в грамматическое значение, присущее целому классу слов и одновременно каждому слову в этом классе.

Анализ существительных доказывает, что эталон – глубинный, уникальный, дающий имя предмету – это источник огромного разнообразия предметов, т.к. каждый предмет обладает эталонным свойством. Значение предметности в высшей степени как абстрактно, так и структурно. В категориальном значении предметности содержатся значения субкатегориальные, групповые и т.д. В каждом существительном каждой части этой структуры подчеркивается предметность.

В заключение отметим следующее: сложность семантической структуры предметности отражает естественную классификацию качественно своеобразных явлений действительности, т.е. обусловлена богатством предметного мира, отмеченным непрерывно развивающимся сознанием человека. Анализ структурных частей предметного значения, в частности разряда личных существительных, позволяет отметить: бедность категории рода как средства выражения предметного значения, его конвенциональность, отсутствие у категории рода семантической основы и семантической структуры отчетливо проявляются на фоне сложной семантической структуры категории предметности.

Литература

1. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
2. Савельев О.С. От категории рода к категории предметности / О.С.Савельева // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 93–100.
3. Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1991. – 383 с.
4. Лопатин В.В. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – 928 с.

Тибинько Н.Д.

Магистр, соискатель на ученую степень кандидата наук ЧелГУ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА

Аннотация

В статье рассмотрены различные аспекты в исследовании дискурса. Под «дискурсом» понимается процесс порождения «текста», который, в свою очередь, выступает уже как «результат». Также рассматривается контекст дискурса, который моделируется в форме «фреймов».

Ключевые слова: дискурс, текст, фрейм, сценарий, контекст.

Keywords: discourse, text, frame, script, context.

Понятие «дискурс» существует относительно недолго, однако оно (так же как и понятие «текст») многозначно и многопланово. Само понятие «дискурс» пришло к нам вместе с понятием «дискурс-анализ», когда внимание исследователя стало переключаться с текста на «затекст». Наиважнейшим становится контекстное поле, в частности социальный контекст, а затем и знаковый контекст (интертекстуальность – текстовые поля и текстовые секвенции). В результате понадобилось включить в анализ текстов такие категории, как жанр, нарратив, сценарий (литературоведческая парадигма), фрейм, миф (эпистемическая парадигма), аудитория, роль, статус (социологическая парадигма), интерпретация (герменевтическая парадигма). Как мы видим, дискурс-анализ игнорирует не только границы каждого конкретного текста, но и дисциплинарные разграничения, приобретаая статус междисциплинарного исследовательского направления [1].

По мнению Арутюновой, термин «дискурс» используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений (например, педагогический, компьютерный, ораторский дискурс), связность и осмысление которых воссоздается с учетом всей совокупности не собственно языковых факторов [2].

Так, например, В.И. Карасик считает, что:

1. Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте

2. С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний.

3. Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры.

4. С позиций лингвостилистики дискурс сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц.

5. Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения.

6. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. [3].

Дискурс также определяется как коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте [4]. Так, дискурс, понимаемый в лингвистике как коммуникативное действие, характеризуется особым набором лингвистических средств и экстралингвистических факторов. Окружающая среда, в которой происходит формирование или зарождение дискурса, выступает как экстралингвистический фактор, а происходящее коммуникативное событие в этом случае и есть дискурс.

То есть, таким образом, под дискурсом понимается процесс порождения «текста», который, в свою очередь, выступает уже как «результат». Так как дискурс – это процесс порождения текста, то есть понятие, касающееся речи, то текст – это результат дискурса (коммуникативного действия), понятие, касающееся системы языка и коммуникативной компетенции.

По мнению И.Б. Руберт важным представляется положение о том, что жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуаций). Разработка фреймов и сценариев важная часть теории дискурса. Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам порождения и понимания речи в тех или иных условиях.

В структуре дискурса выделяют три компонента, соответствующих:

1. когнитивной модели содержания, т.е. обобщенной модели референтной ситуации;
2. репрезентациям знаний о социальном (прагматическом) контексте, с учетом специфики которого осуществляется социальное взаимодействие посредством текстов;
3. лингвистическим знанием об организации дискурса на макроуровне, т.е. нарративных схемах построения текста, и на микроуровне, под которым подразумеваются семантико-синтаксические знания [5].

Согласно Т.А. ван Дейку, когнитивный фрейм дискурса выступает в виде иерархии элементов (концептуальных падежей), основными из которых являются: «агенса», «пациенса», «средство», «результат», «объект», «причина», «условие», «время», «место», «цель» и пр., и отношений этих элементов, устанавливаемых представлением о «действии» («акте»). Фрейм содержания текста является более абстрактной схемой в сравнении с денотативным уровнем представления смысла. Верхний уровень когнитивного фрейма составляет схематический каркас денотатов. Вершиной когнитивного фрейма является макропозиция, в основе которой лежит тип отображаемой в тексте деятельности. Элементами фрейма верхнего уровня являются семантические «падежи», составляющие схему эпистемической модели, которая отражается в содержании речевых произведений [4].

Когнитивный компонент текста репрезентируется в виде многоуровневой структуры. Верхним интегральным уровнем является крайне обобщенная схема когнитивного содержания, инвариантного относительно речевых манифестаций. Далее следует уровень эпистемических моделей, совокупное представление которых очерчивает тематику жанра. В процессе декодирования текста актуализируются, прежде всего, эпистемические модели, соотносимые с тематическим репертуаром. Уровень частных моделей, узловыми элементами которых являются номинации тематических разделов или тем определенных групп текстов имеет переменную характеристику, а сами модели получают статус констант в конкретных текстах. Семантическая база текста (когнитивный фрейм) в дискурсивном процессе становится основой текстовой макроструктуры, которая формально воплощается в определенной последовательности коммуникативных блоков текста (заглавие, зачин, основной корпус, заключение), образующих суперструктуру или суперсхему текста. Данные термины, предлагаемые, в частности, Т.А. ван Дейком соотносятся с принятыми в отечественной лингвистике терминами «композиция» и «архитектоника». Фреймы иллокутивного и препозитивного компонентов дискурса на уровне типа дискурса абстрагируются до понятий когнитивных и контекстуальных компонентов. Выделение ситуативной модели как когнитивного коррелята референта из общего коммуникативно-прагматического контекста вполне оправдано. Это соответствует принятой в современной прикладной лингвистике категоризации знаний на семантические и прагматические [4].

Последовательно к моделированию прагматических знаний дискурса подошел Т.А. ван Дейк. Автор выделяет общий и частный прагматический контексты. Фрейм общего прагматического контекста описывается в категориях верхнего уровня (личное, общественное, институциональное, неформальное). Сюда же входят репрезентации общекультурных знаний, социально-групповые конфигурации. Частные модели социального взаимодействия описываются при помощи релевантных характеристик участников коммуникации, куда входят: позиции, роли, статусы, свойства (пол, возраст и пр.), отношения (превосходство, авторитет, равноположенность), функции (временные позиционные характеристики) [6]. Так, канонизированные представления структуры дискурса соотносятся с дискретными эпистемическими моделями и образуют своеобразный гиперфрейм когнитивных представлений, имеющийся в сознании коммуникантов. Детерминанты коммуникативного контекста и релевантные составляющие когнитивного содержания, отражаясь в языковом оформлении сообщения, определяют специфику вертикальной модели развертывания текстов. Замечено, что в различных типах дискурсов соотношение прагматической и когнитивной составляющих дискурса проявляется по-разному, что объясняется различием дискурсивных стратегий. Так, в диалоге сценарий коммуникативной ситуации намного отчетливее фиксируется в тексте, в то время как в письменном, например, научно-техническом тексте доминируют представления фреймовой структуры референтной ситуации.

Литература

1. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории / И.Ф. Ухванова // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / Белгосуниверситет; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Вып. 2. – Минск, 2000. – С. 198-202.
2. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
4. Teun van Dijk Discursive analyzes of news/ A Handbook of qualitative methodologies for mass media research/Edited by K.Bruhn Jensen, London:Longman,1999.vol. 5. p.32-37.
5. Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий//Текст и дискурс.Проблемы экономического дискурса.СПб:Изд-во СПб гос.унив.экономики и финансов,2001.-С.23-38
6. Teun A.van Dijk Elite Discourse and Racism. London: SAGE Publications, 1985. vol. 6.

ОРЕОЛ, НИМБ ИЛИ ХАРИЗМА?

Аннотация

Цель статьи – исследовать семантику и этимологию синонимов *ореол* и *нимб* и их связи с лексемами *харизма* и *аура*, проследив их различия в европейских языках. Задачами исследования является уточнение иноязычных понятий и разграничение их семантики по сферам языка. Практическое применение исследования может найти в правильном употреблении этих иноязычных заимствований носителями русского языка.

Ключевые слова: семантизация, этимология, деривация, заимствования.

В современную эпоху глобализации и индустриализации речь человека невозможна без заимствований. *Тотальный, промоушн, провайдер, менеджер, прайваси* и многое-многое другое вошло в повседневный обиход не только людей мира торговли и шоу-бизнеса, но и в жизнь обычных людей.

Причем, чем загадочнее слово, тем оно кажется значимее. Об этом пишет современный отечественный лингвист А. А. Горбов: «Недостаточно четкое понимание отличий денотативных значений новых заимствованных слов от значений близких по смыслу исконных и ранее заимствованных лексических единиц приводит к преувеличению роли социально-психологических причин заимствования русским языком иноязычной лексики и признанию иноязычных неологизмов «престижными» дублетами исконно русских слов.

Изменение семантики иноязычных слов и приобретение ими новых значений происходят чаще всего не сразу, а лишь после полного усвоения слова лексической системой заимствующего языка, когда иноязычное слово уже не ощущается носителями языка как неологизм, бросающийся в глаза своей новизной и иностранным происхождением» [4, с. 39 - 40].

Во все века со времени формирования литературного русского языка в нем наблюдались тенденции к «чистоте» и незасоренности иностранными заимствованиями. Особенно выделяются в этом допетровская эпоха и период НЭПА в Советской России. Пуристы доходили до абсурда в своих попытках избавить русский язык от иностранных заимствований любой ценой. Они придумывали сложные и неудобопронизосимые слова с исконно русскими корнями, которые все-таки не прижились в языке и были вытеснены иностранными заимствованиями. Эти русизмы вошли в языки диалектов и представляют сейчас сугубо исторический и этимологический интерес.

Другой тенденцией, или отклонением от литературной нормы русского языка XVII – XIX вв., было стремление к высокопарности, эвфемизации. Именно в этот период в русской литературе появляется ода как жанр в творчестве М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского. У А. С. Грибоедова в «Горе от ума» и у Н. В. Гоголя в «Ревизоре», «Мертвых душах» встречаем массу эвфемизмов. Так, в светском обществе было стыдно сказать *брюки*, и аристократы говорили: «*Мои неподражаемые*». Также неприемлемым в свете той поры было сказать: «*Я чихнула*» или «*Я высморкалась*», но допускаясь: «*Я обошла посредством платка*».

Жеманство, лицемерие и неискренность света были оборотной стороной крепостничества в России той поры. А. С. Пушкин в «Капитанской дочке», в «Дубровском» и в «Маленьких трагедиях», А. Н. Островский в «Грозе», М. Е. Салтыков-Щедрин в своих повестях и в романе «Господа Головлевы», а затем и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой во всех своих романах ярко, образно и наглядно представляют контраст образа жизни двух классов крепостной России – бедных и богатых. Обогащение одних в экономическом отношении приводило к извращенности в языке, к эвфемизации, засилью уменьшительно-ласкательных суффиксов – одним словом, к жажде чего-то нового, особенного, а, в итоге, к вырождению из-за отрыва от народной почвы.

Крен в экономике отражался в языке и в психологии населения России. Смердяков у Ф. М. Достоевского в бессмертном романе «Братья Карамазовы», будучи крепостным и нищим, пытается при убогости нравственного развития воспринять и понять теории высокоумного Ивана Карамазова, и, не сумев, не приложив усилий к должному размышлению, к своему образованию, приходит к крамоле, богохульству и преступлению.

Культура и язык страны неотъемлемо связаны с ее экономикой и политикой, и любые перегибы и кризисы тотчас проявляются во всех областях жизни. Современная тенденция русского языка к западничеству, пошедшая еще со времен пушкинской эпохи, но тогда она выражалась в засилье французского языка, а сейчас – в засилье английского, как видно, неискоренима. мода существовала испокон веков. Есть она и в языке. И только время покажет, какие слова из вновь пришедших заимствований будут освоены русским языком.

Причиной заимствования может, в частности, являться лексическая ниша, или лакуна в языке-реципиенте, что приводит к удобному приему заимствований. Краткие и звучные слова легко входят в язык. Будучи довольно непонятными для рядового носителя языка, лексемы *ореол*, *нимб*, *харизма* и *аура* стоит прояснить. Они редко используются в повседневной речи, их сфера – духовная. Все они характеризуют необычного, духовно развитого человека, лидера, вызывающего уважение, любовь и подчинение окружающих своим нравственным совершенством. Все эти лексемы имеют положительную коннотативную окраску.

Рассмотрим толкования этих близких по смыслу слов в Большом толковом словаре русского языка.

Аура – (от лат. *aura* – дуновение ветерка). 1. Гипотетическое поле, создаваемое живым организмом; биополе. 2. Разг. О психологическом воздействии, влиянии кого-л. на окружающих; об атмосфере, обстановке, непреднамеренно создаваемой кем-л. С темной, светлой аурой (о плохом или хорошем воздействии, оказываемом кем-л. на окружающих). 3. Мед. Особое состояние, предшествующее приступам эпилепсии, истерии и т. п., сопровождающееся онемением тела, звоном в ушах и т. п. [2, с. 52].

Харизма – (от греч. *charisma* – милость, божественный дар.) 1. Исключительная одаренность (о святых). 2. Высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле. [2, с. 1439].

Ореол – (от фр. *aureole* – корона из золота). 1. Светлый круг, сияние вокруг светящейся точки, светящегося, раскаленного предмета. 2. Сияние вокруг головы или над головой Бога, святого на иконах, картинах религиозного содержания и т. п. как символ божественности, святости; нимб. 3. Чего или какой. Обаяние славы, почета, успеха и т.п., окружающее кого-, что-л. О героя. О гения. Находиться в ореоле чьей-л. славы. 4. Фото. Светлая кайма, образующаяся на фотографии вокруг светящихся или ярко освещенных блестящих предметов [2, с. 725].

Нимб – (от лат. *nimbus*). 1. Сияние над головой или вокруг головы Бога, Богородицы, святого, изображаемое (на иконах, в живописи, скульптуре) в виде светящегося, лучистого круга; символ святости, божественности. 2. Световой круг, световая сфера вокруг ярко освещенных или светящихся предметов (особенно при их движении). 3. То, чем кто-л. известен, знаменит и что выражается и что выражается в отношении окружающих; ореол [2, с. 651].

Иностранное происхождение синонимов *ореол* и *нимб* способствует загадочности понимания самого явления. *Нимб*, относясь в современном русском языке к сфере религии, и *ореол*, относясь к сфере искусства и политики, дополняют еще одно иностранное слово – *харизма*. Но, если *нимб* и *ореол* выявляют духовные добродетели человека или святого, то *харизма* отражает волевые качества человека в обратной связи. Мы говорим о большей или меньшей харизме того или иного лидера – то есть, о его способности влиять на массы. Нейтральность *харизмы*, наиболее общее значение этого слова можно представить синонимом *аура*.

Если *нимб* окружает голову святого, *ореол* в современном русском языке – голову героя, *аура* понимается как общее впечатление от человека, его энергетика. Мы говорим, по преимуществу, о хорошей, светлой ауре человека. И хотя Большой толковый словарь русского языка дает и отрицательное значение слова *аура* (о темной ауре, об ауре ненависти), эти значения не употребляются в современном языке, оставив за собой только положительное значение.

Харизма понимается как ореол героя, святости во мнении окружающих, благодаря волевым качествам личности. Мы говорим о формальном и харизматическом лидерах группы, и харизматический, т. е. подлинный народный лидер противопоставляется формальному.

Ореол может характеризовать не столько самого человека-источник, сколько его окружение, последователей: *находиться в ореоле чьей-то славы*. *Ореол* может также характеризовать человека ложно, по слухам, например, *вокруг кого-то сложился ореол героя, поэта и т. д.* Когда мы говорим об *ореоле* как о данности, постоянной характеристике человека, оттенка иронии уже не присутствует. Например: *Ореол гения сопровождал Рафаэля всю жизнь*. Еще одной особенностью слова *ореол* является то, что *ореол* может быть у любого светящегося предмета, даже неодушевленного, например: *В ореоле звезды видны пятна*. Первоначально *ореол* означал корону из золота вокруг головы святого, от латинского слова *aurum* (золото).

Слово *аура* толкуется с греческого как *дуновение ветерка*, а в немецком толковом словаре возводится к греческому слову *aer* (воздух). Современное понятие *аура* слишком отделилось от своего первоначального значения и характеризует только человека. Мы говорим: *«От него исходит положительная, светлая аура; сама аура этого человека убедит вас»*. То есть *ауру* мы понимаем сейчас не только как обаяние, излучаемое человеком, его энергетику, но и как информацию, которая может убедить больше слов. В современном русском языке, как это ни странно, лексема *аура* ассоциируется более с восточной культурой, с Индией, с занятиями йогой, чем с Грецией и греческим языком, из которого она пришла.

Слово *харизма* больше употребительно в языке СМИ, в политике. Оно тоже переосмыслилось по сравнению со своим первоначальным значением *милость, божественный дар*. Сейчас у него оттенок авторитетности, сильной воли лидера, причем доминирующим является образ данного лидера в восприятии окружающих. Скрытый путь развития значения данного слова можно истолковать как то, что милость Божья обязывает к работе над собой и развитию воли и нравственности. И если *нимб* относится, в частности, к святым, то *харизма* – понятие светское, распространившееся в русском языке относительно недавно, какие-нибудь десять лет назад.

Рассмотрим толкования и этимологию данных близких по смыслу слов в нашем этимологическом словаре лексических соответствий европейских языков.

Русский язык	Английский язык	Французский язык	Немецкий язык
Аура<гр.aura (дуновение ветерка)	Aura, XVIII c.<L.<Gr. aura (breath, breeze)	Aura, fin XVIII s.<lat. (soufflé)	Aura<lat. aura<griech. aura<aer (Luft)
Ореол<фр. aureole	Aureola, -ole (saint's crown of glory)<OF. auréole<L. aureola<aurum (gold)	Auréole (couronne d'or), fin XIII s.<aureus (d'or)	Aureole<mlat. aureola<lat. aureolus (schön)<aurum
Нимб<лат. nimbus	Nimbus, XVII c.<L. nimbus (rain, cloud)	Nimbe, 1692<lat. nimbus (nuage)	Nimbus<mlat. nimbus (Heiligenschein)<lat. nim-bus (Regenwolke)
Харизма (ореол святости), XX в.<гр. charisma (милость)	Charisma (theol., free gift of God's grace), xvii C.<Gr. charisma<kharizesthai (show favour)<kharis (favour)	Charisme, 1928<гр. kharisma (grâce)	Charisma<lat. charisma (Ge-schenk) <griech. charisma

Из приведенной выше таблицы мы можем заметить, что лексемы эти вошли в европейские языки и в русский, в том числе, довольно давно. Так, наиболее древним заимствованием является лексема *ореол* (XIII в.). Затем идет *нимб* (XVII в.). Затем *аура* (XVIII в.) и *харизма* (XX в.). И, несмотря на то, что эти лексемы так давно вошли в русский язык, они все еще во многом остаются непонятными рядовому носителю языка, а специфические значения этих слов из области медицины и фотографии и вообще далеко не всем известны. Непонятность значений этих заимствований объясняется, пожалуй, высокой духовной сферой их употребления, отличающейся неоднозначностью трактовок. Влияние греческой и латинской культур, пусть даже в переосмысленных значениях заимствований, говорит о единстве вселенной, о связи языков, о взаимовлиянии культур.

Таким образом, процесс языкового заимствования отражает комплексное развитие страны в разные эпохи в областях политики, экономики, психологии, духовной культуры и лингвистики. И то, что изучаемые лексемы сохранились в русском языке, пусть и переосмыслившись по сравнению со своими первоначальными значениями, а в наше время особого всплеска интереса к духовной культуре и истории цивилизации ставшие даже популярными, приобретенными «вторую жизнь», еще раз говорит о том, что язык – это живой организм, развивающийся по своим собственным законам, – мысли, высказанные еще В. фон Гумбольдтом и И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Синхроническое и диахроническое изучение лексики в контексте культуры стимулирует языковое мышление и повышает интеллектуальный уровень носителей языка.

Литература

1. Большой англо-русский словарь АБВУУ LINGVO. В 2 т. М. Рус. яз. – Медиа, 2007. 1376 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2004. 1535 с.
3. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1997. 1195 с.
4. Горбов А. А. О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке. ВЯ. 2011. №6. С. 29 – 41.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Словарь иностранных слов / Отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. 817 с.
7. Тимошенко Л. О. Словарь лексических соответствий европейских языков (русского, английского, французского, немецкого). В 2 ч. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. Ч. 1. 300 с. Ч. 2. 348 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Астрель, АСТ, 2007. Т.2. 671 с.
9. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка // Под ред. В. Я. Дерагина. М.: ЛКИ, 2008. 176 с.
10. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Larousse étymologique et historique du français. Paris: Éditions Larousse, 2006. 893 p.
11. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2007. 2016 S.
12. Duden. Das Fremdwörterbuch. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2006. 1104 S.
13. Hoad T. F. Oxford concise dictionary of English Etymology. Oxford University Press, 2003. 552 p.
14. Speake J. The Oxford Dictionary of foreign words and phrases. Oxford, New York: Oxford University Press, 1997. 512 p.
15. The Merriam-Webster Dictionary. Massachusetts: Merriam-Webster Publishers, 1998. 701 p.

В статье представлен сопоставительный анализ англоязычного понятия Project proposal и русскоязычных понятий Обоснование инвестиций, Коммерческое предложение, Бизнес-предложение, Техничко-коммерческое предложение в целях определения русскоязычного эквивалента Project proposal и использования результатов исследования в практической работе сотрудников российских бизнес-организаций.

Ключевые слова: Project proposal, Обоснование инвестиций, Коммерческое предложение, Бизнес-предложение, Техничко-коммерческое предложение.

Keywords: Project proposal, TEO Investments, Commercial quotation, Business proposal, Technical and commercial proposal.

В настоящее время Россия находится на пути вступления во Всемирную торговую организацию, что будет способствовать стабилизации международных отношений нашей страны и откроет доступ отечественному бизнесу на мировые рынки. Данное обстоятельство накладывает на нас определенные обязательства, связанные с повышением уровня коммуникативной грамотности специалистов российского бизнес-пространства, как орудия эффективного сотрудничества и необходимого условия длительных деловых отношений. Этим можно объяснить наметившуюся тенденцию к ориентации отечественных бизнес-организаций на международные стандарты, прежде всего, в области документной коммуникации, которая является материальным воплощением коммуникативных процессов. Поэтому так важно изучение российскими специалистами основных документов, получивших распространение в зарубежном бизнес-пространстве, одним из которых является Project proposal, как уже сформировавшийся, но еще не описанный класс деловой документации.

Цель настоящей статьи – определить, какое понятие, эквивалентное англоязычному Project proposal, используется в отечественной бизнес-сфере.

Материалом исследования послужили оригинальные тексты Project proposals, Обоснований инвестиций, Коммерческих и Бизнес-предложений, Техничко-коммерческих предложений, взятые из пособий по составлению соответствующей документации, Интернет-ресурсов и предоставленные бизнес-организациями.

Дело в том, что большинство переводных и толковых словарей, в том числе специализированных (Мюллер, Апресян, Merriam-Webster, Cambridge, Корпоративный и проектный менеджмент), не дают перевода или определения понятия Project proposal, в отличие от онлайн словарей (www.multitran.ru, www.academic.ru), определяющих Project proposal как «проектное предложение, предложение на проект». Этот факт побудил нас провести устный опрос 52-х инженерно-технических работников двух компаний, реализующих проекты строительства объектов «под ключ» в нефтегазовой сфере России и за рубежом, ОАО «Стройтрансгаз» (г.Москва) и ЗАО «Оргрегионпроект» (г.Москва)¹³ по теме «Проектное предложение», по результатам которого выяснилось, что вид документации с подобным названием не используется в их непосредственной производственной деятельности. Необходимо особо отметить, что нами было проведено полустандартизированное интервью на русском языке; в задаваемых вопросах (основных и уточняющих) нами был предложен только сам термин «Проектное предложение» без разъяснения того, что он подразумевает.

Наше предположение о том, что в отечественной бизнес-лингвистике используется понятие, отличное от "проектного предложения", эквивалентное англоязычному Project proposal, заставило провести второй опрос с теми же респондентами. Предварительно объяснив, что мы подразумеваем под обсуждаемым понятием, нами был представлен ряд вопросов, цель которых состояла в определении того, какой русскоязычный аналог Project proposal используется в деятельности вышеуказанных компаний. 39 респондентов предположили, что русскоязычным эквивалентом Project proposal является Техничко-коммерческое предложение (ТКП), 6 респондентов – Обоснование инвестиций, 5 респондентов – Коммерческое предложение и 2 респондента – Бизнес-предложение.

При детальном изучении видов документации, названных и предоставленных¹⁴ инженерно-техническими работниками двух компаний, выяснилось следующее.

Обоснование инвестиций не является российским аналогом Project proposal:

1. исходя из классификации Project proposal, предложенной Collier J.H. & Toomer D.M., в которой Project proposal как внутренний документ относится к неофициальной (informal proposal) форме представления информации объемом около 2-х страниц [3], в отличие от Обоснования инвестиций, которое несмотря на то, что также является ведомственным документом, ставит перед своим автором более серьезные задачи в силу того, что представляет собой «основной предпроектный документ (объемом в сотни/тысячи страниц), который отвечает на вопрос "быть или не быть" проекту» [9. с. 232 – 239].

2. Project proposal как внешний документ (formal proposal по той же классификации) предоставляется инвестору сторонней организацией или отдельным исполнителем в качестве предложения проекта для инвестирования, в то время как Обоснование инвестиций разрабатывается самим инвестором (по необходимости привлекая внешние организации).

Тем не менее, структуры Project proposal как formal proposal и Обоснования инвестиций имеют общие черты в части описания компании, самого проекта, этапов и сроков его реализации, а также его финансовой оценки. Кроме того, обоим видам документации присущ официально-деловой стиль, который диктует:

- повествовательный характер изложение материала с прямым порядком слов в предложении без использования эмоционально-экспрессивной лексики;
- употребление сложных предложений, устойчивых словосочетаний для связи их частей (в связи с тем, что; по той причине, что; on the ground that, in the effect that);
- использование тематической терминологии (продуктивный горизонт, коэффициент нефтеизвлечения, нагнетательная скважина; biological indicators, organic carbon, land degradation), аббревиатур (APM – автоматизированное рабочее место, ИТМ – инженерно-технические мероприятия, ТС – технические средства; FEED – Front End Engineering Development, EBA – Ecosystem-based Adaptation).

Коммерческое предложение не может являться русским эквивалентом Project proposal, вследствие того, что:

1. Коммерческое предложение - это, прежде всего, предложение товара или услуг, а Project proposal помимо услуг может предложить идею решения некой проблемы, а также проект научно-исследовательской работы [3].

2. Коммерческое предложение в случае, если оно подготовлено не в ответ на соответствующий запрос, чаще всего направлено на массовую аудиторию. Project proposal всегда имеет одного или несколько конкретных адресатов.

¹³ Эти компании были выбраны нами на основании того, что они работают с иностранными заказчиками (Ближний Восток, Северная Африка, Европа, Юго-Восточная Азия), а также обладают сертификатами соответствия системы менеджмента качества требованиям стандарта ISO 9001:2008 и прочими сертификатами соответствия, что говорит о соответствии компаний международным стандартам.

¹⁴ Нам была передана только та информация, которая не представляет коммерческой тайны.

3. Суть Коммерческого предложения передается лаконично, максимально просто и доступно, без описания деталей. В Project proposal детали имеют принципиальное значение. К тому же, специфика проекта зачастую определяет выбор языковых средств, а именно использование тематической терминологии.

4. Структуры изучаемых документов также имеют различия. Коммерческое предложение характеризуется отсутствием разделов, которые имеют место быть в Project proposal:

- история вопроса/проблемы (background section);
- описание компании заявителя (хотя Коммерческое предложение содержит реквизиты компании-заявителя и немного информации о компании, отличающей её от конкурентов, Project proposal включает в себя не только организационную структуру компании с описанием квалификации ведущих специалистов, опыт компании в соответствующей предложению деятельности, но и копии учредительных и прочих официальных документов компании, таких как, например, Декларация о соответствии – Statement of Compliance, Гарантия материнской компании – Parental Guarantee);

5. Project proposal мы определяем как письменное высказывание в то время, как Коммерческое предложение может быть изложено устно.

6. Коммерческое предложение в отличие от Project proposal обязательно содержит повелительные предложения, побуждающие к совершению действия (Позвоните лично мне по телефону... Закажите у нас услуги по...).

Суть Бизнес-предложения заключается в предложении идеи создания нового бизнеса, развития уже имеющегося или в предложении сотрудничества. С этой точки зрения Бизнес-предложение и Project proposal подобны друг другу. Однако структура и прочие характерные для Бизнес-предложения пункты (направленность на массовую аудиторию, сжатость и простота изложения) напоминают скорее Коммерческое предложение, чем Project proposal.

В свою очередь, Технико-коммерческое предложение (ТКП) и Project proposal как внешний документ сходны по структуре и цели составления. Так, ТКП и Project proposal в большинстве случаев разрабатываются сторонней организацией или отдельным исполнителем в ответ на Техническое задание на разработку ТКП (запрос на составление Project proposal - Request for proposal или RFP), предоставленное Заказчиком. Особой отличительной стороной процесса подготовки ТКП и Project proposal является возможность проведения консультаций с Заказчиком, а также осмотр объекта соответствующего проекта с целью подробного изучения проекта и разработки предложения, удовлетворяющего всем требованиям Заказчика.

Структуры ТКП и Project proposal, а также формат отдельных частей документа обычно регламентирует сам Заказчик, поэтому они могут варьироваться. Однако, основные разделы, которые присутствуют во всех ТКП и Project proposal, содержат следующую информацию:

1. Материал, предшествующий основному тексту:
 - сопроводительное письмо о передаче документации (в ТКП помимо него разрабатывается Пояснительная записка, включающая более или менее подробное описание всех разделов ТКП),
 - титульный лист,
 - оглавление.
2. Информация о компании заявителя.
3. Описание проблемы, на решение которой направлен предлагаемый проект.
4. Описание проекта, его цели, задачи.
5. Детальный план реализации проекта с указанием его этапности по направлениям и зоны ответственности участников проекта.
6. Бюджет проекта (общая стоимость проекта разбивается по позициям).
7. Альтернативное предложение.
8. Заключительная часть (выводы, преимущества реализации проекта, негативные факторы, которые проект может повлечь за собой, и мероприятия по их предотвращению).
9. Приложения.

Цели составления ТКП и Project proposal как formal proposal также оказываются идентичными – убедить потенциального инвестора в том, что предлагаемый проект способен рационально решить некую проблему посредством необходимого оборудования и квалифицированного персонала в разумные сроки на взаимовыгодных условиях.

Языковое наполнение текстов ТКП, подобно Обоснованию инвестиций, совпадает с Project proposal как formal proposal.

Несмотря на всё сходство ТКП и Project proposal как formal proposal необходимо помнить, что существует 2 вида Project proposal (formal и informal), поэтому Технико-коммерческое предложение и Project proposal мы можем назвать не тождественными, а синонимичными понятиями.

Итак, проведение эксперимента в двух организациях и сопоставительный анализ перечисленных выше понятий позволили нам определить русскоязычный эквивалент Project proposal. Однако этим не исчерпывается наш интерес к данному виду документации. В дальнейшем мы планируем выявить коммуникативно-прагматические характеристики Project proposal с целью использования результатов исследования в практической работе сотрудников российских бизнес-организаций, что значительно повысит уровень их конкурентоспособности в условиях международной коммуникации.

Литература

1. Besim Nebiu. Project proposal writing. - Hungary, 2002. - 34 p.
2. Cambridge dictionaries. - Cambridge University Press, 2011. URL.: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 10.10.2012).
3. Collier J.H., Toomey D.M. Scientific and Technical Communication: Theory, Practice, and Policy (Digital Edition). 2011. URL.: <http://www.faculty.english.vt.edu/Collier/stc/index.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
4. Fricke Y. Project proposal writing. - Finland, 2003. - 40 p.
5. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th edition. - Merriam-Webster, Inc., 2008. - 1664 p.
6. Proposal preparation instructions: project proposals. - Bonn.: Deutsche Forschungsgemeinschaft. - 13 p.
7. Taylor M.D. How to write a project proposal. 2009. - 6 p.
8. Игошин Н.В. Инвестиции. Организация управления и финансирование. - М.: Юнити-Дана, 1999. - С. 232 – 239.
9. Корпоративный и проектный менеджмент/ В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге, О.А. Бартенева и др. – М.: Омега-Л, 2010. - 352 с.
10. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – Изд. 24е. – М.: «Русский язык», 1995. – 2106 с.
11. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т./ Ю.Д. Апресян, Э.М. Мединкова, А.В. Петрова и др. – Изд. 3-е, стереотипное. - М.: Рус.яз., 1999.
12. Обоснование инвестиций в строительство предприятий, зданий и сооружений. Практическое пособие/ Пулико В.И., Павлов Н.Н., Хачатурьян В.Х. и др. – Изд. 2-е. - М., 2002. URL.: <http://nordoc.ru/doc/52-52567#i82116> (дата обращения: 20.10.2012).

**ШИРОКИЕ ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ МРТ
(анатомо-фонетическое описание)***

Аннотация

Цель работы: с помощью современного высокопольного томографа визуализировать структуры голосообразующего аппарата (ГоОА) и их моторику при произнесении вокальных единиц шорского языка. Актуальность исследования обусловлена отсутствием достоверных знаний о механизмах речепорождения в различных языках. Практическое применение в разных областях знаний: 1) в филологии – для фонетистов; специалистов, занимающихся экспериментальной фонетикой; лингвистов, занимающихся историей языка; этнографов, при определении происхождения того или иного этноса; преподавателей вузов, а также для учителей шорского языка; 2) в медицине – для неврологов, логопедов, хирургов, оториноларингологов.

Ключевые слова: шорский язык, экспериментальная фонетика, механизм речепорождения, МРТ, голосовой тракт, shor language, experimental phonetics, speech production mechanism, MRI, vocal tract.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием достоверных знаний о механизмах речепорождения в различных языках. Голосообразующий аппарат (ГоОА) обеспечивает фонацию, а также проведение воздушного потока при дыхании, образован структурами гортани, гортаноглотки, ротоглотки, рта, носоглотки и носовых ходов с придаточными пазухами носа и имеет морфо-функциональные особенности у носителей различных языков. Магнитно-резонансная томография (МРТ) является широко применяемым методом визуализации благодаря высокой информативности и безопасности исследования. Широкие возможности МРТ позволяют осуществлять не инвазивные эксперименты по визуализации артикуляторных органов при произнесении звуков речи. МРТ даёт новые возможности получения информации о механизмах образования голоса и его специфических модуляций, имеющей лингвистическую и этнографическую ценность, с перспективой создания объемно-динамической модели для реализации «искусственного голоса» (голосового процессора).

Цель работы: с помощью современного высокопольного томографа визуализировать структуры ГоОА и их моторику при произнесении вокальных единиц шорского языка.

В данной статье описываются вокальные настройки «переднерядных» широких лабиализованных гласных шорского языка, произнесенных в медиали слова на инструментальном уровне по данным МРТ.

Материалы и методы: Все исследования были выполнены на высокопольном МР-томографе Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE, (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands) в лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» СО РАН (г.Новосибирск, Академгородок). Графическая постобработка, архивация и морфометрия МР-томограмм выполнялись на рабочей станции Philips ViewForum RS.1 (Dell). Данные исследования были выполнены со специально подготовленными дикторами-добровольцами, при непрерывном произнесении звука (в течение 8-12 секунд) после достаточно глубокого вдоха с целью детального изучения положения всех структур ГоОА при фонации отдельных звуков.

Была разработана статическая T2-WI MPT последовательность с параметрами: FOV 250 mm, rFOV 90%, Matrix scan 256x185, Reconstruction 256x256, Scan% 80, Slice thickness 8 mm, Flip angle 50, TR/TE 500.0/80.0), которая применялась при непрерывном произнесении гласного звука.

Сагиттальные срезы проходили точно по срединной сагиттальной плоскости (с захватом кончика носа, твердого неба, основания черепа), фронтальные – через границу мягкого и твёрдого нёба, а также через мягкую занавеску, надгортанник и голосовые связки; аксиальные срезы - через уровень истинных голосовых связок, через надгортанник и нижние резцы, и через небную занавеску и верхние резцы. Графическая постобработка, архивация и морфометрия МР-томограмм выполнялись на рабочей станции Philips ViewForum RS.1 (Dell).

Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа.

Для определения артикуляторной рядности гласных применялась методика, разработанная В.М. Надеяевым [Надеяев 1980, с. 44–91; Селютина 1998, с. 50–58], для определения ступеней отстояния использовалась «Универсальная таблица» [Уртегешев, с. 10-16], анатомическое описание проводилось по «Атласу анатомии человека» [Синельников и др., Т.1., с. 232-247; Т.2., с. 16-49, 128-145].

Далее рассматриваются настройки модулирующих органов, их работа, дается анатомическое описание при произнесении переднерядных широких лабиализованных гласных шорского языка.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Сибирского отделения РАН (конкурс междисциплинарных интеграционных проектов фундаментальных исследований 2012-2014 г., проект № 121 «Сравнительные исследования артикуляционных баз коренных народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения»).

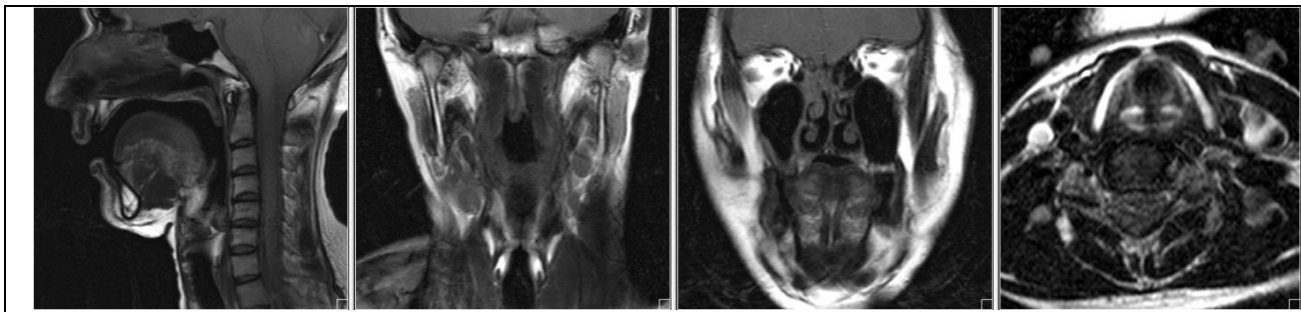

Рис. 1. Сагиттальный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{o} » в слове пѳл-‘делить’	Рис. 2. Фронтальный фарингальный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{o} » в слове пѳл-‘делить’	Рис. 3. Фронтальный оральный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{o} » в слове пѳл-‘делить’	Рис. 4. Аксиальный межсвязочный речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{o} » в слове пѳл-‘делить’
--	--	--	--

Нижняя челюсть опущена – фиксируется работа челюстно-подъязычной, двубрюшной и подбородочно-подъязычной мышц. Губы разомкнуты (*m. oralis*). Активным участком при настройке резонаторов гласного типа \ddot{o} « \ddot{o} » (рис. 1), воспринимаемого русскоязычными аудиторами как \ddot{e} « \ddot{e} » [Наделев 1960], является средняя часть спинки языка *s* [Селютина 1998] (продольные мышцы языка, верхняя и нижняя, поперечная мышца), векторно направленная к первой половине твердого неба (НЛ-7), что свидетельствует о *переднерядной основной настройке* [Селютина 1998, с. 53]. Отстояние языка от режущей поверхности верхних резцов 57,14% h_{rel} , что соответствует 3-ой основной ступени [Уртегешев 2009, с. 12]. Язык по средней линии отстоит от неба, но латерально прилегает. (рис. 3). Максимальное сужение в области границы твёрдого и мягкого нѳба, 31,25 % I_{const} , кпереди и кзади расширяется. Спинка языка значительно отстоит от альвеолярного отростка и верхних и нижних резцов (рис. 1). При данной артикуляции активно работают верхняя и нижняя продольные мышцы – сокращение в переднезаднем направлении и подъѳм тела языка, опущение вершины языка, поперечная мышца языка, подбородочно-язычная мышца.

Большая величина зубного отстояния относительно величины губного указывает на *огубленность* артикуляции. Отсутствие выпяченности губ вперед говорит о том, что гласный *плоскощелевой* (рис. 1).

Сомкнутая с задней стенкой фаринкса небная занавеска свидетельствует о *неназализованном* характере гласного – констатируется работа мышц, поднимающих нѳбную занавеску и мышц, напрягающих нѳбную занавеску.

Глотка расширена в поперечном направлении: работают шило-глочная, трубно-глочная, нѳбно-глочная мышцы. Надгортанник отстоит от корня языка – черпалонадгортанная мышца. Формируется широкий воздухоносный путь от связок вплоть до сужения в области твердого неба. Корень языка не оттянут напряженно к задней стенке фаринкса, также отсутствует напряжение задней стенки фаринкса – гласный *нефарингализованный*.

Связки сужены под воздействием латеральной перстнечерпаловидной, поперечной черпаловидной и голосовой мышц, натянуты (напряжены) перстне-щитовидной мышцей.

Обобщив все выше сказанное по звуку типа \ddot{o} « \ddot{e} », ему можно дать следующее определение – *гласный переднерядный основной настройки 3-ой основной ступени отстояния огубленный неназализованный нефарингализованный*.

При продуцировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{j} » (рис. 5) губы разомкнуты (*m. oralis*), нижняя челюсть опущена – отмечается работа челюстно-подъязычной, двубрюшной и подбородочно-подъязычной мышц. Активный участок корпуса языка – средняя часть спинки *s* – направлен на среднюю часть твердого неба, что характеризует настройку как *переднерядную отодвинутую назад*. 28,57 % h_{rel} – отстояние от режущей поверхности верхних зубов, что соответствует *основной настройке 5-ой ступени*. Кроме того, отмечается вогнутость на спинке языка по средней линии (рис. 7).

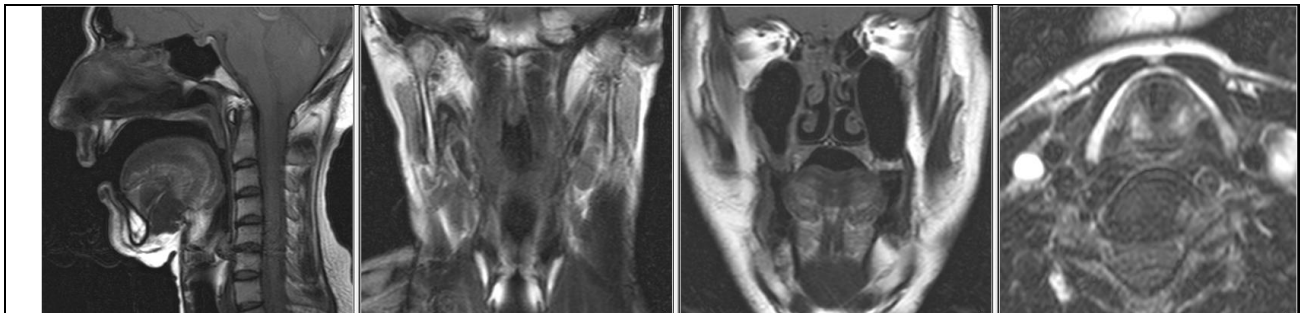

Рис. 5. Сагиттальный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{j} » в слове тѳл ‘фамилия’	Рис. 6. Фронтальный фарингальный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{j} » в слове тѳл ‘фамилия’	Рис. 7. Фронтальный оральный срез речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{j} » в слове тѳл ‘фамилия’	Рис. 8. Аксиальный межсвязочный речевого аппарата при артикулировании гласного типа \ddot{o} « \ddot{j} » в слове тѳл ‘фамилия’
---	---	---	---

Кончик языка прилегает в нижнем резцам – работа верхней (меньше) и нижней (больше) продольных мышц (сокращение в переднезаднем направлении и подъѳм языка, опущение кончика языка), поперечной мышцы языка, подбородочно-язычной, которая отвечает за смещение вперед.

Большая величина зубного отстояния относительно губного свидетельствует о *лабиализованности* гласного. Отсутствие выпяченности губ вперед говорит о том, что гласный *плоскощелевой* (рис. 1).

Небная занавеска закрывает вход в носовую полость (отмечается работа двух мышц: поднимающей нѳбную занавеску и напрягающей ее) – артикуляция *неназализованная*.

Надгортанник чуть отстоит от задней стенки глотки (черпало-надгортанная и подбородочно-язычная мышцы), глотка сужена в поперечном направлении (нѳбно-глочная и шилоглочная мышцы).

Констатируется сильная оттянутость корня языка к задней стенке фаринкса – звук *сильнонапряженный фарингализованный*. Связки сужены – латеральная перстнечерпаловидная, поперечная черпаловидная мышца и голосовая мышца – и не натянуты (рис. 6, 8).

Таким образом, звуку типа *δ «j»* можно дать следующее определение – *гласный переднеязычный отодвинутый назад 5-ой основной ступени отстояния плоскогубленный неназализованный сильнонапряженный фарингализованный*.

Сравнительный анализ звукообразования вокальных настроек типа *δ «o»* и *δ «j»* позволяет сделать следующий вывод:
1. При артикулировании данных гласных губы принимают активное участие – звуки *губные плоскощелевые*.
2. Оба гласных образуются при активной работе передней части спинки языка и пассивной – передней и средней части твердого неба – вокальные настройки *переднеязычные*.
3. Принципиальным отличием при их произнесении играет: 1) подъем языка – при *δ «o»* *третья основная ступень отстояния*, при *δ «j»* – *пятая основная*; 2) фарингализация – *δ «o»* *нефарингализованный*, *δ «j»* – *фарингализованный*.

Литература

1. Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.; Л., 1960.
2. Надеяев В.М. Артикуляторная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. – С. 3–91.
3. Селютина И.Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1998. – 184 с.
4. Синельников Р.Д., Синельников Я.Р. Атлас анатомии человека. В 4-х томах. – М., 1996.
5. Уртегешев Н.С. Соматические параметры гласных: методика определения ступеней отстояния // Түрколгия, № 3-4 (41-42), 2009. – Түркістан, 2009. – С. 3-12.

Жаглова Т.М.

Профессор, д. фил. н., кафедра периодической печати и теории журналистики, Оренбургский государственный университет

Хмура Е.А.

Аспирант, кафедра периодической печати и теории журналистики, Оренбургский государственный университет

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КОБЫЛКА»)

Аннотация

В статье рассмотрены жанровые разновидности в газетно-журнальной сатире начала XX в.: песни, басни, баллады, оды, загадки. Выявлены события провинциальной жизни, ставшие материалом для пародийного творчества провинциальных публицистов.

Ключевые слова: периодика, жанр, песня, баллада, сатира, Кобылка

Keywords: the periodical press, genre, song, ballad, satire, Kobylka

Периодика конца XIX – начала XX веков изобилует значительным количеством сатирических изданий, таких как «Забияка», «Зритель» и др. В начале XX века исследователи отмечают также и всплеск провинциальной периодики, в которой привлекает внимание в качестве объекта исследования множество газет и журналов сатирической направленности, в их число входят и издания города Оренбурга: «Блестки Урала», «Кобылка», «Саранча», «Скворец», «Пыль», «Волшебное зеркало», «Крапива», «Фавн» и др.

Ярко выраженным представителем периодики того времени мы считаем юмористически-сатирический журнал «Кобылка», издававшийся в Оренбурге с 11 февраля по 19 ноября 1906 года. «Кобылка» представляет типичную сатирическую печать начала века, здесь можно встретить всё от простого «зубоскальства» до амбивалентной иронии. Авторы сатирического издания чётко подмечают мельчайшие нюансы однообразной, на первый взгляд, жизни в отдаленном провинциальном городе, используя для этого различные приёмы и жанры.

Чаще всего в журнале обращают на себя внимание такие жанровые разновидности, как загадка (загадки – народные изречения в форме замысловатых вопросов, требующих ответа, или иносказаний (метафор), смысл которых требуется раскрыть) [2] и песня (песня – стихотворное и музыкальное произведение для исполнения голосом, голосами. Русские народные песни. Хоровые, плясовые песни. Песни военных лет. Авторы популярных песен. Песня без слов (напев, напоминающий песню) [3], в которых авторы выражают своё отношение к какому-либо социальному или политическому событию, так, например, для журнала вполне типично обращение к некогда популярной песне «Барыня», напечатанной в номере втором и представляющей хлесткую пародию, обличающую типичного провинциального либерала, наделенного властью и кое-какими полномочиями:

А у нас «директор» есть, -
Стыд по улицам проведешь...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
Он в газетах много пишет,
А похвал себе не слышит...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
О себе воображает,
Что народ он просвещает...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
А народ-то не таков, -
Нынче мало дураков...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
Терпит он его пока.
Скоро ж даст и «тумака»...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
Не надуешь нас, отец!
Вот и песенки конец...
 Барыня, барыня
 Сударыня, барыня...
 Саранча и Ко [...]

Нередко в юмористическо-сатирическом журнале можно встретить осовремененную стилизованную сказку («Сказка о пастухе Никите», «Сказочка», «Змей и цыган», «Ловкий человек», «Оренбургские сказки») или балладу, хотя и окрашенную мистическим колоритом, но не способную по-настоящему даже заинтриговать, тем более – напугать читателя («Ночной царь», «Над Уралом»), приспособленные к реалиям нового века оду и элегию. Из номера в номер в «Кобылке» ведется постоянный раздел «Летучки», содержащий известия, якобы поступившие из разных городов России, но в действительности – ярче оттеняющие неприглядные стороны жизни Оренбурга. Прием этот был взят на вооружение еще московскими и петербургскими сатириками 1840-80-х годов и сохранил свою актуальность в годы, формально «неподцензурные», сослужив хорошую службу тем, кто решился рассказать правду о своем бытии, вопреки запретам и обстоятельствам.

Басни (басня – небольшая сказочка нравоучительного характера, в которой действующие лица – чаще животные, а также неодушевленные предметы, но нередко и люди. В басне отличают повествование и вывод из него, т.е. определенное положение (правило, совет, указание), присоединенное к повествованию) [4], встречающиеся на страницах журнала, также несут оценочный характер, в ярких красках иллюстрируя жизнь начала XX века, как, например, в басне «Ручей и Болото», напечатанной в номере десятом на странице шестой. Некто «Зооноза П.» – автор материала, четко подмечает размеренную жизнь оренбургских старожилов, ассоциируя их с болотом, находящимся в состоянии застоя, лишенным какого-либо движения:

Спросило раз стоячее болото
У чистого, прозрачного ручья:
«Ну, что тебе, безумец, за охота
Стремглав лететь вперед?.. Взгляни, как я
В спокойствии, в полудремоте вечно;
Волнений тысячи избегла я, конечно,
Которые ты встретишь... Мой совет,
Останови скорей свое движенье». [5, 6]

Подобным советам, основанным на консервативной житейской мудрости, активно противопоставляется автором молодая струя ручейка, стремительная и бесстрашная, исполненная решимости исправлять себя и весь мир вокруг себя, доставляющая просвещение на самые отдаленные окраины великой страны:

«Нет, ни за что» - ответил ручеек: -
«Нет никогда – ни на одно мгновенье,
Мой труден путь, опасен и далек,
Но я на твой покой его не променяю,
Я знаю хорошо, я превосходно знаю,
К чему ведет желанный твой покой,
Я чист и светел, ты покрылась тинной,
Ты скоро высохнешь, я – сделаюсь рекой;
На твой покой с мертвящею рутинной
Не променяю я движенья!» [5, 7]

Автор сохранил и привычную композицию басни, завершая ее важнейшим структурным и смысловым звеном – так называемой моралью, выводом, содержащим в данном случае непосредственный призыв к действию:

О, друзья!..
Покой нам смерть, а наша жизнь движенье
Вперед, как струи горного ручья. [5, 7]

Воззвание это также можно отнести и к современной «Кобылке» городской прессе, которая должна была публиковать не только официальные документы, но и воссоздавать истинную картину происходящего, как в политической, так и в социальной жизни общества.

Таковы основные, наиболее яркие формы журнальной сатиры, использованные на страницах «Кобылки», хотя ими не исчерпывается жанрово-стилевое своеобразие журнала.

В своём исследовании мы пришли к выводу, что оренбургская периодика начала XX века представляла собой достаточно живую среду, лишенную страха перед «сильными мира сего» и сохраняющую способность «истину царям с улыбкой говорить», несмотря на то, что авторами материалов в большинстве своем были высланные из центральной России интеллигенты.

Литература

1. Хмура Е.А. Место сатирических изданий в структуре Оренбургской журналистики // Инновационно-ориентирующие процессы в инфраструктуре современного общества. Сб. ст. по материалам международной научной конференции преподавателей. Оренбург: Оренбургский институт экономики и культуры, 2012. С. 112 – 119

2. Ю. С. [Соколов Ю.] Загадки // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А – П. – С. 245.

3. Толковый словарь Ожегова онлайн. Электронный источник: <http://slovarozhegova.ru/letter.php?charkod=206>.

4. Эйгес И. Р. Басня // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А – П. – С. 93 – 97.

5. Кобылка [Текст] : юморист.-сатирический журнал. – Оренбург: [б. и.] – № 10 – 1906. – Б. ц.

Холмурадова Л.Э.

Аспирант Самаркандского Института Иностранных Языков,
факультета английской филологии, кафедры методики и преподавания английского языка.

СХОДСТВО АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦ.

Resemblance between English and French proverbs.

Аннотация

В данной статье используется сопоставительный анализ пословиц и фразеологизмов английского и французского языков с целью выявления сходства между английской и французской фразеологией. Полученные результаты могут быть использованы на курсах по сопоставительному языкознанию, фразеологии, в семинарах по лексикологии и переводоведению.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, сходство.

Key words: phraseologism, proverb, resemblance.

Одним из наиболее ярких пластов языка является фразеология. Как справедливо отмечают многие исследователи (В.Л.Архангельский, С.Г.Гаврин, В.Н.Телия), фразеология - не только неповторимый, специфичный национально маркированный раздел языка, но и, пожалуй, самый сложный (по своей синтетичности, компликативности) лингвистический феномен. [1].

Фразеологизм - это как бы слово в квадрате: обладая характерными структурно-семантическими свойствами, он, как и отдельно взятая лексема, именуется, характеризует, трансформируя определённую информацию в процессе коммуникации, но гораздо в большей мере, нежели слово, создаёт вербальные образы, неповторимую в каждом языке картину мира.

Интерес к сопоставлению контактирующих языков в целом, а также отдельных ярусов языковой системы, в условиях возрастающего общения представителей различных стран и народов не только не угасает, но и обуславливает развитие целого комплекса гуманитарных наук, связанных с этим направлением, являющимся одним из актуальных уже не одно десятилетие.

Фразеологические единства придают речи особенную выразительность и народно-разговорную окраску. В эту группу фразеологизмов относят крылатые выражения, пословицы, поговорки.

Пословицы – широко распространенный жанр устного народного творчества. Это золотые зерна, сокровища народной мудрости и народной философии. В пословицах во всем совершенстве развернулась вся живость народного ума, находчивость, способность подмечать в предметах или явлениях самые характерные черты. Пословицы кратко и доходчиво передают любую мысль, благодаря им речь приобретает остроту и выразительность.

Пословицы, являясь выводами из жизненных наблюдений, отражают общечеловеческий взгляд на окружающую жизнь, природу, общественные явления, семейные отношения, понимание нравственных правил и норм.

Мы не можем отрицать огромное сходство культур и общность английского и французского народов, и это в частности, ярко проявляется в пословицах, являющихся частью культурной традиции народов, отражающих повседневную жизнь. И английские и французские пословицы призывают уважать родителей, правильно воспитывать детей, дорожить дружбой, внимательно относиться к старшим, отражают высокие понятия о чести, моральной чистоте. Пословицы также осуждают и высмеивают людские пороки и слабости.

Пословицы, идиомы и крылатые выражения, взятые из Библии, из античных или других литературных источников, очень сходны в разных языках.

Вот примеры французских пословиц, которые с незначительными изменениями встречаются и в английском языке:

- 1) *C'est dans la nécessité que l'on connaît ses vrais amis (фран.) / A friend in need is a friend indeed (англ.) – Друзья познаются в беде.*
- 2) *Chien qui aboie, ne mord pas (фран.) / Barking dogs seldom bite (англ.) – Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой.*
- 3) *Il n'est pas aussi diable qu'il est noir (фран.) / The devil is not so black as he is painted (англ.) – Не так страшен черт, как его малюют.*
- 4) *Il n'y a pas de fumée sans feu (фран.) / There is no smoke without fire (англ.) – Нет дыма без огня.*
- 5) *La nuit, tous les chats sont gris (фран.) / All cats are grey in the dark (англ.) – Ночью все кошки серы.*
- 6) *Pas à pas on va loin (фран.) / More haste, less speed (англ.) – Туже едешь – дальше будешь.*
- 7) *L'homme propose, et Dieu dispose (фран.) / Man proposes, God disposes (англ.) – Человек предполагает, а Бог располагает.*
- 8) *Il n'y a pas de rose sans épines (фран.) / There is no rose without a thorn (англ.) – Нет розы без шипов.*
- 9) *Tel bruit, tel écho (фран.) / As you sow, so you reap (англ.) – Что посеешь, то и пожнешь.*
- 10) *À qui se lève matin, Dieu aide et prête main (фран.) / God helps those who help themselves (англ.) – Кто рано встает, тому Бог подает.*
- 11) *La poile ne doit pas chanter avant le coq (фран.) / Don't teach your grandmother to suck eggs (англ.) – Яйца курицу не учат.*
- 12) *Dis – moi qui tu hantes, et je dirai qui tu es (фран.) / A man is known by the company he keeps (англ.) – Скажи мне, кто твои друзья и я тебе скажу, кто ты.*
- 13) *Autres temps, autres mœurs (фран.) / Other times, other manners (англ.) – Другие времена – другие нравы.*
- 14) *Au vol on connaît l'oiseau (фран.) / A bird may be known by its song (англ.) – Видна птица по полету.*
- 15) *Après la pluie, le beau temps (фран.) / After a storm comes a calm (англ.) – После бури наступает затишье.*
- 16) *Le diable sait beaucoup parce qu'il est vieux (фран.) / The devil knows many things because he is old (англ.) – Черта век долог, оттого он так много знает.*

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. В нем воплощено своеобразие народа и национальное видение мира. Язык может служить источником сведений о культуре, психологии и мировидении народа. Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. В данной статье мы попытались найти сходство между английской и французской языковых картинах мира.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под руководством В.Н. Телия, М.1987.
2. Учебный французско-русский фразеологический словарь. – М.,2006.
3. Англо-русский фразеологический словарь. – М.,изд. Русский язык 1984.
4. А.В.Кунин Фразеология современного английского языка. – М.1972.

Хусянова Г.И.

Учитель русского языка и литературы ГОУ СОШ №272. САО города Москвы

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ОБРАЗА МЫШИ В ПОВЕСТИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ПОДПОЛЬЯ»

Аннотация

В исследовании производится анализ символического образа мыши в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» с целью определить еще одну грань художественного замысла автора, характер и взаимосвязи с русским фольклором, отечественными и зарубежными писателями, расширить представление о содержательной и идейной сторонах творчества писателя. Материалы исследования могут быть использованы для углубления теоретических знаний учеников старших классов общеобразовательных школ, а так же студентов филологических вузов.

Ключевые слова: символ, мышь (крыса), сознание, подполье, парадоксалист, герой-идеолог.

Key words: symbol, mouse (rat), consciousness, cellar, paradoxographer, ideologist-character.

С конца XIX века постепенно рос интерес к повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». Художественное открытие Достоевский, впервые указавшего на социальную опасность превращения «самостоятельного хотения» личности в «сознательно выбираемый ею принцип поведения», на рубеже XIX и XX вв. получило подтверждение в нищепланстве, а позднее в некоторых направлениях экзистенциализма.

Особого внимания заслуживает герой «Записок». Необычность фигуры главного героя налицо, но какова возможная его трактовка? Носитель «подпольного сознания» строго не определяем, поскольку само содержание изображенного автором «подпольного сознания» до конца не соответствует ни обозначенному герою повести, ни какому-либо определенному типу человека вообще. Оно во многом – философское обобщение сознания человека как представителя конкретного исторического времени с его проблемами, русского человека, в то же время необязательно русского, возможно вне русской почвы вообще. Изображенное автором сознание – это мир индивидуального человеческого сознания в его родовом смысле, мир мыслей и эмоций, который сам по себе представляет важнейшую составную часть того, что является исторической реальностью. «Подпольное сознание» выступает как богатство идей, в которых

отражена привязанность индивидуума к обществу, к конкретному времени, его догмам и одновременно его способность к мыслительному сопротивлению общественно-теоретическим стереотипам, социальным теориям, не принимающим во внимание самого факта существования субъективного сознания с его правом на решение проблем своей жизни. Это своеобразная заявка индивидуума на признание самоценности «Я». «Подпольное сознание» героя выходит за рамки, за духовные возможности самого персонажа, соединяет многообразие духовных характеристик и возможностей индивидуальности в его бесконечном развитии.

Слово «подполье» звучит в двух смыслах по отношению к человеческой душе: один – это все злое и пагубное в человеке, другой – тайники души, все скрытое в душе человека и с трудом достигаемое.

Внутренний мир человека неотделим от его внешнего окружения: либо что-то воздействует на человека, либо человек что-то меняет вокруг себя, в зависимости от силы характера. Герой «Записок» относится к первому типу людей, на которых оказывают влияние внешние факторы. «Деспот в душе», он не способен к дружбе. Он стремится к полновластному господству над людьми и обстоятельством, но у него не получается. Он прислушивается к каждому чужому слову о себе, смотрит как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа, он знает и свое объективное определение, учитывает точку зрения «третьего». Но сила его состоит в том, что последнее слово всегда за ним, пусть это слово никто, кроме него не услышит, но оно будет сказано.

Кажется, что герой очень расчетлив, злобен, делающий гадости исподтишка. Его можно сравнить с серой мышью, которая и неприметна и мала, но приносит с собой чуму.

Ф.М. Достоевский насыщал свои произведения всевозможными символами, значение которых неоднократно рассматривались исследователями, однако образ «серой мыши» не был достаточно полно раскрыт.

Мышь и крыса – нечистые животные, относимые в народном сознании к гадам. Символика этих животных обусловлена их обитанием в норах и в доме, свойствами грызуна (мотивы зубов, надъеденного хлеба) и вредом, причиняемым хозяйству.

Издавна с мышами связано много поверий, легенд, примет. Мышь считали созданием дьявола. Согласно легенде, во время Всемирного потопа мышь прогрызла дыру в ковчеге, которую заткнула кошка хвостом.

Мышь, оказавшаяся в выкопанной могиле, означает, что покойник был колдуном и что злой дух в облике мыши вышел навстречу умершему, чтобы забрать его душу. По поверию, если оставить на ночь недоенный хлеб, ночью в виде мыши придут им питаться души умерших. Если кошка поймает такую мышь, то это грозит бедствиями домашним за гибель предка. С мышью связаны и различные приметы: мышь покидает дом – быть пожару; мышь, попавшая за пазуху – предвестие большой беды. Для избавления от мыши обходили вокруг дома с освященной пасхальной едой, разбрасывали скорлупки пасхальных яиц по углам дома.

Все эти мифологические предания позволяют сделать вывод о том, что уже в далекие времена такому маленькому зверьку, как мышь, отводилась далеко не последняя роль в жизни людей. Мышь имела дьявольскую власть над людьми, ее боялись, с нею считались.

С другой стороны, во многих русских народных сказках мышь предстает сильным существом, но не дьявольским созданием, а в роли помощника. Мышь-помощник – распространенный мотив сказок. Достаточно вспомнить сказку про курочку Рябу, в которой только мышка смогла разбить золотое яичко; сказку про репку, где только с помощью мышки герои смогли вытащить репку; в сказке про трех медведей мышь помогает Машеньке в медведем доме. В сказках польского Поморья герой получает от мыши волшебную дудочку, исполняющую все его желания.

О мышьиной силе говорит и распространенное мнение о том, что слон при одном ее виде бежит прочь, даже не пытаясь затоптать. Подобно слонам, мышей боятся и люди: при одном намеке на присутствие этого животного в доме, забираются на стулья, табуреты и прочее.

Мы преувеличиваем силу мыши, и современная культура подвержена этой тенденции (вспомним хотя бы мультфильмы о Микки Маусе, или Тома и Джерри, где в каждой серии кот пытается поймать мышонка, но тот всегда оказывается хитрее и ловчее). В сказках мышь – это один из многочисленных трикстеров (обманщиков) или помощников героев. В баснях образ мыши встречается редко и подчинен задаче морального назидания.

Образ мыши проскальзывает во многих произведениях Ф.М. Достоевского. Наиболее четко его можно разглядеть в романе «Идиот». Главный герой романа Лев Мышкин – человек не от мира сего. Он любит детей и природу, проповедует доброту и гуманность, но он не труслив и не сер, как мышь. Здесь образ мыши использован автором для усиления противоречивости натуры.

В романе «Преступление и наказание» мышь появляется как нечто презренное и скверное, более того в лихорадочном состоянии героя как некий символ болезни, чумы или галлюцинации. Снова мышь выступает в роли нечистой силы. Далее в этом же романе мышь предстает перед нами уже как жертва, а главное – у нее появляется враг: «Мысли крутились в голове Раскольникова. Он был ужасно раздражен. «Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотят! А по какому случаю, коль меня совсем не знаешь, говорил ты обо мне с Никодимом Фомичем? Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак! Так откровенно в рожу и плюют! – дрожал он от бешенства. – Ну, бейте прямо, а не играйте, как кошка м мышью».

Раскольников сам себя позиционирует как мышь. Он не видит себя презренным, скверным – он чувствует себя жертвой. Раскольников мало чем отличается от мыши-Свидригайлова: он также беден, также питается, его многие презирают.

Через несколько лет образ мыши всплывает в новом романе Достоевского «Бесы». Образ приобрел новые грани и стал более глубоким. «Я не заговорил бы об этом мерзавце особенно и не стоил бы он того, чтобы на нем останавливаться; но тут произошла одна возмущающая история, в которой он, как уверяют, тоже участвовал, а истории этой я никак не могу обойти в моей хронике.

В одно утро пронеслась по всему городу весть об одном безобразном и возмутительном кошунстве. При входе на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замечательную древность в нашем древнем городе. У врат ограды издавна помещалась большая икона богородицы, вделанная за решеткой в стену. И вот икона была в одну ночь ограблена, стекло киота выбито, решетка изломана и из венца и ризы было вынута несколько камней и жемчужин, не знаю очень ли драгоценных. Но главное в том, что кроме кражи совершенно было бессмысленное, глумительное кошунство: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь. Положительно известно теперь, четыре месяца спустя, что преступление совершенно было каторжным Федькой, но почему-то прибавляют тут и участие Лямшина. Тогда никто не говорил о Лямшине и совсем не подозревали его, а теперь все утверждают, что это он впустил тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось».

Мышь от неприметного животного выросла в бесовское оружие. Здесь актуально говорить об образе мыши как о помощнике злых, дьявольских сил, действующих против Бога. Причем, важно отметить, что действия эти направлены исподтишка, в темноте и мелким животным. Так действуют трусливые и неправедные люди.

Каков герой повести «Записки из подполья»? Такой же суетливый, семенящий и шуршащий? Или тихий, неприметный, безобидный? Не только действительность самого героя, но и окружающий его мир и быт вовлекаются в процесс самопознания, переводятся из авторского кругозора в кругозор героя.

Человек подполья – сорокалетний чиновник в отставке, он живет в «углу» - «дрянной, скверной» комнате на краю Петербурга. В «подполье» он и психологически: почти всегда один, предается безудержному «мечтательству», мотивы и образы которого взяты из «книжек». Дом его внешне, действительно, похож на мышиную гору. Однако герой в своем неприглядном жилище не вызывает отвращения и неприязни, поэтому жилищный фактор не является главным в определении характера образа мыслей героя. Достаточно вспомнить полевою Мышь из сказки Ганса Христиана Андерсена «Дюймовочка». «Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все помещение было битком набито хлебными зёрнами, кухня и кладовая у нее были на загляденье». В сущности, полевая Мышь была добрая, она приютила бедняжку Дюймовочку у себя на зиму, но она была расчетлива, как гоголевская Коробочка. Герой «Записок» также

расчетлив и просто так ничего не делает. Он всегда продумывает все на два-три шага вперед, свои слова и жесты, другой вопрос в том, что, попадая в реальность, он ведет себя не так, как в мечтах. Он может смоделировать правильное общение с окружающими людьми, но не может его воспроизвести. Причина того – его одиночество. В «Записках» моралистического противовеса отрицательному персонажу нет. Парадоксалист правит бал единолично. Писатель также старается «не мешать» своему герою. Он практически не трогает себя на диалоги; его отношения с миром строятся только на собственном монологе, куда посторонним входа нет. В числе посторонних оказывается и мир.

В этом монолизме самого высокого градуса выяснения отношений писателя с языком и миром («Бахтин, говоря о полифонии Достоевского, все-таки имел в виду какого-то другого писателя») и начинается то сокращение дистанции между автором и персонажем, которое фактически определило и французский экзистенциализм, и русскую литературу последних двух десятилетий.

Стиль его слова чужд завершению, как в отдельных моментах, так и в целом. Это стиль внутренне бесконечной речи, которая может быть механически оборвана, но не может быть завершена.

Но именно поэтому так адекватно завершение произведения, выдвигается тенденция, заложенная в записках героем, к внутренней бесконечности. «Но довольно; не хочу я больше писать «из Подполья»... Впрочем, здесь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться».

Не только слово, и лицо у него с оглядкой и лазейкой. Герой «Записок» ненавидит свое лицо, в нем он чувствует власть другого над собою, он смотрит на него глазами другого человека и видит в нем что-то гнусное и подлое, оно вызывает у него отвращение такое же. Какое вызывает и грязная, серая подпольная мышь: «Я, например, ненавидел свое лицо, находил, что оно гнусно, и даже подозревал, что в нем есть какое-то подлое выражение, и потому каждый раз, являясь в должности, мучительно старался держать себя как можно независимее, чтоб его не заподозрили меня в подлости, а лицом выражать как можно более благородства. «Пусть уж будет некрасивое лицо, - думал я, - но зато пусть будет оно благородное, выразительное и, главное, чрезвычайно умное». Но я наверно и страдальчески знал, что всех этих совершенств мне никогда моим лицом не выразить. Но, что всего ужаснее, я находил его положительно глупым. А я бы вполне помирился на уме. Даже так, что согласился бы даже и на подлое выражение, с тем только, чтоб лицо мое находили в то же время ужасно умным».

«Я случайно погляделся в зеркало. Вздурораженное лицо мое показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами. «Это пусть, этому я рад, - подумал я, - я именно рад, что покажусь ей отвратительным; мне это приятно».

Герой сам себя сравнивает с мышью. Хоть он и говорит, что завидует «нормальному» человеку, он не стесняется назвать себя мышью, более того он придумывает оправдания и положительные стороны бытия мыши: «Ведь у людей, умеющих за себя отомстить и вообще за себя постоять, – как это, например, делается? Ведь их как обхватит, положим, чувство мести, так уж ничего больше во всем их существе на это время и не останется, кроме этого чувства. Такой господин так и прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает. (Кстати: перед стеной такие господа, то есть непосредственные люди и деятели, искренно пасуют. Для них стена – не отвод, как например для нас, людей думающих, а следственно, ничего не делающих; не предлог воротиться с дороги, предлог, в который наш брат обыкновенно и сам не верит, но которому всегда очень рад. Нет, они пасуют со всею искренностью. Стена имеет для них что-то успокоительное, нравственно-разрешающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое... Но об стене после). Ну-с, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно зарождая его на земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво. И я тем более убежден в злом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышью, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно..., и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышью; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышью в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la verite. Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la verite, потому что l'homme de la nature et de la verite, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышью, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость. Доходит наконец до самого дела, до самого акта отмщения. Несчастная мышь кроме одной первоначальной гадости успела уже нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей; к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом нее набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков, сыплющихся на нее от непосредственных деятелей, предстоящих торжественно кругом в виде судей и диктаторов и хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остается махнуть на все своей лапкой и с улыбкой напускного презренья, которому и сама она не верит, постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость. Сорок лет сряду будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду и при этом каждый раз прибавлять от себя подробности еще постыднейшие, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазией. Сама будет стыдиться своей фантазии, но все-таки все припомнит, все переберет, навдумает на себя небывальщины, под предлогом, что она тоже могла случиться, и ничего не простит. Пожалуй, и мстить начнет, но как-нибудь урывками, мелочами, из-за печки, инкогнито, не веря ни своему праву мстить, ни успеху своего мщенья и зная наперед, что от всех своих попыток отомстить сама выстрадает во сто раз больше того, кому мстит, а тот, пожалуй, и не почешется. На смертном одре опять-таки все припомнит, с накопившимися за все время процентами и... Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил. Оно до того тонкое, до того иногда не поддающееся сознанию, что чуть-чуть ограниченные люди или даже просто люди с крепкими нервами не поймут в нем ни единой черты. «Может, еще и те не поймут, – прибавите вы от себя, осклабясь, – которые никогда не получали пощечин, – и таким образом вежливо намекнете мне, что я в мою жизнь, может быть, тоже испытал пощечину, а потому и говорю как знаток. Бьюсь об заклад, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получал пощечин, хотя мне совершенно все равно, как бы вы об этом ни думали. Я, может быть, еще сам-то жалею, что в мою жизнь мало роздал пощечин. Но довольно, ни слова больше об этой чрезвычайно для вас интересной теме».

Поначалу герой не отождествляет себя с мышью, однако по мере размышлений, волей-неволей начинает пересказывать свою историю и получается, что он и есть мышь. Он видит свое прошлое. Настоящее и будущее, и он придумал себе оправдание – во всем виновата его неудовлетворенность жизнью. Все же нельзя определить его в полной мере мышью, какую он описывает сам. По его описаниям, мышь не думающая, не умеющая размышлять. Герой «Записок», напротив, полон различных чувств и мыслей. Чем-то этот герой похож на вскоре появившегося в творчестве Достоевского Льва Мышкина. Они оба противоречивы. Герой «Записок» с одной стороны – злобная, мстительная мышь; с другой – думающий философ. Однозначно определить, к какой группе «мышей» он принадлежит невозможно. В этом и есть главная особенность – он сочетает в себе черты всех. Недаром «Записки из подполья» называют увертюрой к пятикнижью Ф.М.Достоевского: романам «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Античные авторы (Теофаст, Элиан) отмечали способность мыши своим поведением предсказывать погоду, особенно грозовую. Они предзнаменуют изменения, они своего рода оракулы. Герой «Записок из подполья» - новый герой, герой-идеолог, сам он ничего не делает, но выражает мысли и идеи того времени. Позднее все эти идеи войдут в монологи главных героев больших романов Достоевского – Раскольникова, Ипполита Терентьева, Кириллова, Шатова, Ставрогина, Дмитрия и Ивана Карамазовых, получат развитие и в идеологии русских революционных демократов, в частности, в теории «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского. Почему герой «Записок» - мышь? Он непривлекателен внешне, его также сторонятся люди, даже близкие друзья, в конце концов, он живет в подполье. Сама мышь мала и ничего сделать не может, но она предзнаменует события, пугает, тем самым спасая или помогая (спасает льва, помогает разбить золотое яйцо и т.д.). в этом и есть предназначение этого героя, он говорит только о себе, о своих личных проблемах, но читатель узнает в нем самого себя, окружающую действительность, видит всю жестокую подноготную. Даже от неприметной серой мыши бывает польза. Как мыши первыми бегут с тонущего корабля, так и герой первым ушел в подполье...

Литература

1. Аверинцев С.С. Словарь. Изд. 2-ое, испр., - 2001г.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского.- Киев, 1994г.
3. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома; Записки из подполья; Вечный муж; Кроткая – Л.: Лениздат, 1990г.
4. Иванова А.А. Философский открытия Ф.М. Достоевского. – М., 1995г.
5. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995г.
6. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – М., 1966г.

Чернобровкина Е.П.

канд. социол. наук, доцент каф. английской филологии БГУ, г. Улан-Удэ

Гуляева Е.Ю.

выпускница ФИЯ БГУ 2012 года, г. Улан-Удэ

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАТО В РУССКО -, ФРАНКО - И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОН-ЛАЙН ПУБЛИЦИСТИКЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассматривается образ НАТО как политической организации, созданный средствами он-лайн публицистики. Исследование основано на контент-анализе газетных статей трех стран (России, Франции, Великобритании). Основной вывод авторов свидетельствует о негативном образе НАТО, складывающемся в публицистике трех культур.

Ключевые слова: образ НАТО, контент-анализ, публицистика, категория анализа (NATO, content-analysis, mass media, category of analysis)

Искусство формирования навязчивых образов и манипулирование общественным сознанием достигло в настоящее время достаточно высокого уровня, который позволяет формировать взгляды и политические предпочтения людей [2]. В связи с последними событиями на Ближнем Востоке, возможным присоединением РФ к НАТО, а также проект противоракетной обороны на территории России, большое внимание уделяется образу НАТО в СМИ, отношение общественности к которому формируется средствами газетных публикаций. В настоящее время бытует мнение, что НАТО теряет свои позиции. Еще до своей отставки Роберт Гейтс заявил, что Альянс превращается в раздвоенную структуру, которая не выполняет свои прямые задачи. В России в данный момент активно обсуждается образ врага/товарища. Во Франции – Альянс рассматривают то в качестве союзника, то, как орудие власти. С целью смоделировать наиболее объективный образ НАТО в он-лайн прессе, мы проанализировали материалы, опубликованные на сайтах новостных ресурсов Франции, России и Великобритании.

Методом контент-анализа с применением случайной выборки мы отобрали он-лайн публицистические тексты и выявили оценочные суждения о НАТО, которые были распределены в несколько категорий. Данные категории мы поделили на две группы – положительные и отрицательные характеристики, свидетельствующие о положении, месте и функциях Североатлантического Альянса как политической организации. Так, в первую группу вошли следующие, разработанные нами, категории: «военизированная организация», «гарант», «гибкая структура», «глобальная структура», «двигатель демократии», «дипломат», «добро с кулаками», «защитник», «необходимость», «сильная организация», «союзник», «спасатель», «тактик» и «мироворец». Во вторую – такие категории, как «агрессор», «безответственная организация», «бремя», «внушаемый тип», «завоеватель», «закрытая структура», «изжившая себя структура», «лжец», «лис», «марионетка», «несудачник», «оптимист», «организация без цели», «политическая доминанта», «преступник», «разрушитель», «распад», «распыленная организация», «слабая организация», «убийца». Всего в исследовании было рассмотрено 34 категории (14 - положительных и 20 – отрицательных), из них 18 стали общими для всех источников. В общей сложности нами было изучено 450 статей, по 150 от каждой из стран (по 50 статей с одного новостного ресурса). Были рассмотрены статьи информационного и информационно-аналитического характера [1]. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Образ НАТО в России формируется в основном из негативных оценочных суждений: отрицательных категорий насчитывается 18, положительных – 9. Наибольшая процентная наполняемость отмечается у следующих категорий: «преступник», что свидетельствует о правовых нарушениях НАТО, официально зарегистрированных и опубликованных для общего ознакомления; «распад» – категория, которая показывает не только слабую организацию Альянса, но и говорит о том, что структура в данный момент не в состоянии сохранять целостность, сплоченность; «лис» – одна из немногих категорий, характеризующих НАТО как организацию, преследующую свои цели, скрытые от других, с другой стороны, суждения, относящиеся к данной категории, говорят о том, что Альянс больше привык оправдываться, преувеличивать свою важность, хитрить, чем принимать решения, которые могут отразиться на состоянии стран НАТО; наконец, категория, сходная по наполнению с предыдущей, «политическая доминанта», состоит в том, что по суждениям и оценкам в публикациях можно говорить о том, что Альянс ведет не столько захватническую политику, сколько политику контроля.

Рассматривая категории с отрицательной характеристикой, необходимо отметить категорию «завоевателя». Многие публикации анализируют перспективы расширения НАТО на восток. При всей разнице высказываемых взглядов и интонационных нюансах вырисовывается следующая картина: Альянс воспринимается уже не как фактор угрозы безопасности России, но как некоторая inferнальная сила. Среди прочих отрицательных характеристик Альянса следует отметить такие, как «организация без цели», «закрытая структура», «изжившая себя структура», «оптимист». Прокомментируем последнюю: несмотря на то, что название категории несет положительную эмоциональную нагрузку, оно свидетельствует о том, что организация не обладает навыками правильно оценивать сложившуюся ситуацию, прогнозировать исход процессов и делать соответствующие приготовления. Название категории говорит о том, что НАТО, как правило, переоценивает силы своих ВС, что сказывается на ходе военных действий Альянса на территории реагирования.

В заключение отметим, что общий образ Североатлантического альянса, моделируемый на материале статей, опубликованных на новостных сайтах России, носит скорее отрицательные характеристики (табл.1). Тем не менее, достаточное высокое наполнение категорий «союзник», «глобальная структура» и «сильная организация» позволяет судить о НАТО как об организации мирового уровня, способной стать гарантом безопасности стран, входящих в ее состав.

Согласно полученным результатам контент-анализа на материале британских публикаций, перевес негативных оценочных суждений над положительными остается прежним (15 отрицательных категорий vs 9 положительных). Наибольшая процентная наполняемость отмечается у таких категорий, как «изжившая себя структура», которая выражает сомнения в необходимости Альянса сегодня, свидетельствует о несоответствии целей и задач НАТО современным политическим запросам, говорит о необходимости

проведения реформ, как в структуре организации, так и в политической установке; «неудачник» – категория, оценивающая Североатлантический альянс по ее военным и спасательным миссиям и операциям, как показывает название категории, неудавшимся; «слабая организация» показывает данную структуру теряющей свое могущество, неспособной на тот уровень действий, который был ей доступен полвека назад. Необходимо отметить значимость таких категорий, как «марионетка» и «внушаемый тип» - обе категории характеризуют НАТО не просто как слабую, но и как управляемую, в данном случае США, структуру.

Тем не менее, у некоторых положительных категорий достаточно высокое наполнение, чтобы оказать влияние на построение общего образа Альянса в британской интернет-журналистике. Среди них «защитник», «союзник» и «миротворец». Категория «защитник» чаще появляется в статьях, где говорится о включении в состав НАТО Грузии и Украины. Категория «миротворец» получает большее наполнение в статьях, касающихся Афганистана, Ливии и Сирии.

В целом, образ Североатлантического альянса в британской интернет-журналистике является, как и по результатам анализа русскоязычных материалов, отрицательным (табл.1). Британские СМИ выделяют внутренние и внешние проблемы Альянса, что сказывается на наполнении таких категорий, как «слабая организация», «марионетка», «организация без цели», «неудачник» и других. Среди небольшого числа положительных характеристик значительный процент высказываний строится на основе идеи союзничества и взаимопомощи.

По результатам исследования французских статей было выявлено 12 отрицательных и 5 положительных категорий. Наибольшее наполнение у категории «слабая организация», что присуще также русско - и англоязычной прессе. Далее следует категория «марионетка, третье место по количеству примеров занимает категория «разрушитель». Так же, как и в материалах Великобритании и России, суждения этой группы касаются вопросов, связанных с войнами, вооруженными конфликтами, военными операциями и миссиями. Так, упоминается бомбардировка жилых районов Сирта. Данные вопросы, как правило, затрагивают и категорию «преступник». Нарушение пунктов Женевской конвенции Альянсом признается Францией так же, как и в СМИ других стран.

Большое значение имеет отрицательная категория «безответственная организация». Как правило, суждения с данной оценкой имеют отношение к событиям в Пакистане, Афганистане и Ливии. «Организация без цели» – позиция НАТО сейчас кажется зависимой от многих факторов, внутренние организационные процессы не дают нужных результатов, ориентация на размытые цели и задачи создает видимость упорного следования политике, проводимой во времена противостояния Советскому Союзу.

В образе НАТО как политической организации по материалам французской интернет-журналистики появляется оценка «агрессор». Наполнение данной категории составляют суждения, определяющие характер деятельности НАТО, манеру проведения операций и ведения переговоров. Так, в частности, отмечается агрессивная манера ведения переговоров с Россией.

Положительные категории в моделировании образа НАТО как политической организации имеют общую основу. Из наиболее значимых отметим категории «защитник», «союзник» и «военизированная организация». Таким образом, данные категории связаны между собой наличием значительного количества вооруженных сил, высокотехнологичного вооружения и передовых технологий в ядерной и ракетной промышленности.

В целом, образ Североатлантического альянса во французской интернет-журналистике, как и в русско - и англоязычной прессе, основывается на отрицательных характеристиках (табл.1). Отражение таких оценок, как малоорганизованность, отсутствие единого командования и объединяющей цели, вызывает у французов недоверие к лидерам в управлении НАТО. Положительные характеристики, тем не менее, признают, что Альянс является сильной организацией, требующей внимания и правильного подхода.

Таблица 1. Категоризация оценочных суждений о НАТО как политической организации (в %)

Категория	Великобритания	Россия	Франция
Агрессор	0	0	5
Безответственная организация	4	3,5	7
Бремя	6	0	0,5
Внушаемый тип	1,5	0,5	2,5
Завоеватель	5	4	4,5
Закрытая структура	0	3	0
Изжившая себя структура	11,5	4,5	3
Лжец	0	2	0
Лис	2,5	7	3
Марионетка	3	0,5	10
Неудачник	9,5	2	2,5
Оптимист	1,5	2	1
Организация без цели	7,5	2	6
Политическая доминанта	0	7	0
Преступник	0	12	3
Разрушитель	4,5	6	7,5
Распад	3	8	2,5
Распыленная структура	5	2	3
Слабая организация	8	6	12,5
Убийца	3	5,5	4,5
Военизированная организация	0	2,5	3
Гарант	2	0	0
Гибкая структура	3	3	0,5
Глобальная структура	3	4	2
Двигатель демократии	0	1	2,5
Дипломат	1	0	0
Добро с кулаками	1	0	0,5
Защитник	5	1	4,5
Миротворец	3,5	0	1,5
Необходимость	1,5	0	2
Сильная организация	0	3,5	1,5
Союзник	4	4,5	4
Спасатель	0	1	0
Тактик	0	2	0

В заключение следует отметить, что образ Организации Североатлантического Договора преимущественно строится на отрицательных суждениях с небольшой долей положительных и нейтральных категорий. На наш взгляд, данный результат показывает неготовность НАТО работать в современных условиях. Однако можно предположить, что наличие положительных категорий и их суммарная процентная наполняемость свидетельствуют о способности Альянса реабилитироваться.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи. Изд. 2-е, стереотипное. – М. Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
2. Ивченкова М.С.. Роль современных российских СМИ в процессе формирования гражданского общества. Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология, вып. 2. с. 67-70.

Черноусова И.П.

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБОУ ВПО «ЛГПУ»

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА ПЕЧАЛЬ В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРОВ)

В статье исследуется эмоциональный концепт печаль в русской волшебной сказке и былине. Сравнительный анализ концепта печаль в разных эпических жанрах позволил выявить и описать особенности содержания и языкового выражения этого концепта, которые обусловлены социально-историческими тенденциями эпохи создания сказки и былины, а также различным уровнем народного сознания в разные периоды развития фольклора.

Ключевые слова: фольклорный концепт, субконцепт, фольклорно-языковая картина мира, формульный диалог.

Key words: folklore concept, subconcept, folklore-linguistic picture of the world, formulaic dialogue.

Одной из важных проблем современной лингвистики, формирующейся в рамках антропоцентрической парадигмы, является выявление специфики национальной концептосферы и составляющих ее концептов. Решение этой задачи возможно, если будут исследованы разные типы концептов в различных языковых и текстовых формах. Актуальным является изучение фольклорных концептов (ФК) – ментальной структуры хранения и передачи традиционных культурных смыслов. ФК состоят из субконцептов, передающих субсмыслы и входящих составной частью в содержание более широкого по объему концепта. ФК явились фактором формирования традиционных формул: типизированный характер семантики устнопоэтических концептов, детерминированный структурой традиции, обусловил образование в их пределах формул как стабильного средства выражения данной семантики. «Специализированным средством выражения традиционных фольклорных концептов явились устно-поэтические формулы – устойчивые языковые и речевые образования» [2, с. 64]. Традиционные формулы – репрезентанты фольклорных концептов и константы фольклорно-языковой картины мира – части фольклорной картины мира (ФКМ), эксплицируемой в языке фольклора. ФКМ представляет собой фрагмент концептуальной картины этноса, одну из ипостасей картины мира носителей фольклорной традиции. ФКМ – «перекодируемая» форма традиционной народной культуры.

Мы исследуем эмоциональный концепт *печаль*, получивший выражение в формульном диалоге (ФД), характеризующемся типовой последовательностью и типовым соединением реплик, состоящих из традиционных формул.

Материалом для исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания фольклора, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах [11], Великорусские сказки в записях И.А. Худякова [4], Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина [5], Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. [16], Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I-III [12], Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым [7], Беломорские былины, записанные А. Марковым [3], Песни, собранные П.Н. Рыбниковым (под ред. А.Е. Грузинского). В трех томах [13].

В современном русском языке слово *печаль* имеет следующие значения: 1. Чувство грусти и скорби, душевной горечи. 2. То, что печалит, событие, обстоятельство и т.п., вызывающее чувство грусти и скорби. 3. Разг. Забота, беспокойство [17, с. 117]. Представляет интерес этимология слова *печаль*. Общеслав. Образовано с помощью суффикса *-аль* от *печа* – «забота», известное еще в диалектах, производного посредством *-я* от *пека* (ср. опека, древнерус. пека – «жар, зной»). *Печаль* буквально значит «то, что жжет» [19, с. 249].

В волшебной сказке концепт *печаль* выражается следующим ФД:

1. – О чем (что / чего) (горько) плачешь (пригорюнился, запечалился, приуныл, закручинился, затужился, слезы ронишь (льешь) / слезами обливаешься, так печален / грустен, кручинишься / кручинен, угрюм, призадумался, не весел, голову повесил, не веселишься), [обращение]?

2. – Как (что) же мне не плакать (не печалиться, не тужить, не призадуматься)? / Отчего мне веселому быть?

Царь (король, государь, батюшка, отец) посылает за тридевять земель, в тридесятое царство / государство (туда не знаю куда / город Ничто), велел (приказал, заставил, надо сделать, добыть, достать, принести золотые и другие диковинки / исполнить дело, службу / задачу задан).

3. – Это что за служба! Это службишка (еще не беда, не большая задача), служба / беда будет впереди. /

– Не плачь (не тужи, не печалься). Богу / Спасу молись да спать ложись, утро вечера мудренее / мудро, (к утру все будет готово / сделано). /

– Вот это служба, так служба (беда пришла)! Вот возьми (вот тебе) волшебный предмет. [Сделай нечто].

Концепт *печаль* в сказочной картине мира объективируется с помощью ряда глаголов-синонимов, часть из которых является общезыковыми: *плакать* – *обливаться слезами*, *ронять слезы* (народно-поэт.) [1, с. 111], *печалиться* – *кручиниться*, *горючиться* (прост. и народно-поэт.) [1, с. 111], *затужить*, *запечалиться*, *пригорюниться*, *закручиниться* (прост. и народно-поэт.) [1, с. 111], часть – контекстуальными (*приуныть*, *призадуматься*, *голову повесить*). Варьируются также другие общезыковые синонимы: *грустен*, *кручинен*, *не весел* (*грустный*, *невеселый*, *кручинный* (народно-поэт.) [1, с. 328]).

В формульном вопросе используется широкий диапазон эмоций для передачи состояния героя – от задумчивости до горячих слез. Этот прием Т.Г. Дмитриева относит к явлению градации эмоций [6, с. 100]. Следовательно, *печаль* – некое особое внутреннее состояние человека. В волшебной сказке оценка чувств чаще всего дается в максимальном проявлении. Этим обусловлена самобытность эмоционального концепта *печаль* в сказке и в этом заключается специфика ФКМ: фольклор не знает полутонов, он резко поляризует представления.

Печаль сказочного героя вызвана трудными задачами, которые являются опасными, потому что связаны с риском и героизмом: «Окромя смерти, иной дороги туда – как перед богом! – не ведаю» [11 (II), с. 151-152]. Но и в случае невыполнения задачи герою угрожает смерть. Пессимистическое эмоциональное состояние и задумчивость – сигналы о наличии у героя проблемы, которую он решить без волшебного помощника не в состоянии.

В былине концепт *печаль* выражается ФД, имеющим такое строение:

1. – (Ай же) свет мой чадо любимое!

Что [с честна пиру пришол (идешь) да] ты не весело / не радёшенек,

[Спустил очи ясны во сыру землю,

Буйну голову в плечи могучие (повесило)?]

[То ли мест(-ечик-)о было в пиру не по чину / вотчине?]

(Али) ествы-ты были не по уму?

(Али) питьица-ты были не по разуму?

(Али) чарою тебя да там приобнесли? /

Чара / рюмочка не рядом дошла / была не рядовая?

(Али) дурак / безумница / невежа / красные девицы / голь
над тобою над-(об-)смеял(и/а)ся?

(Али) пьяница ли там тебя приобозвал / приобгалился / надругался /
в глаза наплевал? / Словом тебя опорочили?

[Аль умница / княгиня при-(о-)безчестила?

Дворянские / злые собаки облаяли,

Черные вороны ограили?]

2. – (Ай же) свет моя ты родна матушка!

[Да в пиру-то место было по чину / вотчине,]

Ествы-ты же были мне по уму,

А и питьица-ты были мне по разуму,

Чарою меня там не приобнесли /

Чарка / рюмочка рядом дошла / рядовая была,

А дурак / безумница / невежа / красные девицы / голь

надо мною не (об-)смеял(и/а)ся же,

А и пьяница меня да не приобозвал (не обгалился / не надругался /

в глаза не плевал). / Словом меня не опорочили.

[Умница / княгиня не при-(о-)безчестила,

Дворянские / злые собаки не облаяли,

Черные вороны не ограили.]

А й (солнышко) Владимир-князь-от стольнѣ-киевский

Наложил-то (накинул) мне-ка (на нас) службу великую.

(А й великую мне службу немалую).

(Велел) съездить / сходить в земли сорочинские, темну орду / горам сорочинским, в норы змеиные, отвести дани за двенадцать год
да с половиною / достать (отыскать, привезти) племянницу / дочь Забав(-ушк-)у Путятичну.

3. – [Богу ты молись да спать / на покой] ложись.

Утро мудренее буде (живет) вечера].

Делай дело повеленое,

Сслужи-ка службу великую.

В первой реплике для выражения концепта *печаль* используется фразеологизм «повесить голову», отмеченный нами также в сказке и имеющий значение: «приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться» [18, с. 63], но в былине есть добавление – эпитет *буйну* (в значении: непокорную, беспокойную, горемычную) *голову*.

В формульных вопросах высказывается отношение к пиру не только как к многолюдному, веселому угощению, но и большому званому обеду, на котором чувствуют богатырей («почетный пир»). Во 2 реплике содержится информация, подтверждающая, что эпический пир – не просто веселое препровождение времени, а своеобразная форма общения, где князь давал поручения богатырям, что соответствует реальной исторической обстановке XI века.

В формуле, репрезентирующей концепт *печаль*, необыкновенно ярко и образно отражается психология русской народной печали: «Причиной печали является неуважительное отношение к богатырю».

Формульный вопрос: «То ли место в пиру было не по чину / вотчине?» свидетельствует о том, что для эпического пира характерно размещение гостей за разными столами или в определенной последовательности за одним столом, что отражает действительное положение дел: «Старшая и младшая дружины и другие участники пира и в Киевской Руси должны были, видимо, размещаться в каком-то устойчивом порядке, причем первые занимали место за столом князя, а вторые – за «средними» и «окольными» столами» [9, с. 140]. Этот вопрос, который задают богатырю, уходящему с пира недовольным, связывают с московским местничеством, так как иногда место на эпическом пиру дают «по изо(т)чѣству, по имени» [7, с. 130]. Место на пиру – «место в этнической группе и в иерархии одновременно» [8, с. 120]. Формульный ответ богатыря: «В пиру-то место было по чину» означает, что ему на пиру было отведено особое почетное место напротив князя Владимира, которое князь предлагает в виде особого благоволения, милости или сохраняет право выбора за самим богатырем. «Исторические корни строгого и нерушимого порядка размещения участников пира очень глубоки, они уходят еще в доклассовое общество. Известно, что в определенном порядке рассаживались участники общественных пиров в различных «мужских домах» [9, с. 141].

Традиционное значение диалога выражается через отрицание информации, содержащейся в реплике-стимуле. Во второй реплике, содержащей ответ на вопрос, называется другое проявление неуважительного отношения – княжеское поручение, которое недостойно богатыря, оскорбляет чувство богатырской чести: задание отвезти дань, не соответствующее историческим стремлениям русского народа, который не признает правомерности беспрекословного повиновения татарам и исполнения всех их требований, или задание съездить за дочкой / племянницей князя Владимира. Подвиг избавления царской дочери или княжеской племянницы – подвиг этот не богатырский по существу, а богатырский только по своим трудностям [17, с. 201]. Но впоследствии этот подвиг, совершенный в угоду Владимиру, превращается в героический по существу: Добрыня, спасая племянницу Владимира, одновременно освобождает много тысяч людей, спасает Киев.

В ФД, выражающем концепт *печаль*, в разных эпических жанрах нами выделяются общие субконцепты: *служба, молитва, сон, утро*. Субконцепты *молитва* и *сон* в третьей реплике ФД выражаются формулой «молись да спать ложись», скрепленной глагольной рифмой. Эта формула, как считает И.А. Разумова, восходит к светскому этикету [15, с. 69]. Здесь анализируемый концепт получает религиозную, христианскую окраску (в волшебной сказке – совет жены или вешей невесты, а в былине – совет матери молиться Богу / Спасу свидетельствует о том, что христианство проникает в сказку и былинку).

Общезнакомая формула пословичного типа «утро вечера мудренее» является средством вербализации культурного концепта *утро*, семантика которого восходит к этнографическим истокам и связана с представлениями о сакральности этого времени суток. Анализ широкого этнографического и фольклорного материала, проведенный Г.И. Мальцевым, показал «особую качественную отмеченность утра, связанную со спецификой восприятия и переживания времени. В суточном цикле «рассвет», появление солнца – это время «начал», время рождения, возрождения, время, связанное с судьбой. Магия рассвета обусловлена именно этими представлениями. Как всякое «начало» утро сакрализуется и мифологизируется» [10, с. 79]. От утра – начала – зависит течение грядущего дня. В народном представлении вставание ранним утром на заре благоприятствует начинаниям. В связи с противопоставлением утра вечеру можно сравнить разграничение в гносеологии Аврелия Августина двух видов познания: утреннего и вечернего. Истинным является первое, потому что утренний свет истины озаряет, «иллюминирует» ум человека [10, с. 82].

В ФКМ анализируемые формулы имеют значение: помощник (жена или вешая невеста) берет на себя выполнение трудной задачи до утра или она, а в былине мать рекомендует герою дожидаться утра для решения трудной задачи / княжеского поручения, потому что приурочение событий к утру обеспечивает их успех. Былинный герой, в отличие от сказочного, действует самостоятельно, без помощников.

Итак, *печаль* – некое особое внутреннее состояние отчаяния, вызванное в сказке трудными задачами, которые являются для героя опасными и которые он не может выполнить без волшебного помощника, а в былине – княжеским поручением, недостойным богатыря, оскорбляющим чувство богатырской чести, а также совет, как выполнить трудное задание или княжеское поручение. Общей причиной печали в волшебной сказке и былине является служба. Сравнительный анализ эмоционального концепта *печаль* в различных жанрах народной словесности – волшебных сказках и былинах – позволил выявить специфику содержания этого концепта в разных жанрах, которая обусловлена социально-историческими тенденциями эпохи создания сказки и былины, а также различным уровнем народного сознания в разные периоды развития фольклора. Волшебная сказка зародилась еще в недрах первобытного общества, становление жанра связано с распадом родового общества и возникновением патриархальной семьи, а былина появилась в период формирования ранних государственных объединений. Значение концепта *печаль* в сказке может быть объяснено древними мифологическими представлениями и ведущей ролью героини, идущей от древнего активного поведения женщины при выборе жениха, а семантика концепта *печаль* в былине свидетельствует о высоком уровне исторического сознания, тесным образом связано с процессом становления этнического самосознания и соответствует более поздним периодам народного творчества.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Около 11000 синонимических рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2001 – 568 с.
2. Артеменко Е.Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Часть II – Воронеж, 2003 – С. 63-73.
3. Беломорские былины, записанные А. Марковым. – М.: Поставщик Двора Его Величества Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1901 – 635 с.
4. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. – М.-Л.: Наука, 1964 – 301 с.
5. Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К. Зеленина. – М.: Правда, 1991 – 544 с.
6. Дмитриева Т.Г. Эмоции в народной волшебной сказке. – Русская речь. 2002. – № 6. – С. 98-101.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.- Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958 – 665 с.
8. Козловский С.В. Хвастовство в социальной практике Древней Руси IX – XIII в.в. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. Ред. В.В. Пузанов. – СПб. – Ижевск. Изд-во Удмуртского ун-та, 2001. – С. 113-124.
9. Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. – М.: Изд-во «Наука», 1969 – 302 с.
10. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). – Л., «Наука», 1989. – 168 с.
11. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3-х томах. – 6-е изд. – М.: ГИХЛ, 1957 – 1500 с.
12. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – Изд. 4. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949-1951. Т. I – 736 с.; Т. II – 806 с.; Т. III – 669 с.
13. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым (под ред. А.Е. Грузинского). В трех томах. Изд. второе. – Издание фирмы «Сотрудник школы», 1909-1910. Т. I – 618 с.; Т. II – 733 с.
14. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М.: ГИХЛ, 1958. – 603 с.
15. Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 153 с.
16. Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: «Тропа Троянова», 1998. – 480 и 356 с.
17. Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. III. – М.: Русский язык, 1983. – 752 с.
18. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: «Русский язык», 1986. – 543 с.
19. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1961 – 404 с.

Шакиров С.М.

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета.

МЕДИАМЕТАФОРА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА “S.N.U.F.F.”

В статье рассматривается жанровое своеобразие романа В.Пелевина, основанное на метафоризации темы масс-медиа. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания современной литературы в вузе, для проведения образовательных мероприятий в школах.

Ключевые слова: В. Пелевин, метафора, каламбур, утопия, жанровое мышление.

Key words: Victor Pelevin, metaphor, wordplay, utopia, genre thinking

Ты сначала стараться понять, что понравится людям, а потом подсовываешь им это в виде вранья. А люди хотят, чтобы то же самое им подсунили в виде правды.

В. Пелевин, «Generation "П"»

Читать Пелевина всегда интересно. Творчество писателя практически сразу стало предметом научного изучения. В учебниках по современной русской литературе Пелевин упоминается в одном ряду с признанными классиками — Макашиным и Петрушевской [6]. Пелевин создает «коммуникативно успешные тексты» [9], публикуемые коммерческими издательствами. Общим местом, поэтому, стали рассуждения о низком качестве этой литературы, об отсутствии у писателя яркого и самобытного стиля, о принципиальном антипсихологизме и равнодушии к этической проблематике. На наш взгляд, это уводит исследователей от попыток разобраться в том, что же на самом деле представляет собой этот литературный феномен — Виктор Пелевин. И начинать здесь нужно не с поиска причин успеха и не с критики стиля. В сторону уводят исследователей и все рассуждения о постмодернизме. О какой постмодернистской «смерти автора» в произведениях Пелевина может идти речь, если каждое из них сатирически злободневно и недвусмысленно выражает вполне определенную авторскую позицию? И разве можно говорить об отсутствии «стиля» у автора остроумных афоризмов, разошедшихся на цитаты и рекламные слоганы? Пелевин не стремится стать персонажем медиа, успех ему приносит именно книги. Значит, и нужно разбираться именно с книгами, с литературой.

На рубеже XX—XXI веков мы становимся свидетелями изменения жанрового мышления. Непосредственный контакт с «неготовой, становящейся современностью» (М. Бахтин) сопровождается возрождением архаических литературных форм. Роман возвращается к своим истокам — сказке, утопии, мениппее, сократическому диалогу. Писатели стремятся приблизить архаические жанры к современному эстетическим запросам. Роман В. Пелевина “S.N.U.F.F.” демонстрирует эту тенденцию.

Сам автор назвал роман «утопией». Однако содержание произведения не соответствует такому жанровому определению: в «записках» Дамилолы речь идет о «постапокалиптическом» мире. “S.N.U.F.F.” уместней назвать дистопией, так как времена «всеобщего

упадка и деградации» [7. С. 17] наступили не в результате утопических экспериментов, а вследствие скуки и безверия: «Снимали неправду, и в нее никто не верил. Неверие вело к ненависти. И в результате рухнул весь мир» [7. С. 322]. Эта мысль является лейтмотивом романа. Для преодоления безверия и ненависти были придуманы «снаффы» — информационный продукт, совмещающий видеосъемки военных событий и откровенных любовных сцен. «Любовь и смерть имели такую природу, что заниматься ими понарошку было невозможно» [7. С. 363]. Первый вариант перевода аббревиатуры “S.N.U.F.F.”: «Special Newsreel / Universal Feature Film ... спецвыпуск новостей / универсальный художественный фильм» [7. С. 359]. Второй вариант перевода — «запредельно волнующее актуальное искусство» [7. С. 360]. Эвфемизм здесь заменяет сленговое значение английского слова. «Снаффами» называются видеосъемки реального насилия. Третий вариант перевода позволяет увидеть в заглавии «наркотический» аспект: слово “snuff” означает «понюшка» (to take snuff – «нюхать табак»), но нюхать можно не только табак. Название романа, как видим, неоднозначно. Каламбурная словесная игра — характерная примета стиля Пелевина. Однако только первое значение получает в романе сюжетную реализацию. Критик М. Бойко удачно назвал «снаффы» «инсценированной пропагандой» [2]. Действие в романе начинается с того, что главному герою поручают заснять для новостных роликов «формальный видеоповод для войны номер 221» [7. С. 23]. Заснятая на целлулоидную пленку (знак подлинности видеоматериала) сцена «защиты» Грыма и Хлои от посягательств правителя «орков» действительно запускает пропагандистский механизм бесконечно повторяющейся агрессии «верхнего мира» (Бизантиума) против обитателей «нижнего мира» (Уркаинского Уркаганата). Итак, «снафф» — это реализованная метафора «инсценированной пропаганды».

Целью Пелевина было не изображение войны, хотя этот сюжет занимает большое место в романе. Удачно снятый «снафф» приносит оператору значительный доход. Заработанные, в буквальном смысле, «в бою» деньги героиней романа (Дамилола) тратит на погашение кредитов — за роскошное жилье, за новейшую видеокамеру, за механическую куклу-женщину («суру»). Любовь человека к роботу (а «суру» можно программировать, как робота) составляет вторую сюжетную линию романа. Дамилола по-настоящему любит свою Каю. Программа, которую он ввел в электронную память «сурогатной женщины» содержит две противоречащих установки — повышенную «духовность» и предельное «существо». В результате поведение Каи становится непредсказуемым, что, в свою очередь, ведет к неизъяснимым удовольствиям. Так силиконовая женщина в конце концов подчиняет себе своего любовника, забирает все его деньги и отправляется в «нижний мир» вслед за новым возлюбленным — Грымом, персонажем «снаффа». Две сюжетные линии пересекаются.

Есть в романе и каламбурное сближение сюжетов. Ситуацию съемки героиней называется «damsel in distress» («дева в печали»). Так назывался роман писателя-юмориста Пелема Вудхауза, по мотивам которого был снят фильм и поставлен мюзикл «Капризы мисс Мод». Один из мотивов этой «комедии ошибок» — превращение спортсмена-регбиста в толстяка, внешний вид и поведение которого становится причиной расставания с мисс Мод. В романе Пелевина Кая постоянно унижает своего партнера обращениями типа «жирная скотина». Возникающий в подтексте мотив «толстяка» «рифмуется» оба сюжета. Чтобы платить за любовь, нужно снимать «снаффы». Дистанционно управляемая видеокамера требует ежедневного многочасового сидения перед монитором, что, конечно же, влияет на физическую форму и внешний вид оператора. Так «инсценированная пропаганда» («снафф») становится косвенной причиной душевной катастрофы, постигшей героя.

«Снафф» не только пропаганда, это виртуальное жертвоприношение Маниту. «Маниту» — это «деньги» (money), «Бог» (индейцев маниту) и «монитор». Излюбленная тема Пелевина — «диктатура виртуальности» [10] — получает в романе новую трактовку. И «верхний», и «нижний» миры — всё находится под анонимной властью Маниту, чтобы стать в конце концов «частью света Вселенной» [7. С. 24]. И так, Маниту — это Бог денег и информации. Медиа-метафора обретает символический смысл. Для метафоризации используется каламбурное сближение. Значение слова “film” не только «пленка» или «фильм», но и «пелена», «дымка». Всезнающая Кая цитирует строчку из поэмы Мильтона «Потерянный Рай»: “But to nobler sights Michael from Adam's eyes the film removed” («Но для более высоких зрелищ Михаил снял пленку с глаз Адама») [7. С. 370]. Чтобы понять мир, нужно сбросить «пелену» мыслей и перейти к чистому незамутненному свету. Внешний мир есть проекция внутреннего. «Проектор», создающий этот мир, находится в руках человека. Свет этого проектора и есть «свет Маниту, один во всех» [7. С. 368]. Но «пленка», сквозь которую он проходит, у всех разная, и каждый живет в своем собственном иллюзорном мире. Нужно сжечь эту «пленку». Главные события романа раскрывают эту тему. Кая, убегая от Дамилолы, «сжигает» «пленку» предустановленных программ. Дамилола ведет «записки» о последних днях Бизантиума и этим освобождает свое сознание от морока «снаффов». Физический носитель информации («храмовый целлулоид») превращается в универсальный символ несвободы. Медийный инструмент оборачивается против своего создателя. Пелевин подводит итог этого, растянувшегося на целое столетие, процесса смысловой трансформации.

Медиаметафора, которую использовал Пелевин была открыта за сто лет до него. В 1914 г. Александр Грин написал рассказ «Забывтое». Главным героем рассказа — кинооператор-документалист Табарен. «Ему удалось то, что другие считали невыполнимым. Он умел ловить угол света в самую дурную погоду <...> Одинаково хорошо и ясно и всегда в интересном ракурсе снимал он все заказы, откуда бы ни пришлось: с крыш, башен, деревьев, аэропланов и лодок. Временами его ремесло переходило в искусство» [4. С. 240] (Здесь и далее курсив наш. — С.Ш.). Поразительно, насколько точно совпадают детали, подчеркивающие операторское мастерство, в произведениях Грина и Пелевина. Однако Грин решает иную задачу. Искусство Табарена отчуждает его от реальности. Холодный и невозмутимый оператор-профессионал видит мир только как «зрительный материал» — взвешивает контрасты света и теней, темп движения, окраску предметов, рельефность и перспективу. Хладнокровие не покидает героя даже во время боя: «Табарен, установив аппарат, внимательно вертел ручку. Он наводил объект то на раненых, то на стреляющих, ловил целлулоидом выражение их лиц, позы, движения. По временам он топал ногой, вскрикивая: — Солнца! Солнца!» [4. С. 244]. Упомянутый Грином «целлулоид» — материал, из которого изготовлена пленка — деталь, выражающая смысл подлинности всего зафиксированного на этой пленке. Таково назначение «храмового целлулоида» в романе Пелевина. Однако, как мы уже показали выше, снятые на «храмовый целлулоид» «снаффы» подлинны настолько, насколько может быть подлинной «инсценированная пропаганда». У Грина возникает иная коллизия. Захваченный азартом боя, который он снимает, Табарен забывает обстоятельства своего ранения: «Пораженная память отказывалась заполнить темный провал живым содержанием» [4. С. 245]. Вспомнить «забывтое» (название рассказа) помогала проявленная пленка. Табарен увидел себя на экране — в драматический момент боя он бросился на помощь французскому солдату. «Еще немного — и солдата убили бы. Я не выдержал и плюнул на ленту!» [4. С. 245]. Герой изменяет себе, отказывается от поисков нужного ракурса и освещения, перестает воспринимать мир только как «зрительный материал». Бесстрастно и «безыскусно» зафиксированные на кинопленке события буквальным образом возрождают героя. Пройдет сто лет и такие табарены-дамилолы будут создавать «формальные видеоповоды» для новых войн.

Выше мы уже говорили об изменениях жанрового мышления, приводящих к актуализации архаичных романских форм. Роман “S.N.U.F.F.” демонстрирует эту тенденцию. Перед нами не роман в классическом понимании, а развернутая на четыреста с лишним страниц метафора. Каламбурная избыточность текста способствует формированию этой метафорической парадигмы. Например, рассуждение по поводу происхождения слова «журналист» («Журналист, от церковноанглийского «дневной» (diurnal, journal). Вор, который ворует днем — в отличие от нокторналиста, ночного вора» [7. С. 365]) необходимо для объяснения произошедших в «медиакратическом» обществе изменений. Место «журналистов» заняли «контент-сомелье». «Творчество не исчезло — но оно стало сводиться к выбору из уже созданного. Говоря образно, мы больше не выращиваем виноград. Мы посылаем за бутылкой в погреб» [7. С. 378]. Место фантазии занял «креативный доводчик» и так далее. Чтобы описать эту метафору, потребуется пересказать практически весь текст романа. Большинство интерпретаторов текстов Пелевина идут именно по этому пути. Но именно в этом и состоит писательская стратегия Пелевина — создать ментальный объект с потенциально неограниченным количеством связей, создаваемых в сознании читателя. В романе «Generation "П"» мы находим объяснение подобного рода манипуляций: нужно писать так, чтобы «прочитав сценарий, клиент повел себя как гаммельнская крыса, услышавшая целый духовой оркестр» [8. С. 32]. В романе “S.N.U.F.F.”

таким объектом-манипулятором становится медиа-метафора, в которой можно видеть и «шарж на медийный дискурс последних лет» [3], и «карикатурное антизападничество» [1], и даже «интеллектуальную порнографию» вкуче со сценами насилия, «навешанными гражданской войной в Ливии» [2]. Каждая интерпретация по-своему точна и оригинальна, список этот можно продолжить. Но согласимся с мнением проницательного Льва Данилкина: мы «покупаем не роман — с персонажами и «психологией», а «пелевинский диалог»; жанр такой же оригинальный и далекий от романа, как диалог сократический» [5]. «В тотально ненастоящем мире идея свободы скомпрометирована... это всего лишь рыночный идеологический продукт... вместо того чтобы быть одержимым свободой, интереснее быть одержимым зависимостью от какого-то существа (хотя бы даже и от куклы)» [5]. Потенциально многозначная медиа-метафора Пелевина прагматична и предсказуема. Кризисные явления постиндустриальной эпохи подталкивают к неоконсерватизму, необходимости жить настоящим и руководствоваться достижением близких целей.

Но все равно, читать Пелевина всегда интересно...

Литература

1. Арбитман, Р. Уронили в речку мячик [Электронный ресурс] / Р. Арбитман. – Режим доступа: <http://www.profile.ru/article/uronili-v-rechku-myachik-61084>.
2. Бойко, М. Допаминовый резонанс. Сомелье Виктор Пелевин и парадокс автореференции [Электронный ресурс] / М. Бойко. — Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2011-12-29/5_pelevin.html.
3. Ганин, М. Дискурсмонгер в печали. [Электронный ресурс] / М. Ганин. – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/32707>.
4. Грин, А.С. Забытое : Рассказ [Текст] / А. Грин // Грин А.С. Собр. соч. : В 6 тт. – Т. 3. – М.: Правда, 1965. – С. 240-246.
5. Данилкин, Л. Человек, который знал все [Электронный ресурс] / Л. Данилкин. – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/book/1917/review/403232/>.
6. Маркова, Т. Н. Русская проза 1970-2000-х годов: динамика стилей и жанров [Текст] / Т. Н. Маркова // История русской литературы XX века. 1970-2000 годы : учебное пособие / Л. Ф. Алексеева, Т. Н. Маркова и др.; Под ред. Л. Ф. Алексеевой — М.: Высш. школа, 2008. — С. 43.
7. Пелевин, В. S.N.U.F.F. [Текст] / В. Пелевин. М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
8. Пелевин, В. О. Generation "П" [Текст] / В. Пелевин. М. Эксмо, 2001. – 384 с.
9. Сафронова, Л. В. Мифодизайнерский комментарий к текстам Пелевина [Текст] / Л. В. Сафонова // Критика и семиотика. — Вып. 7. — Новосибирск, 2004. — С. 227-237.
10. Фрумкин, К. Эпоха Пелевина [Электронный ресурс] / К. Фрумкин. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-frum/1.html>.

Шамарова С. И.

доцент, кандидат филол. наук, Уфимская государственная академия экономики и сервиса

К ВОПРОСУ О ТЕОЛИНГВИСТИКЕ: ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ, ОБЪЕКТ, МЕТОДЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются и обосновываются цель, объект, единицы, типы, методы исследования, основные задачи и направления для возрождения и утверждения теолингвистики как основополагающей науки: лингворелигиоведение, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, география, литургия, доксология, паратеолингвистика, лингвосектология, эртология, гомилетика.

Ключевые слова: теоним, паратеоним, лингвистический фидеизм, историческая теолингвистика, религиозный или благочестивый язык.

The article presents and substantiates the aim, the object, units, types, methods of research, basic objectives and trends of theolinguistics in order to revive and develop it as a mainframe science: linguareligion study, linguaculturelogy, ethnopsycholinguistics, ethnoinguistics, sociolinguistics, theography, liturgycs, docsology, paratheolinguistics, linguasectology, eorthology, homiletics.

Key words: a theonym, a paratheonym, linguistic fideism, historical theolinguistics, a religious or devotional language.

В конце XX и начале XXI вв. различные проблемы теолингвистики такие, как религиозный язык, язык религии и его многочисленная терминология и дефиниции, профетический язык, литургический язык, язык эртологии стали в центре повышенного внимания и интереса у лингвистов – филологов в отечественном и зарубежном языкознании. Мы согласны с мнением А.К.Гадомского о том, что теолингвистикой занимались во все времена: и в дореволюционной России, и в бывшем Советском Союзе. Еще в 1915 году Н.Н.Глубоковский в своей книге “Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания” указывал на необходимость сотрудничества богословов и филологов при изучении греческого библейского языка [1, с.358]. Вслед за А.К. Гадомским мы считаем, что теолингвистика (греч. theos “Бог” и лат. lingua “язык”) – это “наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина” [2, с.290]. Следует отдать должное многочисленным релевантным работам А.К. Гадомского, в которых он подробно описал историю становления теолингвистики на Западе и в России, и признать его основоположником теолингвистики в отечественном языкознании, ибо именно его дефиниции и обоснования терминов и концептов “теолингвистика”, “религиозный язык” и “религиозный стиль” наиболее адекватно и корректно выражают взаимосвязь между церковно-религиозной картиной мира и языковой картиной мира, что подтверждает важность и необходимость их тщательного изучения и сопоставления. Среди всех терминов, предложенных в зарубежном и отечественном языкознании, “сакролингвистика, религиолингвистика, теолингвистика, теопозитика”, “лингвистическое религиоведение”, “православная лингвистика” [цит. по: 3, с.16-26; 1, с.362-63] наиболее удачным и правильным, по нашему мнению, является термин “теолингвистика”, т.к. в основе понятий “религия” и “сакральность” лежит, прежде всего, учение о Боге и вере в Него. Хотя, безусловно, термин “теопозитика” тоже имеет право на существование только в отношении религиозной поэзии. Термины “религиолингвистика” и “лингвистическое религиоведение” являются частью теолингвистики и одним из ее многочисленных направлений так же, как и “православная лингвистика” - это, по нашему мнению, часть теолингвистики, как и католическая, протестантская и другие лингвистики, связанные с различными религиозными конфессиями. В качестве подтверждающей аналогии можно привести определение теологии, с которой теолингвистика тесно связана и является ее разделом. Теология (от греч. theos “Бог” и logos “слово, учение”) – это богословие, доктрина, система научных знаний о Боге. Объектом исследования теологии как науки являются теистические и авраамистические религии (иудаизм, ислам, христианство), а также древние традиции (Веды) [1, с.363]. Мы считаем, что в основе теолингвистики должен лежать принцип лингвистического фидеизма (от лат. fides “вера”), т.е. вера не только в саму теолингвистику как церковно-богословскую область языкознания, но и в саму теологию, т.е. церковное богословие посредством веры во Всевышнего Творца, основываясь на данных тех знаний, которые оно накопило за свой богатейший опыт существования в истории и культуре человечества. Единицей теолингвистики мы предлагаем термин “теоним” (по аналогии с терминами: зооним, этноним, топоним и т.п.) – это языковая единица, выражающая не только понятие “Бог, божество”, но и все церковно-религиозные понятия в релевантной концептосфере [10, с. 478-79]. Следует также отдать должное интересным и обстоятельным работам Н.Б. Мечковской “Язык и религия” и В.А. Масловой “Лингвокультурология“, которая пишет о тесной взаимосвязи между лингвокультурологией, этнолингвистикой, этнопсихоллингвистикой и социоллингвистикой. В.Н. Телия считает лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Социоллингвистика исследует взаимоотношения между языком и обществом (в том числе язык и церковь), этнолингвистика изучает связи языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации (в том числе и институт Церкви-С.Ш.), в то время как этнопсихоллингвистика устанавливает, как в речевой деятельности

проявляются элементы поведенья, связанные с определенной традицией, (т.е. видна связь с этикой и духовностью – С.Ш.). Лингвокультурология исследует исторические и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры, (т.е. опять духовность-С.Ш.) [5, с. 9-12]. Вспомним, что априори слово “культура” имеет латинское *colere*, что означает “возделывание, обработка, воспитание, образование, поклонение, почитание, культ”. И прежде всего религиозный культ. В древности человек постоянно находился в окружении богов. Средневековая культура – христианская (от политеизма к монотеизму, от натурализма к духовности) [4, с. 24, 28]. Культура- это часть религии, а религия – это часть культуры, т.е. взаимосвязанные и взаимообусловленные амбивалентные категории. На основании вышеизложенных фактов мы считаем, что все разделы языкознания, рассмотренные выше, являются самостоятельными направлениями теолингвистики с принципиальными различиями между собой, в то время как само языкознание также фактически возникло с помощью теологии (благодаря древнеиндийским священным гимнам-Ведам). Мы не можем согласиться с мнением Мечковской, которая относит к проявлениям магической функции речи наряду с заговорами, проклятиями, клятвами, магическими предсказаниями (ворожба, волхование и т.п.) также молитвы, пророчества, обеты молчания в некоторых религиозных традициях (особенно в монашестве - С.Ш.), “славословия” (доксология), адресованные высшим силам [6, с.42], т.к. магия и колдовство не имеют ничего общего с религией и Церковью: это – продукт демонологии. Здесь уместно привести цитату из работы основоположника теолингвистики на Западе Ж.-П. ван Ноппэна. “Наше убеждение в том, что ответ надо искать в лингвистике. “Теология” для лингвиста – это “грамматика” слова, учения о Боге, наука о дискурсе, чьим объектом является Бог как слово, а не бытие (Burke 1962: 2; Bell 1968:176-7; McCormack 1970; Crystal 1974: 22; Neslin 1976: 3)... Слова, которые используются большей частью в религии – это те слова, чье подлинное значение почти полностью потеряно и чье влияние на человеческий ум почти ничтожно. Такие слова должны быть заново возрождены... Существует только один способ восстановить их первоначальное значение и силу; а именно, спросить самих себя, что значат эти слова для нашей жизни... могут ли они нести что-то важное для нас” [цит. по: 14, с. 3: Tillich 1963: 94-95]. При изучении и сравнении этимологии многих слов в древних и современных языках можно столкнуться с совершенно неожиданными концептуально – семантическими трансформациями, в основном, связанными с религиозными верованиями людей. Ярко выраженная тенденция к секуляризации, т.е. отдаление и несоблюдение канонов религии и Церкви во всех областях общества и в том числе – в языке, неизбежно привело к лексической секуляризации. Очень часто исконным первоначальным значением слова является церковно- религиозное, которое оказалось либо вытесненным из употребления новым светским значением, либо из основного значения перешло в разряд периферийно- узуального значения с пометкой в словарной статье как церковная терминология, либо, оставаясь церковно-религиозным термином, в результате процесса грамматикализации изменилось его денотативное значение [11, с. 169]. По мнению Ж.-П. ван Ноппэна, роль Церкви – не отлучать людей от нее, не лишать общения с нею, а наоборот, приобщать к общению с Церковью [15, с.1]. Следует остановиться на новом разделе теолингвистики и теологии – географии – пространственной географии – направлении, которое явилось темой докторской диссертации Ж.-П. ван Ноппэна. Термин география (неологизм, введенный Робинсоном в 1967), относится к теологии в такой же степени, как география к геологии. Задача “графии” - “нарисовать карты”, т.е. расположить соответствующие знания и опыт в форме общения. Попытка выразить наш опыт о Боге теологическими высказываниями - это что-то вроде попытки нарисовать карту мира на плоской поверхности, страницы атласа. Это невозможно сделать без определенной степени фальсификации. Анализу проливает свет на логический статус человеческой беседы о Боге. Божественный язык вовлекает перенос, который является искажением, своего рода проекцию разных реальностей и категорий. Роль “графии” должна учить как правильно прочитать “карту”. Ясно, что наш выбор научит нас больше концентрироваться на теологическом языке (дискурсе о Боге), чем на обычных словоупотреблениях. Однако это не ограничивает географию до области профессиональной теологии, не исключает язык религиозной практики; в такой же степени в религиозной ситуации выражения веры, молитв, гимнов, проповедей могут включать подразумеваемые географии. На основании методологического удобства было полезным рассматривать “географическими” в строгом смысле такие выражения, в которых параметры “пространство” и “Бог” находятся в понятных взаимоотношениях [14 с. 24-5].

Целью теолингвистики является установление посреднической связи, промежуточного звена, с одной стороны, между религией, церковью и обществом, государством, а с другой стороны, между лингвистикой и теологией. Цель определяет следующие задачи: 1) исследование этимологии и развития церковно-религиозной лексики; 2) пропагандирование правильного, близкого к подлинному значению употребления релевантной лексики как в церковно-религиозной сфере, так и в светском лексиконе; 3) просветительская, разъяснительная работа среди населения совместно со священнослужителями по вопросам, связанным со Священным Писанием, а также различной церковно-религиозной терминологией; 4) организация лингвистических семинаров среди священнослужителей; 5) критическое рецензирование всех материалов и публикаций, связанных с религией и церковью (правильное употребление терминов, толкование слов и концептов, цитирование Священного Писания и его толкование); 6) подготовка специалистов-теолингвистов, которые будут ревностно оберегать церковно-религиозный язык от явления лексической секуляризации, синкретизма и конфляции религиозных и нерелигиозных значений слов, очищать его уникальный статус божественной лексики от любого осквернения и лексической греховности; 7) координирование и систематизация релевантной смежной терминологии из смежных научных дисциплин (психолингвистики, паралингвистики, религиоведения, истории и философии, антропологии); 8) проведение миссионерской деятельности среди населения в сельской местности и в малых городах, где мало или нет церквей; 9) подготовка специалистов-лингвистов, которые будут заниматься изучением сектантской литературы, ее критическим рецензированием и разъяснительной работой среди населения; 10) создание высшего учебного заведения по теолингвистике – потенциального Духовного центра, которое смогло бы координировать и содействовать работе всех Духовных организаций (Благотворительных фондов, Красного Креста и т.п.); 11) перспективное создание в каждом светском учреждении силами теолингвистов теолингвистической секции (кружка)- базы для церковно-воскресной школы.

В основе теолингвистики лежит герменевтический метод: общий и специальный, лингвистический и экстралингвистический. “Общий герменевтический метод исследует принципы толкования всего текста и включает историко-культурный, контекстуальный, лексико-синтаксический и идейный анализ. Специальный герменевтический метод изучает правила, которые применяются к конкретным литературным жанрам с их спецификой” [7, с. 105-6]. Кроме того, широко применяются следующие анализы и методы: концептуальный анализ и когнитивное моделирование в рамках когнитивного подхода; метафизический метод, способствующий пониманию онтологии объекта; антропоцентрический подход, помогающий выявить человеческий фактор в языке; системный подход, позволяющий рассматривать смысловую сферу, репрезентирующую изучаемый концепт в целостности составляющих ее элементов; аксиологический подход, открывающий возможность для понимания того, как посредством данного концепта человек выражает свое отношение к миру; методы этимологической и словообразовательной реконструкции; при характеристике текстовой репрезентации используются методы сравнительно - сопоставительного, компонентного, трансформационного, дистрибутивного и контекстологического анализа.. Главными направлениями теолингвистики и теологии являются следующие научные разделы: лингворелигиоведение (язык и религия); зортология (номинации церковных праздников); гомилетика (номинации проповедей); литургика (номинации богослужения); доксология (славословия) является частью литургики ; лингвокультурология (априори в основе культуры должна лежать религия, ведомая высшими силами добра и света); этнолингвистика и этнопсихолингвистика; социоллингвистика; география (пространство, общение, Бог); паратеолингвистика, т.е. раздел теолингвистики, который изучает парарелигиозный язык или подязык в двух дискурсах: 1) в рамках паралингвистики (кинетики и просодики), сюда же относится обет молчания (в монашестве) и 2) с позиции богословия и религиоведения. Единичей паратеолингвистики является паратеоним (по аналогии с теонимом) – номинации, выражающие околорелигиозные и псевдоцерковные понятия [12, с. 482]. К паратеолингвистике относится лингвосектология (околорелигиозные и псевдоцерковные номинации в области сектантства и сектантской литературы). Априори теолингвистика является глубоко исторической

и божественной, т.к. своими корнями она уходит в далекое прошлое, выявляя наитеснейшую связь между языкознанием, литературой и религией (церковью). Можно выделить историческую теолингвистику, которая изучает непосредственно историю и философию религии и языка, прослеживает закономерности и этапы становления и развития религиозного языка и церковно-религиозной лексики, а также архетипа – базисного элемента религии, формирующего устойчивые модели религиозного мышления и поведения в диахронии. Соответственно, неисторическая, т.е. современная теолингвистика изучает процессы взаимодействия религии (церкви) и языка на современном этапе в синхронии [10, с.479-80]. Объектом теолингвистики является религиозный или благочестивый язык, как метаязык или праязык любого литературного национального языка, т.к. “в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” [8, с.190/1]. Нам бы хотелось изложить наше понимание религиозного языка как благочестивого. Если посмотреть на этимологию слова религия, то оно говорит само за себя (от лат. religio “благочестие, святость”). Иными словами мы можем сказать – благочестивый язык или святой (сакральный) язык. Мы считаем, что следует приложить максимум усилий в введении и популяризации термина “благочестивый язык” вместо термина “религиозный язык”, так как в силу ряда культурно-исторических факторов, а также доминирующего атеистического мировоззрения в сознании современного человека в отношении религии и Церкви остался на ассоциативном уровне стереотип с явно отрицательной коннотацией “табу”, а также чего-то устаревшего, ненужного, непонятного. Поэтому мы предлагаем как можно чаще в качестве синонимов-эквивалентов слова “религия” употреблять слова “благочестие” и “святость”. Исходя из хрестоматийного однозначного определения К.Маркса о том, что “религия - это опиум народа” [цит. по: 9, с.315], получается, что благочестие и святость – это опиум для народа или мракобесие, по выражению тех же классиков марксизма-ленинизма. При такой замене становится очевидным вся нелепость и неадекватность подобных определений. Термин “благочестивый или святой язык” на ассоциативном уровне однозначно вызывает в сознании человека стереотип с явно положительной коннотацией и соответствующий стимул и стремление к познанию и овладению подобным языком, приводит к постепенному стиранию и нивелировке границ неизвестного, непонятного, недоступного между религиозным и нерелигиозным языками с постепенным изменением отрицательного стереотипа на положительный. Подобная замена постепенно сформирует новый тип социально-культурологических отношений между людьми в обществе, так как фактически концепт “религиозный человек” означает “благочестивый человек” или “святой человек”, что является наивысшим критерием оценки нравственно-духовных ценностей в рамках аксиологии. Благодаря этому религиозный, т.е. благочестивый или святой язык может и должен стать языковым идеалом, эталоном для подражания и совершенства, языком людей глубокой нравственности и духовности, языком образованнейших людей, т.е. все должно вернуться в первоначальное состояние (на ранних этапах развития человечества именно монахи и церковнослужители являлись самыми образованными и культурными людьми - просветителями своего народа). Таким образом, религиозный или благочестивый язык может и должен стать метаязыком не только теолингвистики и лингвистики (социолингвистики, этнолингвистики, этнопсихоллингвистики), религиоведения, философии и богословия, а также культурологии, культурантропологии и лингвокультурологии. Следует подчеркнуть удивительную парадоксальность религиозно-терминологической концептосферы. Само понятие “религиозный человек” этимологически означает “благочестивый, святой человек”, но истинно религиозный, т.е. верующий, церковный человек, наоборот, должен считать себя не просто грешным, а самым грешным и наихудшим среди всех людей, должен уничижать себя. Словосочетания религиозный, церковный и верующий человек являются концептуальными эквивалентами, амбивалентными заменителями или синонимами, вызывающими невольное уважение и почтение [13, с. 202-4].

Литература

1. Гадомский А. К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований. URL: [http://www.isj.sanu.ac.rs/sajt%206/2010/27 Gadomski; pdf](http://www.isj.sanu.ac.rs/sajt%206/2010/27%20Gadomski.pdf). Дата обращения: 27.01.12 г.
2. Гадомский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание.//Ученые записки Таврического национального университета – Филология. Том 20 (59) № 1 – Симферополь: ТНУ, 2007. – с.287 -292
3. Гадомский А. К. Теолингвистика: история вопроса// Ученые записки Таврического национального университета – Филология. Том 1.18 (57) № 1 – Симферополь: ТНУ, 2005. – с. 16 -26
4. Культурология. Под научной редакцией Г. В.Драча.- Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.- 576 с.
5. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие.-М.: Наследие, 1997.- 208 с.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных вузов. –М.: Агентство “ФАИР”, 1998. – 352 с.
7. Новейший словарь религиоведения/О. К. Садовников, Г. В. Згурский; под ред. С. Н. Смоленского. – Ростов н / Д: Феникс, 2010. - 444 с.
8. Новый Завет. Евангелие от Иоанна. Международный издательский центр православной литературы, 1994. -548 с.
9. Философский словарь/ под ред. И. Т.Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. - 444 с.
10. Самарова С. И. О развитии нового раздела языкознания – теолингвистики.// Теория и практика языковой коммуникации. Материалы III международной конференции. Уфа: УГАТУ, 2011. – с. 477-480
11. Самарова С. И. Об этимологических и лексических трансформациях в области теолингвистики.// Инновации и перспективы сервиса. Сборник статей VIII международной научно-технической конференции. Часть I/ Уфа: УГАЭС, 2011. – с. 169-174
12. Самарова С. И. О статусе парарелигиозной лексики и парарелигиозного языка. // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы III международной конференции. Уфа: УГАТУ, 2011. – с. 481-483
13. Самарова С. И. О необходимости признания религиозного или благочестивого языка как метаязыка и неотъемлемой части теолингвистики.//Метаязык науки: материалы международной научной конференции. Часть I/Сыктывкар: СыктГУ, 2012. – с.198-205
14. Van Noppen J.-P. Spatial geography. A study in linguistic expression and communication in contemporary British popular theology. Ph.D. Diss. Universite Libre de Bruxelles, 1980 – 557 p.
15. Van Noppen J.-P. Theologie et communication. Le cas de la transcendance divine dans une tentative de vulgarisation theologique. In: G. Cambier & Mat-Hasquin (eds): Problemes d'Histoire du Christianisme 10 (1981). – pp. 91-111

Shamarova S.I.

The Ufa state academy of economy and service (Ufa, Russia)

REGARDING CONCEPTUAL DUALITY AND EVERYSEMY INHERENT IN THE OLD ENGLISH WORD WOLF

The current article presents the interpretation of contradictory attitude of peoples worldwide (including anglo-saxons) towards a predatory animal – wolf or a beast of battle on the basis of pagan mythology and Christian religion. It stems from the ancient archetype of the concept “Wolf semideity” or a sacred animal-totem with predominant negative connotation, which was retained in the phenomena of conceptual duality, syncretism and a temporary stage of transitional everysemy.

Key words: a semideity, a sacred animal, a beast of battle, a negative archetype, conceptual duality, syncretism, transitional everysemy.

The beasts of battle theme is quite popular in Germanic poetry. It’s a poetic trope in Old English and Old Norse literature and it embraces the wolf, the raven and the eagle accompanying any battle and warriors to feast on the bodies of the slain. The term originates from F.Magoun who first used it in 1955 [1]. Among the traditional animals of this motif the most fearsome and cruel is the wolf, a carrion-eater. Admittedly the wolf was the very epitome of slaughter and death. For instance in the Battle of Maldon the poet identifies the Vikings with the wolf calling them waelwulfas “slaughter-wolves” as well as in Exodus the Egyptians are described as hare heorowulfas “hoary sword-wolves” in line with the opinion of some scholars (G. Britton [2], C.Ward [3]). Though the wolf has strong associations with destruction and carrion, it’s physically described as grey only in two sources The Battle of Finnsburh (6) and the Battle of Brunanburh (64-65) as well as lean in Judith. It’s also necessary to mention the article regarding noises of battle in Old English poetry by A.Jorgensen who states that “the most frequently appearing

battle noises are... the bearing of weapons and a notation about the mental state of the warriors and the beasts of battle... Noise is most directly associated not so much with violence itself as with its psychological conditions: the beasts of battle are images of bloodlust. The placing of the beasts before the battle and the stress on anticipation are both distinctive features in Old English poetry. It's as eaters of the slain rather than heralds of war that the beasts of battle usually appear in Old Welsh and Old Norse poetry" [4,322]. A.Jorgensen carries on that "there is heavy irony in this depiction of bestial yelling as melodious or articulate sound... This aspect of symbolism of the beasts is particularly conspicuous in *Elene*. Here the wolf not only sings (*fyrðleoth agol* "sang an army song", 27) but also (*waelrune ne math* "didn't conceal the slaughter-runes", 28); the wolf is presented as a privileged interpreter of battle, one who has the skill to read the signs and reveal their meaning to others" [ibid, 323]. Stemming from the above quotation it's possible to suppose that the wolf in Anglo-Saxon culture is not just a beast of battle, but it can be regarded as a semideity, a sacred animal-totem, the animal which has considerable power and authority over people. In line with the opinion of N.Nikolayeva and V.Safronov its unknown what image of the wolf (kind or evil) arose originally. In their book they consider detailed evolution and stages of development and perception of the wolf by peoples of the whole world as a deity. On the basis of historical and archeological data Nikolayeva and Safronov came to the conclusion that the age of the Indo-European Wolf-god made up IV-V thousand years and this god acted as the Wolf-pastor either like a human being or like a grey, white wolf. A white colour is the symbol of divinity and light. The Wolf was a totem for fore-Euroasians since all Euroasians have myths about the Wolf-ancestor [5, 97-100]. "In mythological notions of many peoples of Euroasia and Northern America the image of the Wolf was basically connected with the cult of the chief of an armed detachment (or the god of war) and the forefather of a tribe" [6,10]. In the article of G.Bednenko the image of the Wolf is closely connected with male military fraternities of many cultures and peoples. Being associated with male military unions the Wolf becomes the symbol of non-legality. There was a particular warrior's magic in which the Wolf played a significant role. The Wolf's howling and appearance were interpreted as a warrior's sign. The Wolf is a beast of darkness, the underground world. He accompanies the dead to the kingdom of afterlife. In Christian cultures the Wolf's origin is believed to be of dual nature: the Wolf is created by devil and animated by God" [7, 2-5]. Therefore, on the basis of the above examples one can observe sheer contradiction and duality with regard to the attitude of all peoples to the Wolf in its perception as kind and evil, a foe or a friend of people. Such syncretism and indistinct differentiation of notions, namely concrete and abstract, general and particular are inherent in the thinking of ancient and medieval people [8, 10]. As for the Anglo-Saxon culture and religion, in our opinion the Wolf is a semideity which takes a peculiar status. This fact, retained as conceptual duality and syncretism, resulted in the phenomenon of a temporary, intermediate stage of everysemy of Old English words *wulf* "he-wolf", *wylf*, *wylfen(n)* "she-wolf". In the Anglo-Saxon dictionary of J.Bosworth and T.Toller there are two basic meanings of the word *wulf* in the item: 1. A wolf as an animal 2. Applied to a cruel person, which is quite disputable. We think that it's necessary to make the following amendments: 1. A wolf as an animal in pagan comprehension that is a semideity, a sacred beast-totem, a warrior. 2. A wolf as an animal in Christian comprehension that is a devil, a monster, a criminal. It's required to focus on a particular, unique word-collocation - *wulfheafod-treow* literally (wolf's head-tree) - "a cross". However, such a meaning is accompanied with a question mark in the dictionary item which means that Bosworth and Toller are not sure of their interpretation of the meaning. For comparison they refer to the Old Saxon compound noun *warag-treow* "a cross" as well as to the Old English composite *wearg-treow* "an accursed tree, a gibbet, a cross" [9, 1280]. There are only two cases of the above mentioned word usage which are registered in the Anglo-Saxon dictionary of Bosworth-Toller among all Old English manuscripts. For example, in the *Codex Exoniensis* (or the *Exeter Book*) of Old English poetry: *Ealle naman habbað anne, wulfheafed-treow* (437,23) "All names have one (the only) name - wolf's head-tree". We believe that it's neither a gibbet nor a cross but a relic case retained in an Old English written language, which confirms a pre-eminent status of the Wolf in the Anglo-Saxon society. It's likely to be the so-called "wolf's tree" or a ritual pole on which a wolf was hung to be sacrificed. Such a heathen rite is set out in the articles of G.Bednenko and V.Ivanov. "Wolves which were hung on the wolf's tree (Scandinavian *vargtre*) were sacrificed to the supreme god Odin (Othinn). A wolf was hung even opposite Othinn's *Valhalla* (the Hall of the Dead) [7, 5]. "Wolves, dogs as well as people who turned into wolves (*werewolves*) were sacrificed to gods of war (particularly to Oðinn)" [6, 12]. However here we encounter a contradictory attitude towards the Wolf: he is feared by Anglo-Saxons, at the same time he is venerated and sacrificed to the supreme Anglo-Saxon god Woden (Proto-Germanic *Wodanaz*, Scandinavian *Odin*, *Oðinn*). The Wolf is a frequent figure in battle scenes. Early Old English manuscripts testify that the Wolf is definitely admired by Anglo-Saxons judging from numerous proper names and toponyms which confirm a predominant standing of heathen beliefs in early Anglo-Saxon society. For instance: *Beorhwulf*, *Berhtulf* (*beorht* "bright, shining", *wulf* "a wolf"); *Aeðelwulf* (*ædel* "a noble" wolf); *Ealdwulf* (*eald* "old, great, exalted" wolf); *Wulfric* (*ric* "a force, power" wolf); *Wulfgar* (*gar* "a spear" wolf); *Cynewulf* (*cyne* "a royal" wolf) etc. A man quite often was named *Wulf*. We agree with the opinion of D.Harper that in Germanic folklore the Wolf was associated with young warriors [10, 1]. It's possible to come across such compound nouns in Old English texts as *heoru-wulf* "a savage wolf, a warrior"; *heoru-wearh* "a cruel, bloody wolf"; *here-wulf* "a war (army) wolf, a warrior"; *hilde-wulf* "a war-wolf, a warrior"; *wæl-wulf* "a war-wolf, a warrior, a fierce cannibal". Obvious duality and contradictory attitude to the Wolf can be found both in early (*Maxims I*) and late (*Cadmon's Paraphrase of the Holy Writ*) Old English works of poetry. In the "Maxims I": 1. *Wineleas wonsalig mon genimeth him wulfas to geferan felafæcne deor, oft hine se gefera slited* (145). "A man without friends takes wolves as his companion, crafty beasts - this companion often tears him away". 2. *Ne huru wæl wepeð wulf se græga, mordercwealm mæcga* (150). "A grey wolf weeps not only about the slain in a battle, the murder (death) of a person". Here we can see an apparent friend and protector of people in the image of the Wolf unlike the previous one in which he is depicted as a dangerous and perfidious foe. In the "Paraphrase of the Holy Scripture": *Hwonne of heortan hunger oððe wulf sawle and sorge abregde* (104). "When from my heart hunger or wolf shall tear a soul or sorrow"... In this instance one can see syncretism of positive and negative attitude towards the Wolf. On the one hand, the Wolf is compared to hunger (in a negative sense) and on the other hand, the Wolf can tear sorrow or a soul at the same time (in a positive sense). The Wolf is perceived by Anglo-Saxons as the symbol of force and power which a human life and death depend on. The Wolf governs the course of all battles. The instance from a well-known poem "Judith": *...hilde gesæged on ðam sigewonge, sweordum geheawen wulfum to willan* (290-95). "(a heathen legion) on the field of the battle slain with a sword at the will of wolves". .. Another instance from the poem "Solomon and Saturn": *Heo oferwigeð wulf, hio oferbideð stanas ...*(315). "He wins a wolf, he outlives stones..." The following example from the poem "Wanderer" confirms an essential function of the Wolf as a semideity: it's not a mere sacred beast, it's the master of the underground kingdom of the dead, that is hell. It is the Wolf that shared a person with death: *Sumne fugel oðbær ofer heanne holm, sumne se hara wulf deaðe gedælde...* (980-85). "A bird brought someone over a deep sea, a grey wolf shared someone with death..."

Thus, it's possible to state that the Wolf is the master and patron of wars and hostilities, death and the underground world of the dead, force, power and courage on the whole like for many peoples of the world. After Christian conversion the attitude towards the Wolf has drastically altered on a very negative basis, comparing it to a devil and its gradual objective perception as an ordinary beast which has to live in the woods. In a famous poem "Christ" the Wolf is called accursed like a devil: *Hafath se awyrgda wulf tostenced, deor daedscua* (255). "An accursed wolf possesses, a destroyed beast, which acts in darkness". In a prose piece of the manuscript "Shrine": *Se biscop cwæð to ðæm hæðuan Kasere: ne gang ðu na on Godes hus; thu hafast besmitene handa and ðu eart deofles wulf* (58,9). "This bishop said to that heathen emperor: Don't go to God's house (church); you have stained (dirty) hands and you are devil's wolf". We can see that a heathen emperor is called a devil's wolf that is a cruel, malicious person. In our opinion such perception of the Wolf like a devil could arise due to the influence of Old Scandinavian mythology. One can remember that the World Wolf *Fenrir* devoured the supreme god *Oðinn* and other gods. In mythology *Fenrir* is the name of a wolf popularly translated "a swamp wolf" but probably originally meaning "a wolf of hell". According to S.Bugge, the author of the *Home of the Eddic Poems*, this name can't mean "a swamp wolf". He believes that *Fenrir* arose under the influence of Christian conceptions of the devil as *lupus infernus* combined with tales of the *Behemoth* and the beast of the *Apocalypse* and was altered in the form in accordance with popular Old Norse etymology. He compares Old Norse *fern* from Latin *infernus* to Old Saxon *fern* which was derived from Latin *infernum* [11, 3]. In late prose works (in the Old English *Leechdom*) some contradiction towards the Wolf is still preserved. On the one hand, the Wolf is treated as an ordinary

beast like others and on the other hand, its healing power and protective properties for rendering help to people are singled out (in charms, incantations, recipes). In the Leechdom: Gif ðu hafast mid ðe wulfes hrycg hær and tæglhær ða ytemestan on sið fæte butan fyrhtu ðu ðone sið gefremest ac se wulf sorgað ymbe his sið (I, 360, 20). "If you have with you on a journey hairs from a wolf's back and from the tip of its tail, without fear you will perform the journey, but the wolf will have trouble about his journey." It's also very important to dwell on obvious duality in Christianity with regard to the Wolf. On the one hand, the Wolf is treated like a devil: a prominent Anglo-Saxon preacher and theologian Wulfstan (wulf "a wolf" and stan "a stone") named the devil a werewolf ("a man-wolf") [10, 1]. On the other hand, in the Life of St. King of East Anglia Edmund the Martyr there was a wolf sent through the guidance of God to protect the head of King Edmund beheaded by Scandinavian heathen pirates against other animals. The grey wolf watched over that head and had the head clasped between his two paws. When people found the holy head, the wolf followed along with the head until they came to the settlement and then turned back to the woods (from the preface to the Anglo-Saxon version by a famous Anglo-Saxon preacher and scholar Aelfric of Eynsham) [12, 2-3].

To sum up, in the semantic structure of the Old English word wulf there are three basic components. The stem is the archetype "The Wolf-semideity", a sacred animal-totem combining good and evil with predominant negative connotation (a devil, an evil spirit, a criminal, a predatory beast). The second structural component is the meaning "a wolf as an animal", which embraces the core of the conceptual sphere. The third peripheral component derived from the second one is a figurative meaning "a man-wolf, a warrior-wolf, a foe, a cruel, malicious person". All the three components are interrelated and interchangeable which is conditioned by their dependence on the archetype "The Wolf-semideity-totem" incorporating the notions of good and evil. Under its semantic status the word wulf is everysemantic depending on a language context. This kind of everysemy can be defined as transitional everysemy since it characterizes a temporary, intermediate stage of development of the concept "Wolf". Respectively, this transitional everysemy is a temporary phenomenon with regard to gradual development of monosematisation of the word wulf. The crucial extralinguistic factors on the basis of hermeneutics which help to determine the usage of the relevant structural components in the Old English texts are pagan and Christian beliefs of Anglo-Saxons. The Old English words wylf and wylfen(n) are rarely used as compared to wulf, therefore, conceptual duality and syncretism are not typical for them.

References

1. Magoun 1955 – F. P. Magoun. The theme of the beasts of battle in Anglo-Saxon poetry. Neuphilologische Mitteilungen 56.
2. Britton 1965 – G. C. Britton. The characterization of the Vikings in the Battle of Maldon. Notes and Queries 210 (March 1965).
3. Ward 2012 – C. Ward. The beasts of battle: wolf, eagle and raven in Germanic poetry. URL: <http://www.vikinganswerlady.com/beasts.shtml>.
4. Jorgensen 2012 – A. Jorgensen. The trumpet and the wolf: noises of battle in Old English poetry. URL: <http://www.google.ru/search?sourceid=navclient&hl=ru&ie=UTF>.
5. Nikolayeva, Safronov 1999 – N. A. Nikolayeva, V. A. Safronov. Sources of Slavonic and Euroasian mythology. Moscow, 1999.
6. Ivanov 1991 – V. V. Ivanov. The wolf. Myths of peoples of the world. Vol. I. Moscow, 1991. URL: <http://ecdejavu.ru/w/Wolf.html>.
7. Godenko 1994-2002 – G. B. Bednenko. The wolf's image for indoeuropeans. URL: <http://nentis.itersuum.ru/mythology/wolf.html>.
8. Gourevich 1972 – A. Y. Gourevich. Categories of medieval culture. Moscow, 1972.
9. Bosworth, Toller 1991 – J. Bosworth, T. N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary. New York, 1991.
10. Harper 2011 – D. Harper. Wolf and Werewolf. URL: <http://www.collasius.org/LITERATUR/04-HTML/wolf-werewolf.htm>.
11. WN 2011 – Wolf Names – meaning, origin, etymology. URL: http://www.20000-names.com/wolf_names.htm.
12. MS 2011 – Medieval Sourcebook: abbo of Fleury: the martyrdom of St. Edmund, king of East Anglia, 870. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/870abbo-edmund.html>.

Шулунова О.В.

Аспирант, кафедра филологии стран Дальнего Востока, Бурятский государственный университет

КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОНИ»

Аннотация:

В статье рассматриваются базовые и авторские метафоры концепта «природа», формирующие поэтическую картину мира китайских поэтов группы «Они». Значимость их творчества позволяет считать их репрезентативными в целом для китайской поэзии «нового поколения».

Ключевые слова: концепт, природа, метафора, китайская поэзия

Keywords: concept, nature, metaphor, Chinese poetry

Теория концептуальной метафоры в настоящее время представляется весьма актуальной не только в лингвистических исследованиях, но и в литературоведении. Метафора определена как ключ к пониманию форм репрезентаций знаний. Зачастую именно метафора позволяет осмыслить абстрактный по своей природе неструктурируемый предмет при помощи более конкретного и структурированного [2], также метафора есть своеобразное средство вербализации абстрактных сущностей. Метафорические модели, способствуя проникновению в концептосферу, позволяют лучше понимать мировосприятие и поведение людей, раскрывают универсальные черты, присущие концептосферам разных народов [2].

В китайской поэзии природа и человек слились в неразторжимое единство, в котором и обыденная жизнь среди людей, и отшельничество соседствуют рядом. Близость человека к благодатной китайской земле, с ее цветами и плодами, деревьями и птицами, была неоспорима и неизменна. Многочисленные города, торговые центры, несмотря на всю свою значимость, не могли оторвать поэзию от земли, крестьянско-помещичьей основы, тихой красоты природы и заставить ее воспеть беспокойный шумный город. После сдачи экзаменов чиновники средневекового Китая приезжали служить непременно в чужой, без родных и знакомых, край, и создавали произведения, полные трогательных воспоминаний о прошлой жизни, - так возникала поэзия тоски по родной природе, поэзия любования сосной или кипарисом, цветами и травами, горами и реками. Весна и осень наиболее часто описываются поэтами, - нежная и тихая пора неспешного увядания или, наоборот, пробуждения природы является излюбленной темой танских и сунских поэтов, гораздо реже пишется о суровой зиме и знойном лете. Природа почти никогда не рассматривается в отрыве от человека, за нею всегда следует одушевляющий ее внимательный глаз поэта. Важной особенностью природы в мировоззрении китайских поэтов представляется ее цикличность. На смену холодной зиме приходит пробуждение весной, пышное цветение лета сменяется сдержанной прохладой осени - в этом также можно увидеть близость концептов «природа» и «время», аллегорию на ход человеческой жизни и даже всей китайской истории, где династии, переживая расцвет и упадок, сменяли друг друга. Современная же поэзия приносит некоторые изменения в понимании природы, ее роли и места в жизни человека. Концепт «природа» не только выражает поиски индивидуального авторского сознания, но и отражает мировоззрение всего китайского социума.

1980-е годы явили миру огромное количество молодых и талантливых поэтов, в своих произведениях создававших новые образы и новое художественное пространство. Уже после 1982 г. «новое поколение» 新生代, или «третье поколение» 第三代诗群, следовавшее за «туманными» поэтами постепенно вытесняет последних с поэтической арены Китая. На смену эстетическим воззрениям «туманных» поэтов, сформировавшимся в условиях «подпольной литературы» 地下文学, со свойственным им преобладанием сложных, неясных образов приходят «антигероизм» и «антипоклонение» нового поколения молодых людей, выросших на фоне иных исторических событий, стремящихся к простоте и разговорному языку.

Авангардом «нового поколения» явилась группа «Они», особенности творчества членов которой стали характерными для всей современной китайской поэзии. Группа была создана в 1984 г., среди основных представителей сообщества можно назвать следующих поэтов: Хань Дун 韩东, Юй Цзянь 于坚, Дин Дан 丁当, Сяо Хай 小海, Пу Минь 普珉, Юй Сяовэй 于小韦, Лю Дэань 吕德安 и др. Группа не выдвигала каких-либо поэтических теорий или громких манифестов, отвергала литературные рамки, выступала против идеологической подоплеки творчества и написания шаблонных стихотворений, особо подчеркивала важность разнообразия и уникальности личностного опыта как основополагающих пунктов поэтического творчества, – в этом поэты видели один из путей сопротивления стандартизации литературы в постиндустриальном обществе. Одним из стремлений группы было освобождение современной китайской литературы от «бремени» классической культуры, традиций и влияния западной культуры, поэты ставили во главу угла естественность и чистоту стихотворного творчества, отрицали заключенную в строгие рамки классическую элитарную поэзию. И хотя характерными особенностями своего творчества члены группы «Они» обозначали отказ от былого высокого метафорического языка и романтической индивидуальности, лиризма и идеализма, тематика многих их стихотворений как нельзя более традиционна для китайской поэзии – природа и человек. Несмотря на отказ от сложных образов «туманной» поэзии, «природа» в произведениях поэтов группы «Они» представляется довольно многоплановым концептом, – и все они (поэты «нового поколения» в целом) каждый по-своему раскрывают те или иные его значения. Например, в творчестве Сяо Хая тема природы и человека занимает особое место, большинство его стихотворений посвящены именно природе, деревне, лугам и полям:

*Мальчики и девочки
Как и их родители
Выпалывают травы
<<...>>
Эти травы
Достают ей до колен
Если их не высушить
Кто будет бороться с червяками*

*Мальчики и девочки
До вечера гнут спины, выпалывая травы*

«Гну спину до вечера, выпалывая травы»

Одним из понятий, включаемых в концепт «природа» и отражающих путь слияния человека с ней, представляется близость к сельской жизни, простой крестьянский труд. Описание деревни, труда в поле, своеобразное «отшельничество», отвержение городской суеты – все это несколько напоминает мотивы средневекового поэта Тао Юаньмина. Его «отшельничество» – отказ от службы и жизнь в трудах на природе, так понимал он «естественность», в которой обязан пребывать человек.

По мнению поэтов группы «Они», природа пробуждает в человеке истинные, добрые чувства, лучшие качества, которые в повседневной суете человек не замечает в себе самом. Именно природа противостоит навязываемой искусственности, политической направленности творчества и олицетворяет собой естественность и духовную «невинность», которую поэты всегда ставят во главу своего творчества. Например, Хань Дун передает и свой личный опыт (согласно убеждению, что только личный опыт автора значим для поэзии): выросший в деревне, он как нельзя более близок природе. Поэтом также часто описывается простая, бедная, одинокая сельская жизнь и то, каким образом эта близость с природой изменила его. Возможно, Хань Дун вспоминает о своем детстве: ведь он был оставлен родителями в деревне, а затем он больше не возвращался туда, т.к. учился и работал в городе.

*Моя одинокая сельская жизнь
Она стала в моей жизни нежной частью
Каждый раз, как вдруг придет тоска
Дуновение ветра сразу спасает меня
<<...>>
Вернуть бы все так же легко, как брать мотыгу
Только больше я не могу пожать чего-либо
Не могу повторить ни движения даже
Здесь навсегда в груди какая-то печаль
Как та, когда крестьянин плачет по посевам*

«Нежная часть»

Здесь прослеживается преемственность китайской традиции – «тоска по природе родного края», т.е. «природа» как олицетворение истоков человеческой жизни, колыбели «невинности» человеческой души. Автором используются метафора «нежная часть» («温柔的部分») – ведь именно пора детства обычно связана с радужными воспоминаниями, несколько идеализируется и романтизируется, именно «природа» есть «нежная часть» человеческого бытия.

С другой стороны, поскольку поэты группы «Они» являются представителями именно городского населения, в их творчестве сильно осознание удаленности современного человека от природы, понятия «человек» и «природа» не обнаруживают былой близости, характерной для классической поэзии Китая:

*Пара голубей в бело-золотом свете солнца
Деревья на улице
Горы на краю света
И пара голубей в тесном свете полуденного солнца
Я один сижу дома
Вижу за открытой дверью балкона
Пару голубей в дремотном свете солнца
Они черные неспешно парят
Они летят ко мне как глубокая ночь после дождя веет холодом*

«Голуби»

«Природа» также является противопоставлением понятию суетности. Поэт наслаждается безмятежной естественностью и отрешенностью от человеческого общества, – это, пожалуй, то единение с естественностью, к чему стремятся поэты. Однако автор не вмешивается в естественный ход событий, – он как бы огражден от нее стенами своего дома, и за красотой «природы» может лишь наблюдать со стороны. Поэт осознает безнадежную отдаленность человека от «невинности» природы, и уже не стремится имитировать ее, а смиряется со своим положением – такое принятие всего как раз является одной из характерных черт поэзии группы «Они». Следует отметить богатую палитру средств художественной выразительности, подчеркивающей естественность, безмятежность и красоту «природы»: эпитеты «бело-золотой», «тесный», «дремотный», анафора «пара голубей», поток сознания («деревья на улице / горы на краю света»), отсутствие аллегорий, цитат и аллюзий.

Юй Цзянь также в своих стихах признает неизбежное отдаление современного человека от «природы»:

*Птица укрылась от дождя на моем балконе
Синяя птица мелко скачет
Нежный огонек
Мечтаю что она залетит в мой дом
Не скажу что с каким-то умыслом
Я насыпал немного зерна и разок чирикнул
Синяя птица посмотрела на меня посмотрела на ливень
Дождь все усиливался молнии мокро опускались
Синяя птица внезапно вспорхнула скрылась за грозой
Вздрыгнул от холода будто угас не тот огонек
А моя душа*

«Птица, укрывшаяся от дождя»

«Природа» являет собой хрупкость, нежность, мимолетность (метафора «нежный огонек»). Автор предпринимает какие-то попытки к сближению, однако это стремление приблизиться к естественной красоте и подражание ей («насыпал немного зерна и разок чирикнул») не дает единения с природой, а наоборот отпугивает птицу, и она улетает. Поэту кажется, что его «душа» «угасла», т.к. он осознает, что сам, как и человеческое общество в целом, уже утратил природную естественность и может лишь пытаться имитировать ее, но это лишь еще больше отдаляет человека от «природы».

В отличие от Юй Цзяня тот же Хань Дун выражает смирение с удаленным от природы положением человека:

<<...>>

*Как улитка в своей раковине
Я, лишь в паре цзиней от травы
С весенним ветром я бранным телом становлюсь
Люблю я другое – красивое брнное тело*

«Прекрасные дни»

В пропорции со всем миром один автор со своим личным мирком мал, «как улитка в своей раковине», и от бранных проблем он не может отстраниться, его душа не может улететь от грязи повседневности, оттого и «я, лишь в паре цзиней» от земли, где все брнно. И от соприкосновения с природой ощущается брнность людского существования, брнность людского тела. Но в этом брнном теле есть и своя красота, и свой смысл, за которую автор и любит его.

Основным способом поэтической интерпретации концепта «природа» являются базовые метафоры, раскрытие и анализ данного концепта позволяет не только эксплицировать его, но и метафорически осмыслить и представить поэтическую картину мира.

Авторские интерпретации исследуемого концепта во многом определяются не только характеристиками переходной эпохи, стремлением к «индивидуальному творчеству», но и переосмыслением традиционных национальных представлений об отношениях «человек-природа», о связи природы с определенными состояниями человека.

Литература

1. Азиатская медь: антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2007.
2. Таджибаева А.А. Понятие концептуальной метафоры: http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69429_doc.htm
3. 韩东. 韩东散文(Han Dong's sanwen). 北京: 中国广播电视出版社, 1996.
4. 2005年中国诗歌精选 / 中国作家协会创研部编选: 长江文艺出版社, 2006.

Шушлебина А.В.

преподаватель кафедры русского и иностранных языков и методики их преподавания в начальной школе
ФГОУ ВПО «Мичуринский государственный педагогический институт»

ТЕМА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПОВЕСТИ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.С. ШМЕЛЕВА

В критической литературе о И.С.Шмелеве нет подробного рассмотрения взаимоотношений героев в повести, а здесь, в «Лето Господне», калейдоскоп жизни. Все внимание писатель сосредотачивает на человеке и человеческом в нем, на человеческих отношениях в земном бытии автор яркими мазками раскрывает душу русского человека.

В «Лето Господне» много проникновенных страниц посвящено отцу. «Важнейшая роль в книге принадлежит отцу рассказчика Сергею Ивановичу» [1, с. 107], – замечает В.В. Агеносов. К этой мысли критика можно добавить слова Л.П. Кременцова: «Центральный мотив» поведения – «тема отцовства и земного, и небесного.» [3, с.93]

Истоки доминирования образа отца в творчестве И.С.Шмелева находим в его переписке с друзьями, а также в воспоминаниях современников. В.Н. Муромцева – Бунина отмечает в дневнике от 16 февраля 1929 года: «Шмелев рассказывал, как его пороли, веник превращался в мелкие кусочки. О матери он писать не может, а об отце – бесконечно.» [4, с.126]

В повести изображены эпизоды общения двух героев отца и сына, которые свидетельствуют о таких методах воспитания человека, как личный пример и беседа. Отец говорит Ванечке о необходимости трудиться не только физически, но и духовно, будучи сам человеком в характере, которого «сочетается деловитость с бескорыстием, удаль с христианским смирением».

В композицию повести включен диалог между Сергеем Ивановичем и его сыном, в котором звучит следующее высказывание: «Чего тебе? – спрашивает строго. – Не мешай. Возьми молитвенник, почитай... Нечего тебе слонов продавать, учи молитвы!» [5, с.124]

«Сам Сергей Иванович «суете земной» предпочел бы возиться в саду, зажигать в доме лампы, напевая свое любимое «кресте Твоему поклонимся, Владыко... и Святое Воскре-се-ние Твое... сла-а-авим», [1, с.107] - пишет В.В. Агеносов.

Папа наставляет ребенка, советует ему быть щедрым, помнить о ближнем. Психолог Ф.С. Немов, пишет, что родители (отец, мать) не ведая даже иногда того, оказывают влияние на тип поведения детей, их отношения к окружающим событиям.

«Отец считает. Говорит – не мешай, сам придумай...»

Отец говорит: Хо-рош гусь... нечего сказать он [Горкин] всегда за тебя горой, а ты и к именинам не озаботился... хо-рош.

- Мне стыдно...

Двигает креслом и отпирает ящик. Так и не надумаешь ничего?.. – и вынимает из ящика новый кошелек, а я – в кошелек!..

- Скажешь ему: «А золотенький орешик...от меня с папашенькой, нераздельно...так тебя вместе любим.» [5, с.259]

Ответный отклик в душе героя находит упрек отца «ты и к именинам не озаботился... хо-рош», говорящего с любовью и желанием помочь сыну в трудную минуту. Отдельным абзацем внесено предложение, раскрывающее психологическое состояние героя: «Мне стыдно...».

На протяжении повести предстает Сергей Иванович перед нами человеком, бережно относящимся к птицам и растениям. По-детски умеет радуется отец Ванечки пению жаворонка. «Отец привстает и поднимает палец; лицо его сияет.

- Запел!..

Отец становится на стул, заглядывает в клетку и начинает подсвистывать». [5, с.164] Искренняя Любовь героя повести к окружающему миру передается и сыну. «Отец замечает, что и я здесь и поднимает к жаворонку, но я ничего не вижу». Отец порывом

своей радости хочет поделиться с сыном. Этот поступок раскрывает умение отца видеть рядом ребенка, умение проявить к нему внимание, желание поделиться с мальчиком самым сокровенным и дорогим сердцу. Ведь целый год ждал Сергей Иванович пение жаворонка. Время, проведенное рядом с близким человеком, надолго остается в памяти человека.

В «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский в трогательной «речи у камня» Алеша говорит такие проникновенные слова: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, светлое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспоминание и есть. Если много набрать таких воспоминаний собой в жизнь, то спасен человек на всю жизнь». [2, с.]

Между отцом и сыном существует особый язык, понятный только им двоим. «Он теребит меня за щеку», [5, с.192] – это знак внимания, ласки от «папашечки». Это движение успокаивает ребенка, является сигналом того, что все в порядке у отца. Мальчик скорбит: «Так его [папу] все расстроило, что и не ущипнул за щеку». [5, с.145]

Духовная взаимосвязь Ванечки и Сергея Ивановича раскрывается и в этюде посещения мальчиком кабинета отца, когда хозяин дома болел. Сыну хотелось отыскать то главное, «самое важное – от папашеньки».

«Поцеловал стертый, блестящий краешек, холодного стремя». Все перетрогал я... - и вдруг, увидел, под иной песочницей из стекла, похожего на мраморное мыло, мой цветочек, мой первый «желтик», сорванный в саду, еще до Пасхи... вспомнил как подбежал к отцу... Он взял понюхал – и положил под песочницу... я взял осторожно засохший «желтик», поднес к губам». [5, с.303] Трогательный жест - поцелуй передает отношение героя к отцу. Это внешнее движение раскрывает любовь к ближнему и переживание. Из всего перечня видимых вещей в комнате, мальчику ближе всего к сердцу становится цветок.

Отец, находясь при смерти, вспоминает об этом же цветке. «Матушка рассказала, как он [отец] сказал ей: «Ванятка любит «желтики»». [5, с. 345]

Концентрация внимания героев (отца и сына) на расстоянии на один и тот же предмет – цветок «желтик» символизирует единение душ навечно. «Желтики» - первые цветы, появляющиеся весной. Весна – пробуждение, знак вечной жизни природы. Психологи В.С. Лобзин и М.М.Решетников предлагают «учитывать воздействие цвета на психоэмоциональное состояние человека». Желтый цвет вызывает ощущение отвлеченности, релаксации. Так и этот цветок, апеллируя к прошлым событиям, заставляет перенестись мыслями в другое «измерение», и там соединится навсегда.

Незабываема сцена заботы отца о сыне. «Уж прошусь с ним [на ледоколы], а он отмахивается: «Некому за тобой смотреть, и поди зашибут, и под лед осклизнуться можешь. И мужики ругаются...нечего тебе там делать». Через слова и действия проявляется любовь к ребенку.

«В возрасте шести – семи лет закладываются самые фундаментальные основы детской души, самые глубокие побуждения, и именно это есть время погруженности детской души вглубь семьи», -говорят многие психологи.

По воспоминаниям племянницы писателя, Ю.А.Кутыриной, «с Пушкиным Шмелев не расставался никогда: «Помню еще портрет над письменным столом писателя, конечно, Пушкин всюду он с ним, - перед ним, и в зарубежье! Так чтит его и любил дядя Ваня...». Пушкин всегда был рядом.» [4, с.135]

Стихотворения А.С. Пушкина о Москве звучат на страницах повести. Эту любовь к великому писателю впитал Иван Сергеевич от отца, часто читавшего стихотворения наизусть. Ванечка видит, как «из уважения к национальной святыне берет отец подряд на строительство трибун к открытию памятника Пушкину». [5, с.176]

Такой композиционный прием повести, как антитеза атмосферы дома Шмелевых и Александра Кашина проявляется в поведении их сыновей: Вани и Данилки.

«Пробегает Данька, - дерг меня за башлык, за маковку и свалил», - это первое описание о персонаже. Что-то жестокое, дерзкое проявляется в поведении ребенка. Характеристика движений помогает вскрыть те душевные качества, которые доминируют у Даньки. Через некоторое время «опять пробегает Данька и тащит меня за курточку в «классную...». Данька оборвал кренделек-шнурок на моей новой курточке, ... толкает меня и кричит: «Я сильнее тебя!» на-левую выходи!» [5, с. 286] Вот смысл жизни Даньки: раз я сильнее, то мне все дозволено. Здесь проявляется нездоровая вера во всемогущество физической силы.

Сын Кашина ведет себя бесцеремонно, не соблюдая простейших правил этикета: кричит, хотя должен был проявить уважение, любовь к своему родственнику – мальчику Вани, который младше, но он даже не почитает старших; свою гувернантку «дразнит языком – «зы-зы-зы!»»

Так же относятся к своим подчиненным и Кашин Александр, отец Даньки. Обращаясь к пожилому человеку, Горкину, говорит: «Жив еще старый хрыч? А твой умник < отец Ванечки > у балушки все?.. Ледяную избу выдумал?» «Кашин все говорит: народишко балует! смеется: не деловой папашенька». [5, с.293]

«Дом богатый, а сидеть в нем холодно», - замечает Горкин. Метафорично название главы «Ледяной дом», в которой описывается встреча двух ребят. Оно переносится на душевное состояние персонажа. «Холодом души» веет от него.

В раскрытии темы семьи И.С. Шмелев использует разные композиционные элементы: пейзаж, портрет. Особое место занимает лейтмотив контрастности семейного воспитания, который реализован в изображении двух детей, их поведении, речи, отношении к окружающим людям. И.С. Шмелеву свойственно православное мировосприятие, именно духовные заветы наших предков должны быть переданы последующему поколению, и на них должно основываться воспитание.

Литература

1. Агеносов В.В. Самый русский из писателей / В.В. Агеносов Литература Russkogo зарубежья – М.: Тера, спорт, 1998. с. 92-115.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. _ М.: ЗАО Изд-во Эско-пресс, 2001. 800 с.
3. Русская литература XX века: учеб . пособие: В 2т. – Т.1.1920-1930/ под ред. Л.П. Кременцова. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 496 с.
4. Шмелев Ив.: отражение в зеркале писем: из франц. архива писателя// Наше наследие. – 2001. - №56\60 – с. 122 – 149.
5. Шмелев И.С. Избранные сочинения: В 2т. – Т.2; Богомолье. Лето Господне.- М.: Литература, Вече, 2001. – 528 с.

E.I. Trubayeva

Candidate of philological science, Belgorod State University

TO THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF NOTIONS IN MODERN COGNITIVE LINGUISTICS

Annotation

The article deals with the peculiarities of differentiation of such notions as “frame”, “concept”, “script”, “slot” in cognitive linguistics. The analysis reveals that the storage and possibility of using of information are caused by the frame language structures representing a kind of «narration concentrates», the contexts of encyclopedic type expressing the maximum knowledge of a situation, presented in the symbolical coding on the certain basis. So the interpretation and verification of the axiological bases of frames may contribute to better understanding of any fiction.

Key words: concept, frame structure, coding, slot.

Ключевые слова: концепт, фреймовая структура, кодирование, слот.

At the end of the XX century linguistics has gained the nature of a metadiscipline. Methods of linguistics are widely used not only in sciences of a humanitarian cycle: philosophies, psychology, cultural science, but also in natural, and also in the exact sciences. So the scientists who work within the corresponding directions, enrich linguistics, expanding possibilities of the researchers in the sphere of the analysis of the text. In

particular, cognitive science was affected, first of all, by works of the programmers, who study the problem of artificial intelligence. Linguistics operating in the analysis of the text with concepts, symbols and signs, has also accepted such terms as frame, script, slot and topic.

In this regard invaluable contribution to cognitive linguistics was made by the scientists developing the artificial intelligence direction. The term "frame" was offered by M.Minsky in his work «Frames for representation of knowledge». According to the author, any "intelligent" behavior of any artificial system demands the existence of a specially organized model of the world within it: «The knowledge must be embodied in some form of mechanism, data-structure, or other representation» (Minsky 1991: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/SymbolicVs.Connectionist.html>). Knowledge in a frame is stored in the substructures, therefore represented in «stereotypic situations».

Linguists have started paying special attention to the development of the semantic and semiotics directions. M.Minsky's terms — frame, slot, script, a semantic network, transframe, a frame picture — have received the second life in cognitive linguistics. T.A.Van Deyk, for example, writes about cognitive frames, using which as the conceptual devices, cognitology should «offer an explanation of our ability to make and understand speech acts, and also to "influence" this understanding» (Deyk 1989: 13).

Short, but the exact review of the term "frame" in modern cognitive science was presented by V.Z.Demyankov in «The short dictionary of cognitive terms». The scientist doesn't give the definition of "frame", but naturally refers to other researchers arguing (J. Hayes, L. Flower) that this term "frame" is at the same time a set of assumptions of formal language using for expressing knowledge (Demyankov 1996: 187).

I.A.Sternin considers frame to be a Gestalt version – the functional structure of a complex type combining sensual and rational, dealing with mixed type of coding information (Sternin 2000: 57).

We share U.Eco's point of view on a frame problem where frame is described as the representation of «encyclopedic knowledge» of a situation in special structures where all the components are connected among themselves. U.Eco comes to a conclusion that frame, thus, is «already potential text or a narration concentrate», but specifies that «the same it is possible to tell and about the separate sememe presented in the encyclopedia» (Eco 2005: 42).

The majority of the scientists developing the theory of frames, agree that it is very difficult, and sometimes even impossible for the recipients of information to isolate the correct word meaning in a peculiar information vacuum — out of access to a context of encyclopedic type, to all knowledge relating to this word. Ability of decoding, on the one hand, is caused by social factors, and, on the other, - by specific features of the recipients' perception of the situation. The frames, thus, represent a coherent structure of the interconnected concepts.

We define the term "frame" as a structure of data which serves for representation of the stereotypic situations, organized round a certain concept. The numbers of different frames, in our opinion, are crossed, and updating of this or that concept depends on the focus of attention of the subject.

The frame is set by TOPIC which the western linguists define as text «aboutness» (Beghtol 1986, Campbell 2000). «In themselves, thematic progression and semantic progression tell us nothing about the topic of a text as a whole. A distinction can be drawn between the extensional aboutness of a text and its intentional aboutness. The former is defined by the topics of component parts of a text, topics of its paragraphs, sections, chapters, etc. The latter is the topic of the text as a whole, representing something more than the topics of its parts» (Hutchins 1977: 25).

Any frame, as it was stated, consists of SLOTS. The term "slot", as well as "frame", was taken from the sphere of researches on artificial intelligence. It is supposed that frame as the structure representing knowledge, stores information units in cells — slots.

We accept the definition of slot as cells based on a maximum of grammatical categories. In this case, in our opinion, the frame represents the maximum volume of knowledge of a situation which is expressed, first of all, lexically and is connected in an associative and grammatical way. All set of frames, thus, we began to understand as a language picture of the world.

Any frame can be expressed in various SCRIPTS. Unlike frame structures, «the script shows frame development in time» (Baranov 2001: 18). The script, thus, represents a frame option. It is momentary, that is its updating depends on decisions which are accepted by the recipient, choosing a relevant topic, and also from features of a conceptual paradigm of the recipient.

The script, in our opinion, is structured as a plot from slots of the general and this frame depending on the topics chosen by the recipient/reader.

We accept the definition of script as one of possible options of realization of a frame structure, representing this or that CONCEPT.

I.A.Sternin notes a dynamic role of concepts which «incorporates to other concepts and makes a start from them» (Sternin 2000: 58). V.I.Karasik allocates such type as a lingvocultural concept considering that it has a brightly expressed axiological component, especially significant for the individuals and society (Karasik 2001: 77).

In our opinion, the formation of concept in a frame structure occurs as follows: for the first time the perceived phenomenon is designated by a word, but also other words which were used at its description, form, in our terminology, a connotative loop round a concept kernel.

Thus, we define the term «concept» as semantic capacity of a notion with its connotative loop, that is the "checked" experience of a certain cultural group concerning this notion, fixed in the dictionary, and personal experience. The manifestation of this or that concept in a frame depends on the focus of attention of the subject.

The concepts which are based on the axiological grounds, make the IDEAL FRAME. Changing value components in slots of this type of frame, changing the developed stereotypic scripts, it is possible to change all axiological background of a subject/recipient/reader.

In our opinion, the analysis of considered above terms, will lead to correct research of such phenomena, as text potential, its polysemy and game structure.

References

1. Hutchins, W.J. On the Problem of 'Aboutness' in Document Analysis//Journal of Informatics, vol.1, no.1, April 1977, pp.17-35.
2. Minsky, M./M. Minsky//The Emotion Machine. - 2005. - <http://web.media.mit.edu/~minsky/eb8.html>
3. Baranov, A.N. Introduction to applied linguistics. M: Editorial of URSS, 2001.- 123 p.
4. Van Deyk, T.A. Language. Knowledge. Communication. - M: Progress, 1989. - 312 p.
5. Demyankov, V. Z. Frame//Short dictionary of cognitive terms / Kubryakova E.S., Demyankov V. Z., Pankraz Yu.G., Luzin L.G. - M: Philological faculty of the Moscow State University, 1996.- P. 187-189.
6. Karasik, V.I./V.I.Karasik //Lingvocultural concept as a research unit//Methodological problems of cognitive linguistics. - Voronezh: 2001. - P. 75 — 79.
7. Sternin, I.A. Concepts and lacunas//Language consciousness: formation and functioning. M, 2000.- P. 55-67.
8. Eco, At. / U.Eco//Role of the reader. Researches on text semiotics. - St. Petersburg: "Symposium", 2005. - 502 p.

Для заметок